

2023 № 1

ВЕСТНИК Института востоковедения РАН

ISSN 2618-7302

ВЕСТНИК

Института востоковедения РАН

1(23)
2023

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВЕСТНИК

Института востоковедения РАН

2023

1 (23)

Журнал выходит четыре раза в год

Основан в феврале 2018 года

Москва

ISSN 2618-7302

Периодическое издание

DOI: 10.31696/2618-7302-2023-1

Рецензируемый научный академический журнал

Учрежден Ученым советом Института востоковедения Российской академии наук
Зарегистрирован в Национальном центре ISSN Российской Федерации

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИ № ФС 77-79902 от 18.12.2020

Главный редактор

доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН
Е. Ю. Ванина

Редакционная коллегия

А. В. Акимов	А. С. Десницкий	Д. В. Микульский
Л. Б. Алаев	А. Ю. Другов	Д. В. Мосяков
Ю. Г. Александров	Д. В. Дубровская	В. Н. Настич
А. К. Аликберов	А. О. Захаров	В. В. Наумкин
В. М. Алпатов	Т. А. Карасова	К. В. Орлова
С. Э. Бабкин	Е. Л. Катасонова	С. А. Панарин
А. Г. Белова	А. И. Кобзев	Н. И. Пригарина
В. Я. Белокреницкий	В. А. Кузнецов	Н. Г. Романова
С. А. Бурлак	Ю. В. Любимов	А. В. Сарабьев
А. В. Воронцов	Н. М. Мамедова	В. Н. Саутов
А. В. Демченко	С. Е. Малых	Т. А. Шаумян

Верстка текста и дизайн обложки номера

И. В. Федулов

На обложке: Портреты Богдо-гэгэна VIII и Николая II с гербами Монголии и Российской империи

© ФГБУН ИВ РАН, 2023

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения Института востоковедения РАН, редколлегии и редакции журнала. Редакция не несет ответственности за точность и достоверность сведений, приводимых авторами.

E-mail: vestnikivran@yandex.ru

ФГБУН Институт востоковедения Российской академии наук
107031, Москва, ул. Рождественка, 12

FEDERAL STATE BUDGET INSTITUTION OF SCIENCE
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

JOURNAL
of the
Institute of Oriental Studies RAS

2023

1 (23)

Published quarterly

Founded in February, 2018

Moscow

ISSN 2618-7302

Peer-reviewed academic journal

DOI: 10.31696/2618-7302-2023-1

The journal was founded by the Academic Council of the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences

Registered in the ISSN National Agency of the Russian Federation: ISSN 2618-7302

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media
(Roskomnadzor) Certificate of mass media registration: ПИ № ФС 77-79902 dated 18.12.2020

Editor-in-Chief

Dr Eugenia Vanina

Editorial Board

A. V. Akimov

L. B. Alaev

Y. G. Aleksandrov

A. K. Alikberov

V. M. Alpatov

S. E. Babkin

A. G. Belova

V. Y. Belokrenitsky

S. A. Burlak

A. V. Vorontsov

A. V. Demchenko

A. S. Desnitskiy

A. Y. Drugov

D. V. Dubrovskaya

A. O. Zakharov

T. A. Karasova

E. L. Katasonova

A. I. Kobzev

V.A. Kuznetsov

Y. V. Lyubimov

N. M. Mamedova

S. E. Malykh

D. V. Mikulskiy

D. V. Mosyakov

V. N. Nastich

V. V. Naumkin

K. V. Orlova

S. A. Panarin

N. I. Prigarina

N. G. Romanova

A. V. Sarabyev

V. N. Sautov

T. L. Shaumian

Design text and cover

Ilia Fedulov

On the cover: Portraits of the 8th Bogdo Gegen and Nicholas II with the coats of arms of Mongolia
and the Russian Empire

© Editorial Board, Journal of the Institute of Oriental Studies, 2023

The opinions of the contributors may not necessarily coincide with the views of the Institute of Oriental
Studies, Russian Academy of Sciences, Editor and Editorial Board of the Journal. Editorial Board bears no
responsibility for the accuracy and veracity of the information presented by the authors.

E-mail: vestnikivran@yandex.ru

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

12, Rozhdestvenka str., Moscow, Russia, 107031

Опубликованные в журнале «Вестник Института востоковедения РАН» статьи прошли процедуру анонимного рецензирования и экспертного отбора.

Научное содержание публикаций, наименование и содержание разделов соответствуют требованиям к рецензируемым научным изданиям Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты на соискание ученой степени доктора наук и кандидата наук по следующей группе научных специальностей:

5.5. Исторические и политические науки

5.5.1. История и теория политики

5.5.4. Международные отношения

5.6. Исторические науки

5.6.2. Всеобщая история

5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования

5.6.7. История международных отношений и внешней политики

5.9. Филологические науки

5.9.2. Литературы народов мира

5.9.6. Языки народов зарубежных стран

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	10
<i>С. А. Кузьмин.</i> Русско-Монгольское соглашение 1912 г. и международно-правовой статус Монголии	11
<i>В. В. Грайворонский.</i> Место Русско-Монгольского соглашения 1912 г. в истории российско-монгольских отношений	36
<i>О. Батсайхан.</i> Русско-Монгольское соглашение 1912 г. и роль русского уполномоченного в его подготовке	48
<i>Б. Х. Кушхов.</i> Историческое значение Соглашения 1912 г. как первого международного договора Монголии в современную эпоху	64
<i>С. А. Кузьмин.</i> Международная реакция на Русско-Монгольское соглашение 1912 г.	69
<i>Е. П. Лиштованный.</i> Роль Восточной Сибири в установлении договорных отношений с Монголией	92
<i>У. Б. Баркманн.</i> Геополитические рамочные условия для заключения Русско-Монгольского соглашения 1912 г. Реконструкция на основе документов Министерства иностранных дел (Auswärtiges Amt) Германии	99
<i>М. М.-Б. Харунова, Р. Ш. Харунов.</i> О тувинцах в Кобдинском сражении 1912 г.: век спустя	116
<i>К. В. Орлова.</i> Западно-монгольские монастыри в начале XX в.	127
<i>С.-Х. Д. Сырттынова.</i> О состоянии и внешних связях буддийских монастырей Российского Забайкалья на рубеже XIX–XX вв. (на примере Эгитуйского дацана и истории Зандан Жуу)	133
<i>А. В. Курас, Б. Д. Цыбенков.</i> Рукопись из ГАИО «Историческая справка о непрочности политического положения Хулунбуира» как источник по истории взаимоотношений Внешней Монголии и Хулун-Буира в 1912–1915 гг.	150
ДОКУМЕНТЫ И ПУБЛИКАЦИИ ПО РУССКО-МОНГОЛЬСКОМУ СОГЛАШЕНИЮ 1912 г.	
Русский текст Русско-Монгольского соглашения и протокола 1912 г. в современной русской орфографии	161
Монгольский текст Русско-Монгольского соглашения и протокола 1912 г. на монгольской кириллице	166
Особый журнал Совета министров 15/2 августа 1912 г. № 472. 15/2 августа 1912 г. № 472. По вопросу о заключении соглашения с Ургинским Хутухтой и князьями Халхи	170
Позиции сторон перед подписанием Русско-Монгольского соглашения 1912 г.	175

Декларация И. Я. Коростовца после подписания Русско-Монгольского соглашения 1912 г.	177
Статья Б. Э. Нольде о международном положении Монголии к 1915 г. и о переговорах между Россией, Китаем и Монголией	178
Перевод некоторых китайских прокламаций против Русско-Монгольского соглашения 1912 г.	196

CONTENTS

Preamble	10
<i>Kuzmin S. L.</i> The 1912 Russo-Mongolian Agreement and International Legal Status of Mongolia	11
<i>Grayvoronskiy V. V.</i> The Place of Russian-Mongolian Friendship Agreement of 1912 in the History of Russian-Mongolian Relations	36
<i>Batsaikhan Ookhnoi.</i> Russo-mongolian Agreement in 1912 and the Role of Russian Plenipotentiary its Preparation	48
<i>Kushkbov B. Kb.</i> The historical significance of the 1912 Agreement as the first international treaty of Mongolia in the modern era	64
<i>Kuzmin S. L.</i> International Reactions to the 1912 Russo-Mongolian Agreement	69
<i>Lishtovanny E. I.</i> Role of Eastern Siberia in the Establishment of Contractual Relationships with Mongolia	92
<i>Barkmann U.</i> Geopolitical Framework Conditions for the Conclusion of the Russo-Mongolian Agreement of 1912. Reconstruction Based on Documents of the German Foreign Office	99
<i>Kharunova M. M.-B., Kharunov R. S.</i> Data on the Tuvans in the Battle at Khovd in 1912: a century later	116
<i>Orlova K. V.</i> Western Mongolian monasteries at the beginning of the XX century	127
<i>Syrtypova S.-Kh.D.</i> On the State and External Relations of Buddhist Monasteries in Transbaikalia of Russia at the turn of the 19 th – 20 th centuries (on the example of Egituiskii datsan and history of Zandan Juu)	133
<i>Kuras L. V., Tybenov B. D.</i> Manuscript from the State Archives of the Irkutsk region «Historical information about the fragility of the political situation of Hulunbuir» as a source on the history of relations between Outer Mongolia and Hulun-Buir in 1912–1915	150
DOCUMENTS AND PUBLICATIONS ON THE RUSSO-MONGOLIAN AGREEMENT OF 1912	
Russian text of the Russo-Mongolian Agreement and Protocol of 1912 in modern Russian orthography	161
Mongolian text of the Russo-Mongolian Agreement and Protocol of 1912 in the Cyrillic Mongolian script	166
Special Journal of the Council of Ministers on August 15/2, 1912, no 472 On the question of entering in agreement with the Khutuktu of Urga and princes of Khalkha	170
Positions of negotiating parties before signing the 1912 Agreement	175

Declaration by I.Ya. Korostovets after signing the Russo-Mongolian Agreement of 1912	177
Paper by B.E. Nolde on the international status of Mongolia to the year 1915 and on negotiations between Russia, China and Mongolia	178
Russian translation of some Chinese proclamations against the Russo-Mongolian Agreement of 1912	196

ПРЕДИСЛОВИЕ

21 октября 2022 г. в Институте востоковедения Российской АН прошла международная конференция «Русско-Монгольское соглашение 1912 г.: к 110-летию подписания первого соглашения между Российской империей и государством Монголия», организованная Институтом востоковедения РАН и Институтом международных исследований Монгольской АН.

Русско-Монгольское соглашение, подписанное 3 ноября (21 октября по старому стилю) 1912 г. в столице Монголии Нийслэл-хурэ (Урге) полномочными представителями Монголии и России – первое международное соглашение, заключенное Монголией после провозглашения ею независимости в 1911 г. Данным соглашением Российская империя официально признала Монголию и ее правительство. Оно заложило основы межгосударственных российско-монгольских отношений.

На конференции были рассмотрены следующие вопросы: международное и внутреннее положение России и Монголии в период заключения соглашения 1912 г.; причины и обстоятельства его заключения; статус Монголии до и после заключения данного соглашения; политические, экономические, военные, духовные и культурные связи России с Монголией в тот период; источники, историография и трактовки соглашения и его значение для развития государственности Монголии, а также отношений между Россией, Монголией и Китаем.

Конференция проводилась в смешанном (очном и дистанционном) формате. Всего в ней приняли участие 25 человек, было заслушано 16 докладов исследователей из Института востоковедения РАН, Института международных исследований Монголии, Национального музея им. Алдан-Маадыра Республики Тыва, Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Восточно-Сибирского университета технологий и управления (Улан-Удэ), Бурятского государственного университета. На конференции присутствовал представитель посольства Монголии в России.

Конференция показала растущий интерес к обсуждавшимся вопросам, а также важность комплексного изучения внутреннего и международного положения Монголии в период становления ее независимости и международного признания государственности.

В данном выпуске журнала представлен ряд статей, документов и материалов по тематике состоявшейся конференции.

В. В. Грайворонский, С. А. Кузьмин, К. В. Орлова

DOI: 10.31696/2618-7302-2023-1-011-035

РУССКО-МОНГОЛЬСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ 1912 г. И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС МОНГОЛИИ

© 2023

С. А. Кузьмин¹

Обсуждается динамика международно-правового статуса Монголии в связи с заключением Русско-Монгольского соглашения 1912 г. Ранее Монголия никогда не была частью Китая и в период существования империи Цин представляла собой разрозненные владения, в основном находившиеся в вассальной зависимости от императоров маньчжурской династии Айсинь Гйоро. Провозглашение независимости Монголии в 1911 г. было легитимным актом, тогда как включение монгольских земель в состав Китайской республики было нелегитимно. Ко времени заключения соглашения 1912 г. при всех различных подходах российской и монгольской сторон их главные интересы сходились в том, что Монголия не должна была колонизироваться китайцами и китаизироваться, провозглашенная ею независимость и самоуправление должны были в той или иной форме сохраняться с опорой на развитие отношений между Монголией и Россией. Русско-Монгольское соглашение 1912 г. явилось результатом взаимных компромиссов российской и монгольской сторон во время переговоров. По содержанию, способу выработки и заключения это был документ о признании независимого государства, каковым его справедливо считали монголы. Его подписанием Россия признала договороспособность и международную правосубъектность Монгольского государства. Русско-Китайская декларация 1913 г. и трехстороннее Китайско-Русско-Монгольское Кяхтинское соглашение 1915 г., пришедшее на смену Соглашению 1912 г., инкорпорировали ряд положений последнего. Соглашение 1915 г. также признавало государственность Монголии и ее автономно под чисто формальным сюзеренитетом Китая. В 1919 г. в результате нелегитимной отмены Китаем автономии Внешней Монголии она приобрела статус оккупированного государства. Барон Р. Ф. Унгерн в 1921 г. освободил Внешнюю Монголию от оккупации и восстановил ее независимость. Этот статус сохранялся и у МНР до 1946 г., после чего пришло широкое международное признание независимости государства Монголия. Но основу статуса современной Монголии как независимого государства заложило именно Русско-Монгольское соглашение 1912 г., санкционированное двумя монархами — России и Монголии.

Ключевые слова: Русско-Монгольское соглашение 1912 г., международное право, международные договоры, независимость, самоопределение, Россия, Монголия, Китай

Для цитирования: Кузьмин С. А. Русско-Монгольское соглашение 1912 г. и международно-правовой статус Монголии. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 1. С. 11–35. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-1-011-035

¹ Кузьмин Сергей Львович, доктор исторических наук, кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Кореи и Монголии Института востоковедения РАН, Москва; ipe51@yahoo.com

Sergius L. Kuzmin, D. Sc. (Hist.), Ph.D. (Biol.), Principal Research Associate, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; ipe51@yahoo.com
ORCID: : 0000-0001-9544-1359

THE 1912 RUSSO-MONGOLIAN AGREEMENT AND INTERNATIONAL LEGAL STATUS OF MONGOLIA

Sergius L. Kuzmin

The dynamics of Mongolia's international legal status is discussed in connection with the conclusion of the 1912 Russo-Mongolian Agreement. Previously, Mongolia had never been a part of China, and during the existence of the Qing Empire she represented scattered possessions, mostly in vassalage to the emperors of the Manchu dynasty Aisin Gyoro. The proclamation of Mongolia's independence of 1911 was a legitimate act, while the inclusion of Mongolia into the Republic of China was illegitimate. By the time of conclusion of the 1912 Agreement, despite all differences in approaches of the Russian side and the Mongolian side, their main interests converged in the need for Mongolia's self-dependence: Mongolia should not have been colonized by the Chinese and never sinicized, the independence and self-government proclaimed by Mongolia should have been preserved in any form based on the development of relations between Mongolia and Russia. The 1912 Russo-Mongolian Agreement was the result of mutual compromises between Russian and Mongolian sides during negotiations. In terms of content, method of elaboration and conclusion, it was a document on the recognition of an independent state, which the Mongols legitimately considered it to be. By signing this Agreement, Russia recognized the international legal capacity and legal personality of the Mongolian state. The Russo-Chinese Declaration of 1913 and the tripartite Chinese-Russian-Mongolian Kyakhta Agreement of 1915, which replaced the Agreement of 1912, incorporated a number of provisions of the latter. The 1915 Agreement also recognized the statehood of Mongolia and her autonomy under the formal suzerainty of China. As a result of China's illegitimate abolition of the autonomy of Outer Mongolia in 1919, Mongolia acquired the status of an occupied state. Baron R. F. Ungern-Sternberg in 1921 liberated Outer Mongolia from occupation and restored its independence. This status was maintained by the Mongolian People's Republic until 1946, after which her independence was widely recognized internationally. But the basis for the status of modern Mongolia as an independent state was laid by the 1912 Russo-Mongolian Agreement sanctioned by the monarchs of Russia and Mongolia.

Keywords: 1912 Russo-Mongolian Agreement, international legislation, international agreements, independence, self-determination, autonomy, Russia, Mongolia, China

For citation: Kuzmin S. L. The 1912 Russo-Mongolian Agreement and International Legal Status of Mongolia. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2023. 1. Pp. 11–35. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-1-011-035

В 2022 г. было отмечено 110-летие Русско-Монгольского соглашения, или договора 1912 г. — первого международного договора в новой истории независимой Монголии. Этот документ важен не только для обоих государств, но и для цивилизаций, хотя до сих пор незаслуженно недооценивается. Между тем бывший тогда директором юридической секции МИД Российской империи барон Б. Э. Нольде в своих воспоминаниях позже отмечал: «Создание Монголии — одно из крупных дипломатических достижений императорской России <...> Договор И. Я. Коростовца сыграл решающую роль в процессе образования Монголии» [Нольде, 1930, с. 71, 76].

К настоящему времени опубликованы дневник и мемуары И. Я. Коростовца, подписавшего данное соглашение с российской стороны [Коростовец, 1995, 1996, 2004, 2009; Бакитч, 2013], текст самого соглашения и (или) сопутствующих документов, их переводы [Собрание..., 1912;

Правительственное сообщение..., 1912; Известия МИД, кн. 1, 1913; Шинэ толь хэмээх бичиг, № 1, 1913; Accord d'amitié..., 1913; Сборник дипломатических..., 1914; Нольде, 1915; Полное собрание..., 1915; American..., 1916; MacMurray, 1921; Outer Mongolia, 1921; Красный архив, 1926; Гримм, 1927; Международные отношения..., 1940; Сборник..., 1952; Русско-китайские..., 1958; Российско-монгольское..., 2008]. В ряде исследований анализируются предпосылки, выработка, особенности и последствия заключения этого соглашения [Овчинников, 1925, 1926; Калинин, 1926; Friters, 1937; Mansvetov, 1945; Dallin, 1950; Пунцагноров, 1955; Tang, 1959; Ширендыб, 1963; Сандаг, 1971; Leong, 1976; Onon, Pritchatt, 1989; Белов, 1994, 1997; Магсаржав, 1994; Нег, 1997; Балдоо и др., 1999; Лузянин, 2003; Дэндэв, 2006; Батбаяр, 2006, 2013; Лиштованный, 2007; Дудин, 2011а, б, 2013, 2017; Лонжид, 2011; Тачибана, 2011, 2019; Батсайхан, 2012, 2013, 2014, 2016, 2018, 2021; Дудин, Митупов, 2012; Кузьмин, 2012, 2015, 2016, 2017, 2020; Курас, Цыбе-нов, 2012; Монгол-Оросын..., 2013; Наками, 2013; Батунаев, 2015; Курас, 2015; Кузнецов, 2016; Дарьина, 2020; Miele, 2022].

Примечательна история публикаций и эволюция оценки соглашений с Российской империей, подписанных Монголией в 1912 и 1915 гг., в частности, в фундаментальных сводках по Монголии, изданных в СССР и РФ. В советское время текст соглашения и протокола 1912 г. был впервые напечатан в 1927 г. без указания, кто их подписал [Гримм, 1927, с. 181–183], затем — лишь в 1952 г. с указанием подписавших [Сборник..., 1952, с. 410–417]. Однако в известных сборниках 1926 и 1940 гг., где приведен ряд сопутствующих документов, сам текст соглашения 1912 г. почему-то не напечатан [Красный архив, 1926; Международные отношения..., 1940].

В издании фундаментальной сводки «История МНР» 1954 г. о статусе Монголии сказано лишь, что соглашением 1912 г. Россия не признала ее независимым государством и обещала помощь в сохранении автономии, а Китайско-Русско-Монгольское соглашение 1915 г. оставило ее в составе Китая и превратило в автономную Монголию [История МНР, 1954, с. 208, 213]. В издании 1967 г. уже говорится, что соглашением 1912 г. Россия «фактически признала существование Монгольского государства», но при этом «монгольское феодально-теократическое государство, провозгласившее свою независимость в результате национально-освободительного движения монгольского народа 1911–1912 гг., существовало как таковое до 1915 г., и лишь после того оно фактически и юридически превратилось в автономную Внешнюю Монголию. Однако автономная Внешняя Монголия продолжала функционировать как государство, пользовавшееся широкими автономными правами и находившееся в вассальной зависимости от Китая» [История МНР, 1967, с. 242, 249–250]. В издании 1983 г. говорится: в 1912 г. «стороны сошлись на том, что в тексте договора политическая независимость Монгольского государства будет сформулирована по-разному в обоих текстах договора: в монгольском — как «полная независимость», а в русском — как «автономия»; соглашение 1915 г. свело положение Монгольского государства к уровню «автономии Внешней Монголии» [История МНР, 1983, с. 269, 276]. Наконец, в издании 2007 г. указано, что в соглашении 1912 г. «допускалась возможность по-разному интерпретировать отдельные термины», причем термину «автономный строй» из русского варианта в монгольском соответствовали термины, приблизительно переводимые как «самоопределение» и «самодержавие»; по сути, она стала суверенным государством — вначале в пределах Халхи, а затем и Кобдоского округа; в результате соглашения 1915 г. Внешняя Монголия стала «автономией в составе Китая и одновременно российским протекторатом» [История Монголии, 2007, с. 39–40, 43]. Это определение согласуется с тем, что писал официальный представитель МИД России Б. Э. Нольде в 1915 г.: «Внешняя Монголия представляет собою государство под сюзеренитетом Китая и под протекторатом России» [Нольде, 1915, с. 2231].

В Китае до сих пор считают, что национально-освободительное движение монголов было инспирировано Россией, которая хотела сделать Монголию своей колонией [Liu, 2005, p. 80–84], что неверно: Россия никогда не собиралась присоединять Монголию [Коростовец, 2004, с. 44]. Китайские авторы допускают и другие неточности: что территория МНР раньше была территорией Китая, что она стала независимой от Китая 14 августа 1945 г. [Лю Сунбинь и др., 2016, с. 263].

В целом для публикаций в Китае характерна убежденность, что вся ответственность за ситуацию, сложившуюся в Монголии к 1911 г., лежит на царской «военно-феодальной» России, «империалистические устремления» которой толкали ее на провокации с целью отрыва Монголии от «миролюбивого» Китая; подчеркивается «единоличная деятельность России по отделению Внешней Монголии от Китая», ставшая «темным пятном в истории двусторонних связей». Независимость Монголии трактуется как долгосрочная цель политики Петербурга. Общей чертой китайских работ является недостаточно глубокое освещение внутренних причин «монгольского сепаратизма», отсутствие анализа социально-экономического и политического положения Монголии в цинский период, политики пекинского правительства как факторов, влиявших на развитие Монголии. Не проводилось подробное изучение причин тяготения монголов к России в 1900–1910-х гг., борьбы и дискуссий среди монгольской элиты по внешнеполитической ориентации. Основной причиной национально-освободительного движения монголов китайские авторы склонны видеть политическую активность России. Особенность китайских публикаций по монгольской проблематике начала 2000-х гг. — довольно краткая историографическая часть, в рамках которой практически незаметна проработка российской и монгольской историографии [Сизова, 2016, с. 22–25].

Приведенные различия показывают отсутствие консенсуса в отношении динамики международно-правового статуса Монголии в тот период. По-видимому, это связано не только с разными оценками рассматриваемого соглашения в разных странах и социально-политическими изменениями в XX–XXI вв., но и с отсутствием детального исследования этого вопроса. Данная статья представляет попытку анализа международно-правового положения Монголии до и после подписания Русско-Монгольского соглашения 1912 г. Фактологическую основу для этого анализа составили, прежде всего, российские и монгольские архивные документы, их публикации, отзывы участников переговоров и подписания соглашения, оценки современников, научная литература.

К началу XX в. Монголия находилась в вассальной зависимости от императоров маньчжурского государства Цин. Распространено мнение, что в тот период она была частью «цинского Китая». Однако в понимании самих монголов это были отношения не с Китаем, а с маньчжурским государством Цин (монг. Манж Чин улс). Эта национальная традиция отражает историческую правду: Китай, покоренный маньчжурами, в тот период был частью Цинской империи, а не независимым государством [Дмитриев, Кузьмин, 2014, с. 5–17]. В составе империи Цин он был децентрализован — каждая провинция управлялась по отдельности. Монголия под маньчжурской властью тоже была не единым целым, а совокупностью владений. Известно, что маньчжурские императоры способствовали феодальной раздробленности Монголии, которая возникла еще до установления там их власти. Однако статус Монголии был другим, чем у Китая. Большинство монгольских земель были вассальными территориями маньчжурской династии, меньшая часть была включена в цинские провинции. За исключением последних, там было не прямое управление, как для китайских земель, а отношения «вассал — сюзерен». Эти отношения были подобны таковым в ряде других монархий, например, в средневековой Европе

[Кузьмин, 2019, с. 39–54]. В отличие от Китая, отношения Монголии и Тибета с цинскими императорами регулировались «Уложением Палаты внешних сношений», или «Палаты по управлению внешними регионами» (Лифаньюань). Эти страны рассматривались там как «области вне Китая», имевшие отдельное законодательство [Липовцов, 1828]. Там были гарантии сохранения традиционного образа жизни местного населения и недопущения колонизации его земель китайцами. Это было одним из главных условий вассальной зависимости монголов от маньчжурских императоров.

Со второй половины XIX в. империя Цин стала погружаться в кризис. Это был период ее перехода от даннической к договорной системе международных отношений. Опасаясь экспансии великих держав, цинские власти приняли «новую политику» на «пограничных землях». Ее главной чертой было заселение китайцами Маньчжурии, Монголии и Тибета — то есть тех земель, которые раньше никогда не были китайскими. Главной целью стала их китайская колонизация и китаизация местного населения. Были созданы специальные структуры по распродаже монгольских земель. Туда хлынули сотни тысяч китайских колонистов из внутренних районов Китая. Уже в самом начале XX в. во Внутренней Монголии китайцы по численности превосходили монголов. «Новая политика» нарушала те основы, на которых монголы подчинялись цинским императорам. В Монголии ширилось национально-освободительное движение.

В сентябре–октябре 1911 г. произошло Учанское восстание. Оно стало началом Синьхайской революции. Это была революция китайских (ханьских) националистов за свержение маньчжурской династии и установление республики. Синьхайская революция была чужда монголам, стремившимся к независимости и имевшим на нее не меньше прав, чем китайцы. 1 декабря 1911 г. в столице Внешней Монголии — Их-хурэ было обнародовано воззвание с объявлением независимости. В нем говорилось, что на землях маньчжуров и китайцев происходит переворот, а Монголия изначально была независимой и поэтому решено образовать независимое монгольское государство [Батсайхан, 2018, с. 77]. 29 декабря 1911 г. в Их-хурэ (переименован в Нийслэл-хурэ) прошла торжественная церемония возведения духовного главы этой страны Богдо-гэгэна Джебцзундамба-хутухты VIII на престол великого хана (Богдо-хана) Монголии. С точки зрения правовых обычаев монголов, сложившихся к тому времени, это было легитимное возведение нового великого хана — то есть императора. Так же, как в XVII в. монголы провозгласили своим Богдо-ханом маньчжурского хана Хунтайджи (Абахая), теперь они интронизировали нового Богдо-хана. Монголы следовали своей старой традиции преемственности высшей власти. На этот раз «перенос империи» произошел от маньчжуров обратно к монголам [Кузьмин, 2016, с. 432–433].

Итак, в декабре 1911 г. Монголия провозгласила независимость как абсолютная теократическая монархия. С точки зрения формационного подхода к истории это не было революцией: монголы стремились сохранить старый (феодальный, монархический) строй. Феодализм и буддийская монархия, а не революция и республика были национальным выбором монголов.

В феврале 1912 г. Синьхайская революция победила. Была провозглашена Китайская республика. Наряду с отречением маньчжурской династии и коллапсом империи Цин это дало монголам новое основание для их независимости. Монголы так же провозгласили свое национальное государство в 1911 г., как в 1912 г. ханьские националисты провозгласили Китайскую республику — фактически свое национальное государство — на волне борьбы с иноземной властью. Следовательно, движение монголов за свою независимость было не менее легитимным, чем движение китайцев. При этом монголы были не против власти императоров Айсинь Гйоро как таковой, а против поглощения Монголии Китаем, начало которому положила «новая

политика», нарушавшая те условия, на основе которых монголы подчинялись маньчжурской династии.

12 февраля 1912 г. цинская вдовствующая императрица Лунъюй издала от имени малолетнего императора Пу И указ об отречении маньчжурской династии и превращении империи Цин в «республику пяти рас». Сделано это было по настоянию Юань Шикая, который сам хотел стать основателем новой династии — на этот раз китайской (ханьской). В указе, в частности, было сказано: «Приветствуем образование великой Китайской республики, которая включает все территории, где живут пять этнических групп, то есть маньчжуры, ханьцы, монголы, мусульмане и тибетцы» [цит. по: Zhao, 2006, p. 16]. Таким образом, императорская династия была отстранена от власти регентом, а не императором. Согласно китайскому и цинскому праву, функции регента ограничены временным управлением империей до вступления во власть императора по достижении им совершеннолетия. Верховная власть императора оставалась неоспоримой: регент не имел права ликвидировать монархию. Так что данный указ трудно считать легитимным. Следовательно, и включение в Китайскую республику Монголии и Тибета на основе этого указа не было легитимно.

Кроме того, «в минуту провозглашения Монголией своей независимости у Китая, собственно, уже не существовало никакого законного правительства, с которым мы были бы обязаны считаться хотя бы в уважение международного права. Ведь в стране сынов Неба уже властвовали какие-то узурпаторы, какие-то бунтари, которым если и могли подчиняться народные массы собственно китайцев, то до которых не было никакого дела монголам — народу, совершенно чуждому китайцам по своему происхождению и по своей истории, народу, подчинившемуся династии Дайцинов вследствие того, что при его содействии эти самые Дайцины завоевали и поработили Китай. Монголы вместе с маньчжурами могли составлять привилегированный класс завоевателей в Небесной империи, а никоим образом не эксплуатируемых китайцами париев. Раз только Дайцины допустили окитавание маньчжур, и последние сему не сопротивлялись, то это еще вовсе не означало, что могло начаться и окитавание монголов; наоборот, раз только Дайцины, создавшие Небесную империю при помощи монголов как вооруженной силы, оказались сами поработаны китайцами, то они уже тем самым теряли свои права на суверенитет над Монголией» [Кушелев, 1912, с. 85–86].

Указ об отречении маньчжурской династии не стал легальной основой Китайской республики. В ее первых конституционных установлениях 1912–1914 гг. нет ссылок на него [тексты: Weale, 1918, p. 299–350]. Нет таких ссылок и в конституциях Китайской республики и КНР. Однако, приняв на себя договорные обязательства империи Цин перед иностранными державами, китайские республиканцы продемонстрировали правопреемство Китайской республики от империи Цин в отношении международных договоров: без этого республика не была бы признана великими державами того времени. Но историческая преемственность государства не ограничивается международными договорами. Китайская республика отбросила в основном те черты, которые отличали империю Цин от Китая, в том числе разные формы легитимации центральной власти для разных народов и запрет китайской колонизации монгольских и тибетских земель. Однако китайские республиканцы предъявили нелегитимные претензии на все «территориальное наследие» империи Цин — в том числе на Монголию, Туву, Тибет и Восточный Туркестан, в Китай никогда не входившие. Для этого они разработали концепцию «пяти рас» Китая, несостоятельную с научной точки зрения. Однако Пекину удалось захватить почти все эти территории — благодаря удачной для китайских националистов внешнеполитической конъюнктуре, а также и ошибочному отождествлению державами империи Цин с Китаем.

«Республика пяти рас» была новым политическим конструктом, использовавшимся для подавления законных национальных стремлений бывших «пограничных народов» империи Цин, желавших самоопределения от ханьского господства [Leibold, 2006, p. 188–191]. Монголы и тибетцы не участвовали ни в Синьхайской революции, ни в выработке доктрины «китайской нации». Они не считали свои земли Китаем, а себя — одной из его «пяти рас». Несмотря на декларации о всеобщем равенстве, «национальные меньшинства Китая» фактически были изначально отстранены от процесса государственного строительства. При формальном равенстве перед законами граждан «пяти рас» эти законы писались и пишутся ханьцами, причем так, чтобы способствовать ассимиляции «национальных меньшинств». В этом можно увидеть преемственность от цинской «новой политики». В результате с провозглашением Китайской республики национально-освободительное движение монголов не прекратилось. 8 апреля 1912 г. китайский президент Юань Шикай издал декрет об отмене статуса Монголии, Тибета и Восточного Туркестана как вассальных территорий, они были приравнены к китайским провинциям, а жители объявлены гражданами Китая. Это стало новым стимулом в национально-освободительной борьбе монголов.

В России знали о положении в Монголии. В ходе особого совещания 17 августа 1911 г. по вопросу о выборе ориентации в монгольской политике верх одержало мнение министра иностранных дел С. Д. Сазонова и были приняты следующие решения: не выступать активно в монгольском вопросе, не принимать на себя обязательств отстаивать отделение Монголии силой оружия, выступить посредником между Монголией и Пекином, поддерживать стремление монголов сохранить свою самобытность дипломатическим путем, не порывая связи с союзником, заявлять о противоречии преобразований во Внешней Монголии с китайскими заявлениями о дружбе с Россией [Лузянин, 2003, с. 54]. Эти решения готовили будущую монгольскую политику России.

После объявления независимости Монголии правительство России, не одобряя проведения там «новой политики», пыталось выступить посредником в переговорах между монгольскими и цинскими властями. Предлагалось установить автономный статус Монголии, отказаться от ее китайской колонизации и ввода китайских войск. Уже 23 декабря 1911 г. С. Д. Сазонов дал указание российскому поверенному в делах в Пекине М. С. Щекину проинформировать цинскую сторону о предложении посредничества России на этих условиях. Но попытки посредничества были неудачными из-за желания Пекина напрямую договориться с монголами [Белов, 1994, с. 108–111]. Более того: в Пекине и в ряде стран Запада российские предложения трактовали как признание Россией независимости Монголии, ее захват или поглощение для создания «царского доминиона» или зависимой страны [например, *The Sun*, 09.01.1912; *New York Herald*, 11.01.1912; *Washington Herald*, 11.01.1912; *Fort Mill Times*, 11.01.1912]. В Японии имелось положительное восприятие российского подхода к монгольскому вопросу [*New York Herald*, 15.01.1912], но четкой позиции на этот счет не было.

В таких условиях монголам оставалось рассчитывать только на Российскую империю, а России — начать прямые переговоры с Монголией. В России взгляды на будущее Монголии варьировали от ее независимости до принадлежности к Китаю. Основой решения вопроса стали итоги межведомственного совещания 23 апреля/6 мая, 1/14 мая и 5/18 мая² 1912 г., в основном изложенные в особом журнале российского Совета Министров 2/15 августа 1912 г. по вопросу о соглашении с Джебцзундамба-хутухтой и князьями Монголии [текст: *Международные отношения...*, 1940, с. 6–11].

² Здесь и ниже: даты по старому и новому стилям.

Позиция российского правительства определялась так: «Признанное Императорским Правительством желательным решение вопроса о судьбе Внешней Монголии сводится к созданию из нее области Китая, особое положение которой в составе этого государства было бы гарантировано Россией. В сообщении касательно нашей иностранной политики, которое с Высочайшего разрешения было сделано МИД в Государственной Думе в ее заседании 13 апреля [по старому стилю — С. К.] 1912 г., задачи, преследуемые в северной Монголии, были охарактеризованы как стремление не допустить утверждение в этой пограничной с нами области Китая сильного в военном отношении государства. Для достижения этой цели в том же сообщении были намечены три условия: сохранить в Халхе управление национальными властями, не допустить ввода в эту область китайских вооруженных сил и колонизации ее земель китайцами-земледельцами. Наконец, чтобы обеспечить соблюдение этих условий, была выдвинута необходимость получить для Императорского Правительства права голоса при установлении и проведении в жизнь тех мер, которые потребуются в будущем для Халхи. <...> [Решение вопроса надо искать] в подписании между Россией и Халхой акта о гарантиях вольностей последней. Общее содержание такого акта свелось бы к обещанию Русского Правительства при всяких обстоятельствах отстоять самобытный строй Халхи, то есть ее право управлять национальными властями и не допускать ввода китайских войск и земледельческой колонизации китайцев. <...> Относительно Внутренней Монголии надо высказаться категорически против ее стремления присоединиться к Халхе: это может очень неблагоприятно отразиться на российско-японских отношениях. Барга тесно связана с Северной Маньчжурией и ей надо бы разделить судьбу последней. <...> Иначе обстоит дело с Кобдинско-Алтайским краем: присоединение его к коренной Монголии вообще, по-видимому, соответствует нашим интересам, так как в географическом, экономическом и частью этнографическом отношениях он составляет естественное продолжение Халхи и примыкает к нашей границе, представляя естественный заслон от Китая. Однако весьма разнородное население края, в котором киргизский элемент занимает большое место, не сумело, именно благодаря своей разноплеменности, свергнуть китайское владычество, по крайней мере, в главных городах, и китайцы принимают уже меры к усилению своего там положения. Нет оснований, кроме того, утверждать, что в случае отпадения от Китая округа эти единожды присоединятся к Халхе. <...> соображения государственной пользы должны получить перевес и нам следует добиваться для Западной Монголии тех же прав, что и для Халхи, было бы лишь желательно не предрешать вопрос о соединении этих двух областей и не включать упоминания о Кобдинском и Алтайском округах в договор с Монголией» [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 658, л. 44–51об.].

На основе этого 2/15 августа 1912 г. российский Совет Министров постановил одобрить предложенные основания для заключения договора с Джебцзундамба-хутухтой и князьями Халхи [Международные отношения..., 1940, с. 6–11]. Специальным представителем России в Урге был назначен И. Я. Коростовец. Рекомендовавший его Николаю II Сазонов отмечал опытность Коростовца как дипломата, а также его будущий статус особого посланца правительства, который будет иметь больше авторитета в Монголии, чем российский генеральный консул [Международные отношения..., 1940, с. 134]. В инструкции Сазонова Коростовцу 23 августа 1912 г. указывалось, что задачей политики России в Халхе является «стремление не допустить утверждения в этой пограничной области сильного в военном отношении государства». Для достижения этой цели намечены три условия: «1) сохранение в Халхе управления национальными властями, 2) недопущение ввода туда китайских войск, и 3) устранение колонизации монгольских земель китайцами» [Сборник дипломатических..., 1914, с. 1].

И. Я. Коростовец вступил в переговоры с представителями правительства Богдо-хана. Переговоры были долгими и сложными, прежде всего, по вопросу о статусе Монголии. В дневнике Коростовца имеются важные сведения об их ходе [Коростовец, 1995, с. 85–211; Коростовец, 2009, с. 53–159]. Монархи обеих стран следили за ходом переговоров. МИД России информировал об этом Николая II, монгольские представители — Богдо-хана. Сохранилось несколько российских проектов будущего договора или соглашения с правками [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 658, л. 63–63об., 66–68об., 84–84об., 98–100об.; ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 371, л. 200–203об.; проект соглашения и протокола от 11 октября 1912 г.: Сборник дипломатических..., 1914, с. 11–17]. Примечательно, что в первом проекте рассматриваемый документ обозначался как «договор», но уже во втором (август 1912 г.) слово «договор» зачеркнуто и над ним написано «соглашение» [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 658, л. 83–83об.].

Монголы предложили свой вариант договора (в монгольском тексте остался именно этот термин) и протокола к нему. Сохранились русские переводы этих документов [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 566, л. 107–111об.]. Главные отличия монгольского проекта от русского следующие. В монгольской преамбуле говорилось: «Весь монгольский народ отделился от Цинской империи и образовал свое государство и не подчинен как Китаю, так и другим державам»; ст. 1: «Все монгольские хошуны внутренние и внешние, урянхайцы, баргут-солоны, олеты, чахары, тумэты и другие все монгольские племена образовали навсегда свое самостоятельное государство и возвели в государя монгольского народа главу Желтой веры Монголии халхаского Джебцзундамба-ламу и вручили ему управление государством и религией... Монгольское государство является не подчиненным как Китайскому государству, так и другим... Правительство государя императора великой Российской державы первым признает сие» [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 566, л. 107–108]. Кроме того, монголы вначале не сочли нужным включать в соглашение положения о российских гарантиях управления национальными властями и князьями и недопущения китайской колонизации: монголы сочли это своим внутренним делом, не требующим российских гарантий. Текст протокола подвергся меньшим изменениям, чем текст основного соглашения [Международные отношения..., 1940, с. 469–472].

При согласовании текста договора возникли разногласия о титулатуре монарха Монголии и обозначении страны. Коростовец телеграфировал Сазонову: «Монголы настаивали на признании нами за Хутухтой в соглашении присвоенного ему титула «Эцэн-хан» — «Самодержавный Государь Монгольского народа», что я признавал бы допустимым, при условии исключения в русском тексте перевода этого титула, никому неизвестного». Кроме того, монголы хотели заменить в соглашении слова «Внешняя Монголия» на «Монголия» [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 658, л. 175].

Сазонов ответил 3 октября: «1. Замена слов «Внешняя Монголия» словом «Монголия» допустима, так как этим не предполагается территориальный объем соглашения и в глазах китайцев это будет служить угрозою распространения действия соглашения на другие монгольские области, которые присоединятся к Халхе. Необходимо лишь, чтобы Вы оговорили, хотя бы в форме обмена нот или даже односторонней декларации, что Императорское Правительство оставляет за собою право определить, на какие области, кроме самой Халхи, оно распространяет даваемые Монгольскому Правительству гарантии автономных прав. 2. Присвоение Хутухте титула “Эцэн-хан” в монгольском тексте не встречает возражений, но в русском тексте этот титул должен быть исключен или переведен так, чтобы исключить понятие о полной самостоятельности от Китая. <...> Китайская колонизация, если бы она была когда-либо допущена в Халхе, весьма скоро привела бы к ее полному окитаению. Постоянное представительство монголов в Петербурге

нежелательно» [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 100а, л. 5–7, д. 658, л. 176–179, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 371, л. 122]. 11/25 октября Коростовец телеграфировал Сазонову: «В соглашении с полученным указанием, титул Хутухты “Эцэн-хан” передан в русском тексте неопределенным термином “повелитель”» [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 658, л. 184].

Дискуссии о титуле монгольского монарха были связаны с тем, что монгольский титул означал самодержавного монарха, то есть императора — царя, а российская сторона не соглашалась с этим. Однако в монгольском тексте соглашения сохранился титул «великий хан Монгольского государства» (Монгол улсын хаан эзэн).

Судя по пометке на третьем проекте соглашения, с ним ознакомился Николай II. Из этого проекта была вычеркнута статья 4: «Российское Правительство назначает в Ургу на постоянное пребывание своего представителя в ранге Министра-Резидента. Со своей стороны, Повелитель Монголии и Монгольское Правительство могут в случае надобности посылать в столицу России своего Посланника» [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 658, л. 95–97]. 29 сентября 1912 г. Сазонов телеграфировал Коростовцу: «Из предложенных монголами дополнений к соглашению мы могли бы в крайности согласиться лишь на повышение ранга нашего представителя в Урге, присвоив ему, например, наименование дипломатического агента. Представительство же Халхи в России нежелательно, разве в виде специальных посольств, первое из которых могло бы прибыть в Петербург тотчас по подписании соглашения» [Сборник дипломатических..., 1914, с. 8]. Это и было реализовано.

Важным предметом дискуссий был вопрос о положении Монголии относительно Китая. По словам Коростовца, «в пожеланиях и притязаниях монгол замечается прежде всего стремление подтвердить с Россией независимость Монголии и ее отделение от Китая» [АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 371, л. 3]. В уже упомянутой телеграмме от 29 сентября Сазонов писал, что в связи с «большими трудностями» Россия не возьмет на себя обязательство силой отстаивать притязания монголов на создание самостоятельного государства в пределах Внешней и Внутренней Монголии. «Вместе с тем, мы не возьмем на себя убеждать монголов в невозможности в будущем их объединения и самостоятельного государственного бытия... представив будущему решить, как далеко пойдет в своем развитии самостоятельность Монголии» [Сборник дипломатических..., 1914, с. 7–8].

11 октября Коростовец телеграфировал Сазонову проект, согласованный с монгольскими уполномоченными. Этот проект соглашения Сазонов счел неприемлемым (телеграмма от 14 октября), как создававший «из Монголии независимое от Китая Государство под некоторым протекторатом России в деле внешних сношений». Сазонов прислал изменения в текст [Сборник дипломатических..., 1914, с. 11–18], делавшие его менее конкретным. В данной телеграмме Сазонов разъяснял Коростовцу: «Ввиду обещаемой нами поддержки к сохранению автономного строя Монголии китайский суверенитет явится лишь юридической фикцией, необходимой при настоящем положении вещей. Окрепши, монголы могут, при нашем благожелательном к ним отношении, окончательно порвать в будущем зависимость от Китая, как это сделала Россия по отношению татар и христианские народы, некогда подвластные Турции» [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 658, л. 198–198об.]³. Эти и менее значительные поправки были согласованы к 18/31 октября [Сборник дипломатических..., 1914, с. 18–22].

Важно отметить, что в переговорах с Россией монголы использовали перевод с китайского на монгольский язык книги Г. Уитона «Элементы международного права» (H. Wheaton.

³ Последняя фраза не приведена в официальной публикации текста данной телеграммы в 1914 г. [Сборник дипломатических..., 1914, с. 18].

Elements of International Law) и оперировали рядом терминов из этого перевода [Гачибана, 2011, с. 139–155]. Следовательно, переговоры они вели на основе международного права. В то время оно называлось правом «цивилизованных народов», отношения между которыми строятся на его основе, в то время как отношения «цивилизованных народов» с «нецивилизованными» строятся на основе естественного права [Oppenheim, 1905, p. 179–180]. Таким образом, отношения России с независимой Монголией стали строиться на основе международного права с самых первых официальных переговоров между ними.

В целом позиция монголов была в основном учтена при подписании соглашения — за исключением их желания обозначить в его русском варианте независимость от Китая, воссоединиться с Баргой и Внутренней Монголией. Российская сторона в принципе не отвергала идею независимости Монголии, но на том историческом этапе предпочитала не декларировать это открыто, чтобы не осложнять свои отношения с Китаем и державами.

21 октября/3 ноября 1912 г. в Нийслэл-хурэ (Урге) было подписано Русско-Монгольское соглашение (так в русском тексте) или договор (гэрээ — так в монгольском тексте). Данное терминологическое различие не влияет на статус документа с точки зрения международного права. С российской стороны документ подписал уполномоченный российского правительства в Урге Коростовец, с монгольской — председатель Совета Министров Сайн-нойон-хан Намнансурэн, министр внутренних дел да-лама Цэрэнчимэд, министр иностранных дел чин-ван Ханддорж, военный министр жун-ван Гомбосурэн, министр финансов жун-ван Чагдаржав, министр юстиции жун-ван Намсарай.

О соглашении было сообщено официально [Правительственное сообщение..., 1912, с. 46–48; Новое время, 27.10.1912]. В цитированном правительственном сообщении по поводу подписания говорилось: «Русско-Монгольское соглашение 21 октября 1912 года является актом признания автономного монгольского правительства, с которым отныне российское правительство устанавливает непосредственные сношения». Это означало установление дипломатических отношений между Россией и Монголией (подробнее см.: [Кузьмин, 2022, с. 52–65]).

Подписание соглашения было положительно воспринято обеими сторонами. МИД России направил Николаю II донесение об обстоятельствах подписания. В частности, там говорилось, что монголы требовали полной независимости своего государства, а китайцы с помощью денег пытались перетянуть их на свою сторону, Коростовец успешно преодолел эти трудности, соглашение подписано, Коростовец заслуживает благодарности. Сохранилась резолюция: «На подлинной Собственной Его Императорского Величества рукою начертано: “Хорошо”. Царское Село, 14 ноября 1912 г.» [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 659, л. 41–41об.]. В тот же день Сазонов телеграфировал Коростовцу в Ургу: «На всеподданнейшем докладе моем об обстоятельствах, при коих Вами заключено соглашение 21 октября с Монгольским Правительством, Гос[ударю] Императору благоугодно было начертать: “Выражаю Мою благодарность Коростовцу”. Поздравляю Вас с этим знаком Монаршей милости» [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 659, л. 50].

Сохранилась следующая телеграмма Коростовца: «Императорский телеграф в Царско-сельском дворце. Телеграмма № 159 «46» слов. Подана в Урге 19 1912 г., 6 ч. 40 м. по пн. Получена в Царском Селе 7 декабря 1912 г. 10 ч. 33 м по пн. Его Императорскому Величеству. Представители возрожденной милостями Вашего Императорского Величества к новой жизни Монголии в лице князей и чинов нашего военного и гражданского ведомств, собравшись в Императорском Консульстве, просят меня повергнуть к стопам Вашего Императорского Величества чувства благоговейной признательности и беспредельной преданности. Действительный статский

советник Коростовец». На телеграмме Николай II начертил синим карандашом: «Искренно благодарю» [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 659, л. 140, оригинал с собственноручной надписью царя].

В монгольском журнале «Шинэ толи хэмээх бичиг» (1913, № 1, с. 33–34) с публикацией полного текста соглашения 1912 г. были даны комментарии, в которых отмечалось, что общим явлением является образование нового государства при наличии территории, единого языка, происхождения, исторической традиции и религии; причина провозглашения суверенного Монгольского государства — стремление не потерять свои исконные земли, уберечь народ, язык, традиции, культуру, не дать погаснуть буддизму, не быть под гнетом других народов, самим решать свою судьбу, возродить государственность [Заятуев, 1986, с. 33–40].

Соглашение было выработано и подписано без участия Китая. Оно, в частности, декларировало помощь России в сохранении автономного строя в Монголии, право содержать национальное войско, не допускать китайские войска и колонизацию. В случае подписания отдельного договора «с Китаем или другим иностранным государством» этот договор не должен был нарушать данное соглашение без согласия России.

Хотя перед подписанием русский и монгольский тексты соглашения были сличены и зачитаны [Коростовец, 2004, с. 233], они имеют некоторые существенные различия.

Русский и монгольский тексты преамбулы допускали разные трактовки. Русский текст: «Ввиду всенародно выраженного желания монголов сохранить исторически сложившийся самобытный строй своей страны, китайские войска и власти были удалены с монгольской территории и Повелителем монгольского народа был провозглашен Чжебзун-Дамба-Хутухта. Прежние отношения Монголии к Китаю таким образом прекратились». С монгольского текста возможен и следующий перевод этого положения: «Ввиду всенародно выраженного желания монголов сохранить свои издревле сложившиеся обычаи и строй, китайские войска и власти были удалены с монгольской территории, великим ханом Монгольского государства был провозглашен Джебцундамба-хутухта, поэтому были разорваны прежние отношения Монголии и Китая» («Монгол улсын нийт бүхнээр эртнээс тогтсоор ирсэн өөрийнхүү орны суртаал ба ёс журмыг алдагдахгүй сахихыг хүсэж Хятадын цэрэг ба эрх баригчдыг Монгол газраас үлдэн гаргаад, Жавзандамба хутагтыг Монгол Улсын хаан эзэнд өргөмжилсөн тул Монгол Хятад хоёрын хоорондох урьдын холбоо нь нэгэнт тасарсан»).

Так или иначе, и русский, и монгольский варианты однозначно признавали, что Монголия больше не связана с Китаем отношениями, существовавшими ранее — ни как вассальная территория Цин, ни как провинция Китайской республики по указу Юань Шикая.

В русском варианте соглашения использовался термин «Монголия», в монгольском — «Монгол улс» (государство Монголия). Последнее означало признание государственности страны. Общественный строй Монголии в русском тексте обозначается как «автономный», а в монгольском ему соответствует термин, который переводится также как «самоопределение» и «самостоятельность» (өөртөө тогтнож өөрө эзэрхэх) (ст. 1). Эти же термины, кстати, позже использовались для обозначения именно независимости в монгольском тексте Монголо-Тибетского договора 1913 г. (өөртөө эзэрхэн — ст. 1, өөртөө тогтнон — ст. 2).

Данный факт (хотя и с ошибочной трактовкой автономии) был отмечен еще в 1912 г. в анонимной газетной статье: «Ханское правительство настаивало на принципе независимости. По-монгольски государство бывает или вполне независимое, или же подвластное (вассальное). В результате получилось то, что в русском тексте договора Монголия названа автономной

(по отношению к России), а в монгольском — независимой. Это разногласие может привести к серьезным недоразумениям впоследствии» (Восток, 23.11.1912).

Дело в том, что в то время в монгольском языке не было современного оборота «тусгаар тогтнол» для обозначения понятия «независимость», и для него использовались указанные выше обороты [Тачибана, 2013, с. 94–102]. Эти обороты для обозначения независимости монголы в 1912 г. взяли из монгольского перевода с китайского перевода уже упоминавшейся книги Г. Уитона (в кит. переводе называвшейся Ваньго гунфа). Монгольские обороты для обозначения независимости были переводом с китайского оборота «цзыли цзычжу», в свою очередь, являвшегося переводом на китайский слов free, sovereign, independent — свободный, суверенный, независимый [Тачибана, 2019, с. 124–125].

18 октября 1912 г. Сазонов телеграфировал Коростовцу, что «русский текст соглашения и протокола должен быть руководящим» [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 658, л. 211–211об.]. Однако Коростовец 19 октября ответил на это: «Предвижу, что прибавка о руководящем русском тексте вызовет возражения и подозрения ввиду отсутствия среди здешних монголов лиц, знающих русский язык и неизбежности доверять переводчику». Кроме того, Коростовец отметил интенсивные попытки Китая убедить монгольских князей не подписывать соглашение. Поэтому он советовал ускорить подписание [АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 371, л. 93; ф. Китайский стол, оп. 491, д. 658, л. 216].

В связи с этим Сазонов телеграфировал Коростовцу 20 октября: «Телеграмма № 1813 получена. Не встречается препятствий, чтобы Вы опустили в соглашении упоминание о руководящем характере русского текста, если Вы увидите, что таким постановлением было бы затруднено подписание соглашения. Разделяем Ваше мнение о желательности его немедленного заключения. В сущности, сделать руководящим русский текст важно главным образом для протокола, если это достижимо. Не зная, какие изменения в соглашение Вы предполагаете сделать в пользу монголов, обращаем Ваше внимание на то, что такими изменениями не должен быть нарушен его характер акта, не обязывающего нас признавать полное отложение Монголии от Китая» [АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 371, л. 95; ф. Китайский стол, оп. 491, д. 658, л. 218]. 22 октября 1912 г. Коростовец телеграфировал Сазонову: «Протокол подписан в редакции, одобренной Императорским Министерством с опущением статьи о русском тексте» [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 658, л. 220]. Нет статьи о приоритете и в тексте соглашения.

Итак, несмотря на различия, русский и монгольский тексты имеют равную юридическую силу: приоритет какого-либо из них не зафиксирован международно-правовым актом. В понимании МИД России «Монголия была признана... в качестве политической единицы, но степень ее независимости была определена формулой весьма гибкой» — то есть недостаточной, чтобы «наполнить собой полный круг государственной самостоятельности» [Нольде, 1915, с. 2159]. Вместе с тем по международному праву того времени «сомнительное постановление должно быть интерпретируемо в смысле наименее отягчительном для обязанной стороны» [Мартенс, 1882, с. 413]. Следовательно, монголы обоснованно трактовали соглашение 1912 г. как признание своего независимого государства. Примечательно, что подписавший соглашение Коростовец приватно заявлял о признании независимости Монголии [Коростовец, 2009, с. 198], хотя в официальной переписке подтверждал автономию. Поскольку Россия всегда озвучивала свою официальную позицию, а иностранные переводы делались с русского, а не с монгольского варианта соглашения, в историографии преобладает обозначение автономии, а не независимости, хотя последний термин вскоре после подписания соглашения нередко использовался в западной прессе для обозначения статуса Монголии [например, Evening Star, 18.11.1912],

а ее «автономный режим» называли эвфемизмом для обозначения зависимости от России [New York Tribune, 23.11.1912].

Коростовец отмечал, что во время переговоров Сазонов в телеграмме указал, «чтобы в русском тексте не было упомянуто о независимости Монголии от Китая» [Коростовец, 2009, с. 123]. Это позволяло российской стороне ссылаться на русский текст, где речь шла об автономии, избегая конфронтации с Китаем. Монголы же ссылались на монгольский текст, говоря о независимости.

Однако Монгольское государство, провозглашенное в 1911 г., соответствовало всем главным критериям независимого государства, позже обозначенным в Конвенции Монтевидео 1933 г. и используемым до сих пор: постоянное население, определенная территория, правительство и способность входить в сношения с другими государствами. Сношения по политическим и экономическим вопросам с другими государствами (в лице России) начались еще в 1911 г. Соглашение 1912 г. означало их правовую фиксацию и признание Монголии субъектом международного права.

Важно отметить, что международное признание не создает государство. Существуют две теории государственности в международном праве: декларативная и конститутивная. Согласно первой, для образования государства необходимо и достаточного того, что обозначено в конвенции Монтевидео (см. выше). Согласно конститутивной теории, государство определяется как субъект международного права лишь тогда, когда оно признается суверенным хотя бы одним государством, которое, в свою очередь, уже признано суверенным⁴. В настоящее время общепринятой является декларативная, а не конститутивная теория: «В целом, политическое существование государства не зависит от признания другими государствами, и таким образом непризнанное государство должно считаться субъектом норм международного права» [Shaw, 2008, p. 471]. Согласно ст. 6 Конвенции Монтевидео, «признание государства просто обозначает, что государство, которое признает его, принимает правосубъектность другого со всеми правами и обязанностями, определенными международным правом. Признание является безусловным и не подлежащим отмене».

Перед подписанием соглашения — 18 октября/1 ноября — Коростовец получил телеграмму от Сазонова, в которой предписывалось: «Одновременно с подписанием этих актов [соглашения и протокола — С. К.] благоволите сделать Монгольскому Правительству заявление о том, что Императорское Правительство сохраняет за собою право определить, на какой район Монголии распространяются даваемые гарантии» [Сборник дипломатических..., 1914, с. 22]. На следующий день после подписания соглашения — 22 октября/4 ноября — Коростовец телеграфировал Сазонову: «Мною сделана следующая декларация: Соглашаясь на замену в тексте подписанных сегодня между Российским и Монгольским Правительствами соглашения и протокола слов “Внешняя Монголия” словом “Монголия”, имею честь заявить, что Императорское Правительство признает за собой право определить, на какие области, кроме самой Халхи, распространяются даваемые Монгольскому Правительству гарантии автономных прав» [Сборник дипломатических..., 1914, с. 31].

На основе этой декларации Россия заявляла о том, что Внутренняя Монголия и Барга не входят в состав Монгольского государства. Однако эта декларация была односторонней.

⁴ В связи с этим с точки зрения международного права следует признать нонсенсом термин «частично признанное государство». Государство может быть или признанным (хотя бы одним уже признанным государством), или непризнанным (ни одним государством). Других вариантов нет, так как минимальное число необходимых признаков не зафиксировано в международном праве.

Руководство Монголии до подписания трехстороннего соглашения 1915 г. (см. ниже) продолжало придерживаться своей интеграционистской политики.

Очевидно, не зная об устной декларации Коростовца, некоторые российские авторы выражали мнения, сходные с монгольской трактовкой соглашения. «Еще серьезнее умолчание о географических пределах Ургинского ханства. Как мы уже раньше объясняли, границы владений хана сейчас трудно уловимы, так как Монгольское государство только еще слагается. К нему продолжают присоединяться отпадающие от Китая территории Монголии, в то время как другие территории, уже присоединившиеся было к новому ханству, напротив, возвращаются под власть Китая» [Восток, 23.11.1912]. Барга могла трактоваться как часть Монголии под защитой России [Штейнфельд, 1913, с. 24–25].

Недавно провозглашенную Китайскую республику Россия в то время еще не признала: признание последовало 23 сентября 1913 г. [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 761, д. 234, л. 265]. Следовательно, Монголию как государство Россия на договорной основе признала раньше, чем Китайскую республику. Кроме того, в статье 3 соглашения 1912 г. Китай относительно Монголии обозначался как иностранное государство. В связи с этим, когда 26 октября/8 ноября 1912 г. российский посланник в Пекине В. Н. Крупенский по поручению Сазонова сообщил китайскому министру иностранных дел о заключении данного соглашения, тот заметил, что Китайскую республику Россия еще не признала, а монгольское правительство уже признала, и его правительство не может признать это соглашение [Сборник дипломатических..., 1914, с. 32].

Мнение китайской стороны о статусе Монголии в тот период отражает ответ Вайцзяобу (МИД Китая) от 25 октября/7 ноября 1912 г.: «Монголия является составной частью Китая и, хотя в ней и происходят волнения, она отнюдь не правоспособна заключать соглашений с иностранными государствами» [Сборник дипломатических..., 1914, с. 32]. Более детально эту идею развивал материал в органе китайских националистов «The Republican Advocate» от 16.11.1912. Там сказано, что соглашение, подписанное в Урге, не имеет никакой юридической силы, если Китай откажется санкционировать его: «Столетиями Монголия и Тибет рассматривались как составные части Китая, и не только самим Китаем, но и всеми остальными государствами. Факт, что Китай перешел к новой форме правления, не повлиял на статус его вассальных владений. Простой местный мятеж немногих князей против китайской власти при содействии России и простое провозглашение независимости этими недовольными князьями не могут быть толкуемы международным правом как автономия *de jure* и *de facto*... Никакая посторонняя держава не имеет ни нравственного, ни формального права вмешиваться в вооруженную борьбу какой бы то ни было другой державы с ее вассалом» [Баранов, 1913, с. 79–80].

Эти выводы о статусе Монголии и о Русско-Монгольском соглашении неверны: Монголия и Тибет никогда не были частями Китая (см. выше); Китай перешел к новой форме правления в том отношении, что перестал быть частью другого государства (империи Цин) и вновь стал независимым, но при этом предъявил претензии на всю территорию этой империи и зависимых от нее стран; Монголия имела не меньше прав на независимость, чем Китай; она правомочно обрела статус независимого государства; поддержка Монголии Россией была легитимной поддержкой одного государства другим.

В связи с отсутствием консенсуса по вопросу о статусе Монголии Китай и Россия вели переговоры. В итоге 23 октября/5 ноября 1913 г. была подписана Русско-Китайская декларация, в которой термин «Монголия» был заменен термином «Внешняя Монголия», признавался суверенитет Китая над ней и автономия Внешней Монголии [текст: Сборник дипломатических..., 1914, с. 87–88; обстоятельства выработки: Белов, 1997, с. 145–154]. В приложенных к соглашению нотах,

в частности, территория Внешней Монголии признавалась частью территории Китая, и указывалось, что границы Внешней Монголии станут предметом последующих переговоров. Хотя ряд положений соглашения 1912 г. вошел в Русско-Китайскую декларацию, монголы ее не признали: она была подписана без их участия, они не хотели отказываться от своей независимости.

Китайцы не оставляли попыток вести секретные переговоры с монголами. Россия вынуждена была приступить к трехсторонним переговорам, которые открылись в Кяхте 8 сентября 1914 г. В результате 25 мая/7 июня 1915 г. было подписано Китайско-Русско-Монгольское соглашение, зафиксировавшее недвусмысленное признание автономии Внешней Монголии под сюзеренитетом Китая. Оно инкорпорирует ряд положений соглашения 1912 г. и декларации 1913 г. При этом по настоянию китайцев соглашение 1912 г. в нем не было упомянуто, но были даны отсылки на Русско-Китайскую декларацию 1913 г. и ноты к ней. В китайском варианте соглашения 1915 г. для обозначения монгольской автономии использовано слово «цзычжи», как и в Русско-Китайской декларации 1913 г. «Цзычжи» означает самостоятельность: по мнению китайцев, слово «самостоятельность» в монгольском языке равносильно слову «автономия» во французском и не включает «независимость». Поскольку монголы в своем языке вкладывали другое значение в оборот, означающий самостоятельность, решение для монгольской формулировки в соглашении 1915 г. так и не было принято, поэтому за основу был взят термин из имевшего приоритет французского варианта соглашения [Тачибана, 2019, с. 125–127]. В результате в монгольский язык и текст было введено новое слово «автономия».

В соглашении 1915 г., как и в декларации 1913 г., понятие автономии связано с понятием сюзеренитета. Примечательно, что, несмотря на использование Сазоновым термина «суверенитет» до подписания соглашения 1912 г., этот термин не был внесен в последнее, а в декларации 1913 г. и соглашении 1915 г. вместо него использован термин «сюзеренитет». Более того: Сазонов, порекомендовав пропагандировать посланнику в Урге китайский суверенитет над монголами, уже менее чем через две недели — через несколько дней после подписания соглашения 1912 г. — заявил китайскому посланнику в России о готовности признать лишь сюзеренитет Китая [Овчинников, 1926, с. 40].

Согласно международному праву того времени, сюзеренитет означал не то же самое, что суверенитет или сюзеренитет в Средние века. Он означал полноту прав государства за исключением того узкого круга четко обозначенных прав, которые были резервированы за сюзереном⁵. Внешняя Монголия в 1915 г. не потеряла государственность. Она имела полную независимость во внутренних государственных делах и свободу внешних сношений в вопросах торговли и промышленности; с государственно-правовой и международно-правовой точки зрения она являлась государством; ее земля являлась публично-правовой собственностью Монгольского государства [Нольде, 1915, с. 2228–2229]. Китайский сюзеренитет над ней был формальным и лишенным самостоятельного содержания, дополнительным выражением установленной договором связи между ними [Нольде, 1915, с. 2153–2231].

Учитывая статус Б. Э. Нольде (в то время он был директором юридической секции МИД Российской империи), данное разъяснение надо считать официальной российской точкой зрения.

⁵ Доводы Нольде попытался опровергнуть Овчинников [1926, с. 39–43]: на том основании, что в нескольких старых работах сюзеренитет понимается иначе, в общем международном праве эта норма не прописана, а источником права в данном случае являются статьи договора, он счел, что Нольде не выполнил «задачи, где речь шла о систематике истолкованных норм». Данная аргументация Овчинникова не представляется убедительной, поскольку Нольде раскрыл понятие сюзеренитета в тот период на основании сравнения его правоприменения с таковым в других договорах.

Согласно принятым в то время нормам Внешняя Монголия была субъектом международного права, что следует из статей Кяхтинского соглашения 1915 г. Вместе с тем в тот период зарубежные исследователи считали, что Монголия номинально находится под сюзеренитетом Китая, а практически — под протекторатом России и Китая [Williams, 1916 in Nemzer, 1939, p. 453].

В 1919 г. Китай отменил автономию Внешней Монголии и ввел туда войска. Российские белые дипломаты в Китае и Европе заявили протесты, а советская дипломатия молчала. Сазонов (представлявший правительства А. И. Деникина и А. В. Колчака) в Париже подал протест «пяти союзным правительствам» 15 декабря 1919 г. в связи с нарушением русско-китайского соглашения [ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 444, л. 1]. Управляющий колчаковским МИД И. И. Сукин писал, что Россия никогда не примирится с нарушением Китаем его договорных обязательств. Глава российской миссии в Пекине князь Н. А. Кудашев 24 ноября 1919 г. направил протест в МИД Китая, но он был отклонен под тем предлогом, что автономия отменена по просьбе самих монголов [ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 445, л. 14 etc.; Белов, 1999, с. 183–188]. Переговоры Кудашева с английским и французским посланниками в Пекине, а затем Сазонова с представителями США, Великобритании и Франции на Парижской мирной конференции были безрезультатны.

Действия Китая были незаконны по многим причинам, в том числе в связи с отказом Богдо-хана утвердить прошение к китайскому президенту об отмене автономии и в связи с аннулированием «трактатов, касающихся автономии Внешней Монголии» указом китайского президента от 22 ноября 1919 г. [подробнее см.: Нота..., 1920; Кузьмин, 2016, с. 134–145; 2021, с. 76–78]. На такой случай имелись разъяснения Б. Э. Нольде: «Если бы — что, конечно, вне разумного предвидения — почему-либо отпала сила пекинского и кяхтинского актов, то положение Монголии стало бы вновь определяться с формальной точки зрения ургинским политическим договором» [Нольде, 1915, с. 2168]. То есть в результате в силу вновь вступало Русско-Монгольское соглашение 1912 г. Ни соглашения 1912 и 1915 гг., ни декларация 1913 г. не предусматривали ввод во Внешнюю Монголию китайских войск и отмену ее автономии. Следовательно, в 1919 г. статус Монголии изменился с автономного на оккупированное государство.

25 июля 1919 г. Совет народных комиссаров РСФСР в обращении к народу и правительству Китая объявил об отказе от всех тайных договоров. Заявлялось, что народы Китая сами решат, в границах какого государства желают быть [Документы внешней..., 1958]. На следующий день — 26 июля 1919 г. Народный комиссариат иностранных дел РСФСР заявил в обращении к монгольскому народу: «Рабоче-крестьянское правительство уничтожило все тайные договоры с Японией и Китаем, которыми царское правительство в свое время, под видом автономии Монголии, отняло Монголию у Китая только для того, чтобы разделить ее между собою и Японией <...> Русский народ отказался от всех договоров с японским и китайским правительством относительно Монголии. Монголия есть свободная страна. Русские советники, царские консулы... должны быть выгнаны из Монголии. Вся власть и суд в стране должны принадлежать монгольскому народу. <...> В отмену соглашения 1915 г. Монголия, как независимая страна, имеет право сноситься со всеми другими народами без всякой опеки со стороны Пекина или Петрограда» [АВПРФ, ф. 111, оп. 2, п. 102, д. 25, л. 6 — цит. по: Российско-монгольское..., 2008, с. 106]⁶.

Формально это означало как признание права на самоопределение монголов, так и отмену соглашений Российской империи по Монголии. В тот период в России было двоевластие — белые и красные. Белые продолжали признавать старые соглашения. Следовательно, не приходится говорить об их легитимном аннулировании.

⁶ В пересказе этого документа Юдиным указано соглашение не 1915, а 1913 г. [Юдин, 1936, с. 67].

В 1921 г. барон Р. Ф. Унгерн разгромил иностранных оккупантов и восстановил независимость Монголии. Он подчеркивал, что он восстановил именно автономию Внешней Монголии, что она должна находиться под сюзеренитетом маньчжурского хана. Однако власть этого хана еще предстояло восстановить, а Монголию от китайской власти он уже освободил. Следовательно, Унгерн восстановил независимость, а не автономию Монголии под сюзеренитетом Китайской республики.

После того, как Азиатская конная дивизия Унгерна потерпела поражение от красных войск, пришла к власти Монгольская народная партия, поддерживавшаяся большевиками. 5 ноября 1921 г. было подписано соглашение между РСФСР и Монголией. В нем правительства обеих стран взаимно признавали друг друга единственно законной властью каждой страны; международный статус Монголии не затрагивался. 31 мая 1924 г. было подписано Советско-Китайское соглашение, которое признало Внешнюю Монголию составной частью Китая и его сюзеренитет над ней. Сюзеренитет — это не сюзеренитет, а полная власть. Термин «Внешняя Монголия» вновь использован вместо термина «Монголия», который использовался в Советско-Монгольском соглашении 1921 г. Вместе с тем в советско-монгольских отношениях использовалось название МНР. 3 марта 1925 г. народный комиссар иностранных дел СССР Г. В. Чичерин, разъясняя позицию советской стороны, заявил, что СССР признал широкую автономию Монголии как государства, которая не допускала вмешательства Китая [Кузьмин, 2016, с. 362]. В результате МНР оставалась независимым государством. В январе 1946 г. правительство Китайской республики признало итоги референдума 1945 г., когда практически все население МНР проголосовало за независимость. Это открыло широкое международное признание независимого государства Монголия.

Таким образом, Монголия никогда не была частью Китая и в период существования империи Цин представляла разрозненные владения, находившиеся в основном в вассальной зависимости от маньчжурской династии. Провозглашение независимости Монголии в 1911 г. было легитимным. Включение монгольских земель в состав Китайской республики было нелегитимно. Ко времени заключения соглашения 1912 г. при всех различиях подходов российской и монгольской сторон их интересы по ряду позиций совпадали: Монголия не должна была колонизироваться китайцами и китаизироваться, ее провозглашенная независимость и самоуправление должны были в той или иной форме сохраняться с опорой на развитие отношений между Монголией и Россией. Русско-Монгольское соглашение 1912 г. явилось результатом взаимных компромиссов российской и монгольской сторон. Это первое международное соглашение новой Монголии. По содержанию, способу выработки и заключения это был документ о создании независимого государства, каковым его справедливо считали монголы. Его подписанием Россия признала государственность Монголии, ее договороспособность и международную правосубъектность, абсолютную теократическую монархию как форму правления страной. Кяхтинское соглашение 1915 г., пришедшее на смену соглашению 1912 г., инкорпорировало ряд положений последнего. Фактически оно признавало государственность Монголии, ее автономию под чисто формальным сюзеренитетом Китая и т. д. В результате нелегитимной отмены автономии Внешней Монголии Китаем в 1919 г. она приобрела статус оккупированного государства. Барон Р. Ф. Унгерн в 1921 г. освободил Внешнюю Монголию от оккупации и восстановил ее независимость. Этот статус сохранялся и у МНР до 1946 г., после чего наступило широкое международное признание независимого государства Монголия. Но основу статусу современной Монголии как независимого государства положило именно Русско-Монгольское соглашение 1912 г., санкционированное двумя монархами — России и Монголии.

Источники и литература/ Sources and References

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи, Москва [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire, Moscow].

Бакич О. История дневника И. Я. Коростовца. *Монгол-Оросын 1912 оны гэрээ ба И. Я. Коростовец*. Улаанбаатар, 2013. С. 49–52 [Bakich O. History of I. Ya. Korostovets diary. *Mongol-Orosyn 1912 ony geree ba I. Ya. Korostovets*. Ulaanbaatar, 2013. Pp. 49–52 (in Russian)].

Балдоо Б., Дамдинсүрэн С., Хайсандай Л. *Монголын тусгаар тогтнол ба орос хятадын хүчин зүйл*. Улаанбаатар, 1999 [Baldoо B., Damdinsuren S., Khaisandai L. *Mongolian independence and the Russian-Chinese influence*. Ulaanbaatar, 1999 (in Mongolian)].

Баранов И. Китайская печать о русско-монгольском соглашении. *Вестник Азии* (Харбин). 1913. № 13 (январь). С. 77–86 [Baranov I. Chinese press on the Russo-Mongolian Agreement. *Vestnik Azii* (Harbin). 1913. No. 13. Pp. 77–86 (in Russian)].

Батбаяр Ц. *Монгол ба их гурнууд XX зууны эхний хагаст*. Улаанбаатар, 2006 [Batbayar Ts. *Mongolia and great powers in the first half of the 20th Century*. Ulaanbaatar, 2006 (in Mongolian)].

Батбаяр Ц. *Олноо Өргөгдсөн Монгол улсын гадаад харилцаа*. Улаанбаатар, 2008 [Batbayar Ts. *International relations of the Mongolian States in the period of the Elevated by the Many*. Ulaanbaatar, 2008 (in Mongolian)].

Батбаяр Ц. 1912 оны Монгол-Оросын хэлэлцээр ба Юань Шикайн байр суурьтай холбоотой зарим асуудал. *Россия и Монголия на рубеже XIX–XX веков: экономика, дипломатия, культура*. Улан-Батор — Иркутск, 2013. Х. 128–134 [Batbayar Ts. The 1912 Russo-Mongolian Agreement and some problems of the position of Yuan Shikai. *Rossiya i Mongoliya na rubezhe XIX–XX vekov: ekonomika, diplomatiya, kultura*. Ulaanbaatar — Irkutsk, 2013. Pp. 128–134 (in Mongolian)].

Батсайхан О. Монголо-русское соглашение 1912 г. *Восток*. 2009. № 3. С. 60–69 [Batsaikhan O. The 1912 Mongolian-Russian Agreement. *Vostok (Oriens)*. 2009. No. 3. Pp. 60–69 (in Russian)].

Батсайхан О. Монголо-российский договор о дружбе 1912 г. и И. Я. Коростовец. *Монголия сегодня*. № 42–43 (552–553). 01.11.2012. С. 11 [Batsaikhan O. The 1912 Mongolian-Russian Friendship Agreement and I. Ya. Korostovets. *Mongoliya segodnya*. No. 42–43 (552–553). 01.11.2012. P. 11 (in Russian)].

Батсайхан О. Уполномоченный императорского российского правительства в Монголии в августе 1912 — мае 1913 г. Иван Яковлевич Коростовец. *Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН*. 2013. № 4 (12). С. 77–87 [Batsaikhan O. The Russian Imperial Government Plenipotentiary Ivan Yakovlevich Korostovets in Mongolia in August 1912 — May 1913. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya RAN*. 2013. No. 4 (12). Pp. 77–87 (in Russian)].

Батсайхан О. Монгол Оросын 1912 оны найрамдлын гэрээ ба И. Я. Коростовец. *Монгол-Оросын 1912 оны гэрээ ба И. Я. Коростовец*. Улаанбаатар, 2013. Х. 21–48 [Batsaikhan O. The 1912 Mongolian-Russian Friendship Agreement and I. Ya. Korostovets *Mongol-Orosyn 1912 ony geree ba I. Ya. Korostovets*. Ulaanbaatar, 2013. Pp. 21–48 (in Mongolian)].

Батсайхан О. *Монголия на пути к государству-нации (1911–1946)*. Иркутск — Улан-Удэ, 2014 [Batsaikhan O. *Mongolia on the road to the nation-state*. Irkutsk — Ulan-Ude, 2014 (in Russian)].

Батсайхан О. Монголо-российский договор о дружбе 1912 года и И. Я. Коростовец. *Россия и Монголия: история, дипломатия, экономика, наука*. Иркутск — Улан-Батор, 2016. С. 58–71 [Batsaikhan O. The 1912 Mongolian-Russian Friendship Agreement and I. Ya. Korostovets. *Rossiya i Mongoliya: istoriya, diplomatiya, ekonomika, nauka*. Irkutsk — Ulaanbaatar, 2016. Pp. 58–71 (in Russian)].

Батсайхан О. *Последний великий хан Монголии Богдо Джебцзундамба-хутухта VIII. Жизнь и легенды*. М., 2018 [Batsaikhan O. *The Last Great Khan of Mongolia the 8th Bodg Javzandamna Khutuktu. Life and legends*. Moscow, 2018 (in Russian)].

Батсайхан О. Монголо-русский договор 1912 г. как начало дипломатических отношений двух стран. *Россия — Монголия: 100 лет вместе. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию установления российско-монгольских дипломатических отношений*. Иркутск, 2021. С. 18–33 [Batsaikhan O. The 1912 Mongolian-Russian Treaty as the beginning of diplomatic relations between the two countries. *Rossiya — Mongoliya: 100 let vmeste*. Irkutsk, 2021. Pp. 18–33 (in Russian)].

Батунаев Э. В. *Борьба за независимость Монгольского государства (1911–1921 гг.)*. Улан-Удэ, 2015 [Batunaev E. V. *Fight for the independence of Mongolian state (1911–1921 гг.)*. Ulan-Ude, 2015 (in Russian)].

Белов Е. А. Реакция в Китае на Русско-Монгольское соглашение 1912 г. (к истории русско-китайских отношений). *Проблемы Дальнего Востока*. 1994. № 4. С. 108–118 [Belov E. A. Reaction in China to the 1912 Russo-Mongolian Agreement. *Problemy Dalnego Vostoka*. 1994. No. 4. Pp. 108–118 (in Russian)].

Белов Е. А. *Россия и Китай в начале XX века. Русско-китайские противоречия в 1911–1915 гг.* М., 1997 [Belov E. A. *Russia and China in the beginning of the 20th Century. Russian-Chinese contradictions in 1911–1915*. Moscow, 1997 (in Russian)].

Белов Е. А. *Россия и Монголия (1911–1919 гг.)*. М., 1999 [Belov E. A. *Russia and Mongolia (1911–1919 гг.)*. Moscow, 1999 (in Russian)].

Восток (Харбин) [*Vostok* (Harbin)] (in Russian)].

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации, Москва [State Archive of the Russian Federation, Moscow].

Гримм Э. Д. *Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Д. Востоке (1842–1925)*. М., 1927 [Grimm E. D. *Collection of treaties and other documents on the history of international relations in the Far East (1842–1925)*. Moscow, 1927 (in Russian)].

Дарьина Т. С. Роль Российской империи в достижении автономии Внешней Монголии в начале XX века. *Научно-практический электронный журнал Аллея Науки*. 2020. № 1(40). С. 157–161 [Dariina T. S. The role of Russian Empire in the autonomy of Outer Mongolia in the beginning of the 20th Century. *Nauchno-prakticheskii zhurnal Alleya Nauki*. 2020. No. 1(40). Pp. 157–161 (in Russian)].

Дмитриев С. В., Кузьмин С. А. Империя Цин как Китай: анатомия исторического мифа. *Восток (Oriens)*. 2014. № 1. С. 5–17 [Dmitriev S. V., Kuzmin S. L. Qing Empire as China: anatomy of a historical myth. *Vostok (Oriens)*. 2014. No. 1. Pp. 5–17 (in Russian)].

Документы внешней политики СССР. 1958. Т. 2. М. — http://www.1000dokumente.de/?c=dokument_ru&dokument=0015_kar&object=translation&l=ru (дата обращения: 05.01.2023) [Documents of foreign policy of the USSR. 1958. Vol. 2. Moscow].

Дудин П. Н. История международных договоров, закрепляющих статус Монголии в начале XX в. (1911–1924 гг.). *Вестник Бурятского государственного университета*. 2011. № 7. С. 162–165 [Dudin P. N. History of international treaties fixing the status of Mongolia in the beginning of the 20th Century. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2011. No. 7. Pp. 162–165 (in Russian)].

Дудин П. Н. Статус Внешней Монголии в международных договорах с участием России в начале XX века (1911–1924 гг.). *Евразийский юридический журнал*. 2011. № 5 (36). С. 40–42 [Dudin P. N. Status of Outer Mongolia in international treaties with participation of Russia in the beginning of the 20th Century. *Evrasiiskii yuridicheskii zhurnal*. 2011. No. 5(36). Pp. 40–42 (in Russian)].

Дудин П. Н. Становление и нормативное закрепление теократической монархии в Монголии. *Право*. 2013. № 2. С. 156–161 [Dudin P. N. Formation and legal fixation of the theocratic monarchy in Mongolia. *Pravo*. 2013. No. 2. Pp. 156–161 (in Russian)].

Дудин П. Н. И. Я. Коростовец, «создатель Монголии», и русская дипломатическая миссия в Урге в 1912 г. *Былые годы*. 2017. Т. 43. № 1. С. 274–284 [Dudin P. N. I. Ya. Korostovets, the «creator of Mongolia» and Russian diplomatic mission in Uрга in 1912. *Bylye gody*. 2017. V. 43. No. 1. Pp. 274–284 (in Russian)].

Дудин П. Н., Митупов К. Б.-М. *Становление монгольской государственности (первая половина XX века)*. Улан-Удэ, 2012 [Dudin P. N., Mitupov K. B.-M. *Formation of the Mongolian statehood (first half of the 20th Century)*. Ulan-Ude, 2012 (in Russian)].

Дэндэв Л. *Монголын товч түүх*. Улаанбаатар, 2006 [Dendeв L. *Brief history of Mongolia*. Ulaanbaatar, 2006 (in Mongolian)].

Заятуев Г. Н. Пропаганда научных и политических знаний в Монголии в начале XX в. *Культура Монголии в средние века и новое время (XVI—начало XX в.)*. Улан-Удэ, 1986. С. 33–40 [Zayatuев G. N. Propaganda of scientific and political knowledge in Mongolia in the beginning of the 20th Century. *Kultura Mongolii v srednie veka i novoe vremya (16th—beginning of the 20th Century)*. Ulan-Ude, 1986. Pp. 33–40 (in Russian)].

Известия Министерства иностранных дел. 1913, кн. 1 [Proceedings of the Foreign Ministry. 1913, pt. 1 (in Russian)].

История Монгольской народной республики. М. Изд. 1: 1954. Изд. 2: 1967. Изд. 3: 1983 [History of Mongolian People's Republic. Moscow. Ed. 1: 1954; ed. 2: 1967; ed. 3: 1983 (in Russian)].

История Монголии. XX век. М., 2007 [History of Mongolia. 20th Century. Moscow, 2007 (in Russian)].

Каллиников А. *Революционная Монголия*. М., 1926 [Kallinikov A. *Revolutionary Mongolia*. Moscow, 1926 (in Russian)].

Коростовец И. Я. Девять месяцев в Монголии. Дневник русского уполномоченного в Урге. Декабрь 1912 г.— май 1913 г. *Россияне в Азии*. 1995. № 2. С. 85–211 [Korostovets I. Ya. Nine months in Mongolia. Diary of the Russian plenipotentiary in Mongolia. August 1912 — May 1913. *Rossiyanе v Azii*. 1995. No. 2. Pp. 85–211 (in Russian)].

Коростовец И. Я. Девять месяцев в Монголии. Дневник русского уполномоченного в Урге. Декабрь 1912 г.— май 1913 г. *Россияне в Азии*. 1996. № 3. С. 225–292 [Korostovets I. Ya. Nine months in Mongolia. Diary of the Russian plenipotentiary in Mongolia. August 1912 — May 1913. *Rossiyanе v Azii*. 1996. No. 3. Pp. 225–292 (in Russian)].

Коростовец И. Я. *От Чингис хана до Советской республики*. Улан-Батор, 2004 [Korostovets I. Ya. *From Chinggis Khan to Soviet republic*. Ulan-Bator, 2004 (in Russian)].

Коростовец И. Я. *Девять месяцев в Монголии. Дневник русского уполномоченного в Монголии. Август 1912 — май 1913 г.* Улаанбаатар, 2009 [Korostovets I. Ya. *Nine months in Mongolia. Diary of the Russian plenipotentiary in Mongolia. August 1912 — May 1913*. Ulaanbaatar, 2009 (in Russian)].

Красный архив. 1929. Т. 6 (37) [Red Archive. 1929. V. 6 (37) (in Russian)].

Кузнецов В. В. Установление дружественных отношений между Монголией и Россией. *Регион в приграничном пространстве. Международная научная конференция, посвященная 165-летию образования Забайкальской области, 165-летию Забайкальского казачьего войска и 95-летию установления дипломатических отношений между Россией и Монголией*. Чита, 2016. С. 32–34 [Kuznetsov V. V. Establishment of friendly relations between Mongolia and Russia. *Region v prigranichnom prostranstve*. Chita, 2016. Pp. 32–34 (in Russian)].

Кузьмин С. А. Российско-Монгольское соглашение 1912 г. и его историческое значение. *Монголия сегодня*. № 42–43 (552–553). 01.11.2012. С. 10 [Kuzmin S. L. Russo-Mongolian Agreement of 1912 and its historical significance. *Mongoliya segodnya*. 2012. No. 42–43 (552–553). 01.11.2012. P. 10 (in Russian)].

Кузьмин С. А. Русско-Монгольское соглашение 1912 г. и независимость Монголии. *Вестник Московского городского педагогического университета, серия «Исторические науки»*. 2015. № 1. С. 80–87 [Kuzmin S. L. The 1912 Russo-Mongolian Agreement and independence of Mongolia. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta, seriya «Istoricheskie nauki»*. 2015. No. 1. Pp. 80–87 (in Russian)].

Кузьмин С. А. *Теократическая государственность и буддийская церковь Монголии в начале XX века*. М., 2016 [Kuzmin S. L. *Theocratic Statehood and the Buddhist Church in Mongolia in the Beginning of the 20th Century*. Moscow, 2016 (in Russian)].

Кузьмин С. А. О дипломатических отношениях России и Монголии в начале XX века. *Россия — Монголия: история, вызовы XXI в., перспективы*. Улан-Батор, 2017. С. 104–109 [Kuzmin S. L. On the diplomatic relations between Russia and Mongolia in the early 20th Century. *Rossiya — Mongoliya: istoriya, vyzovy XXI veka, perspektivy*. Ulan-Bator, 2017. Pp. 104–109 (in Russian)].

Кузьмин С. А. Вассалитет на Западе и Востоке: проблема отношений империи Цин с Монголией и Тибетом. *Восток*. 2019. № 1. С. 39–54 [Kuzmin S. L. The Problem of vassalage in the West and the East: relations of the Qing Empire with Mongolia and Tibet. *Vostok (Oriens)*. 2019. No. 1. Pp. 39–54 (in Russian)].

Кузьмин С. А. Динамика правового статуса Монголии в XX веке. *Desertum Magnum: studia historica*. 2020. № 1. С. 58–67 [Kuzmin S. L. Dynamics of the legal status of Mongolia in the 20th Century. *Desertum Magnum: studia historica*. 2020. No. 1. Pp. 58–67 (in Russian)].

Кузьмин С. А. Барон Р. Ф. фон Унгерн-Штернберг — Монголыг чөлөөлөгч. *Монголын түүхэн дэх Барон Р. Ф. фон Унгерн-Штернберг*. Улаанбаатар, 2021. Х. 61–86 [Kuzmin S. L. Baron R. F. von Ungern-Sternberg, the liberator of Mongolia. *Mongolyn Tuukhen Dekh Baron R. F. von Ungern-Sternberg*. Ulaanbaatar, 2021. Pp. 61–86 (in Mongolian and Russian)].

Кузьмин С. А. О дипломатических отношениях между Россией и Монголией до и после 1921 г. *100 лет дипломатических отношений между Россией и Монголией: от дружественных отношений к всеобъемлющему стратегическому партнерству*. М., 2022. С. 52–65 [Kuzmin S. L. On diplomatic relations between Russia and Mongolia before and after 1921. *100 years of diplomatic relations between Russia and Mongolia: from amicable relations to comprehensive strategic partnership*. Moscow, 2022. Pp. 52–65 (in Russian)].

Курас Л. В. Синьхайская революция 1911–1913 гг. и Монголия: современная российско-монгольская историография. *Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН*. 2015. № 2 (18). С. 97–111 [Kuras L. V. The Xinhai Revolution of 1911–1913 and Mongolia: modern Russian and Mongolian historiography. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya RAN*. 2015.No. 2 (18). Pp. 97–111 (in Russian)].

Курас Л. В., Цыбенков Б. Д. 100 лет Российско-Монгольскому соглашению 1912 года. *Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН*. 2012. № 2 (6). С. 213–219 [Kuras L. V., Tsybenov B. D. 100 years of the 1912 Russo-Mongolian Agreement. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya RAN*. 2012. No. 2 (6). Pp. 213–219 (in Russian)].

Курас Л. В., Цыбенков Б. Д. От Уполномоченного императорского российского правительства в Монголии И. Я. Коростовца до Уполномоченного НКВД РСФСР в Монголии О. И. Макстенка: к 100-летию российско-монгольских дипломатических отношений. *Монголоведение*. 2021. Т. 13. № 2. С. 351–365 [Kuras L. V., Tsybenov B. D. From the plenipotentiary of the Russian Government in Mongolia I. Ya. Korostovets to plenipotentiary of the NKVD RSFSR in Mongolia O. I. Makstenek: to the 100 years of the Russo-Mongolian diplomatic relations. *Mongolovedenie*. 2021. V. 13. No. 2. Pp. 351–365 (in Russian)].

Купшелев Ю. *Монголия и монгольский вопрос*. СПб., 1912 [Kushelev Yu. *Mongolia and the Mongolian Qestion*. St. Petersburg, 1912 (in Russian)].

Липовцов С. *Уложение китайской Палаты внешних сношений*. Т. 1, 2. СПб., 1828 [Lipovtsov S. *The Lifanyuan Code*. V. 1, 2. St. Petersburg, 1828. (in Russian)].

Лиштованный Е. И. К вопросу о философии национально-освободительного движения в Монголии. *Гуманитарные исследования Внутренней Азии*. 2007. № 1. С. 71–79 [Lishtovannyi E. I. To the problem of philosophy of the national liberation movement in Mongolia. *Gumanitarnye issledovaniya Vnutrennei Azii*. 2007. No. 1. Pp. 7–79 (in Russian)].

Лонжид З. *Түүх сэхэхүй*. Улаанбаатар, 2011 [Lonjid Z. *Opening pages of history*. Ulaanbaatar, 2011 (in Mongolian)].

Лузянин С. Г. *Россия — Монголия — Китай в первой половине XX в.* М., 2013 [Luzyanin S. G. *Russia — Mongolia — China in the first half of the 20th Century*. Moscow, 2013 (in Russian)].

Лю Сунбинь, Лю Хайтао, Ли Янь, Ли Шиань, Чжан Цюаньсинь, Чжан Шухуа, Чжан Шуньхун, Сун Гуйлунь, Пан Сяомин, Чжу Хуанхэ, Цзян Хуэй, Пу Голян. *История международного коммунистического движения*. М., 2016 [Liu Songbin, Liu Haitao, Li Yan, Li Shian, Zhang Quangxin, Zhang Shuhua, Zhang Shunhung, Song Guilun, Pang Xiaoming, Zhu Huanghe, Jian Hui, Pu Guoliang. *History of international communist movement*. Moscow, 2016 (in Russian)].

Магсаржав Н. *Монгол улсын шинэ түүх* [Новая история Монголии]. Улаанбаатар, 1994 [Magsarjav N. *Modern history of Mongolia*. Ulaanbaatar, 1994 (in Mongolian)].

Мартенс Ф. *Современное международное право цивилизованных народов*. СПб., 1882. Т. 1 [Martens F. *Modern international law of civilized peoples*. St. Petersburg, 1882. V. 1 (in Russian)].

Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств 1878–1917. Серия 2. 1900–1913. Т. 20, ч. 2. Москва — Ленинград, 1940 [International relations in the epoch of imperialism. Documents from the archives of the Tsar's and Temporary governments in 1878–1917. Series 2. 1900–1913. V. 20, pt. 2. Moscow-Leningrad, 1940 (in Russian)].

Монгол-Оросын 1912 оны гэрээ ба II. Я. Коростовец. Улаанбаатар, 2013 [Mongol-Orosyn 1912 ony geree ba I. Ya. Korostovets. Ulaanbaatar, 2013 (in Mongolian)].

Наками Т. Несколько заметок о русском дипломате И. Я. Коростовце и Русско-Монгольском соглашении 1912 года. *Монгол-Оросын 1912 оны гэрээ ба II. Я. Коростовец*. Улаанбаатар, 2013. С. 53–66 [Nakami T. Some remarks on the Russian diplomat I. Ya. Korostovets and the 1912 Russo-Mongolian Agreement. *Mongol-Orosyn 1912 ony geree ba I. Ya. Korostovets*. Ulaanbaatar, 2013. Pp. 53–66 (in Russian)].

Новое время (Харбин) [Novoe vremya (Harbin) (in Russian)].

Нольде Б. Э. Международное положение Монголии. *Право*. 1915. № 34. С. 2153–2168; № 35. С. 2217–2231 [Nolde B. E. International status of Mongolia. *Pravo*. 1915. No. 34. Pp. 2153–2168; No. 35. Pp. 2217–2231 (in Russian)].

Нольде Б. Э. *Далекое и близкое. Исторические очерки*. Париж, 1930 [Nolde B. E. *Dalekoe i blizkoe. Historical accounts*. Paris, 1930 (in Russian)].

Нота посланника кн. Кудашева. *Русский голос* (Харбин). 30.09.1920 [The note by Prince Kudashev, the plenipotentiary. *Russkii Golos* (Harbin). September 30. 1920 (in Russian)].

Овчинников В. А. Международное положение Монголии десять лет тому назад (из прошлого русской дипломатии на Дальнем Востоке). *Жизнь Бурятии*. 1925. № 9–12. С. 25–38 [Ovchinnikov V. A. International position of Mongolia 10 years ago (from the past of the Russian diplomacy on the Far East). *Zhizn Buryatii*. 1925. No. 9–12. Pp. 25–38 (in Russian)].

Овчинников В. Из юридической литературы о международном положении Монголии. Высшая школа в Харбине. *Известия Юридического факультета*. 1926. Т. 3. С. 35–43 [Ovchinnikov V. From juridical literature on the international status of Mongolia. *Vyshshaya shkola Harbina. Izvestiya Yuridicheskogo fakulteta*. 1926. V. 3. Pp. 35–43 (in Russian)].

Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. 32. 1912. Отделение 1. От № 36391–38603 и Дополнения. Петроград, 1915 [Full collection of laws of the Russian Empire. Division 3. V. 32. 1912. Division 1. From no 36391–38603 and Addenda. Petrograd, 1915 (in Russian)].

Правительственное сообщение 26 октября 1912 г. (*Правительственный вестник*. 26 октября 1912 г. № 234). *Известия Министерства иностранных дел*. 1913. № 1. С. 46–48 [Governmental report in October 26. 1912 (*Pravitelstvennyi vestnik*. 26 October 1912. No. 234). *Izvestiya Ministerstva inostrannykh del*. 1913. No. 1. Pp. 46–48 (in Russian)].

Пунцагноров Ц. *Монголын автономит үеийн түүх. 1911–1919*. Улаанбаатар, 1955 [History of Mongolia in the period of autonomy, 1911–1919. Ulaanbaatar, 1955 (in Mongolian)].

Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946). Москва — Улан-Удэ, 2008 [Russian-Mongolian military cooperation (1911–1946). Moscow — Ulan-Ude, 2008 (in Russian)].

Русско-китайские отношения 1689–1916. Официальные документы. Москва, 1958 [Russian-Chinese relations in 1689–1916. Official documents. Moscow, 1958 (in Russian)].

Сандаг Ш. *Монгол улс төрийн гадаад харилцаа, 1850–1919*. Улаанбаатар, 1971 [Sandag Sh. *International relations of Mongolia in 1850–1919*. Ulaanbaatar, 1971 (in Mongolian)].

Сборник дипломатических документов по Монгольскому вопросу (23 августа 1912 г. — 2 ноября 1913 г.). СПб., 1914 [Collection of diplomatic documents on the Mongolian question August 23, 1912 — November 2, 1913. St. Petersburg, 1914 (in Russian)].

Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917. М., 1952 [Collection of treaties between Russia and other countries, 1856–1917. Moscow, 1952 (in Russian)].

Сизова А. А. Оценки монгольского движения за независимость начала XX в. в трудах современных китайских исследователей. *Исторические события в жизни Китая и современность. Материалы IV Всероссийской научной конференции Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Дальнего Востока РАН*. М., 2016. С. 19–29 [Sizova A. A. Estimations of the Mongolian independence movement in the beginning of the 20th Century in the works of modern Chinese researchers. *Istoricheskie sobytiya v zhizni Kitaya i sovremennost*. Moscow, 2016. Pp. 19–29 (in Russian)].

Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1912. № 255. С. 4375–4377 [Collection of legislation and directives of the government. 1912. No. 255. Pp. 4375–4377 (in Russian)].

Тачибана М. *Монголын мартагдсан түүх. Богд хаант засгийн газар (1911–1921)*. Улаанбаатар, 2011 [Tachibana M. *Mongolian forgotten history. The Bogdo Khan's Government (1911–1921)*. Ulaanbaatar, 2011 (in Mongolian)].

Тачибана М. 1912 оны Орос-Монголын найрамдлын гэрээ ба олон улсын эрх зүй. *Монгол-оросын 1912 оны гэрээ ба II. Я. Коростовец. Улаанбаатар*, 2013. X. 94–104 [Tachibana M. The 1912 Russo-Mongolian Friendship Treaty and international situation. *Mongol-Orosyn 1912 ony geree ba I. Ya. Korostovets*. Ulaanbaatar, 2013. Pp. 94–104 (in Mongolian)].

Тачибана М. Правительство автономной Внешней Монголии в истории: оценки в прошлом и настоящем. *Институт Богдо-гэгэна в истории Монголии (Труды Института востоковедения РАН. Вып. 25)*. Москва, 2019. С. 121–142 [Tachibana M. The government of autonomous Outer Mongolia in history: estimations in the past and present. *Institut Bogdo-gege na v istorii Mongolii (Trudy Instituta vostokovedeniya RAN. Issue 25)*. Moscow, 2019. Pp. 121–142 (in Russian)].

Шинэ тол хэмээх бичиг (Нийслэл-хурэ) [Shine tol khemeekh bichig (Niislel Khuree) (in Mongolian)].

Ширендыб Б. *Монголия на рубеже XIX–XX веков*. Улан-Батор, 1963 [Shirendyb B. Mongolia at the border of 19th and 20th centuries. Ulan-Bator, 1963 (in Russian)].

Штейнфельд Н. Важная недомолвка в Ургинском договоре. *Вестник Азии*. 1913. № 15. С. 23–26 [Shteinfeld N. Important understatement in the Urga treaty. *Vestnik Azii*. 1913. No. 15. Pp. 23–26 (in Russian)].

Юдин В. Пятнадцатилетие освобождения Монголии. *Борьба классов*. 1936. № 7. С. 67–77 [Yudin V. 15 years of liberation of Mongolia. *Borba klassov*. 1936 No. 7. Pp. 67–77 (in Russian)].

Accord d'amitie et de commerce; signe a Ourga, le 21 octobre/3 novembre, suivi d'un Protocole, signe a la date du meme jour. *Triepel H. Nouveau Recueil General de Traites et Autres Actes Relatifs aux Rapports de Droit International*. 3 serie. V. 7, livr. 1. Leipzig, 1913. Pp. 11–17.

American Journal of International Law. 1916. V. 10. No. 4. Supplement: Official Documents (Oct., 1916). P. 239–246.

Dallin D. J. *The Rise of Russia in Asia*. London, 1950.

Evening Star (Washington).

Fort Mill Times (Fort Mill).

Friters G. M. The prelude to Outer Mongolian independence. *Pacific Affairs*. 1937. V. 10. No. 2. Pp. 168–189.

Her E. The «Great Game»: Mongolia between Russia and China. *Mongolian Journal of International Affairs*. 1997. No. 4. Pp. 62–71.

Leibold J. Competing narratives of racial unity in Republican China: from the Yellow Emperor to Peking man. *Modern China*. 2006. V. 32. No. 2. Pp. 181–220.

Leong S.-N. *Sino-Soviet Diplomatic Relations, 1917–1926*. Canberra, 1976.

Liu Chunling. Yuan Shikai zaiwai menggu zizhi zhong de waijiao zhengce. *Baicheng shi fan xue yuan xue bao* [Liu Chunling. Yuan Shikai foreign policy in the question of the Outer Mongolia autonomy. *Journal of Baicheng Normal College*. 2005. No. 4. Pp. 80–84 (in Chinese)].

MacMurray J. V. A. *Treaties and Agreements with and Concerning China 1894–1919. V. 2. Republican Period (1912–1919)*. New York, 1921.

Mansvetov F. Russia and China in Outer Mongolia. *Foreign Affairs*. 1945. V. 24. No. 1. Pp. 143–152.

- Miele M. *Mongolian Independence and the British. Geopolitics and Diplomacy in High Asia, 1911–1916*. Bristol, England, 2022. — <https://www.e-ir.info/2022/08/19/mongolian-independence-and-the-british-the-chinese-backdown/> (дата обращения: 04.12.2022).
- Nemzer L. The status of Outer Mongolia in international law. *American Journal of International Law*. 1939. V. 33. No. 3. Pp. 452–464.
- New York Herald* (New York).
- New York Tribune* (New York).
- Onon U., Pritchatt D. *Asia's First Modern Revolution. Mongolia Proclaims Its Independence in 1911*. Leiden, 1989.
- Oppenheim L. *International Law. A Treatise. V. 1. Peace*. London — New York — Bombay, 1905.
- Outer Mongolia. Treaties and Agreements. Carnegie Endowment for International Peace. Division of International Law. Pamphlet no 41*. Washington, 1921.
- Shaw M. N. *International Law*. Ed. 6. Cambridge etc., 2008.
- Tang P. S. H. *Russian and Soviet Policy in Manchuria and Outer Mongolia 1911–1931*. Durham, 1959.
- The Sun* (New York).
- Washington Herald* (Washington).
- Weale B. L. P. *Fight for Republic of China*. London, 1918.
- Zhao G. Reinventing China: imperial Qing ideology and the rise of modern Chinese national identity in the early Twentieth Century. *Modern China*. 2006. V. 32. No. 1. Pp. 3–30.

DOI: 10.31696/2618-7302-2023-1-036-047

МЕСТО РУССКО-МОНГОЛЬСКОГО СОГЛАШЕНИЯ 1912 г. В ИСТОРИИ РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ

© 2023

В. В. Грайворонский¹

В статье рассмотрены краткая история подготовки и подписания Русско-Монгольского соглашения о дружбе 1912 г., причины, факторы, провозглашение независимости Монголии, «монгольский вопрос», позиция правительства царской России, миссия И. Я. Коростовца, переговоры, позиции российской и монгольской сторон, основные пункты Соглашения, признание правительством Российской империи правительства Автономной Монголии.

Ключевые слова: Российская империя, Монголия, «монгольский вопрос», миссия И. Я. Коростовца, Русско-Монгольское соглашение 1912 г., его место и значение

Для цитирования: Грайворонский В. В. Место Русско-Монгольского соглашения 1912 г. в истории российско-монгольских отношений. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 1. С. 36–47. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-1-036-047

THE PLACE OF RUSSIAN-MONGOLIAN FRIENDSHIP AGREEMENT OF 1912 IN THE HISTORY OF RUSSIAN-MONGOLIAN RELATIONS

Vladimir V. Grayvoronskiy

In the article are examined following issues as the short history of the preparation and signing Russian-Mongolian agreement of 1912, its main reasons, factors, proclamation of the Mongolia's independence, «the Mongolian question», position of the tsarist Russia's government, mission of I. Ya. Korostovets, negotiations, main points of the Agreement, recognition of the government of Autonomous Mongolia by the government of the Russian Empire.

Keywords: Russian Empire, Mongolia, proclamation of Mongolia's independence, «the Mongolian question», mission of I. Ya. Korostovets, Russo-Mongolian Agreement of 1912 and its significance

For citation: Grayvoronskiy V. V. The Place of Russian-Mongolian Friendship Agreement of 1912 in the History of Russian-Mongolian Relations. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2023. 1. Pp. 36–47. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-1-036-047

¹ Грайворонский Владимир Викторович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заведующий сектором Монголии Отдела Кореи и Монголии Института востоковедения РАН, Москва; graiv2000@mail.ru
Vladimir V. Grayvoronskiy, DSc (History), Chief Research Associate, head of Mongolia Studies Unit, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; graiv2000@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9842-401X

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы, опираясь на новые источники, архивные материалы и достижения современной исторической науки, попытаться определить место и значение русско-монгольского Соглашения о дружбе 1912 г. в истории российско-монгольских отношений в XX — начале XXI вв.

Из истории подписания Соглашения

110 лет тому назад, 21 октября/3 ноября 1912 г., в столице Монголии Урге, которая была переименована в Нийслэл-Хурээ («Столица-монастырь»), произошло важное событие во многовековой истории русско-монгольских отношений, которое продолжает привлекать внимание историков, политиков, дипломатов, политологов, востоковедов, монголоведов, других специалистов и читателей. В этот день были подписаны два документа: Русско-Монгольское соглашение о дружбе и прилагаемый к нему Торговый протокол. Соглашение и протокол подписали: с российской стороны — уполномоченный представитель правительства Российской империи, известный российский дипломат, действительный статский советник И. Я. Коростовец, с монгольской стороны — премьер-министр Монголии Сайн-ноён-хан Намнансурэн и 5 министров правительства Богдо-хана, в том числе министр внутренних дел, цин-ван, да-лама Цэрэнчимэд, министр иностранных дел, цин-ван Ханддорж, военный министр дзюн-ван Гомбосурэн, министр финансов дзюн-ван Чагдаржав, министр юстиции дзюн-ван Намсрай.

Это Соглашение известно в истории международных отношений и в научной литературе как «Русско-Монгольское соглашение от 21 октября/3 ноября 1912 г.», «Соглашение» (в русском оригинале), «Монголо-Русское соглашение (договор) о дружбе» (факсимиле монгольского оригинала) [Соглашение. АВПРИ. Ф. 163. Трактаты. Оп. 3, Д. 963, л. 1–2; Батсайхан О. 2008, с. 325–331], «Дружественное соглашение о признании Россией автономной Монголии» [Военное сотрудничество, 2019, т. 1. с. 28–29]. К настоящему времени история подготовки и подписания Соглашения относительно хорошо известна, исследована в научных трудах российских, монгольских и других зарубежных историков, дневниках и воспоминаниях дипломатов, в том числе российских историков Б. М. Гурьева [Гурьев, 1911], Ю. Кушелева [Кушелев, 1912], Е. А. Белова [Белов, 1999; Белов, Лузянин, 2000], С. Г. Лузянина [Лузянин, 2000], Ю. В. Кузьмина [Кузьмин Ю. В., 1997; 2013], С. А. Кузьмина [Кузьмин С. А., 2015], в дневнике и исследовании дипломата И. Я. Коростовца [Коростовец, 2004; 2009] и др. Особенно большой вклад в поиски, изучение и введение в научный оборот большого числа новых ценных источников и архивных материалов, детальное изучение истории подготовки и подписания Русско-Монгольского соглашения 1912 г., а также трехстороннего Русско-Китайско-Монгольского Кяхтинского соглашения 1915 г., жизни и деятельности Богдо-гэгэна Джебцундамба-хутухты VIII внесли монгольские историки Н. Магсаржав [Магсаржав, 1994], Л. Дэндэв [Дэндэв, 1934; 2006], Ш. Нацагдорж [Нацагдорж, 1941; 1963], Ц. Пунцагноров [Пунцагноров, 1955], Ш. Сандаг [Сандаг, 1966; 1971; 2018], Л. Жамсран [Жамсран, 1992а; 1992б; 1996], О. Батсайхан [Батсайхан, 2002; 2005; 2008; 2018], Ц. Батбаяр [Батбаяр, 1993; 2006], Ж. Болдбаатар [Болдбаатар, 1994; 2007; 2011] и др. Свой вклад в изучение истории подписания Русско-Монгольского соглашения 1912 г. и его значения внесли также зарубежные монголоеды, в т. ч. китайские — Чэнь Вэйсинь [Чэнь Вэйсинь, 2001], Чи Сюн Чан (Chi Hsiung Chang) [Чи Сюн Чан, 1995], американские Т. Ивинг [Eving T., 1977], японские историки-монголоеды Танака Кацухико (Tanaka Katsuhiko) [Танака, 1991], Наками Тацуо (Nakami Tatsuo) [Наками, 1997; 1999], Тачибана Макото [Тачибана, 2011; 2013],

корейский монголовед Ли Пён Ри [Ли Пён Ри, 2011]; немецкий монголовед Удо Б. Баркманн [Баркманн, 1999, 2022] и др.

Главная особенность и значение этого соглашения состояла в том, что это было первое соглашение между правительством Российской империи и правительством нового государства Монголия, провозглашенного по инициативе правящих кругов Монголии 1 декабря 1911 г.

Основная причина подписания соглашения состояла в необходимости для правительства Российской империи найти оптимальный вариант решения так называемого «монгольского вопроса», который возник и стал актуальным после того, как 1 декабря 1911 г. правящие круги Халха-Монголии (Внешней Монголии) во главе с Богдо-гэгэном VIII по своей инициативе и своими силами совершили мирный государственный переворот, официально объявили об отделении Халхи от Цинской империи, о прекращении исполнять распоряжения цинско-китайской администрации, выслали ее представителей и китайские войска из Урги, провозгласили создание нового, независимого государства Монголия во главе с предстоятелем буддийской церкви в Монголии Богдо-гэгэном Джебцзундамба-хутухтой VIII, который был торжественно возведен на престол абсолютного теократического монарха и получил титул «Многими возведенный» Богдо-хан. При этом следует отметить, что переворот был совершен, несмотря на неоднократные советы и рекомендации представителей правительства царской России не торопиться с отделением от Цинской империи и созданием самостоятельного, независимого монгольского государства.

До этого момента с конца XVII в. Халха (Внешняя Монголия) в течение более 220 лет находилась в составе Цинской империи на правах относительной автономии. Таким образом, в результате Синьхайской революции в Китае и национально-освободительной революции в Халхе в регионе сложилась сложная, парадоксальная ситуация. В то время как в Китае произошла Синьхайская революция, в результате которой распалась Цинская империя и была образована Китайская республика, местные правители Халхи провозгласили полное отделение от Цинской империи, создали новое монгольское государство во главе в теократическим монархом Богдо-ханом Джебцзундамба-хутухтой VIII и отвергли многочисленные предложения правительства Китайской республики вновь вернуться в состав Китая.

1 декабря 1912 г. в Нийслэл-Хурээ (Урга) было опубликовано Воззвание (*монг. тунхаг бичиг*) правящих кругов Халхи (ханы, ваны, бэйлэ, бэйсэ, гуны, дзасаки, а также хамба, шанцзотба и да-ламы четырех аймаков Халхи) ко всем монголам, русским, тибетцам, китайцам, буддистам и мирянам. В нем, в частности, говорилось: «В настоящее время имеется много сведений с юга о происходящей смуте между двумя народностями — маньчжурами и китайцами, о том, что маньчжурская династия приходит к своему падению. Исходя из этого, мы постановили: мы, монголы, испокон веков являлись отдельным государством. Теперь, согласно старым порядкам, надлежит установить свое национальное, независимое от других, новое государство. И отныне мы, монголы, перестаем подчиняться маньчжурским и китайским чиновникам, они немедленно лишаются власти и должны вернуться на свою родину, о чем и сообщено им письменно. Распоряжение о лишении власти и выезде на родину не касается мирных китайцев, занятых торговлей, ибо у нас нет желания без всякого повода причинять им зло» (пер. Ш. Сандага) [Батсайхан, 2018, с. 77–78].

Таким образом, в результате государственного переворота, совершенного по инициативе правящей феодальной верхушки и поддержанного широкими народными (аратскими) массами, во Внешней Монголии произошла национально-освободительная революция и была восстановлена государственность монголов, утраченная более 220 лет назад.

Подписанию Соглашения предшествовал ряд важных событий в Монголии, России и Китае. Так, в конце июля 1911 г. в столице Монголии Урге состоялось тайное от цинских властей собрание монгольской духовной и светской знати, говоря современным языком — политической элиты Халхи (Внешней Монголии), в котором приняли участие сам Богдо-гэгэн Джебцзундамба-хутухта VIII, ханы четырех аймаков, князя, высшие иерархи буддийской церкви в Монголии. На собрании обсуждался важнейший, по существу судьбоносный вопрос: что делать в условиях продолжения осуществления «нового курса» политики Цинского правительства, направленного на превращение Халхи в обычную китайскую провинцию, как использовать начавшийся распад Цинской империи и ослабление власти центрального правительства в Пекине для полного освобождения от цинско-китайского господства и угнетения. В результате острого обсуждения различных точек зрения и вариантов стратегии было принято решение о полном отделении Халхи от Цинской империи и образовании самостоятельного, независимого монгольского государства, охватывающего не только территорию Халхи, но и другие территории, где проживают монгольские народности («монгольские племена», *монг. монгол овогтон*), включая Внутреннюю Монголию, Баргу и др. Участники собрания, трезво оценивая свои экономические и военные возможности, прекрасно понимали, что собственными силами не только монголы Халхи, но и все монголы, вместе взятые, включая Внутреннюю Монголию и другие монгольские территории, не смогут достичь поставленной цели. Поэтому было решено обратиться к великому северному соседу — Российской империи за помощью и покровительством в деле освобождения от цинско-китайского господства и угрозы китаизации, для чего тайно направить в Россию, в Петербург, к «белому хану», царю Николаю II специальную делегацию в составе князя, цин-вана Ханддоржа, да-ламы, цин-вана Цэрэнчимэда и князя Хайсана из Внутренней Монголии. Уже сам состав делегации означал, что она представляет интересы не только духовной и светской элиты и монголов Халхи, но также Внутренней Монголии и других монгольских земель.

Монгольская делегация во главе с Ханддоржем прибыла в Петербург 15 августа 1911 г., передала письмо Богдо-хана и ханов четырех аймаков Халхи царю Николаю II с просьбой об оказании помощи и покровительства России в сохранении традиционного, самобытного образа жизни, религии и строя монголов, в противодействии политике Китая по превращению Монголии в китайскую провинцию, о помощи оружием, о намерении монголов Халхи полностью отделиться от Цинской империи и образовать свое независимое монгольское государство, заключить с Россией договор о признании ею независимости нового государства, установить с ней дипломатические отношения, а также заключить отдельные соглашения о расширении русской торговли в Монголии, строительстве железной дороги, организации почтовой связи, добычи полезных ископаемых, создании регулярной монгольской армии и др. В ответ на эти просьбы и предложения председатель Совета Министров России П. А. Столыпин сдержанно посоветовал делегации не предпринимать никаких решительных, активных действий против правительства Цинской империи и пообещал, что правительство России постарается повлиять на Китай в том отношении, чтобы не допустить массового переселения китайцев во Внешнюю Монголию и направления китайских войск в пограничные с Россией районы Монголии [Международные отношения (1878–1917). Сер. 2, т. 18, ч. 1, с. 401]. Иными словами, в то время правительство царской России приняло решение оказать помощь монголам Халхи, но не в тех формах и объемах, на которые рассчитывали правящие круги Внешней Монголии. Царское правительство не поддержало намерение правящей элиты Халхи полностью отделиться от Цинской империи и образовать самостоятельное, независимое панмонгольское государство,

а ограничилось обещанием стать посредником между Монголией и Китаем и дипломатическим путем урегулировать те вопросы, которые беспокоят монголов Халхи (вмешательство цинских и китайских чиновников во внутренние дела управления Халхи, нарушение и ограничение наследственных прав монгольских князей, проведение административной, экономической и военной реформ, колонизация Внешней Монголии китайскими переселенцами, направление маньчжуро-китайских войск).

В 1911–1912 гг. правительство царской России неоднократно предпринимало попытки урегулировать «монгольский вопрос» путем дипломатических переговоров с правительством Китайской республики в рамках широкой автономии Монголии под сюзеренитетом Китая на следующих условиях: 1) сохранение исторически сложившегося, самобытного, автономного строя монголов Внешней Монголии в составе Китая; 2) недопущение колонизации Внешней Монголии китайскими переселенцами; 3) невведение китайских войск во Внешнюю Монголию. Однако правительство Китайской республики, надеясь на то, что оно добьется возвращения Внешней Монголии в состав Китая, категорически отказывалось признать отделение Монголии и образование нового государства и соответственно всячески затягивало переговоры с Россией по этому вопросу. В итоге правительство царской России, видя, что русско-китайские переговоры по «монгольскому вопросу» слишком затянулись, приняло решение начать прямые переговоры непосредственно с правительством Богдо-хана Монголии с целью заключить с ним отдельное соглашение на предлагаемых условиях.

В августе 1912 г. была достигнута договоренность о проведении двусторонних русско-монгольских переговоров с целью заключения соглашения.

Уполномоченный представитель правительства Российской империи Илья Яковлевич Коростовец прибыл в Ургу 21 сентября 1912 г. и привез с собой российский проект соглашения, который был ответом на предложения, сделанные делегацией Ханддоржа в августе 1911 г. Начались трудные и острые переговоры между ним и монгольской делегацией, состоявшей из членов правительства в полном составе во главе с министром внутренних дел, да-ламой Цэрэнчимэдом. Переговоры иногда находились на грани срыва. Дело в том, что позиции России и Монголии по двум основным вопросам не совпадали и существенно различались.

Во-первых, по ключевому для монголов вопросу о признании Россией независимости вновь созданного государства Монголия; во-вторых, о признании его не в существующих границах Внешней Монголии, а в расширенных границах, включая Внутреннюю Монголию и другие монгольские территории, которые признали новое государство Богдо-хана и выразили готовность присоединиться к нему.

Официальная позиция царской России на переговорах была выработана в ходе обсуждения «монгольского вопроса» на нескольких межведомственных совещаниях, в том числе на Особом совещании по делам Дальнего Востока 17 августа 1911 г., Особом совещании под председательством председателя Совета Министров В. И. Коковцева по вопросу о заключении соглашения с ургинским хутухтой и князьями Халхи 15 августа 1912 г. По мнению министра иностранных дел России С. Д. Сазонова и других российских дипломатов, в то время Внешняя Монголия (Халха) по уровню своего политического, экономического и военного развития была недостаточно подготовлена для существования в качестве отдельного, самостоятельного, независимого государства. Поэтому правительство царской России нашло и предложило компромиссный путь решения «монгольского вопроса»: удовлетворить просьбу правящих кругов Внешней Монголии об оказании помощи в сохранении ее традиционного, самобытного строя монголов, в недопущении ввода китайских войск и колонизации ее китайскими переселенцами, решении

других актуальных проблем дипломатическим путем в рамках широкой автономии Монголии под сюзеренитетом Китайской республики.

На совещании 17 августа 1911 г. были определены следующие основные принципы политики России по урегулированию монгольского вопроса: 1) признать задуманные Цинским правительством преобразования в Монголии противоречащими интересам России и поддерживать выступления монголов против этих преобразований; 2) правительству Российской империи не следует принимать на себя обязательство силой оружия остановить задуманное монголами Халхи отложение от Китая; 3) правительство должно выступить посредником между Монголией и Китаем и поддержать «дипломатическим путем стремление монголов сохранить свою самобытность, не порывая с их суверенами — императорами дайцинской династии» [Международные отношения... 1878–1917. Сер. 2, т. 18, ч. 1, с. 341]. На совещании было также решено усилить конвой российского консульства в Урге 200 казаками и принять меры по обеспечению безопасности членов монгольской делегации и тех, кто их послал.

На Особом совещании под председательством В. П. Коковцева 15 августа 1912 г. было принято решение о целесообразности заключения между Россией и Халхой соглашения, «сущность которого сводилась к обещанию правительства отстаивать самобытный строй Халхи и не допускать как ввода в Монголию китайских войск, так равно и колонизации ее китайцами» [Международные отношения... 1878–1917. Сер. 2, т. 20, ч. 2, с. 6–7]. В ходе обсуждения русского и двух монгольских проектов соглашения в сентябре-октябре 1912 г. в Урге разгорелись горячие споры вокруг формулировки о статусе Внешней Монголии. И. Я. Коростовец последовательно разъяснял и отстаивал официальную российскую позицию: определить статус Монголии как «расширенную автономию», «автономное государство» без указания международного статуса Монголии. Монгольская сторона во главе с да-ламой Цэрэнчимэдом не соглашалась с понижением статуса независимого государства Монголия до уровня автономии и настаивала на признании полной независимости Монголии, включая Внешнюю Монголию, а также Внутреннюю Монголию и другие монгольские территории, которые признали правительство Богдо-хана и выразили готовность войти в состав нового государства Монголия.

О СОДЕРЖАНИИ СОГЛАШЕНИЯ

21 октября/3 ноября 1912 г. И. Я. Коростовец и премьер-министр Намнансурэн, который сменил Цэрэнчимэда на посту руководителя делегации, и другие пять министров правительства Монголии подписали Соглашение и Торговый протокол, приложенный к нему. Соглашение состоит из преамбулы и четырех статей.

В вводной части Соглашения были названы основные изменения, которые произошли в Монголии и в монголо-китайских отношениях за последнее время: «Ввиду всенародно выраженного желания монголов сохранить исторически сложившийся самобытный строй своей страны китайские войска и власти были удалены с монгольской территории и Повелителем монгольского народа был провозглашен Чжебзун-Дамба-Хутухта. Прежние отношения Монголии к Китаю, таким образом, прекратились» [Дружественное соглашение о признании..., (1911–1946). Сб. док., ч. 1, с. 28–31]. Иными словами, были зафиксированы факты: удаление по воле монгольского народа представителей цинско-китайской администрации и китайских войск с территории Халхи, прекращение прежних отношений Монголии с Китаем, провозглашение Чжебзундамба-хутухты Повелителем монгольского народа. Далее в Соглашении говорилось: «Ныне, ввиду вышеизложенного, а также существующей между русским и монгольским

народами исконной взаимной дружбы и ввиду необходимости точно определить порядок взаимной русско-монгольской торговли...», полномочные представители России и Монголия договорились о нижеследующем. Согласно статье 1 Соглашения Императорское правительство России взяло на себя обязательство оказать Монголии «свою помощь к тому, чтобы она сохранила установленный ею автономный строй, а также право содержать свое национальное войско, не допуская на свою территорию китайские войска и колонизации своих земель китайцами» [Дружественное соглашение о признании..., (1911–1946). Сб. док., ч. 1, с. 28]. Именно эти пункты составили основное содержание обязательств России, которые легли в основу этого и последующих соглашений между Россией, Монголией и Китаем, в том числе Русско-китайской декларации от 5 ноября 1913 г. и тройственного русско-китайско-монгольского Кяхтинского соглашения от 25 мая 1915 г.

Монгольское правительство в свою очередь обязалось дать возможность русским подданным и русской торговле по-прежнему пользоваться в своих владениях правами и привилегиями, перечисленными в прилагаемом протоколе (статья 2). При этом не предоставлять другим иностранным компаниям прав больше, чем те, которыми пользуются русские компании. Статья 3 предусматривала, что в случае если Монгольское правительство сочтет нужным вступить в отдельный договор с Китаем или другим иностранным государством, то новым договором не могут быть нарушены или изменены статьи настоящего Соглашения и Протокола без согласия Императорского Российского правительства. Оба текста на русском и монгольском языках были сличены и признаны согласными. При этом в русском оригинале Соглашения было сказано, что Российское правительство окажет Монголии помощь в том, чтобы «она сохранила установленный ею автономный строй», а в монгольском оригинале выражение «автономный строй» было переведено как «өөртөө тогтнож, өөрөө эзэрхэх», что по смыслу означало «самоопределение и самоуправление». Это выражение может трактоваться и как «независимость», и как «автономия». Как известно, в литературе существуют различные трактовки и оценки содержания и значения этого соглашения.

В условиях решительного отказа Китайской республики признать факт отделения Монголии от Китая и образования нового, самостоятельного Монгольского государства, угрозы военных действий для подавления монгольских «бунтовщиков», сохранения непредсказуемости дальнейшего хода событий в Монголии и Китае, неопределенности в отношении международного статуса Монголии с точки зрения национальных интересов царской России у нее не было намерения признать независимость государства Монголии и тем самым вступить в открытый конфликт с Китаем. Поэтому правительство царской России выработало и последовательно проводило вышесказанную политику — оказать поддержку Монголии дипломатическим путем в рамках признания широкой автономии Монголии под сюзеренитетом Китайской республики.

Монгольская сторона понимала и трактовала Соглашение как акт признания независимости государства Монголии и последовательно боролась за признание полной независимости своего государства.

О значении Соглашения для Российской империи, Автономной Монголии и Китайской Республики

Подписание Русско-Монгольского соглашения 1912 г. открыло новый этап в истории российско-монгольских отношений, этап официального признания правительством Российской

империи правительства государства Монголия в форме автономии в составе Китая, этап усиления политических, экономических и военных позиций России в Монголии.

С точки зрения национальных интересов России подписание Соглашения означало большое достижение царской дипломатии. В сложной международной обстановке начала 1910-х гг. правительству Российской империи удалось выработать и последовательно реализовать собственную мирную, компромиссную схему решения «монгольского вопроса» с учетом сохранения и защиты самобытного автономного строя Халха-Монголии, недопущения ввода китайских войск и превращения ее в китайскую провинцию. Соглашение стало первым правовым документом официального признания правительством царской России правительства самопровозглашенного государства Монголия. Это был первый шаг на пути установления межгосударственных отношений между Российской империей и Монголией. Для молодого непризнанного государства Монголия подписание Соглашения с великой державой Россией означало первый правовой документ, начало международного признания государства Монголии как субъекта международных отношений после провозглашения независимости, начало трудного и длительного процесса международного признания независимости Монголии.

Советский, российский исследователь, китаевед-историк Е. А. Белов, руководствуясь принципом классового подхода, характерного для советской историографии, следующим образом оценил значение данного Соглашения для Монголии: «Таким образом, монгольские феодалы не добились своих целей: не получили согласия России на независимость Монголии, ни права определять ее границы. Однако Внешняя Монголия получила по соглашению широчайшую автономию в составе Китая. А поскольку Урга не признавала власть китайского правительства, постольку Внешняя Монголия в эти годы была фактически независимым государством (до Кяхтинского соглашения 1915 г.)» [Белов, 1999, с. 87].

Другой советский, российский историк С. Г. Лузянин отметил, что подписание Соглашения — «первый международно-правовой акт ургинского правительства после провозглашения независимости» [Лузянин, 2000, с. 51]. Говоря о значении Соглашения 1912 г. для становления монгольской государственности и формирования региональной системы Россия — Внешняя Монголия — Китай, С. Г. Лузянин, в частности, подчеркнул: «...русско-монгольское (1912 г.) и русско-китайское (1913 г.) соглашения не только способствовали становлению монгольского государства в качестве субъекта международных отношений, но и лежали в основе создания тройственной региональной системы Россия — Внешняя Монголия — Китай» [Лузянин, 2000, с. 59–60].

С. А. Кузьмин пришел к выводу: «По содержанию, способу выработки и заключения это был документ о создании независимого государства, каковым его и считали монголы, а также многие эксперты того времени и китайские власти. Примечательно, что подписавший документ Коростовец сам считал его признанием именно независимости Монголии» [Коростовец, 2009, с. 198]. Однако опубликованные документы, архивные материалы, мемуары И. Я. Коростовца, вся история возникновения и решения «монгольского вопроса», вся политика царского правительства Российской империи и деятельность И. Я. Коростовца в Монголии свидетельствуют о том, что начиная с августа 1911 г. правительство царской России последовательно и твердо проводило политику, направленную на оказание помощи Монголии в отношении сохранения ее самобытного строя, предотвращения ввода китайских войск на ее территорию и недопущения колонизации Монголии китайскими переселенцами в рамках автономного государства с широкими правами в составе Китая. Данная политика оказалась эффективной при заключении последующих соглашений между Россией, Китаем и Монголией.

Монгольский историк, ведущий исследователь истории этого и других соглашений, заключенных между Монголией, Россией и Китаем в 1912–1915 гг., О. Батсайхан, автор специального фундаментального исследования данного и других соглашений, следующим образом оценил значение этого соглашения для Монголии: «Этот договор, заключенный между Россией и Монголией в 1912 г., стал одним из проявлений того, что Монголия вновь вышла на международную арену в качестве государства. Заключение этого договора в определенной степени ослабило прежние, сложившиеся отношения между Монголией и Китаем, и открыло возможности для расширения участия русских в экономической и социальной жизни монголов» [Батсайхан, 2008, с. 256]. Далее он пишет: «Россия договором о дружбе 1912 г. официально признала Монгольское правительство и поэтому это означает, что она рассматривала Монголию в качестве законного субъекта, имеющего право на заключение договора» [Батсайхан, 2008, с. 257]. О. Батсайхан пришел к основному выводу: «Таким образом, тот факт, что государство Монголия заключило договор с могучей Российской империей, был событием, которое способствовало продолжению борьбы монголов за независимость своей страны» [Батсайхан, 2008, с. 257].

Точка зрения автора статьи состоит в том, что заключение Русско-Монгольского соглашения от 1912 г. — одно из важных событий в истории российско-монгольских отношений в начале XX в. Его историческое значение состояло в том, что это было первое соглашение о признании Российской империей правительства Монголии после отделения Внешней Монголии от Цинской империи и создании нового, независимого государства Монголия. Форма и содержание соглашения действительно дают основания для различных толкований его содержания и отдельных формулировок. Однако при оценке места и роли этого события с позиций современности следует исходить, прежде всего, из реальных исторических фактов, в частности, из того, что данное Соглашение было официально признано правительством Китайской республики и правительствами других ведущих государств мира и сыграло важную роль в заключении ряда последующих соглашений и договоров между Россией, Монголией и Китаем.

Обобщая вышесказанное, можно сделать несколько выводов. Во-первых, тема истории и значения Русско-Монгольского соглашения 1912 г. для отношений между Россией, Монголией и Китаем продолжает оставаться актуальной и дискуссионной и поэтому нуждается в продолжении всестороннего исследования. Во-вторых, Русско-Монгольское соглашение от 21 октября/3 ноября 1912 г. было первым правовым документом, который открыл новый этап межгосударственных отношений между Российской империей и Монголией. Не случайно в настоящее время Русско-Монгольское соглашение 1912 г. стоит первым в списке основных межгосударственных документов, заключенных между Россией и Монголией в XX — начале XXI в. В-третьих, международный статус Монголии был установлен в форме расширенной автономии в составе Китайской республики. В-четвертых, за последние годы монгольские, российские и зарубежные историки проделали большую работу по восстановлению исторической правды в отношении роли ряда российских и монгольских политических, религиозных деятелей и дипломатов в подготовке и подписании Русско-Монгольского соглашения, в том числе министра иностранных дел России С. Д. Сазонова, российского уполномоченного И. Я. Коростовца и др., а также монгольских политических и религиозных деятелей — Богдо-гэгэна Джебцзундамба-хутухты VIII, министра внутренних дел, да-ламы Цэрэнчимэда, премьер-министра Намнансурэна, министра иностранных дел Ханддоржа и других.

Литература/References

Белов Е. А. *Россия и Монголия (1911–1919 гг.)*. М.: ИВ РАН, 1999 [Belov E. A. *Russia and Mongolia (1911–1919)*. Moscow: IOS RAS, 1999 (in Russian)].

Белов Е. А., Лузянин С. Г. О концепции «Монгольского вопроса» в «Истории Монгольской Народной Республики». *Восток (Oriens)*. 2000. № 1 [Belov E. A., Luzyanin S. G. On concept of the «Mongol question» in the «History of Mongolian People's Republic». *Vostok (Oriens)*. 2000. No. 1].

Гурьев Б. М. *Политические отношения России к Монголии*. СПб., 1911 [Guriev B. M. *Political relations of Russia toward Mongolia*. Saint-Peterburg, 1911].

Дружественное соглашение о признании Россией автономной Монголии // *Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946)*. Сборник документов. В 2 частях. Часть 1. М.: ИД «Граница», 2019. С. 28–31 [Friendship Agreement on Russia's recognition of autonomous Mongolia. *Russian-Mongolian military cooperation (1911–1916)*. Collection of documents. Part I–II. P. 1. M.: Publishing house «Granitsa», 2019. Pp. 28–31].

Лузянин С. Г. *Россия — Монголия — Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг.* М.: ИДВ РАН, 2000 [Luzyanin S. G. *Russia–Mongolia–China in the first half of the XX century. Political relations in 1911–1946*. Moscow: IFE RAS, 2000].

Коростовец И. Я. *Девять месяцев в Монголии* / Сост. О. Батсайхан (Монголия). Ред.: О. Батсайхан, О. Бакич (Канада), Наками Тацуо (Япония). Уб., 2009 [Korostovets I. Ya. *Nine months in Mongolia. Dairy of the Russian Commissioner in Mongolia. August 1912 — May 1913*. Compiled by O. Batsaikhan. Ed. O. Batsaikhan, O. Bakich (Canada), Nakami Tatsyo (Japan). Ulaanbaatar, 2009].

Коростовец И. Я. *От Чингисхана до Советской республики* / Отв. ред. О. Батсайхан. Ред. Б. В. Базаров, В. Ц. Ганжууров. Уб., 2004 [Korostovets I. Ya. *From Chenghis Khan to Soviet Republic*. Ed. O. Batsaikhan, B. V. Bazarov, V. Ts. Ganjurov. Ulaanbaatar, 2004].

Кузьмин С. Л. Русско-Монгольское соглашение 1912 г. и независимость Монголии. *Вестник МПГУ*. Серия «Исторические науки». 2015. № 1. С. 80–87 [Kusmin S. L. *Russian-Mongolian Agreement of 1912 and independence of Mongolia*. *Bulletin of the Moscow State Pedagogical University*. Ser.: Historical sciences. 2015. No. 1. Pp. 80–87].

Кузьмин Ю. В. Монголия и «монгольский вопрос» в общественно-политической мысли России: (конец XIX — 30-е гг. XX вв.) / Науч. ред. В. В. Свинин. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1997 [Kusmin Yu. V. *Mongolia and «Mongol question» in Russian Sociopolitical thought: (late XIX — 30s of the XX century)*. Ed. V. V. Svinin. Irkutsk: Publishing house of the Irkutsk university, 1997].

Кузьмин Ю. В. Монголия и русско-монгольские отношения начала XX века в общественно-политической мысли России // *Актуальные вопросы истории российско-монгольских отношений первой четверти XX века*. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2013. С. 27–39 и др. [Mongolia and Russian-Mongolian relations in the sociopolitical thought of Russia // *Actual issues of history Russian-Mongolian in the first quarter of the XX century*. Irkutsk: Publishing house of BGUEP, 2013. Pp. 27–39 etc.].

Купшелев Ю. *Монголия и Монгольский вопрос*. СПб., 1912 [Kushelev Yu. *Mongolia and the Mongolian question*. Saint-Peterburg. 1912].

Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. 1878–1917. Сер. 2. Т. 18. Ч. 1. С. 401 [International Relations in the Age of Imperialism. Documents from the archives of the Tsarist and Provisional Governments. 1878–1917. Ser. 2. V. 18. Part 1. P. 401].

Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. 1878–1917. Сер. 2. Т. 18. Ч. 1. С. 341 [International Relations in the Age of Imperialism. Documents from the archives of the Tsarist and Provisional Governments. 1878–1917. Ser. 2. V. 18. Part 1. P. 341].

Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. 1878–1917. Сер. 2. Т. 20. Ч. 2. С. 6–7 [International Relations in the Age of Imperialism. Documents from the archives of the Tsarist and Provisional Governments. 1878–1917. Ser. 2. V. 20. Part 2. Pp. 6–7].

Соглашение. // АВПРИ. Ф. 163. Трактаты. Оп. 3. Д. 963. Л. 1–2. Подлинник [Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire. F. 163. Op. 3. D. 963. Fol. 1–2. Original.

Ивинг Т. (Eving Thomas). «*Chinese and Russian Policies in Outer Mongolia, 1911 to 1921*» (PhD diss., Indiana University, 1977).

Наками Тацуо (Nakami Tatsuo). *Russian diplomats and Mongol independence. 1911–1915* // Mongolia in the Twentieth century; Landlocked Cosmopolitan / Ed. by Stephen Kotkin and Bruce Elleman, NY and London. M. E. Sharpe, 1999.; Y. Korostovets and the Mongol problem of independence in the early 1910's. // 7-th International Congress of Mongolists. Ulaanbaatar, August 1907.

Баркманн У. (Barkmann Udo B.). *Geschichte der Mongolei oder Die Mongolische Frage.* Verlag: Bouvier, Bonn, 1999; *1911 оноос өмнөх болон хойших үеийн Монгол улсын дотоод, гадаад бүрэн эрхт байдлын асуудалд дайх үг* (Заметки по вопросу о внутреннем и международном суверенитете Монголии до и после 1911 г.) [Some remarks on the question of Mongolia's internal and external sovereignty before and after 1911 // www.baabar.mn (дата обращения: 07.11.2022).

Батбаяр Ц. *Кодама, Мицуй нүүс, Хүрээнд байсан япончууд: 1911–1921* (Кодама, фирма Мицуй и японцы, которые были в Монголии (1911–1921). Уб., 1993 [Kodama, firm Mitsui and the Japanese who were in Khuree. Ulaanbaatar, 1993]; *Монгол ба их гүрнүүд ХХ зууны эхний хагаст* (Монголия и великие державы в первой половине ХХ века). Уб., 2006 [Mongolia and the major powers in the first half of the ХХ century. Ulaanbaatar, 2006].

Батсайхан О. *Монголын тусгаар тогтнол ба Хятад, Орос, Монгол улсын 1915 оны Хиагтын гэрээ (1911–1916)*. Уб.: Адмон, 2002 [Mongolian Independence and Kiakhta Agreement of 1915 between China, Russia and Mongolia. 1911–1915]. Ulaanbaatar: Admon, 2002]; *Монгол үндэстэн бүрэн эрхт улс болох замд (1911–1946)*. Уб.: Адмон, 2005 [Mongol nation on the way to be the completely sovereign state. Ulaanbaatar: Admon, 2005]; *Монголын сүүлчийн эзэн хаан VIII Богд Жавзандамба. 1911 оны үндэсний хувьсгал* (Последний великий хан Монголии Богдо Джебцундамба VIII. Национальная революция 1911 г.). Уб., 2008. С. 327 [The last great khan of Mongolia Bogdo Jebtsundamba kytukhtu VIII. National revolution of 1911. Ulaanbaatar, 2008]; *Последний великий хан Монголии Богдо Джебцундамба-хутухта VIII. Жизнь и легенды.* Отв. ред. С. Л. Кузьмин. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2018 [The last great khan of Mongolia Bogdo Jebtsundamba khytukhtu VIII. Life and legends. Moscow: РН КМК, 2018]; *Монголо-Русское соглашение о дружбе 1912 г. и его историческое значение* // «Монголия сегодня», Уб., 29.05.2011 [Mongol-Russian friendship Agreement of 1912 and its historical significance. Ulaanbaatar: Newspaper «Mongolia today», 29.05.2011].

Болдбаатар Ж. *Эрдэнэ дайчин, чин ван Ханддорж (Чин ван Ханддорж)*. Уб., 1994 [Chin van Khanddorj. Ulaanbaatar, 1994]; *Эрдэнэ дайчин хошой чин ван Ханддорж* (Дважды чин ван Ханддорж). Уб., 2011 [Double chin van Khanddorj. Ulaanbaatar, 2011]; *Монгол улсын түүхэнд Наймдугаар Богд Живзундамба хутагтын гүйцэтгэсэн үүрэг* (Роль Восьмого Богдо Джебцундамба-хутухты в истории государства Монголия) // МУИС-аас зохион байгуулсан «1911 оны үндэсний хувьсгал ба Наймдугаар Богд Жавзандамба хутагт» эрдэм шинжилгээний бага хуралд тавьсан илтгэл, 2007 оны 5 дугаар сарын 23, Улаанбаатар [The Role of the Eighth Bogdo Jebzundamba Khutukhta in the History of the State of Mongolia. Report at the scientific conference «The National Revolution of 1911 and the Eighth Jebzundamba Hutukhta» held in the MSU, 23.05.2007. Ulaanbaatar].

Жамсран Л. *Монголын цагаагчин гажай жилийн хувьсгал* (Монгольская революция года беловой свиньи). Уб., 1992 [The Mongolian Revolution of the Year of the White Pig. Ulaanbaatar, 1992]; *Олноо өргөгдсөн Монгол улс* (Многими возведенное государство Монголия). Уб., 1992 [The State of Mongolia, erected by many. Ulaanbaatar, 1992]; *Монголчуудын сэргэн мандалтын эхэн* (Начало возрождения монголов). Уб., 1996 [The Beginning of the Mongolian Revival. Ulaanbaatar, 1996].

Дэндэв Л. *Монголын товч түүх* (Краткая история Монголии). Уб., 1934, 2006 [Brief History of Mongolia. Ulaanbaatar, 1934, 2006].

Ли Пён Ри. *1911 онд Монголын үндэсний тусгаар тогтнолыг сэргээн тунхагласан түүхийг нэхэн шинжлэхүй* (Дополнительное исследование истории провозглашения восстановления независимости Монголии в 1911 г.). Изд. 2-е. Уб.: Сэлэнгэпресс, 2011 [Additional Research on the History of the Restoration of Mongolia's Independence in 1911. 2-nd edition. Ulaanbaatar: Selengepress, 2011].

Магсаржав Н. *Монгол улсын товч түүх* (Краткая история Монголии). Уб., 1994 [Brief History of Mongolia. Ulaanbaatar, 1994].

Монгол Оросын 1912 оны найрамдлын гэрээ бичгийн монгол хэлээрх уг бичиг. (Монголо-Русское соглашение о дружбе 1912 г. Факсимиле подлинника на монгольском языке) // Батсайхан Э. О. Монголын сүүлчийн эзэн хаан VIII Богд Жавзандамба. 1911 оны үндэсний хувьсгал. Судалгааны бүтээл (Последний великий хан Монголии Богдо Джебцундамба VIII. Национальная революция 1911 г.). Улаанбаатар, 2008. С. 327 [The Mongolian-Russian Friendship Agreement of 1912. Facsimile of the original in Mongolian // Batsaikhan O. The last great khan of Mongolia Bogdo Jebtsundamba kytukhtu VIII. National revolution of 1911. Ulaanbaatar, 2008. P. 327].

Нацагдорж Ш. *Халх даь үндэсний эрх чөлөөний хөдөлгөөн ба феодалыг эсэргүүцсэн хөдөлгөөн* (Национально-освободительное движение и антифеодалное движение в Халхе). Уб., 1941 [National liberation movement and anti-feudal movement in Khalkh. Ulaanbaatar, 1941]; Халхын түүх. Уб., 1963 [History of Khalkh. Ulaanbaatar, 1963].

Пунцагноров Ц. *Монголын автономит үеийн түүх* (История Монголии в период автономии). Уб., 1955 [Puntsagnorov Ts. History of Mongolia in the period of autonomy. Ulaanbaatar, 1955].

Сандаг Ш. *Борьба монгольского народа за государственную независимость и строительство новой жизни*. Уб., 1966 [Sandag Sh. The struggle of the Mongolian people for state independence and building of a new life. Ulaanbaatar, 1966]; *Монголын улс төрийн гадаад харилцаа* (Внешнеполитические отношения Монголии). Тэргүүн дэвтэр (Часть 1). Уб., 1971 [Foreign policy relations of Mongolia. Part I. Ulaanbaatar, 1971]; *Монголын улс төрийн гадаад харилцаа (1850–1919)* (Внешнеполитические отношения Монголии (1850–1919)). Уб., 2011 [Foreign policy relations of Mongolia (1850–1919). Ulaanbaatar, 2011].

Танака Кацухико (Tanaka Kashuhiko). «Тусгаар тогтнол уу, автономи уу» — тусгаар тогтнолын мөрөөдөл. Япончууд Монголын тухай («Независимость или автономия»? — мечта о независимости. Японцы о Монголии). Уб., 1991 [Independence or autonomy? — The dream for independence. The Japanese about Mongolia. Ulaanbaatar, 1991].

Тачибана Макото. *Монгол-Оросын 1912 оны гэрээ ба II. Я. Коростовец* [Монголо-русский договор 1912 г. и И. Я. Коростовец]. Улаанбаатар, 2013. С. 94–104 (на монг. яз.) [Mongol-Russian Agreement of 1912 and I. Ya. Korostovets. Ulaanbaatar, 2013. Pp. 94–104 (in Mongolian)]; *Монголын мартагдсан түүх. Богд хаант засгийн газар (1911–1921)* [Забывтая история Монголии. Правительство Богдо-хана (1911–1921)]. Улаанбаатар: МН Технологи, 2011 [Forgotten History of Mongolia. The Government of Bogdo Khan (1911–1921). Ulaanbaatar: MN Technology, 2011].

Чи Сюн Чан (Chi Hsiung Chang). *Disputes and Negotiations over Outer Mongolia's National Identity, Unification or Independence and Sovereignty, 1911–1916*. An Observation based on the Principle of the Chinese World Order published by the Institute of Modern History, Academia Sinica, Taipei, Republic of China in 1995.

Чэнь Вэйсинь. *Манжаас Хүрээнд явуулсан шинэ засгийн бодлого* («Новая политика, которую маньчжуры проводили в Хүрээ») // «1910–1919 оны Бээжин — Хүрээний улс төрийн харилцаа» сэдэвт эрдэм шинжилгээний бага хуралд тавьсан илтгэл (Доклад на международной научной конференции «Политические отношения между Пекином и Хүрээ в 1910–1919 гг.». Уб., 2000. Олон улсын судлал сэтгүүл. 2001. № 1 [Chen Weixin. The new policy of Manchus pursued in the Hurehe // Report at the international scientific conference «Political relations between Peking and Hurehe in 1910–1919. Ulaanbaatar, 2000. Journal «International studies». 2001. No. 1.

DOI: 10.31696/2618-7302-2023-1-048-063

РУССКО-МОНГОЛЬСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ 1912 г. И РОЛЬ РУССКОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО В ЕГО ПОДГОТОВКЕ

© 2023

О. Батсайхан¹

Статья написана на основе архивных документов Монголии и России, а также личного дневника русского знатока Востока, уполномоченного Российского императорского правительства Ивана Яковлевича Коростовца, который был опубликован впервые на русском и монгольском языках в Монголии. Цель статьи заключается в выяснении истории подписания Соглашения о дружбе между Россией и Монголией 3 ноября 1912 г., а также значения этого документа в истории Монголии. На основе анализа политики Российского императорского правительства в отношении Монголии в начале XX века выявлена роль И. Я. Коростовца, тайного советника, уполномоченного Российского правительства в установлении первого соглашения между Монголией и Россией.

Ключевые слова: независимость Монголии, Монголо-Русское соглашение 1912 г., Богдо-хан, И. Я. Коростовец, С. Д. Сазонов

Для цитирования: Батсайхан О. Русско-Монгольское соглашение 1912 г. и роль русского уполномоченного в его подготовке. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2023. № 1. С. 48–63. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-1-048-063

RUSSO-MONGOLIAN AGREEMENT IN 1912 AND THE ROLE OF RUSSIAN PLENIPOTENTIARY ITS PREPARATION

Batsaikhan Ookhnoi

The work is based on original research in Mongolian and Russian archives, and on the diary of experienced diplomat on Eastern policy of Imperial Russia, Plenipotentiary of the Russian Empire I. Ya, Korostovets, which was published in Mongolia first time in Russian and Mongolian languages. The paper examines historical conditions of the elaboration and signing of the Russo-Mongolian Agreement of 1912, as a direct result of the proclamation of the Mongolian national independence, and its importance in Mongolian history. I analyse the role of Russian plenipotentiary I. Ya. Korostovets in establishment of the first agreement between Mongolia and Russia, based on the examination of the foreign policies of government of Russian Empire concerning Mongolia. The importance of research of these legal acts is recognition of the rebirth of Mongolia by Russia in history of Asia in the beginning of the 20th Century.

¹ Батсайхан Оохной, доктор исторических наук, профессор, Институт международных исследований Академии наук Монголии; batsaikhano@mas.ac.mn

Batsaikhan Ookhnoi, Doctor of Mongolian history (Sc. D), Professor, Leading researcher, Institute of International Studies, Mongolian Academy of Sciences; batsaikhano@mas.ac.mn
ORCID: 0000-0002-5543-5664

Keywords: independence of Mongolia, Russo-Mongolian agreement in 1912, Bogdo-khan, I. Ya. Korostovets, S. D. Sazonov

For citation: Batsaikhan Ookhnoi. Russo-mongolian Agreement in 1912 and the Role of Russian Plenipotentiary its Preparation. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2023. 1. Pp. 48–63. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-1-048-063

В личном деле, хранящемся в Архиве внешней политики Российской империи, написано: «Тайный советник Иван Яковлевич Коростовец родился 25 Августа 1862 года, Вероисповедания православного. Происхождение — из дворян Полтавской губернии» [АВПРИ, фонд Департамента личного состава и хозяйственных дел, оп. 464, д. 1794, л. 1]. Как видим, это был знатный выходец из дворян. Этот дворянин — дипломат Российской империи подписал соглашение от имени Императорского правительства России с министрами Богдоханского правительства вновь образованного Монгольского государства.

Признанный авторитет по вопросам Востока, тайный советник, дипломат И. Я. Коростовец начал свою дипломатическую карьеру сразу же после окончания Александровского лицея в 1884 г. с незначительных должностей в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел России, получая оклад в 400 рублей с 13 июня того же года. Вскоре он был назначен вторым секретарем посольства России в Пекине (с 1890 года по 1894 г.). В 1894–1899 гг. — секретарь миссии Российской империи в Лиссабоне, с 1899 по 1902 г. — заведующий дипломатической канцелярией верховного главнокомандующего адмирала Алексеева в Порт-Артуре, с 1902 г. — генеральный консул в Бушире, вице-директор Первого департамента МИД России. В 1907–1912 гг. Коростовец — чрезвычайный посланник России в Пекине. В 1905 г. был назначен секретарем графа Витте, российского уполномоченного на мирной конференции в Портсмуте. В августе 1912 г. получил назначение в Ургу уполномоченным в русско-монгольских переговорах [АВПРИ, фонд Департамента личного состава и хозяйственных дел, оп. 464, д. 1794, л. 2–12]. С октября 1913 г. И. Я. Коростовец был назначен чрезвычайным посланником Российской империи при персидском дворе, с 1916 года — председателем правления Учетно-ссудного банка Персии.

И. Я. Коростовец был уполномочен правительством России для ведения переговоров с монгольским правительством и прибыл в сентябре 1912 г. в монгольскую столицу Нийслэл-хурэ. После участия в трехмесячных переговорах 3 ноября 1912 г. был подписан Монголо-Российский договор о дружбе с приложением торгового протокола.

В период споров китайских властей с российским послом в Пекине по монгольскому вопросу МИД России принял петицию своего посла в Китае, правительство обсудило проект будущего договора и подало его на усмотрение царю Николаю II, который поставил пометку «Срочно». По указу царя на специальном заседании Совета Министров 3 августа 1912 г., согласно мнению министра иностранных дел, было принято решение прервать переговоры с китайской стороной по монгольскому вопросу и приступить к подписанию секретного договора с Хурэ [Белов, 1994, с. 176]. В принятом решении «О подписании договора с Хутухтой и князьями Урги» было указано «о возрастании опасности по оттягиванию монгольского вопроса». Готовившийся проект договора было решено назвать не договором с Монголией, а лишь «договором с хутухтой и князьями Урги» и дать неопределенное толкование заявлению независимости, назвать его «режимом Халхи», обещать сохранить данный режим, «не упоминать о включении в состав Халхи Внутренней Монголии и Барги» [Международные отношения..., 1931, с. 7].

Хотя данный договор не имел целью признание независимости Монголии, субъектами его подписания были названы «Россия и Монголия», и он должен был соответствовать нормам международного права, иметь дипломатическое значение и, без сомнения, играл особую роль для выхода Монголии на международную арену. Документ преследовал в первую очередь интересы России, тем не менее был крайне важным и для выбора пути Монголии. Это осознавали монгольские лидеры. С Монголией стали поддерживать связь государственные деятели России и министр иностранных дел, ускоряя процесс подписания договора.

Так как Россия решила войти в договор с Монголией, правительство России в августе 1912 г. уведомило правительство Монголии о назначении опытного дипломата И. Я. Коростовца своим особым представителем. Монгольское правительство во главе с ханом Богдо Джебцзундамбой и Сайн-нойон-ханом Намнансурэном выразило благодарность русскому царю в связи с назначением особого посла Коростовца и принятием предложения северному соседу о подписании Договора о дружбе [Монголын ард түмний..., 1982, с. 170]. Это было большим шансом для монголов в деле поиска возможностей закрепления объявленной независимости новой Монголии и сыграло важную роль в выходе Монголии на международную арену на следующем витке истории.

Политика Российской империи в отношении Монголии

Следующим шагом была инструкция, данная правительством и МИД России И. Я. Коростовцу 23 августа 1912 г. [Сборник дипломатических..., 1914, с. 1–2]. В начале этой инструкции было указано, что попытки переговоров с китайской стороной по монгольскому вопросу «не привели к сколько-нибудь осязательным результатам» и китайцы «сеют рознь между князьями Монголии», «стали затем подготавливать военную экспедицию, чтобы покончить силою с монгольской самостоятельностью», и в связи с этим не имеется возможности проведения переговоров с китайцами, не признающими изменение ситуации в Монголии [Сборник дипломатических..., 1914, с. 1–2].

Указывалось, что правительство Российской империи перешло на путь установления прямых контактов с ургинским правительством и приняло решение о подписании соглашения, указывалось, что «необходимо стремиться к образованию пограничного с Россией государства, слабого в военном отношении», и для реализации этих целей следовало:

- 1) сохранить в Халхе управление национальными властями;
- 2) не допускать ввод туда китайских солдат;
- 3) устранить колонизацию монгольских земель китайцами.

Фактически позиция Российской империи относительно Монголии определялась секретными соглашениями между Россией и Японией от 1907, 1910 и 1912 гг. о разделе сфер влияния на Дальнем Востоке. Русско-Японский договор от 30 июля 1907 г. отражал новые отношения между державами на Дальнем Востоке и состоял из официальной и секретной частей, где были разделены сферы влияния в Маньчжурии, Корее и Монголии. Там в пункте 3 было обозначено признание особых интересов Российской империи во Внешней Монголии и обязанность не допускать попыток расторжения условий данного договора. В 1910 г. эти государства подтвердили данное соглашение. 25 июня 1912 г. в пункте 2 третьего секретного договора между Россией и Японией было указано: «Внутренняя Монголия делится на две части: одна на восток, другая на запад от пекинского меридиана (116°127' вост. долг. от Гринвича). Имп. росс. прав-о обязуется признавать и не нарушать специальных яп. интересов в части Внутр. Монголии,

находящейся к востоку от вышеозначенного меридиана; и имп. яп. прав. обязуется признавать и не нарушать специальных русских интересов в части Внутр. Монголии, находящейся к западу от означенного меридиана» [Гримм, 1925, с. 180].

История подписания Соглашения о дружбе между Россией и Монголией

И. Я. Коростовец прибыл в Нийслэл-хурэ в сентябре 1912 г. для ведения переговоров с монгольским правительством. Он прибыл с проектом договора о признании Монголии как автономии по решению правительства России и вручил его монгольской стороне. Представители монгольского правительства, ознакомившись с данным проектом, не согласились с его главной целью — признанием Монголии как автономии. Они внесли в документ поправки и дали Коростовцу свой ответ. Основной идеей поправок монгольских руководителей было: сохранить независимость и уже объявленный суверенитет Монголии; не допустить понижения статуса независимости, ограничения монгольской независимости формой китайской автономии; включить в состав Монголии Внутреннюю Монголию и Баргу; назначить постоянного представителя правительства Монголии в России. Возникли большие споры вокруг поправок, связанные с сохранением позиций обеих сторон, и даже казалось, что переговоры прекратятся. Но в ходе жарких споров стало очевидно, что жесткая позиция монгольской стороны не принесет желаемых результатов. Осознав значимость факта подписания договора с великой державой Россией и принимая во внимание внутреннее и международное положение Монголии, возможности после подписания договора отправить своего посла в Россию, при необходимости обратиться к другим государствам в поисках поддержки, установить равные партнерские отношения со всеми странами мира — монгольская сторона пошла на определенные уступки. Русский представитель тоже пошел на уступку, убрав слово «Внешняя» из названия «Внешняя Монголия», признав целесообразность использования названия «Монголия» в широком смысле слова в русском варианте и использования термина «Монгол улс» в монгольском варианте, и не стал возражать против использования толкований на монгольском языке перевода французского слова «автономия», имеющего греческое происхождение, как «өөртөө тогтнох», «өөрөө эзэрхэх ёс журам». Данный договор стал не только официальным признанием Россией Монголии и ее правительства, но и в дальнейшем был принят за правовую основу в закреплении ее государственного суверенитета. Также необходимо отметить, что в существовавших в то время условиях факт подписания данного договора являлся, в сущности, весьма прогрессивным шагом. После провозглашения Монголией своей независимости данный договор стал первым официальным правовым документом для определения статуса Монголии на международной арене.

В результате двусторонних уступок 21 октября/3 ноября 1912 г. полномочный представитель России И. Я. Коростовец, премьер-министр Сайн-нойон-хан Намнансурэн и пять министров заключили в Нийслэл-хурэ Договор² о дружбе, которым определили отношения между новой Монголией и Россией.

1. В начале Договора было отмечены факты, что были изгнаны с территории Монголии китайские оккупанты, провозглашен Богдо Джебцзундамба-хутухта Всеми Возведенным ханом Монголии, были прерваны монголо-китайские отношения, есть необходимость расширения старинных дружественных русско-монгольских отношений, развития экономических

² В русском тексте документ был назван «Русско-монгольское соглашение о дружбе», а в монгольском — «Монголо-русский договор о дружбе» (монг. Монгол Оросын найрамдалын гэрээ бичиг). Тем самым международно-правовой статус документа различается в монгольском и русском вариантах.

отношений, принятия особых правил ведения торговли. В пункте 1 договора было указано, что правительство Российской империи обязуется сохранять автономию Монголии, окажет помощь для запрещения ввода китайских войск на ее территорию и китайских переселенцев. Монголия начала следовать принципу суверенного существования.

2. Из Монголии были выведены китайские войска и эксплуататоры, а в дальнейшем Монголия имеет право не впускать на свою территорию китайские войска и китайских переселенцев.

В монгольском варианте договора было отмечено, что правительства обеих сторон признали данные условия. В пункте 2 сказано, что великий хан и правительство Монголии обязуются на своей территории оказать российским подданным и торговцам, согласно Протоколу как приложению к настоящему Договору, преференциальный режим ведения торговли, не выдавать особые права торговцам других стран, кроме России. В пункте 3 отмечено, что в случае необходимости и целесообразности заключения нового договора с Китаем или другим государством правительство Монголии не имеет права заключать его без предварительного согласия правительства России. В пункте 4 сказано, что настоящий договор вступает в силу с даты его подписания [Гримм, 1925, с. 180].

Настоящим договором и приложением к нему были узаконены особые права российских торговцев в Монголии. Например, в любой части Монголии российским подданным разрешалось вести торговлю, свободно передвигаться, заниматься производством, обслуживанием, заключать любые виды контрактов, вывозить и ввозить через границу товары без уплаты таможенной пошлины, свободно развивать частную собственность, открывать свои филиалы финансово-банковских организаций, что доказывает монополию россиян на монгольском рынке.

И. Я. Коростовец в своей книге под названием «От Чингис хана до Советской республики» и своем дневнике оставил удивительные записи. Так, он описал свои впечатления о первой встрече с монгольскими лидерами:

«На первое заседание в консульстве собрались все князья — правители, а именно упомянутый Саин-ноин-хан, министр иностранных дел Ханда-ван, министр внутренних дел Да-лама³, министр финансов Тушэту-хан, министр юстиции Эрдэни-ван-Намсарай и военный министр Далай-ван. Я уже говорил о Да-ламе и о Ханда-ване, участниках депутации, посланной в Петербург в 1911 г. Саин-ноин сделался министром недавно, после умершего Дзасакту-хана. Князья приехали верхом, надев для столь торжественного случая парадные курмы и собольи шапки. Их сопровождали многочисленные конюхи, расположившиеся во дворе и в прихожей.

С нашей стороны присутствовали, кроме меня, генеральный консул Люба, Попов, Эльтеков и бурят Церемшилов, состоявший переводчиком консульства. Я впоследствии неоднократно прибегал к услугам этого бурята. Он был вхож ко двору Хутухты и пользовался некоторым влиянием в правительственных сферах, ссужая деньгами князей и тайчжи, из коих многие были в кабале у китайских ростовщиков.

Далее, я начал с заявления, что Россия и Белый Царь, относившиеся всегда дружелюбно в Монголии, узнав о затруднениях, возникших в связи с отделением от Китая, решили прийти к ней на помощь. Задача эта будет облегчена, если монголы заключат с нами соглашение, которое закрепит связь Монголии с Россией и даст ей возможность заступиться за монгольскую автономию. Меня назначили для переговоров, потому что в бытность посланником в Пекине мне пришлось близко познакомиться с монгольскими делами.

От имени князей выступил Да-лама — бритый монах (остальные князья с косами) аскетического вида с резкими чертами лица. Он заявил, что монголы готовы заключить соглашение

³ Да-лама Цэрэнчимэд, министр внутренних дел Монголии.

с Россией, но желали бы прежде выяснить, оно отразится на их отношениях с Китаем. Китайцы также предложили соглашение и хотят прислать монгольского князя Наянту для переговоров. Монгольское правительство в ожидании дальнейших шагов России пока отказалось принять Наянту, оно к тому же стремится к объединению не только Внешней, но и Внутренней Монголии, тесно связанной с первой.

Я объяснил, что мне поручено вести переговоры лишь о Халхе и что вопрос о Внутренней Монголии лучше пока не возбуждать. Что касается Китая, то соглашение с ним монголов, вероятно, будет равносильно отмене их независимости. Мы хотим сближения с монголами ради обоюдной выгоды, ибо считаем, что Монголия, как государство-буфер, могла бы служить оплотом на нашей границе против китайского проникновения. Настоящий шаг вызван образом действия Пекинского правительства и от монголов будет зависеть воспользоваться нашим предложением.

Саин-ноин, хранивший молчание, ответил, что монголы сознают важность переживаемого их страной момента. Слова мои и проект соглашения будут доложены Богдо (Хутухта) безотлагательно. Так закончилось мое первое свидание с монгольскими министрами» [Коростовец, 2004, с. 211–212].

Наибольший интерес вызывает запись Коростовца в день подписания договора. Он писал: «Заключение договора состоялось 21 октября. Вот как произошло это знаменательное событие. Князья приехали в консульство поздно вечером, когда я уже не думал их увидеть. Задержка была вызвана гаданием придворного астролога, выбиравшего счастливый день для подписания. День оказался счастливым, о чем князья заявили мне с видимым удовольствием. Мы тотчас же приступили к сличению текстов и к подписанию. Монголы, впервые видевшие такую процедуру, отнеслись к ней с большой серьезностью. Они внимательно прослушали чтение и с тщательностью занялись начертанием тушью своих имен. Затем подали шампанское и я предложил тост за благоденствие автономной Монголии и за русско-монгольскую дружбу. Князья расчувствовались, пожимали мне руки и твердили «цзаа». Саин-ноин даже произнес маленький спич, а министр финансов шутливо заметил, что со времени монгольского нашествия на Россию настоящее событие есть первый шаг к восстановлению прямых сношений Монголии с Россией. Теперь монголы могут быть спокойны за судьбу своей страны, ибо Россия и Цаган-батыр, т. е. белый царь, не выдадут ее никому.

Во время нашей беседы князья сознались, что колебания их продолжались до последней минуты, и что окончательное решение подписать принято было по настоянию самого Богдо. Оказалось, что сомнения возникли под влиянием разговоров с Ларсоном, прибывшим недавно из Пекина. Названный Ларсон, по национальности норвежец и представитель американского библейского общества, приехал в Ургу якобы по делам общества, в действительности же был командирован пекинским правительством, чтобы побудить монголов прервать переговоры с Россией. Он имел также поручение от группы капиталистов, желавших получить концессию на сооружение железной дороги между Калганом и Ургой. Монголы, однако, отвергли все предложения Ларсона, заявив, что готовы вести переговоры с Китаем лишь после заключения Соглашения с Россией и, притом, как равный с равным» [Коростовец, 2004, с. 233].

На следующий день после подписания Русско-Монгольского договора о дружбе в консульство Российской империи пришел Ханда-ван и передал поздравление от Богдо-хана в связи с подписанием Договора. А 15 мая 1913 г. по указу Богдо-хана И. Я. Коростовец был удостоен звания Цин-вана, т. е. князя первой степени, и ордена Вачира [АВПРИ, ф. Департамента личного состава и хозяйственных дел, оп. 464, л. 1794, л. 3].

Договор о дружбе, заключенный 3 ноября 1912 г., и проведенные переговоры в дальнейшем имели огромное политическое значение для Монголии. Факт заключения договора стал ударом для китайской экспансионистской политики, проводимой в то время Пекином в отношении Монголии, и привел к необходимости ведения переговоров китайского правительства с Россией специально по монгольскому вопросу.

Хотя Договор о дружбе и Торговый протокол 1912 г. традиционно причисляют к экономическим документам, фактически они имели огромное политическое значение, приведя к концу прежние отношения между Монголией и Китаем и открыв возможность для новообразованного Монгольского государства иметь равные отношения со всеми государствами мира. После провозглашения Монголией своей независимости данный договор стал первым официальным правовым документом для определения статуса Монголии на международной арене:

- 1) Монголия — это государство, имеющее собственного правителя и свое правительство;
- 2) Монголия имеет право образования своих войск;
- 3) Монголия начала жить по принципу суверенного существования;
- 4) из Монголии выведены китайские войска и эксплуататоры, а в дальнейшем Монголия имеет право не допускать на свою территорию китайские войска и китайских переселенцев;
- 5) Монголия является юридически правомочным субъектом, имеющим полное право на заключение любых договоров с иностранными государствами; это право было признано правительством России, и Россия обязалась оказывать всемерное содействие для их неукоснительного соблюдения [Батсайхан, 2007, с. 22].

Также необходимо отметить, что в существовавших в то время условиях факт подписания данного договора являлся, в сущности, весьма прогрессивным шагом. Хотя в ходе переговоров монголами был поставлен вопрос о включении Внутренней Монголии и Барги в состав Монголии, российская сторона наотрез отказала в данном требовании, также был получен отрицательный ответ на вопрос о пребывании монгольского посла в Петербурге. Судьба Внутренней Монголии к тому времени уже была предрешена секретным договором, заключенным между Россией и Японией, и поэтому вопрос об аккредитации монгольского посла в Российской столице явился щекотливым моментом в стремлении России к ограничению монгольской независимости формой китайской автономии.

И. Я. Коростовец, уполномоченный Российского императорского правительства

И. Я. Коростовец по праву является выдающимся дипломатом, сумевшим внести огромный вклад в развитие Монголии. В период его пребывания в Нийслэл-хурэ находился знаменитый монголовед В. Котвич, исследователь монгольского и алтайского языков, проводивший археологические раскопки в бассейне реки Орхон. Впоследствии Коростовец и Котвич, сотрудничая в научно-исследовательской области, разработали и издали географическую карту Монголии, которую затем ученый-исследователь И. Майский (1921) внес в свою книгу. Она имеется и в книге Коростовца, изданной в Германии. Коростовец пробыл в Нийслэл-хурэ до мая 1913 г., а затем был назначен послом Российской империи в Персии, где и встретил Октябрьскую революцию 1917 г. Ранг действительного статского советника Коростовца тогда приравнивался к генеральскому чину. Такого высокого ранга удостоивались лишь компетентные и многоопытные государственные деятели того времени, искусно проявившие себя на дипломатическом поприще. Коростовец стал и тайным советником, который был одним из высших рангов

дипломатической службы Российской империи. С 1915 г. он был членом Совета МИД России. То есть его опыт и знания были признаны на самом высоком уровне.

Его пребывание и служба в Монголии легли в основу обширной книги, вышедшей в 1926 г. в Берлине на немецком языке, «Von Ginggis Khan zur Sowjetrepublik. Eine Kurze Geschichte der Mongolei unter Besonderer Berücksichtigung der Neuesten Zeit» («От Чингис хана до Советской республики. Краткая история Монголии с особым обозрением нового времени»). Коростовец глубоко изучил историю Монголии, начиная с XIII в. до середины 20-х гг. XX в. В период своего пребывания в столице Монголии он подробно описал заключение Договора 1912 г. Его книга в 1930 г. была переведена и издана на японском языке в Японии. В Монгольском национальном архиве также хранятся материалы, свидетельствующие о том, как в 1931 г. монгольский писатель Д. Нацагдорж по заказу Академии наук Монголии намеревался перевести с немецкого на монгольский язык книгу, состоящую из одного тома, об историческом положении Монголии от периода Чингис-хана до народовластия и ее политических отношениях. В то время Нацагдорж, обучавшийся в Германии, даже привез книгу Коростовца на родину и согласно принятому решению приступил к ее переводу на монгольский язык. Но, к сожалению, не смог закончить начатую работу: в архивных документах содержатся сведения о том, что он лишь собирался завершить перевод книги [Очир, Дашням, 1996, с. 118].

Мы опубликовали первоначальную рукопись на русском языке «От Чингис хана до Советской республики»⁴ в Монголии в 2004 г. благодаря инициативе и поддержке тогдашнего Чрезвычайного и Полномочного посла Российской Федерации в Монголии О. М. Дерковского и дипломатического сотрудника посольства России в Монголии доктора исторических наук В. Ц. Ганжурова.

Дипломатическая карьера Ивана Яковлевича Коростовца сделала его участником и свидетелем многих важных событий начала XX века, связанных с российско-китайскими и российско-монгольскими отношениями, и, сознавая это, он оставил ценные публикации и воспоминания.

Когда он работал вторым секретарем Российской дипломатической миссии в Пекине в 1890–1894 гг., он опубликовал в русских журналах целый ряд статей о китайском образовании, религии, экономике, администрации, суде, театре, философии, а также об иностранных миссионерах и о Российской духовной миссии. В 1898 г. вышла его книга «Китайцы и их цивилизация» — результат исследований и наблюдений во время службы в Пекине. Видимо, ему было не так уже легко в китайской столице. Вот как писал Белченко в 1933 г. в журнале «Парус»: «Иван Яковлевич вынужден был покинуть Пекин, разойдясь с тогдашним российским посланником графом А. П. Кассини, еще до того, как переговоры о сказанном выше только что намечались. Время пребывания И. Я. Коростовца в Пекине было, напротив, очень тяжелое. Недаром он написал в одной из комнат, в которых он жил со своею семьею в Пекине, «тут жил и страдал И. Я. Коростовец». Ему было даже предложено временное пребывание в Чжифу».

В 1896–1898 гг. Россия заключила ряд договоров с Маньчжурской империей, в результате которых началась постройка Китайско-Восточной железной дороги, была арендована часть Гуандунской провинции с Порт-Артуром и Дальним и проведена к ним Южно-Маньчжурская ветка КВЖД. Адмирал Е. И. Алексеев был назначен главным начальником Гуандунской или, как тогда писали, Квантунской области и командующим военными и морскими силами на Дальнем Востоке. В 1899 г. И. Я. Коростовец получил пост дипломатического комиссара в Квантунской администрации адмирала Алексеева и оказался свидетелем восстания ихэтуаней (так называемых боксеров) против иностранцев. Эти события и впечатления он описал в книге «Россия

⁴ Коростовец И. Я. От Чингис хана до Советской республики. Улан-Батор, 2004.

на Дальнем Востоке», опубликованной в Пекине в 1922 г., когда ее автор стал эмигрантом. Эпиграфом к книге служат слова Вольтера: «История есть лишь картина преступлений и несчастий».

В 1903 г. он получил пост начальника отделения по Дальнему Востоку в Министерстве иностранных дел, а затем сопровождал С. Ю. Витте в качестве секретаря при заключении Портсмутского мира после Русско-японской войны.

Дневник, который он вел по просьбе Витте во время этих переговоров, был опубликован в 1918 г. в нескольких номерах журнала «Былое». Английский перевод вышел в 1920 г. под заглавием «Pre-War Diplomacy, the Russo-Japanese Problem. Treaty Signed at Portsmouth, USA, 1905. Diary of J. J. Korostovetz». В 1923 году эта книга вышла и на русском языке в Пекине — «Страница из истории русской дипломатии. Русско-японские переговоры в Портсмуте в 1905 г. Дневник И. Я. Коростовца, секретаря графа Витте». «По пути из Портсмута в 1905 г. И. Я. Коростовец выпивал шампанское с генералом Витте, президентом США Т. Рузвельтом и японскими советателями в шикарной яхте президента»⁵ — так писала профессор Ольга Бакич. Как мы видим, И. Я. Коростовец был очень творческим человеком. Он вел дневник, где бы ни был.

Он был большим знатоком Востока. В период пребывания в Монголии он тоже вел дневник, где очень подробно описана не только политическая жизнь этой страны, но и все стороны жизни монголов начала XX века, кем был Богдо-гэгэн и монгольские ханы, что они думали и хотели. Он не только официально встречался с Богдо и министрами монгольского правительства, но и бывал у них в гостях. Вот что пишет он о встрече с Богдо хааном [Коростовец, 2009, с. 105–106]:

«28 сентября. Сегодня состоялась моя аудиенция у Хутухты. Около пяти часов монголы прислали носилки и приехал Хандаван со свитой. Носилки обыкновенного китайского типа, причем к носилочным брускам прикреплены толстые шесты. Когда я сел в носилки (Люба отказался от носилок и предпочел ехать в экипаже), под бруска подъехали четыре всадника, взявшие концы на луку седла (как при езде в экипаже) и двинулись сначала шагом, а затем крупной рысью. Хандаван ехал за мною в таких же носилках, персонал консульства и Эльтеков в экипаже... Нас сопровождал казачий конвой и многочисленные монгольские всадники. По пути были расставлены конные монгольские перики, вооруженные берданками, одетые в разнообразные формы нового монгольского образца — широкие халаты синего и серого цвета и чалмы, очень похожие на прежний наряд китайских солдат. Около дворца Хутухты стояли толпы монголов и русских, пришедших взглянуть на редкое зрелище приезда первого русского посланника.

У деревянных позолоченных юрт нас встретили министры и ввели во двор, а затем в большую юрту, обитую сукном, посредине коей горела большая жаровня. Здесь мы сняли пальто и, пройдя через группу хамб (архиереев), цорчжи и сойбонов (высшее духовенство), лам и даниров (придворные), а затем через вторую юрту и крытый проход, вошли в третью значительно большую юрту, также обитую красным. Посередине пылала большая жаровня, труба от которой проходит через центральное круглое отверстие к верху юрты. В углу на возвышении вроде трона под балдахинном на пяти тонких разноцветных подушках сидел, поджавши ноги, Хутухта, или как его титулуют теперь «Эцзен-хан», в желтой расшитой [монгольской] курме и в меховой шапке, украшенной блестящим шариком, [на голове]. [По сторонам] Седалище окружали Саин-Ноин-хан, Далама и несколько князей. Остальные министры и многочисленные бритые ламы в темно-красных и желтых плащах стояли в некотором отдалении... У Хутухты

⁵ Olga Bakich. Diary of Ivan Iakovlevich Korostovets, Russian Plenipotentiary in the Russo-Mongolian Negotiations in Urga in 1912–1913 — Cultural contact, history and Ethnicity in Inner Asia. Paper presented at the Central and Inner Asian Seminar, University of Toronto, 1994–1995. Ed. by Michael Geruers and Wayne Schleppe. Joint center for Asia Pacific studies, 1996.

глухой голос, и говорит он очень медленно. Вслед за сим министр иностранных дел указал мне на возвышение, покрытое подушками, шагах в десяти от трона, на которое я сел, рядом со мной на таких же возвышениях пониже сел Люба и остальные лица, меня сопровождавшие. У Хутухы довольно полное *[круглое]* смуглое лицо, не лишенное приятности. *[К сожалению]* Глаза закрыты большими темными очками, которые он носит из-за слабости зрения, говорят, что у него бельма. В это время у входа юрты произошло движение, и ламы внесли низкие столики, на которые поставили китайские и монгольские сласти — орехи, паточные леденцы, финики и русский сахар, а также серебряные чашечки с кирпичным чаем.

...Хутухта тихим голосом ответил, что благодарит за приветствие Белого царя (Саган Батырь) и за выражаемые мною от его имени чувства, что он вполне сознает необходимость для Монголии поддерживать добрые отношения с Россией, что он верит благожелательности русского правительства и желает вступить с ним в договорные отношения, которые были бы одинаково выгодны обеим сторонам и оградили бы самостоятельность Монголии и монгольского народа от внешних покушений. Он предпишет князьям и министрам без промедления приступить к обсуждению условий соглашения.

После этой речи ко мне подошли несколько лам, которые положили на столик две соборки шкурки и несколько кусков шелку, монгольское печенье в виде руки (пальцы Будды), пачки курительных палочек и футляр с янтарными и агатовыми бусами. Такие же подарки были положены перед моими спутниками. Сделав *[глубокий]* поклон, на который Хутухта ответил наклоном головы, мы вышли из юрты».

Мы можем узнать о деятельности россиян, которые тогда жили в Монголии и иностранцев, приезжавших в Монголию, как Ларсон, Периэскью, Констен и других. Очень живо и подробно описана жизнь монголов, чем они питаются, какое хозяйство ведут, какие отличительные черты монголов, чем хуже и лучше они русских, погода, природа Монголии. Например о монгольских государственных деятелях он писал таким образом: «Наш главный и самый умный противник — Далама — неподкупен, упрям и подозрителен. Саин-Ноин умен, но *[осторожен и]* нерешителен. Тушетухан недалеко, но честен и добросовестен. Намсарай — оппортунист, большой приятель Хутухты. Далайван — ничтожество, но наш открытый сторонник. Влиянием пользуются также Бинтуван, Шандзотьба и *[наш протекже]* Тохтохо. Учесть результаты нашего Соглашения пока трудно, но продолжаю думать, что мы были правы, сделав этот шаг, т. е. провозгласив и поддержав монгольское государство, иначе Монголия была бы для нас потеряна и нас оттуда бы выжили» [Коростовец, 2009, с. 106].

Одним словом, он живо описал то, что видел и чувствовал в Монголии. Этот дневник является богатейшим источником истории монголов начала XX века, политических деятелей Монголии.

Мы можем найти здесь описание официальной политики российского правительства по отношению к Монголии и Дальнему Востоку. Здесь отражены также точки зрения политиков и дипломатов России по отношению к Монголии, Китаю и Тибету. Дневник интересен тем, что жизнь монголов описана реалистично. Приведено много фактов. Монголы придавали большое значение этому Договору, так как это был их первый международный акт после провозглашения независимости в 1911 г. Дневник Коростовца особенно интересен тем, что он раскрывает, хотя бы частично, жизнь этого крупного российского дипломата в Азии, его понимание своей роли и ответственности в событиях, его идеи о российской политике, его чувства и стремления, его восприятие событий и людей, рисует яркую картину жизни в Урге и знакомит с монгольскими государственными деятелями в первый год независимости Монголии.

Нужно сказать, что И. Я. Коростовец собирался издать свой дневник. Это видно из того, что дневник приведен в порядок и материалы изложены последовательно. Сам «монгольский» дипломатический дневник опубликован не был, хотя Коростовец и готовил его к печати на русском языке. После его смерти в 1930 году машинопись дневника с рукописными поправками и добавлениями осталась у его сына, Флавия Ивановича. Переехав в начале 1950-х гг. в Австралию, Ф. И. Коростовец хотел опубликовать дневник отца или хотя бы его переработку на английском языке, но его попытки не увенчались успехом. Дневник этот был затем передан сыном своему другу, одному известному русскому старожилу Китая в надежде, что тот найдет возможность его опубликовать. Хотя старожил тоже мечтал осуществить это с помощью Ольги Бакич, редактора журнала «Русские в Азии», издания Торонтоского университета, его болезнь и смерть положили конец этим планам. Личный дневник под названием «Девять месяцев в Монголии: Дневник русского уполномоченного в Урге И. Я. Коростовца. Август 1912 — май 1913 гг.» профессором Ольгой Бакич все же был издан в номерах 1 (1994), 2, 3 (1995) вышеупомянутого журнала. Дневник Коростовца состоит из 683 страниц, написанных на машинке крупным шрифтом со многими поправками, добавлениями и исправлениями мелким, но четким и красивым почерком Коростовца. Мы издали впервые полный вариант дневника⁶. В конце дневника стоит дата: «1915 г., Царское село», но поправки и добавления от руки сделаны позднее, скорее всего в двадцатые годы. Когда я готовился издать рукопись книги И. Я. Коростовца «От Чингис хана до Советской республики» на русском языке, узнал о том, что дневник находится у профессора Ольги Бакич. По моей просьбе она любезно передала мне копию полного дневника И. Я. Коростовца, веденного им в Монголии с сентября 1912 г. по май 1913 г. Большой поклон самому Ивану Яковлевичу Коростовцу и его сыну, а также тем, кто бережно хранил и передавал из рук в руки этот уникальный документ.

Многочисленные ноты, заявления, депеша о Монголии и значении Монголии для России, переданные Коростовцом, открыли глаза российским государственным деятелям — министру иностранных дел Сазонову, замминистра иностранных дел Нератову, самому императору России на Монголию и монголов. Недаром после заключения соглашения между Россией и Монголией в 1912 г. Сазонов повернул свой взгляд в сторону Монголии. В этом большая заслуга Коростовца, одного из первых дипломатов Российской империи, осознавшего значение Монголии для геополитических интересов России.

После подписания Монголо-Российского договора Коростовец получил от самого российского императора благодарность в виде следующей телеграммы через министра иностранных дел Сазонова: «На всеподданнейшем докладе об обстоятельствах, при каких Вами заключено Соглашение 21 октября с монгольским правительством, Государю Императору благоугодно было начертать: «Выражаю мою благодарность Коростовцу». Поздравляю Вас с этим знаком Монаршей милости». А 21 Февраля 1913 г. он был награжден светло-бронзовой медалью в память 300-летия царствования Дома Романовых. По свидетельству министра иностранных дел о его отлично-усердной службе и особых трудах, Высочайшим указом, данным Капитулу орденов, император России пожаловал И. Я. Коростовца кавалером ордена Св. Анны первой степени 14 апреля 1913 г. [АВПРИ, фонд Департамента личного состава и хозяйственных дел, оп. 464, д. 1794, л. 1–5]. Так были оценены заслуги Коростовца в осуществлении политики и интересов императорской России в Азии, в том числе в Монголии. И. Я. Коростовец являлся

⁶ Коростовец И. Я. Девять месяцев в Монголии: Дневник русского уполномоченного в Монголии. Август 1912 — май 1913 гг. /Составитель О. Батсайхан, редакторы О. Батсайхан (Монголия), Ольга Бакич (Канада), Наками Тацуо (Япония), Улаанбаатар, 2009 [на русском языке].

кавалером орденов Св. Анны, Св. Станислава, Св. Владимира, а также орденов иностранных государств — Персидского, Румынского, Японского, Черногорского, Португальского, Бухарского, Французского, Турецкого, Китайского, Сербского, Шведского, Датского и Монгольского. Эти награды говорят о том, с каким широким размахом работал дипломат Коростовец.

Значение Монголо-Российского договора 1912 г., подписанного И. Я. Коростовцем, было высоко оценено российским дипломатом бароном Б. Э. Нольде⁷ в историческом очерке «Далекое и близкое» под заглавием «И. Я. Коростовец в Монголии» в 1930 г.: «Создание Монголии — одно из крупных дипломатических достижений императорской России. ... в первых рядах этой школы стояли перед войной И. Я. Коростовец и покойный начальник дальневосточного отдела Г. А. Козаков. Им вместе принадлежит честь осуществления того крупного исторического дела... Договор И. Я. Коростовца сыграл решающую роль в процессе образования Монголии» [Нольде, 1930].

Так как в начальной стадии восстановления независимости Монголии И. Я. Коростовец сделал для нее очень многое, на мой взгляд, монголы должны были бы воздвигнуть памятник И. Я. Коростовцу скорее, нежели В. И. Ленину, что было бы справедливо перед историей [1912 оны..., 2007]. Эта идея была поддержана правительством Монголии — в 2014 г. в Улан-Баторе был открыт памятник дипломату.

Я убежден в том, что И. Я. Коростовец представлял интересы Российской империи, но эти интересы сыграли большую роль в деле сохранения и совершенствования самостоятельности Монголии.

И. Я. Коростовец в июле 1910 г. выдвигал идею о продлении «Соглашения 1881 года» и о «параллельной железной дороге Сибири» с целью расширения влияния России на Дальнем Востоке [Russia, Japan, and United States in China 'Entente Diplomacy and the World' 1921, p. 19–20]. Он предлагал начать реализацию данной идеи с Монголии. Он писал Извольскому 3 ноября 1910 г. о необходимости сопротивляться деятельности Чинского правительства, направленной на понижение статуса Монголии и ввод военных частей на монгольскую территорию, а также добиться обещания Пекина о неизменности статус-кво Монголии и заручиться в этом деле поддержкой со стороны Великобритании и Японии.

Во время Монгольской национальной революции 1911 г. чрезвычайный посланник России в Пекине Коростовец и российский консул в Их Хурэ⁸ Лавдовский обменивались следующими идеями: «Если мы откажем монголам в оказании помощи, то какая-нибудь другая страна /Япония/ непременно займет наше место». Также Коростовец в телефонограмме, направленной Сазонову в ноябре 1910 г., отмечал: «Россия стремится вести достаточно свободную деятельность во Внешней Монголии, пользуясь своими правами согласно российско-японскому договору», а в телеграмме, отправленной немного позже, 30 июля 1911 г., тому же Сазонову он акцентировал внимание на том, что «если мы откажемся от исполнения ведущей роли в Халхе, то это вдохновит Японию, которая, без малейшего сомнения, займет наше место». После заключения Российско-Монгольского договора о дружбе уполномоченный России в Хурэ Коростовец,

⁷ Барон Нольде Борис Эммануилович — российский юрист, ученый и дипломат. Родился в 1876 г. Окончил Санкт-Петербургский университет, работал профессором Александровского лицея, Политехнического института, директором второго департамента Министерства иностранных дел России. Автор «Очерков русского государственного права» (СПб., 1911), «Очерков международного частного права» и др. Как дипломат барон Нольде принимал участие во Второй конференции мира в Гааге в 1907 г., в Лондонской мирной конференции в 1908–1909 гг., в конференции трех северных держав по Шпицбергенскому вопросу в 1910–1911 гг., в Парижской балканской финансовой комиссии в 1913 г. и др. Нольде — современник И. Я. Коростовца, автор статьи «Международное положение Монголии» (Газета «Право», Петроград, 23 августа 1915 г.). Эта статья используется в трудах Коростовца.

⁸ Их Хурэ — Нийслэл Хурэ, столица Монголии с 1911 г.

обращаясь в МИД России, в телефонограмме писал, что Китай вынужден смириться не только с отторжением Внешней Монголии, но и с тем, что теперь китайские граждане тайно переходят на монгольскую территорию. Китаю следовало бы сосредоточить силы на том, чтобы удержать в своих руках Внутреннюю Монголию, готовую по первому сигналу Халхи присоединиться к ней. Он неоднократно напоминал монголам о несбыточности объединения только по признаку единого хозяйственного уклада, национальных традиций и культуры, говорил, что для политического объединения важно достижение душевного удовлетворения [РВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 736, л. 28].

Хотя Коростовец уехал из Нийслэл-хурэ в 1913 г., он постоянно проявлял беспокойство о судьбе Монголии. Он отправил Богдо-хану письмо с личной фотографией, где писал: «Наше правительство незамедлительно окажет своевременную помощь согласно просьбе монгольского правительства об оказании финансовой и военной помощи. Если хотите узнать мое личное мнение, то монгольскому правительству необходимо иметь дружественные и доверительные отношения с Россией и ее правительством, а также с посланником России в Урге Миллером и развивать их в дальнейшем». Также он отмечал важность незамедлительного заключения договора с Китаем, причем при непосредственном участии России. Коростовец напомнил о том, что любая попытка самостоятельного заключения договора Монголии с Китаем или же любая попытка сближения с ним может иметь для Монголии пагубные последствия. Поэтому при проведении переговоров с китайской стороной обязательно участие России в них, которое отвечает интересам Монголии [Некоторые документы..., 1972, с. 159]. Эти его советы имели целью благо монголам. Излишне говорить, что такие слова, принадлежащие этому удивительному человеку, свидетельствуют об искренности его намерений, проявлении подлинного беспокойства о судьбе Монголии.

3 февраля 1913 г. премьер-министр Монголии Сайн-нойон-хан Намнансурэн и военный министр Эрдэнэ-ван Гомбосурэн совместно с Коростовцом подписали «Монголо-русское соглашение о военной подготовке монгольских цериков». Это соглашение некоторые иностранные исследователи рассматривают как сверхсекретный военный договор. Согласно этому соглашению, в Нийслэл-хурэ должны были быть командированы российские офицеры высшего, среднего и младшего ранга для военной подготовки монгольских цериков.

Исследователь Дж. Фритерс, давая личную оценку Коростовцу, написал следующее: «Он являлся одним из самых способных дипломатов Российской империи и стоял у истоков активизации российской политики во Внешней Монголии. Между тем, Дмитрий Абрикосов, отметив его большой дипломатический опыт, приобретенный им за долгие годы службы в Китае, сказал, что, «посол /подразумевается И. Я. Коростовец — О. Б./ является особенным человеком и имеет редкий авторитет сродни бриллианту» [Lensen, 1964, p. 158–174].

После социалистической революции в России И. Я. Коростовец временно находился сначала в России, затем в Китае, а позже эмигрировал в Европу. В Германии он издал свою книгу о Монголии и в конце жизни жил один во Франции. И. Я. Коростовец скончался 1 января 1933 г. в Париже. Газета «Иллюстрированная Россия» (Париж, № 3 (40), 14 января 1933 г.) поместила заметку под заголовком «Кончина русского дипломата». Там сообщалось о том что «1 января в Париже скончался И. Я. Коростовец — выдающийся русский дипломат, известный своими большими способностями и блестящим знанием иностранных языков. По окончании Императорского Александровского лицея Иван Яковлевич посвятил себя дипломатической службе на Дальнем Востоке. Глубокое знание дальневосточной политики выдвинуло его на ряд ответственных постов. И. Я. был секретарем русской мирной делегации в Портсмуте,

русским посланником в Пекине, в Монголии и в Тегеране, где с неизменным искусством и блеском представлял русские интересы. Перу И. Я. принадлежит несколько замечательных книг, из которых: «От Чингис хана до Советской России» вышла в годы эмиграции на немецком языке и имела большой успех».

В газете «Харбинское время» также сообщалось, что скончался посол украинской державы в Яссах в 1918 г. для переговоров с Антантой Иван Яковлевич Коростовец [«Харбинское время», № 48, 21 февраля 1933 г., с. 7]. За несколько недель до смерти он опубликовал интересные воспоминания «Переговоры в Яссах». Во втором томе «Энциклопедии Украины», выпущенной Канадским институтом исследования Украины, отмечено, что «Коростовец Иван назначен уполномоченным послом Украины для переговоров с Антантой в Яссах в 1918 году» [Encyclopedia..., 1988, p. 616].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Договор о дружбе, заключенный 3 ноября 1912 г., и проведенные переговоры в дальнейшем имели огромное политическое значение для Монголии. Данным договором императорская Россия не только официально признала Монголию и ее правительство, но и в дальнейшем этот договор был принят за правовую основу в развитии ее государственного суверенитета. Факт заключения договора Монголии с царской Россией стал ударом для китайской экспансионистской политики, проводимой в то время Пекином в отношении Монголии, и привел к необходимости ведения переговоров китайского правительства с Россией специально по монгольскому вопросу. Исследователь-востоковед, дипломат И. Я. Коростовец, хотя и был проводником российской государственной политики, в то же время проявлял большой интерес к судьбе Монголии и, возвратившись в Нийслэл-хурэ в 1919 г., был свидетелем новых исторических событий. Несомненно, И. Я. Коростовец является одним из инициаторов заключения Российско-Монгольского договора о дружбе 1912 г., а также, на наш взгляд, дипломатом, внесшим достойный вклад в укрепление российско-монгольских отношений и их развитие в XX в.

Литература / References

1912 оны Монгол Оросын Найрамдын гэрээний 95 жилийн ойд зориулсан («Новые подходы к истории взаимоотношений Монголии и России и их современное состояние»), сэдэвт дугуй ширээний бага хуралд («Русско-монгольский договор о дружбе 1912 года и его историческое значение»), тавьсан илтгэл, 2007.10.23, Улаанбаатар, орос хэл дээр, Монгол-Оросын 1912 оны гэрээ ба И. Я. Коростовец — *Олон улс судлал сэтгүүл*. 2008. Дугаар 1. 74–85 дахь тал. [Materials of roundtable «New approaches to the history of relations between Mongolia and Russia and their modern condition» dedicated to 95 years of the Mongolian-Russian Treaty of 1912, October 23, 2007. Russo-Mongolian Friendship Treaty of 1912 and I.Ya. Korostovets. *International Studies J.* 2008. No. 1. Pp. 74-85 (in Mongolian)].

Архив Внешней политики Российской империи. Фонд Департамента личного состава и хозяйственных дел г. Москва [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI)].

Батсайхан О. *Монголын тусгаар тогтнол ба Хятад, Орос, Монгол гурван улсын Хиагтын гэрээ (1911–1916)*. Улаанбаатар, 2002 [Batsaikhan O. *Independence of Mongolia and Kyakhta treaty of China, Russia and Mongolia (1911–1916)*. Ulaanbaatar, 2002 (in Mongolian)].

Батсайхан О. *Монгол үндэстэн бүрэн эрхт улс болох замд (1911–1946)*. Улаанбаатар, 2005 [Batsaikhan O. *Mongolia: becoming a nation-state (1911–1946)*. Ulaanbaatar, 2005 (in Mongolian)].

Батсайхан О. Монгол-Оросын 1912 оны гэрээ ба И. Я. Коростовец. *Олон улс судлал сэтгүүл*. 2008. Дугаар 1. 74–85 дахь тал. [Batsaikhan O. The Russo-Mongolian Friendship Treaty of 1912 and I. Y. Korostovets. *Journal of International Studies*. 2008. No.1. Pp. 74–85 (in Mongolian)].

Батсайхан О. Русско-монгольский договор о дружбе 1912 года и его историческое значение — 1912 оны Монгол Оросын Найрамдлын гэрээний 95 жилийн ойд зориулсан («Новые подходы к истории взаимоотношений Монголии и России и их современное состояние») сэдэвт дугуй ширээний бага хурлын материал. 2007.10.23. Улаанбаатар, орос хэл дээр [О. Batsaikhan, «The 1912 Russo-Mongolian Treaty of Friendship and its Historical Significance». *Papers of the conference, dedicated 95 year of Russo-Mongolian agreement in 1912 «New approaches to the history of relations between Mongolia and Russia and their current state»*. October 23, 2007. Ulaanbaatar (in Russian)].

Батсайхан О. *Последний великий хан Монголии. Богдо Агсецундамба-хутукта VIII. Жизнь и легенды*. М., 2018 [Batsaikhan O. *Bogdo Jebtsundamba khutuktu. The last emperor of Mongolia*. Moscow, 2018 (in Russian)].

Белов Е. А. Как возникли тройственные русско-китайско-монгольские переговоры в Кяхте в 1914 г. *Китайская традиционная культура и проблемы модернизации*. Часть 1. М., 1994 [Belov E. A. How created Tripartite treaty Russia, China and Mongolia in Kyahta 1914. *China's Cultural Tradition and Modernization*. Part 1. Moscow, 1994 (in Russian)].

БНМАУ-ын түүх дэд боть. Улаанбаатар, 1968 [History of Mongolian People's Republic, 2nd volume. Ulaanbaatar, 1968 (in Mongolian)].

Бурдуков А. В. В старой и новой Монголии. М., 1969 [Budukov A. V. In old and new Mongolia. Moscow, 1969 (in Russian)].

Волосович М. Россия и Монголия. *Вестник Азии*. 1914. № 31–32 [Volosovich M. Russia and Mongolia. *Vestnik Azii*. 1914. No. 31–32 (in Russian)].

Гримм Э. Д. *Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925)*. М., 1925 [Grimm E. D. *Collection of documents on history of international relations in Far East (1842–1925)*. Moscow, 1925 (in Russian)].

Даревская Е. М. *Сибирь и Монголия, Очерки русско-монгольских связей в конце XIX–XX вв.* Иркутск, 1994 [Darevskaya E. M. *Siberia and Mongolia. History of Russo-Mongolian relations in end of XIX–XX century*. Irkutsk, 1994 (in Russian)].

Дэндэв Л. *Автономит Монгол улсын үеийн онцлог баримт бичгүүд*. Түүхийн хүрээлэнгийн гар бичмэлийн сан. 1945 [Dendev L. *Some documents of period of Autonomus Mongolia*. 1945 (in Mongolian)].

Иллюстрированная Россия. Париж, № 3 (40). 14 января 1933 года [«Illustrated Russia». Paris. No. 3 (40). January 14. 1933 (in Russian)].

Коростовец И. Я. *Девять месяцев в Монголии: Дневник русского уполномоченного в Монголии. Август 1912 — май 1913 гг.* Улаанбаатар, 2009 [Korostovets I. Ya. *Nine months in Mongolia. Diary of Russian plenipotentiary in Mongolia. August 1912 — May 1913*. Ulaanbaatar, 2009 (in Russian)].

Коростовец И. Я. *От Чингис хана до Советской республики*. Улаанбаатар, 2004 [Korostovets I. Ya. *From Chingis khan to sovet republic*. Ulaanbaatar, 2004 (in Russian)].

Магсаржав Н. *Монгол Улсын шинэ түүх*. Улаанбаатар, 1994 [Magsarjav N. *The new history of Mongolia*. Ulaanbaatar, 1994 (in Mongolian)].

Майский И. *Современная Монголия*. Иркутск, 1921 [Maisky I. *Modern Mongolia*. Irkutsk, 1921 (in Russian)].

Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств (1878–1917). Серия 2. Т. 20, ч. 2. Москва — Ленинград, 1931 [International relations in the era of imperialism. Documents from the archives of the tsarist and provisional governments (1878–1917). Series 2. T. 20, p. 2. Moscow — Leningrad, 1931 (in Russian)].

Монгол Улсын Үндэсний төв архив ф. 4, д. 1, х. н. 136.

Монголын ард түмний 1911 оны үндэсний эрх чөлөө, тусгаар тогтнолын төлөө тэмцэл Баримт бичгийн эмхтгэл 1900–1914. Улаанбаатар, 1982 [Mongolian people's struggle for national freedom and independence in 1911. Collection of documents 1900–1914. Ulaanbaatar, 1982 (in Mongolian)].

Некоторые документы, связанные с историей Монголии, из частного архива В. Котвича. Улаанбаатар, 1972 [*Some documents, related to history of Mongolia from private archives of Kotvich V.* Ulaanbaatar, 1972 (in Mongolian)].

Нольде Б. Э. *Далекое и близкое. Исторические очерки.* Париж, 1930 [Nolde B. E. *Dalekoe i blizkoe. Historical accounts.* Paris, 1930 (in Russian)].

РГИА — Российский государственный исторический архив, г. Москва [Russian State Historical Archive, Moscow].

Российский государственный военно-исторический архив [Russian State Military Historical Archive].

Сборник дипломатических документов по Монгольскому вопросу. СПб., 1914 [*Collection of diplomatic documents on the Mongolian issues.* St. Petersburg, 1914 (in Russian)].

Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917. М., 1952 [*Collection of treaties between Russia and other states 1856–1917.* Moscow, 1952 (in Russian)].

«Харбинское время», № 48. 21 февраля 1933 года. С. 7 [*Harbin Time.* No. 48. February 21. 1933. P. 7].

Bakich O. Diary of Ivan Iakovlevich Korostovets, Russian Plenipotentiary in the Russo-Mongolian Negotiations in Urga in 1912–1913. *Cultural contact, history and Ethnicity in Inner Asia.* Toronto, 1996.

Encyclopedia of Ukraine. Toronto. 1988. V. 2, G-K.

Lensen G. A. ed. *Relations of a Russian Diplomat, the Memoirs of Dmitrii I. Abrokossow.* Seattle, 1964.

Russia, Japan, and United States in China. *Entente Diplomacy and the World.* 1921.

Tang P. S. H. *Russian and Soviet policy in Manchuria and Outer Mongolia 1911–1931.* Durham, 1959.

DOI: 10.31696/2618-7302-2023-1-064-068

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СОГЛАШЕНИЯ 1912 г. КАК ПЕРВОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ДОГОВОРА МОНГОЛИИ В СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ

© 2023

Б. Х. Кушхов¹

Исследование посвящено проблеме интерпретации договора между Российской империей и Монголией 1912 г., а также оценке его действительного исторического значения. Автор приходит к выводу о международном характере данного договора, свидетельствующего о полноценной государственной правосубъектности правительства Богдо-гэгэна. В частности, факт его подписания делает возможным говорить о Монголии образца 1912 г. как о суверенном государстве в силу господствовавшей в то время декларативной теории государственности. Помимо этого, данное соглашение, в котором одной из сторон выступает Российская империя, является свидетельством признания монгольского правительства де-факто. Участие монгольских органов власти, а не представителей китайской администрации в Монголии в качестве второй стороны, в свою очередь, также подкрепляет тезис о наличии фактического признания Монголии суверенным государством со стороны Российской империи. Имеющиеся расхождения в монгольском и русском текстах договора 1912 г. в представлении автора позволяют интерпретировать оба текста в качестве имеющих равную юридическую силу. Следовательно, формулировка понятия «суверенитет» из монгольского текста не перекрывается термином «автономия» в русском. Делается вывод о ключевой роли соглашения 1912 г. в предотвращении «ханьской» колонизации Монголии, которая могла бы в конечном счете поставить под вопрос не только монгольскую государственность или даже автономно, но и саму этническую идентичность монголов. На основании вывода о повышении международного статуса Монголии по результатам соглашения 1912 г. автор выдвигает тезис о его соответствии по исторической значимости Советско-Монгольскому договору 1921 г., который, в силу советских историографических традиций, признается современными специалистами более важным этапом на пути Монголии к достижению международного признания. В частности, акт признания Монголии Советским правительством в 1921 г. несопоставим с таковым со стороны Российской империи в силу ограниченного признания самой Советской России в этот исторический период.

Ключевые слова: Советская Россия, Монголия, Богдо-гэгэн, международные отношения, международное право, политика

Для цитирования: Кушхов Б. Х. Историческое значение Соглашения 1912 г. как первого международного договора Монголии в современную эпоху. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 1. С. 64–68. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-1-064-068

¹ Кушхов Борис Хабижевич, бакалавр, лаборант-исследователь Отдела Кореи и Монголии Института востоковедения РАН, Москва; boris.kushkhov@yandex.ru

Boris Kh. Kushkhov, bachelor, laboratory researcher of the Department of Korea and Mongolia, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; boris.kushkhov@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-5976-7749

HISTORICAL SIGNIFICANCE OF THE AGREEMENT OF 1912 AS THE FIRST INTERNATIONAL TREATY OF MONGOLIA IN THE MODERN ERA

Boris Kh. Kushkhov

The study is devoted to the problem of interpreting the treaty between the Russian Empire and Mongolia in 1912, as well as assessing its actual historical significance. The author comes to the conclusion about the international nature of this agreement, which testifies to the full-fledged state legal personality of the government of Bogdo-Gegen in Mongolia. In particular, the fact of its signing makes it possible to assert that Mongolia of the 1912 model is a sovereign state due to the declarative theory of statehood that prevailed at that time. In addition, this agreement, in which the Russian Empire acts as one of the parties, is evidence of the de facto recognition of the Mongolian government. The participation of the Mongolian authorities, and not the representatives of the Chinese administration in Mongolia as the second side, in turn, also reinforces the thesis that there is an actual recognition of Mongolia as a sovereign state by the Russian Empire. The existing discrepancies in the Mongolian and Russian texts of the 1912 treaty, in the opinion of the author, allow us to interpret both texts as having equal legal force: therefore, the wording of the concept of «sovereignty» from the Mongolian text is not overlapped by the term «autonomy» in Russian. The conclusion is made about the key role of the 1912 agreement in preventing the «Han» colonization of Mongolia, which could ultimately call into question not only the Mongolian statehood or even autonomy, but also the very ethnic identity of the Mongols. Based on the conclusion about the increase in the international status of Mongolia based on the results of the 1912 agreement, the author puts forward the thesis that its historical significance corresponds to the Soviet-Mongolian agreement of 1921, which, due to Soviet historiographic traditions, is recognized by modern experts as a more important stage on Mongolia's path to achieving international recognition. In particular, the act of recognition of Mongolia by the Soviet government in 1921 is not comparable with that of the Russian Empire due to the limited recognition of Soviet Russia itself during this historical period.

Keywords: Soviet Russia, Mongolia, Bogdo-gegen, international relations, international law, politics

For citation: Kushkhov B. Kh. The historical significance of the 1912 Agreement as the first international treaty of Mongolia in the modern era. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2023. 1. Pp. 64–68. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-1-064-068

ВВЕДЕНИЕ

Соглашение 1912 г. неоправданно отошло на второй план в исследованиях, посвященных как монголо-российским отношениям, так и пути Монголии к достижению национальной независимости и международного признания. В связи с этим представляется необходимым подчеркнуть исключительную значимость договора 1912 г., уделив ему заслуженное научное внимание. В данной ситуации важно рассматривать его с двух разных исследовательских позиций: как в качестве юридического свидетельства национального суверенитета Монгольской теократической монархии, так и в качестве важного шага к достижению международного признания Монголии, не уступающего в своей важности договору РСФСР и Монголии 1921 г.

Итак, почему Российско-Монгольское соглашение 1912 г. может считаться свидетельством значительного повышения международного статуса Монголии? Ниже приводятся четыре основных пункта, объясняющих такую характеристику данного договора.

СОГЛАШЕНИЕ И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ КОНЦЕПЦИИ

Прежде всего, Соглашение с Россией 1912 г. можно считать демонстрацией фактического суверенитета Монголии в рамках доминирующей международно-правовой теории. Так, в соответствии с декларативной теорией государственности, официальное международное признание не является необходимым условием для достижения полноценной государственной правосубъектности [Ильяшевич, Хахина, 2014, с. 237]. Подобное видение национального суверенитета прослеживалось и в условиях Вестфальского мира, и, позднее, в конвенции Монтевидео 1933 г. [Гассиев, 2014, с. 94]. В соответствии с данной концепцией государство признается таковым при наличии территории, постоянного населения, дееспособных органов власти, обладающих возможностью ведения внутренней и внешней политики [Гассиев, 2014, с. 95]. Российско-Монгольское соглашение 1912 г. как раз показывает факт соответствия Монголии всем изложенным выше критериям.

ФАКТ ПЕРЕГОВОРОВ КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО ПРИЗНАНИЯ ДЕ-ФАКТО

Самими переговорами Российской империи и правительства Богдо-гэгэна (а не посредничеством Российской империи во «внутрикитайском» урегулировании вопроса) признавалась международная правосубъектность Монголии — то есть ее суверенитета «де-факто». Современные представления о международном праве сводятся к тому, что ведение международных переговоров между двумя сторонами без специальных оговорок само по себе обозначает как минимум фактическое признание суверенитета партнера по диалогу [Ильяшевич, Хахина, 2014, с. 241].

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ НЕЗАВИСИМОСТЬ И АВТОНОМИЯ В ПОЛИТОЛОГИИ И ТЕКСТАХ ДОГОВОРА

Имеются логические и международно-правовые обоснования утверждать о наличии у Монголии в 1912 г. более самостоятельного статуса, нежели простой автономии. Переговоры 1911–1912 гг. велись с национальной властью — с правительством Богдо-гэгэна, а не с частью административно-политической системы Китая. Автономное образование не может заключать соглашения с иностранным государством, так как подобные полномочия всегда находятся в ведении центра. Если же автономия сумела заключить подобный договор, необходимо констатировать факт ее международной правосубъектности. Более того, правительство Богдо-гэгэна, с которым вела переговоры Россия, не было правительством автономии, утвержденным китайскими властями, а имело национальное происхождение, не связанное с политической системой империи [Батунаев, 2015, с. 70].

К косвенным доказательствам фактического суверенитета Монголии, связанным с соглашением 1912 г., можно отнести и проблему интерпретации русского и монгольского текстов данного договора. Если в русскоязычном варианте фиксируется «широкий автономный статус» Монголии, то в монгольском используется понятие «тусгаар тогтнол», которое может трактоваться шире — от «самостоятельного управления» до «независимости» [Дружественное соглашение о...]. Как это положено в международных договорах, оба текста имеют равную силу. Опыт отличия текстов соглашений на разных языках явственно прослеживается в международной практике рубежа XIX–XX вв. К примеру, в итальянском и амхарском текстах Уччальского договора 1889 г. права Италии в Эфиопии были сформулированы по-разному, и это не мешало

ни одной из сторон отстаивать свою точку зрения по данному вопросу. В итальянском тексте содержались условия, позволяющие делать вывод об ограниченности суверенитета эфиопского государства, в амхарском же тексте суверенитет Менелика Второго над своей страной позиционировался как безусловный [Морозов, 2015, с. 50]. Тем не менее в исторической литературе Эфиопия того времени обозначается в качестве самостоятельного государства, а не протектората или колонии.

Договоры 1912 и 1921 гг.: соотношение значимости

Соотношение значимости договоров 1912 и 1921 гг. и наличие прямой исторической связи между ними могут быть кратко сформулированы в следующих тезисах.

Во-первых, соглашение 1912 г. не допустило распространения «ассимиляционных» планов Китая, закрепив культурную и этническую автономию Монголии [Батбаяр, 2008, с. 53]. Можно говорить о том, что без соглашения 1912 г. договора 1921 г. могло бы и не быть — в силу реальной угрозы утраты идентичности монголов. Планы ускоренной китаизации «не ханьских» владений Китая очень стремительно развивались со времен принятия так называемой «новой политики» династии Цин [Батунаев, 2015, с. 21]. Несмотря на имевшиеся в Китае внутривластные сложности, реализация колонизаторской и ассимиляционной политики во Внешней Монголии неминуемо увенчалась бы успехом без сопротивления, оказанного ей Монголией и Россией. Именно соглашение 1912 г. впервые зафиксировало недопустимость подобных мероприятий во Внешней Монголии. Также можно сделать вывод о том, что «международно-правовая» составляющая соглашения 1912 г. и его значение для достижения независимости Монголией не уступает таковым у договора 1921 г.: РСФСР признала независимость Монголии из-за изменения баланса сил в регионе в свою пользу, но уже в 1924 г. СССР заключит договор с центральным правительством Китая, в котором откажется от признания независимости Монголии, тем самым поставив под сомнение предыдущий советско-монгольский договор [Батунаев, 2015, с. 113]. Более того, на момент заключения договора 1921 г. сама РСФСР не обладала широким международным признанием и была признана только Афганистаном, Эстонией и Латвией. В этом плане договор 1921 г. с точки зрения международного права принципиально не отличается, например, от договора Монголии с Тибетом 1913 г., который поддерживал дипломатические отношения в том или ином виде с Китаем, Сиккимом и Великобританией [Кузьмин, 2015, с. 86]. Этот Тибето-Монгольский договор точно так же, как и Советско-Монгольское соглашение 1921 г., был актом взаимного признания и установления дипломатических отношений между двумя странами, еще не завоевавшими широкое международное признание.

Выводы

Таким образом, основные выводы исследования могут быть сформулированы следующим образом.

Соглашение 1912 г. можно считать свидетельством правосубъектности Монголии как де-факто суверенного государства. Об этом говорит и доминировавшая в начале XX века декларативная теория государственности, и факт признания Монголии Российской империей «де-факто» посредством ведения двусторонних переговоров с политической властью, не вписанной в административную систему Китая. Также это подтверждается и имевшей место на рубеже XIX–XX вв.

практикой отличий текста договоров на двух языках, при которой оба текста имеют одинаковое значение. Следовательно, монгольский текст с «независимостью» не уступает по силе русскому с «автономией».

Соглашение 1912 г. во многом сделало возможным заключение договора 1921 г. В частности, по его результатам была обеспечена национальная автономия Монголии, сделавшая невозможной культурно-языковую ассимиляцию.

Договор 1921 г. не привел к принципиальному изменению международно-правового статуса Монголии в сравнении с 1912 г. и был значительно переоценен исследователями XX в. Советская Россия пересмотрит условия своего признания монгольского правительства в Советско-Китайском договоре 1924 г. Более того, на момент признания Монголии со стороны РСФСР сама Советская республика не обладала широким международным признанием, что делает договор 1921 г. лишь вторым в списке внешних договоров Монголии с аналогичным статусом (а именно договоров двух ограниченно признанных государств).

Литература / References

Батбаяр Ц. Олноо Өргөгдсөн Монгол улсын гадаад харилцаа [Международные отношения Монгольского государства периода Многими Возведенного]. Улаанбаатар: Монгол улсын Шинжлэх ухааны академи Түүхийн хүүрээлэн, 2008. 177 с. [Batbayar C. Olnoo Örgөгдсөн Mongol улсын гадаад харилцаа [Mezhdunarodnye otnosheniya Mongol'skogo gosudarstva perioda Mnogimi Vozvedennogo]. Ulaanbaatar: Mongol улсын SHinzhlekh uhaany akademi Түүхийн хүүрреелен, 2008. 177 p. (in Mongolian)].

Батунаев Э. В. Борьба за независимость монгольского государства. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2015. 160 с. [Batunaev E. V. Struggle for the Independence of Mongolia. Ulan-Ude: BGU, 2015. 160 p. (in Russian)].

Гассиев М. В. Актуальность критериев Монтевидео для исследования института признания государств в международном праве. *Юридический вестник Дагестанского государственного университета*. 2014. № 3. С. 93–96 [Gassiev M. V. The applicability of Montevideo Criteria for State Recognition Institution Studies in International Law. *Yuridicheskij vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2014. № 3. Pp. 93–96 (in Russian)].

Дружественное соглашение о признании Россией автономной Монголии. 21 октября (3 ноября) 1912 г. АВПРИ. Ф. 163. Оп. 3. Д. 963. Подлинник. ЦНА. Ф. А-2. Оп. 1. Д. 104. Л. 1. Подлинник. ПСЗРИ. 3-е изд. № 38230. С. 1492–1495 [The friendly agreement of autonomous Mongolia's recognition by Russia on October 21. AVPRI. F. 163. Op. Z. D. 963. Original. CNA. F. A-2. Op. 1. D. 104. L. 1. Original. PSZRI. 3-e izd. № 38230. Pp. 1492–1495 (in Russian)].

Ильяшевич М. В., Хахина А. А. К вопросу о международно-правовом признании государств. *Вестник РУДН. Серия «Юридические науки»*. 2014. № 1. С. 236–244 [Ilyashevich M. V., Nahina A. A. To the Issue of International State Recognition. *Vestnik RUDN. Seriya «Yuridicheskie nauki»*. 2014. № 1. Pp. 236–244 (in Russian)].

Кузьмин С. Л. Русско-Монгольское соглашение 1912 года и независимость Монголии. *Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки»*. 2015. № 1. С. 80–87 [Kuz'min S. L. The Agreement of 1912 between Mongolia and Russia and the independence of Mongolia. *Vestnik MGPU. Seriya «Istoricheskie nauki»*. 2015. № 1. Pp. 80–87 (in Russian)].

Морозов Е. В. Проблема заключения Учтальского договора 1889 г. *Colloquium-Journal*. 2015. № 23–5 (47). С. 49–50 [Morozov E. V. Problems of Crafting of the Treaty of Uccialli 1889. *Colloquium-Journal*. 2015. № 23–5 (47). Pp. 49–50 (in Russian)].

DOI: 10.31696/2618-7302-2023-1-069-091

МЕЖДУНАРОДНАЯ РЕАКЦИЯ НА РУССКО-МОНГОЛЬСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ 1912 г.

© 2023

С. А. Кузьмин¹

Обсуждается восприятие Русско-Монгольского соглашения 1912 г. в разных странах мира. Данное соглашение, при выработке и подписании которого Россия исходила, в первую очередь, из собственных интересов, в то же время объективно поддерживало право монгольского народа на самоопределение в период коллапса маньчжурской империи Цин. Данное соглашение вызвало резко негативную реакцию политических и общественных кругов Китайской республики и в целом сдержанную реакцию держав Запада и Японии. Претензии Китайской республики на всю территорию бывшей империи Цин, в том числе на Монголию, были основаны на традиционной китайской мироустроительной концепции, которую в силу международной политической конъюнктуры и исторических причин разделяли державы, считавшие Китайскую республику преемницей всей империи Цин. Только Российская империя оказалась тем государством, которое смогло обеспечить автономию (фактическую независимость) Внешней Монголии и ее государствовоительство. Позиции остальных держав в тот период согласовались с их отношениями лишь между собой, а также с Китаем; ни одна из них не поддержала Монголию. Рассматриваемый документ был первым в новой истории международным соглашением объявившей независимость Монголии, признавшим ее государственность и положившим начало дипломатическим отношениям Монголии с Россией. Русско-Монгольское соглашение 1912 г. и принятая с его учетом Русско-Китайская декларация 1913 г. в определенной мере послужили образцом для нескольких других международных актов: «21 требования» Японии к Китаю 1913 г., Монголо-Тибетского договора 1913 г. и Симлской конвенции между Великобританией и Тибетом 1914 г.

Ключевые слова: Русско-Монгольское соглашение 1912 г., международные отношения, независимость, самоопределение, Россия, Монголия, Китай

Для цитирования: Кузьмин С. А. Международная реакция на Русско-Монгольское соглашение 1912 г. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2023. № 1. С. 69–91. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-1-069-091

INTERNATIONAL REACTIONS TO THE 1912 RUSSO-MONGOLIAN AGREEMENT

Sergius L. Kuzmin

¹ Кузьмин Сергей Львович, доктор исторических наук, кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Кореи и Монголии Института востоковедения РАН, Москва; ipe51@yahoo.com

Sergius L. Kuzmin, D. Sc. (Hist.), Ph.D. (Biol.), Principal Research Associate, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; ipe51@yahoo.com
ORCID: 0000-0001-9544-1359

The perception of the 1912 Russo-Mongolian Agreement in different countries of the world is discussed. This Agreement, at the elaboration and signing of which Russia had based primarily on her own interests, at the same time supported the right of Mongolian people to self-determination in the period of the Manchu Qing Empire collapse. This Agreement caused sharply negative reaction of political and public circles of the Republic of China, and a generally discreet reaction from Western powers and Japan. Claims of the Republic of China to the entire territory of the former Qing Empire, including Mongolia, were based on the traditional Chinese worldview, which, due to international political conjuncture and historical reasons, was shared by the powers that considered the Republic of China the successor of the Qing Empire, including whole territory of the latter. At that time, the Russian Empire was the only state capable to ensure the autonomy (in fact, independence) of the Outer Mongolia, which laid foundations for her development as a sovereign state. Positions of the world powers at that time were consistent with their relations only with each other, as well as with China; neither of these powers, except for Russia, supported Mongolia. The 1912 document was the first international agreement in modern history signed by Mongolia after her proclamation of independence. This Agreement recognized her statehood; it meant the start of bilateral diplomatic relations between Mongolia and Russia. The Russo-Mongolian Agreement of 1912 and the Russo-Chinese Declaration of 1913 served to some extent as models for several other international acts: the «21 demands» of Japan to China in 1913, the Mongol-Tibetan Treaty in 1913 and the Shimla Convention between Great Britain and Tibet in 1914.

Keywords: The 1912 Russo-Mongolian Agreement, international relations, independence, self-determination, Russia, Mongolia, China

For citation: Kuzmin S. L. International Reactions to the 1912 Russo-Mongolian Agreement. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2023. 1. Pp. 69–91. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-1-069-091

Русско-Монгольское соглашение 21 октября/3 ноября 1912 г.², означавшее международное признание Монгольского государства, вызвало определенный резонанс в мире. Сведения об этом разбросаны по многим источникам и до сих пор не проработаны детально, несмотря на важность этого для понимания того, как новая Монголия вступала на путь международного признания.

Основными источниками по данному вопросу являются официальные материалы России, Китая, Японии и некоторых стран Запада, хранящиеся в соответствующих архивах, частично опубликованные в периодической печати (прежде всего Китая и России) и в некоторых сводках; оценки соглашения, обстоятельств и последствий его заключения политическими и общественными деятелями того времени; освещение данного соглашения в прессе разных стран.

Россия и Монголия

Российский император Николай II, прочитав донесение об обстоятельствах подписания соглашения 1912 г. и об успешном преодолении трудностей российским уполномоченным И. Я. Коростовцом, 14 ноября 1912 г. начертал резолюцию: «Хорошо» [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 659, л. 41–41об., рукопись с машинописным указанием резолюции императора]. В тот же день министр иностранных дел С. Д. Сазонов телеграфировал Коростовцу в Ургу: «На всеподданнейшем докладе моем об обстоятельствах, при коих Вами заключено соглашение 21 октября с Монгольским Правительством, Гос[ударю] Императору благоугодно было начертать: “Выражаю Мою благодарность Коростовцу”. Поздравляю Вас с этим знаком Монаршей милости» [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 659, л. 50, рукопись С. Д. Сазонова].

² Здесь и ниже в таких случаях указываются даты по старому и новому стилю.

Провозглашение независимости Монголии в 1911 г. вызвало отклики в российской прессе. Правые националисты призывали аннексировать Монголию без уступок Китаю, другие призывали сделать из независимой Монголии государство-буфер. Сибирская же пресса, заинтересованная в монгольском рынке, поддерживала политические мероприятия России в Монголии. Либеральная кадетская пресса и лидер партии кадетов П. Н. Миллюков были против присоединения Монголии к России, чтобы не подрывать отношений с Китаем [Лузянин, 2003, с. 55–56]. В своих воспоминаниях Миллюков назвал данное соглашение несомненным успехом политики Сазонова [Миллюков, 1991, с. 347].

В целом основными в общественном мнении России были два направления: за присоединение к России Монголии и за оказание помощи в становлении ее национальной государственности [Кузьмин Ю. В., 1994, с. 78]. С этим резко контрастировала реакция российских революционеров. В 1912 г. фракция социал-демократов в Государственной думе заклеимила «захват Монголии, нарушающий добрые отношения к великой, братской республике Китайской». В. И. Ленин заявил, что «царизм» хочет захватить Монголию [Ленин, 1968, с. 203, 1969, с. 162] — хотя в действительности Россия никогда не собиралась присоединять ее [Коростовец, 2004, с. 44]. Однако указанный ложный взгляд стал основой коммунистических штампов — например, что «превращение Монголии в колонию было конечной целью царизма» [Златкин, 1957, с. 142, 144]. В Китае такой взгляд существует и в настоящее время [например, Liu, 2005, p. 80–84].

В Монголии соглашение было воспринято положительно, за исключением части феодалов, преимущественно из Внутренней Монголии, зависевших от Китая (подробнее см. ниже). По свидетельству Коростовца, монголы, подписавшие соглашение, выражали радость, а глава (Богдо-хан) Монголии — Богдо-гэгэн Джебцзундамба-хутухта VIII на следующий день передал поздравления в российское консульство в Нийслэл-хурэ (Урге) [Батсайхан, 2018, с. 173]. В Царском Селе 7 декабря 1912 г. была получена телеграмма из Урги: «Его Императорскому Величеству. Представители возрожденной милостями Вашего Императорского Величества к новой жизни Монголии в лице князей и чинов нашего военного и гражданского ведомств, собравшись в Императорском Консульстве, просят меня повергнуть к стопам Вашего Императорского Величества чувства благоговейной признательности и беспредельной преданности. Действительный статский советник Коростовец». На телеграмме Николай II начертил синим карандашом: «Искренно благодарю» [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 659, л. 140, оригинал].

Таким образом, Российско-Монгольское соглашение 1912 г. в обеих странах было воспринято в целом положительно. Преобладающим общественным мнением была поддержка того, что Монголия не должна стать провинцией Китая. Лишь российские социал-демократы и немногочисленные монгольские коллаборационисты были резко против этого соглашения, считая Монголию неотъемлемой частью Китая, которую хочет отобрать Россия. Их мнение совпадало с таковым китайских (ханьских) националистов. Последнее следует рассмотреть подробнее.

КИТАЙ

Факт переговоров И. Я. Коростовца с монголами в Нийслэл-хурэ не был секретом для правительства Китая, тем более что эти переговоры начались после того, как Китай отказал России в посредничестве с Монголией после провозглашения последней независимости в 1911 г. Позиция Китая состояла в том, что он должен урегулировать монгольский вопрос без

посредников. В связи с этим китайские власти использовали монгольских аристократов, живших в Китае, а руководителей независимой Монголии пытались склонить на свою сторону.

19 октября/1 ноября 1912 г. находившийся в Нийслэл-хурэ Коростовец телеграфировал Сазонову, что от президента Юань Шикая, монгольского князя Наянту, а также высших лам Чжанчжа-хутухты и Ганжурва-хутухты в Пекине «получены Богдоханом и князьями телеграммы, предостерегающие относительно заключения с нами соглашения, приглашающие отказаться от независимости и обещающие в замену всевозможные льготы и крупные денежные подачки. Одновременно в Ургу прибыл Ларсен, имевший уже свидания с Сайн-нойоном и Да-ламой³ и передавший им предложения Президента в том же смысле и американского синдиката относительно постройки железной дороги от Калгана в Ургу и выдачи 1 миллиона в счет концессионных сумм» [АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 371, л. 93; ф. Китайский стол, оп. 491, д. 658, л. 216; Сборник дипломатических..., 1914, с. 22].

Слухи о предлагаемом Россией соглашении с Китаем об автономии Внешней Монголии вызвали поток агитации против Юань Шикая. Китайцы, считавшие Монголию своей провинцией, смотрели на это соглашение «как на отделение Монголии от Китая с целью захвата ее Россией» [Новая жизнь, 11.12.1912]. Говорили о его положительном отношении к такому соглашению [Washington Herald, 15.11.1912]. На имя Юань Шикая шел поток телеграмм из Китая с требованием войны с Россией. После того как появились сообщения о возможном посредничестве французской и японской сторон, поднялся вал протестов. Особенно смешной китайцам казалась идея о посредничестве Японии, которая якобы долго верила в соглашение с Россией о разделе с ней Китая. Появились слухи, что некоторые генералы собираются двинуть войска против русских в Монголии, не ожидая приказа или согласия президента [Washington Times, 16.11.1912]. Из Пекина сообщали о растущем энтузиазме китайцев в связи с «агрессией России в Монголии», наборе отрядов добровольцев [The Sun, 19.11.1912].

22 октября/4 ноября 1912 г. китайский посланник в Петербурге Лу Цзиньжэнь по поручению своего правительства обратился к С. Д. Сазонову по поводу российско-монгольских переговоров. Сазонов ответил, что за разъяснениями надо обращаться к российскому посланнику в Пекине В. Н. Крупенскому [Белов, 1994, с. 108–118]. 25 октября/7 ноября Крупенский телеграфировал в Петербург, что в связи с переговорами Коростовца в Урге МИД Китая «считает долгом заявить, что Монголия является составной частью Китая и, хотя в ней и происходят волнения, но она отнюдь не правоспособна заключать соглашения с иностранными государствами. Ныне министерство имеет честь официально сообщить, что китайское правительство не признает никаких соглашений, заключаемых российским правительством с Монголией» [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 659, л. 15–15об.].

26 октября/8 ноября 1912 г. российский «Правительственный вестник» (№ 234) опубликовал текст соглашения [Правительственное сообщение..., 1913, с. 46–48]. В тот же день Крупенский сообщил министру иностранных дел Китая текст Русско-Монгольского соглашения. Тот ответил, что китайское правительство не может признать это «соглашение, заключенное иностранной державою с одной из составных частей Китая без согласия на то центрального правительства». Министр заметил также, что Россия признала монгольское правительство, но все еще отказывается в признании Китайской республики. Крупенский возразил, что соглашение не означает признания независимости монгольского правительства, а к принятию данного решения российскую сторону вынудил «образ действий китайского правительства, упорно не желавшего

³ Приближенные Богдо-хана Сайн-нойон-хан Т. Намнансурэн и да-лама Г. Цэрэнчимэд.

даже приступить к разрешению монгольского вопроса совместно с нами» [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 658, л. 265; Сборник дипломатических..., 1914, с. 32].

29 октября/11 ноября у Юань Шикая состоялось совещание по монгольскому вопросу. Там решили заявить России о предоставлении ей права строить железную дорогу и разрабатывать природные богатства Монголии, пожаловать Хутухте и министрам Монголии высшие титулы при признании власти Китая, поручить китайскому посланнику в Берлине обратиться к правительству Германии с просьбой о поддержке в борьбе с Россией за Монголию [Белов, 1994, с. 108–118]. 31 октября/13 ноября состоялось секретное заседание китайской палаты представителей. На нем правительство по запросу по поводу Русско-Монгольского соглашения «высказалось в смысле невозможности в настоящую минуту вести войну с Россией». Палата присоединилась к мнению первого министра, что наилучший способ — «обращение к посредству Франции или другого государства и принятие вместе с тем мер к побуждению Хутухты добровольно отказаться от независимости». Китайцы пытались склонить к посредничеству с Россией и германского посланника в Китае, но тот отказался. Министр иностранных дел, стоявший за «энергичный образ действий в монгольском вопросе», подал в отставку из-за разногласий с президентом. Последний сваливал всю вину на министра иностранных дел [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 659, л. 10–10об.].

По сообщению британской «Таймс» из Китая, причина отставки была несколько другой. В августе 1912 г. появился британский меморандум по поводу Тибета, который вызвал негодование в Китае, а затем «русское соглашение с Монголией упало подобно искре на порох». Будучи бессильны против России, пекинские политики, «проникнутые злобою на расхищение Китая», дали выход чувствам в нападках на собственное правительство. Кабинет министров собирался подать в отставку, но тут вину взял на себя министр иностранных дел⁴. Проходили совещания, один из участников предложил союз с Японией для войны против России. В корреспонденции отмечалось: «Подобие между тибетским и монгольским делом весьма близко. Китайские права над обеими территориями были весьма туманны. Обе области до последних лет пользовались административной независимостью. Великобритания и Россия объявили об одном и том же по отношению к Тибету и Монголии — о невмешательстве в их самоуправление. <...> Монголия свергла китайское ярмо, Россия признала новое государство и стала непосредственно с ним сношаться, хотя она была готова иметь дело и с Китаем, если бы последний выказал больше желания пойти ей навстречу» [Новая жизнь, 12.12.1912].

Осенью 1912 г. Русско-Монгольское соглашение стало излюбленной темой китайской прессы. «Все китайские газеты без различия направлений полны угроз по адресу Монголии и ее заступницы — России и печатают воззвания к народу о необходимости, если Россия не откажется от своих притязаний на Монголию, разрешить вопрос оружием. Всюду твердят, что Россия положила начало разделу Китая и что в самом непродолжительном времени Англия возьмет себе Тибет, Япония — Южную Маньчжурию, Германия — Шаньдун и т. д. Страницы газет пестрят перечислением имен жертвователей в пользу монгольской экспедиции и жертвуемых ими сумм. Каждая провинция, по газетным сведениям, готова отправить на театр военных действий часть своих войск и содержать таковую за свой счет. Народ, начиная от богатого купца и кончая рикшами и кули, энергично агитирует за войну и готов уделять на ведение последней часть своих доходов. <...> Несколько дней назад торговая палата в Ханькоу постановила

⁴ Сохранился перевод текста прокламации, после появления которой он подал в отставку [Думы Забайкалья, № 508, 13.12.1912].

бойкотировать русские товары и все русское» [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 659, л. 73–73об.; ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 371, л. 22–38].

Интересный анализ освещения материалов по данному вопросу в китайской прессе дал современник — известный китаевед И. Г. Баранов. По его данным, китайская пресса сначала не поверила официально объявленным статьям Русско-Монгольского соглашения: они были сочтены опубликованными для отвода глаз. В действительности же, по словам китайских газет и журналов, между Россией и Халхой был заключен секретный договор из 32 статей. Орган китайских националистов «The Republican Advocate» (Шанхай, 1912, № 35, 9, XI) привел главные из них: «1) Монголия заимообразно получает от России 5 млн руб.; 2) монголам предоставляется право принимать русское подданство; 3) Россия должна объявить Китайскому правительству, что автономия Монголии неприкосновенна; 4) Россия будет оказывать монгольскому правительству денежную поддержку под условием надзора России над финансами Монголии; 5) Россия получает исключительное право на разработку ископаемых богатств Монголии; 6) монгольские войска будут обучаться русскими инструкторами, и 7) за защиту от вторжения внешних врагов Монголия будет уплачивать России ежегодно 120 тыс. руб.». Пекинская патристическая газета «Ай-го бао» писала 26.11.1912, что, по газетным сведениям, от Китая отпадает не только Внешняя Монголия, но и территории к северу от Великой китайской стены. «Бэйцзин жибао» писала 03.12.1912, что часто японские сведения переводятся европейскими и американскими газетами, а оттуда переводятся китайскими. «Если японцы хотят, чтобы какое-либо известие появилось в китайских газетах, они выдают его нашим корреспондентам за тайное, и это известие сейчас же появляется во всех наших газетах». Статья «секретного» Русско-Монгольского договора, что Россия согласилась помочь Внешней Монголии присоединить китайские земли к северу от Великой стены, появилась 31 октября в издаваемой японцами пекинской газете «Шунь-тянь ши-бао», а 2 ноября она была перепечатана в отделе важных известий всеми другими пекинскими газетами (Бэйцзин жибао, 03.12.1912). «Ай-го бао» писала 26.11.1912, что, если другие государства будут поступать так же, как Россия, Китай будет разделен. Из маньчжурских газет наибольшей русофобией отличалась издававшаяся в Фуцзяне газета «Синь-дун чуй-бао». К Русско-Монгольскому соглашению резко отрицательно отнеслись многие европейские и американские периодические издания в Китае: «China Press», «Shanghai Mercury», «National Review», «Celestial Empire». Это усиливало ненависть в китайском обществе. Юань Шикай в речи к делегатам китайских политических партий сказал, что правительство решило беречь независимость Китая и его суверенные права на Монголию, пользуясь для этого лишь мирными средствами; китайское правительство не намерено вмешиваться во внутренние дела Монголии, так что князья, провозгласившие независимость, должны отказаться от оппозиционного настроения. В освещении Русско-Монгольского соглашения китайская печать в основном придерживалась трех позиций: это соглашение нарушает суверенные права Китая; это начало раздела Китая; это акт, против воли большинства монгольских князей созданный Хутухтой и кучкой его приверженцев благодаря интригам России [Баранов, 1913, с. 77–86].

Националистическая партия Гоминьдан осуждала Русско-Монгольское соглашение примерно так же резко, как китайская националистическая пресса. Она требовала от правительства действовать радикально. Лидер Гоминьдана Сунь Ятсен направил китайскому парламенту телеграмму, где писал: «По моему мнению, Русско-Монгольское соглашение должно быть отвергнуто, в противном случае аналогичная [Монголии — С. К.] судьба постигнет Синьцзян, Тибет и Маньчжурию». Движение против Русско-Монгольского соглашения началось в южном Китае, где влияние Гоминьдана было довольно сильным. Вместе с Гоминьданом против

соглашения выступили три другие партии, не находившиеся в оппозиции к Юань Шикаю: Гунхэдан, Миньчжудан, Туньидан. Они созывали общие митинги, принимали общие резолюции и т. д. [Белов, 1994, с. 108–118].

Сунь Ятсен выступил с фантастическим проектом посылки нескольких армий для разгрома России. Юань Шикай не одобрил этот план, признав его преждевременным: на его запрос губернаторам провинций семь из них высказались за мирное решение, 10 — за войну, четыре предложили сначала попытаться уговорить монголов. Даже в Северном Китае были митинги, прокламации против русских, бойкот Русско-Азиатского банка, русских товаров, сбор денег на войну с Россией, призывы к оружию [Баранов, 1913, с. 80–85; Коростовец, 2004, с. 305–307; 2009, с. 208].

Военные губернаторы 10 провинций, выступившие за войну, предлагали двинуть все военные силы против Монголии и прекратить переговоры с Россией. Их поддержал вице-президент Китая Ли Юаньхун. В Шанхае, Пекине и других городах были созданы «общества спасения Монголии», которые издавали антироссийские прокламации, вели сбор средств на военную экспедицию в Монголию. Командующий войсками Гуандуна послал Юань Шикаю телеграмму, что Монголия — издавна вассальная земля Китая, вслед за Россией за счет Китая «вознаградят себя» Англия, Франция и Япония, «Маньчжурия, Тибет и Западный Китай [Синьцзян — С. К.] последуют один за другим». Были призывы «непреренно уничтожить жестокою Русь, как истреблены были хунны» [Анья бао, 17.10.1912; Миньчжи бао, 20.10.1912 — АВПРИ, ф. Китайский стол, д. 403, л. 203–206, 224 — цит. по: Белов, 1994, с. 108–118]. В Пекине и провинции Шаньси создавались женские «патриотические общества», чтобы формировать женские отряды для войны с Россией. В театрах Гуанчжоу, Шанхая, Пекина и других городов ставились антирусские пьесы, шел бойкот отделений Русско-Азиатского банка в Гонконге, Шанхае, Пекине, Тяньцзине, Яньтае. В Ханькоу на русских чайных фабриках прошли забастовки, одна фабрика была подожжена [Белов, 1994, с. 108–118].

Население Маньчжурии, в отличие от Китая, вначале вело себя индифферентно по отношению к Русско-Монгольскому соглашению. Там пошли разговоры о том, почему бы и ее не сделать автономией, раз Монголия стала автономией. Настроения стали меняться после массового прибытия из Пекина агитаторов против России (в основном из молодежи) [Харбинский вестник, 18.12.1912].

По сведениям консула в маньчжурском городе Цицикаре С. В. Афанасьева, туда в ноябре, минуя железную дорогу, доставлялось много огнестрельного оружия, боеприпасов, формировались части армии и полиции; пресса возбуждала антироссийские настроения; в Северной Маньчжурии проходили митинги при участии чиновников, выступавших с горячими речами против России, призывавших население жертвовать деньги на ведение войны с ней [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 649, л. 137–141об.]. По сообщению чинов жандармского надзора на Дальневосточной окраине России, в ноябре 1912 г. в Северную Маньчжурию прибыли 16 китайцев из общества «Чжо-пао-дан» (бомбисты). Цель этого общества, легализованного в Китае и поддерживавшегося тогда правительством, — борьба против иностранцев, в том числе террором. Пятеро из них направлялись в Харбин, трое были задержаны там китайскими властями 17/30 ноября с бомбами. Они сознались в намерении взорвать мост через реку Сунгари. Харбинский даотай Ли Тяо уговорил их пока воздержаться от выполнения их планов. Два других бомбиста выехали в Ургу. Среди местного китайского населения проводился сбор средств на военные нужды [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 659, л. 146–147, 161–162].

И. Я. Коростовец писал, что те двое собирались убить его самого, Богдо-гэгэна и сочувствовавших им монголов [Коростовец, 2009, с. 265].

В связи с тем, что достаточно широкие круги китайского общества требовали войны, вопрос обсуждался центральными властями Китая. При обсуждении Русско-Монгольского соглашения в Пекине китайскими министрами представители армии и флота заявили о невозможности крупных военных действий в Монголии. В итоге Государственный совет решил: если китайский протест против Соглашения не возымает действия, обратиться к посредничеству Англии, Франции, Японии и Америки. В резолюции госсовета предлагалось поддерживать с Японией дружественные отношения; попытаться уладить русско-монгольский вопрос мирным путем, в случае неуспеха обратиться к силе оружия; обратиться с протестом к державам по поводу действий России, попросить поддержать Китай в требовании изменить русско-монгольский договор на русско-китайский. Дипломатический корпус в Пекине приватно попросил Крупенского называть русско-монгольское соглашение русско-китайским. Крупенский обещал связаться с Петербургом [Харбинский вестник, 09.11.1912, 10.11.1912].

12 ноября (н. ст.) состоялось закрытое заседание парламента. На нем премьер-министр Чжао Бинцзюнь, военный министр Дуань Цижуй, министр финансов Сюн Силян доказывали, что войну с Россией из-за Халхи вести нельзя, монгольский вопрос надо решать мирным путем. По мнению Чжао Бинцзюня, если это не будет получаться — надо прибегнуть к посредничеству Японии, Англии, США, Франции. Сюн Силян объяснял, что у правительства нет денег на военную экспедицию в Халху. Дуань Цижуй говорил, что военный поход очень труден из-за большого расстояния, плохих путей сообщения, предстоящих зимних холодов, недостатка продовольствия в Монголии [Белов, 1994, с. 108–118].

В конце 1912 г. китайское правительство обратилось к французскому посланнику в Пекине Конти выступить посредником в переговорах между Россией и Китаем по монгольскому вопросу. Согласившись с этим, французский посланник попытался убедить Крупенского в справедливости притязаний Китая на Монголию [АВПРИ, Китайский стол, д. 136, л. 231–232]. Дипломатический зондаж Франции оказался неэффективным [Лузянин, 2003, с. 63].

В ноябре 1912 г. большинство китайских министров и других лиц, принимавших участие в совещаниях по монгольским делам, были крайне враждебно настроены против России, угрожали походом против Халхи, выступали на митингах и в печати «о якобы охватившем весь четырехсотмиллионный китайский народ патриотическом воодушевлении», не желали примириться с фактом подписания Соглашения [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 659, л. 53–55об.].

С этим соотносилась направлявшаяся центральными и провинциальными властями деятельность монгольских коллаборационистов, живших в Китае и Внутренней Монголии. Почти все владетельные князья Внутренней Монголии заявили о своем подданстве Богдо-гэгэну. Однако те немногие, которые были против, выдавали свое мнение за мнение большинства.

«Го-фын жи-бао» 20 октября/2 ноября 1912 г. (за день до подписания соглашения) напечатала статью «Русско-монгольское соглашение с точки зрения монголов», где мнение одного из монгольских князей, проживавших в Пекине на китайском содержании, выдавалось за мнение большинства монголов. Он заявлял: «Русско-монгольское соглашение является делом лишь одного Ургинского Хутухты, а потому это соглашение не только не может быть осуществлено во всей Монголии, но даже в областях, прилегающих к Урге, так как не только китайское правительство не признало это соглашение, но и весь монгольский народ не допустит, чтобы оно было введено в действие, ибо мы, монголы, не можем признать за Ургинским Хутухтой права действовать от имени всего монгольского народа, самовольно прерывать связь с Китаем. <...> Если бы

русское правительство, основываясь на постановлениях последнего своего соглашения с Хутухтой, пожелало бы вводить в Монголии свои порядки, то нам, монголам, осталось бы вступить в отчаянную борьбу с Россией для того, чтобы исполнить свой долг перед Китаем и не допустить захвата Монголии Россией» [АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 371, л. 40–41].

Согласно газете «Чжэн-фу гун-бао» от 22 ноября/5 декабря 1912 г., 13/26 ноября князь 10 хошунов Джеримского сейма на совещании в Чанчуне, узнав об ургинском соглашении, сказали, что все 10 хошунов «пожелали примкнуть к новому строю» и просили передать центральному правительству, что это соглашение ими не признается, что монголы — за республиканский строй. Это заявил председатель сейма. Президент это заявление одобрил, сказав, что оно «свидетельствует о ясном понимании ими высших государственных интересов», и решил поощрить [АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 371, л. 53–56; д. 376, л. 35]. Согласно «Бэйцзин жибао» от 21 января/03 февраля 1913 г., в г. Суйюаньчэн прошло совещание князей Уланцабского и Ихэджуского сеймов Внутренней Монголии в присутствии китайского посредника-мироотворителя Ван Чуаньцзюня. Постановили вывесить государственный флаг; выбрать членов в китайский парламент, следовать декретам президента и новым законам, все мероприятия предварительно обсуждать с военным губернатором, руководствоваться утвержденными палатой представителей статьями для Монголии, изложить основания, по которым «все князья единогласно» не признают Русско-Монгольское соглашение и т. д. [АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 376, л. 13–19].

Целью таких инсценировок была демонстрация лояльности некоторых монгольских князей, а со стороны китайской прессы — демонстрация того, что независимость Монголии была делом не монголов, а России.

Вместе с тем обстоятельства складывались в пользу необходимости российско-китайских переговоров. В ноябре 1912 г. ушедший в отставку министр иностранных дел Лу Цзэнцзян согласился снова принять этот пост и взять на себя ответственность за переговоры по монгольскому вопросу [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 659, л. 11]. В переговорах с Крупенским он настаивал, чтобы, кроме признания Монголии составной частью Китая, Россия также признала суверенные, а не сюзеренные права последнего, при этом предлагая редакцию соглашения, где порядок управления Монголией восстанавливался таким же, каким был при Цинской династии. Он отметил также, что китайцы согласны включить в автономную Монголию лишь Тупшэтуханский и Цзэнханский аймаки [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 659, л. 39–39об.] — то есть примерно половину Внешней Монголии. В дальнейших переговорах он продолжал возражать против слов «сюзеренитет» и «автономия», а также против неупоминания о том, что Монголия составляет неотъемлемую часть Китая [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 659, л. 59–59об.].

При этом «китайское правительство предложило России уничтожить ее договор с Монголией и, в свою очередь, обязывалось предоставить России в Монголии все принадлежащие теперь ей права, но только по договору, который был бы заключен с Пекином. Россия это предложение отвергла» [Вестник, 09.01.1913]. 6/19 ноября 1912 г. китайский посланник в Петербурге посетил Сазонова, попросил отказаться от Русско-Монгольского соглашения и затем приступить к переговорам по монгольскому вопросу. Сазонов ответил, что предложение запоздало: несколько месяцев назад Россия была готова к определению отношений с Монголией с одним китайским правительством, но безуспешно стремилась к обмену мнениями. Теперь же обоюдоприемлемым может быть заключение между правительствами России и Китая «по монгольскому вопросу соглашения на началах нашего соглашения с ургинским правительством» [Сборник дипломатических..., 1914, с. 34–35]. Сазонов указывал, что «ни взять обратно сообщенное

китайскому правительству соглашение и протокол 21 октября, ни считать их уничтоженными соглашением с Китаем мы, конечно, не можем. Мы долго медлили вступить в договорные отношения с ургинским правительством, и только нежелание китайцев идти навстречу нашим предложениям побудило нас заключить сказанное соглашение и протокол» [Сборник дипломатических..., 1914, с. 39]. По-видимому, в связи с этим 20 ноября (н. ст.) министр иностранных дел Китая посетил российскую миссию в Пекине и вновь потребовал объяснений по поводу русско-монгольской конвенции, «против которой вся китайская нация возражает и требует войны» [The Sun, 21.11.1912].

Готовя свое царствование в Китае, Юань Шикай был готов договориться с Россией по монгольскому вопросу, чтобы не портить с ней отношения. Вместе с тем он не решался открыто идти против требований отпора России. По причине требований о военной экспедиции в Цаган-Тункэ недалеко от Внешней Монголии накапливались китайские войска и вооружение — как для «защиты Алтайского округа», так и для «возвращения» уже занятого монголами Кобдоского округа западной Монголии. Например, в середине ноября 1912 г. начальник китайского отряда в Цаган-Тункэ предъявил командированному из Улясутая хорунжему М. И. Хоранову приказ синьцзянского ду-ду (военного губернатора), «грозящего монголам военной расправой, если они не вернуться к прежним отношениям с Китаем». Начальник отряда объяснил Хоранову, что ему предписано идти на Кобдо и оттуда на Халху [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 100а, л. 84–85; д. 659, л. 34]. Однако уже в конце ноября синьцзянский ду-ду по распоряжению президента приказал посланным против Кобдо отрядам не двигаться вперед и более не посылать туда войска [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 100а, л. 98]. Это было связано с тем, что Юань Шикай склонялся к мирному решению монгольского вопроса.

В результате частых петиций общественных организаций Юань Шикай 15/28 ноября 1912 г. издал указ, где обратил внимание на несправедливость обвинений китайской дипломатии в неспособности отстоять права на Монголию. В указе объяснялось, что в настоящее время война не принесет пользы Китаю, так как он «затруднен в дипломатических делах», не восстановил порядок, не имеет достаточных средств. Вопрос о Монголии обсуждался в особой секретной комиссии при совете министров. Большинство было за мирное решение. Несмотря на этот указ, военное министерство разрабатывало планы создания армии из войск разных провинций. Юань Шикай поставил китайским властям ряд вопросов о возможности посылки карательного отряда на Ургу. Местами шло формирование для этого китайских частей [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 659, л. 91–97].

28 ноября/11 декабря Лу Цзэнцзян просил передать Сазонову, чтобы на время переговоров России с Китаем он задержал приезд в Россию монгольской делегации. Одновременно Крупенский сообщал: «Усиленная агитация против нас со стороны китайской прессы и политических партий все продолжается. Открыто собираются средства для снаряжения карательной экспедиции против Урги, причем в этом участвует много политических деятелей с председателем палаты представителей во главе. Правительство обсуждает проект внутреннего военного займа, вырабатывается план военной экспедиции и деятельно принимаются, ввиду таковой, подготовительные меры в различных местностях» [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 659, л. 87–87об.].

Кроме того, «в связи с царящим в Китае среди молодых республиканцев сильным возбуждением против России из-за заключенного 21 октября с. г. Русско-Монгольского соглашения некоторые политические общества и партийные газеты стали проповедовать идею бойкота Русско-Азиатского банка». Ряд фирм изымает вклады из этого банка, из-за слухов о войне Китая

с Россией частные люди толпами хлынули изымать вклады. Министр иностранных дел и президент разослали предписание ду-ду всех провинций к прекращению этого движения против Русско-Азиатского банка. Движение стало стихать [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 659, л. 107–108].

24 ноября/7 декабря 1912 г. Лу Цзэнцзян передал Крупенскому китайский «контропроект» соглашения. Суть предложений была в том, что российское правительство должно уважать полный территориальный суверенитет Китая над Монголией, суверенное право его правительства вести все переговоры с иностранными государствами по всем вопросам, касающимся Монголии; китайское правительство будет придерживаться обычаев династии Цин; российское правительство обязуется не вмешиваться и не отменять никаких мер правительства Китая для сохранения старой административной системы во Внешней Монголии; правительство Китайской республики без должного учета пожеланий народа Внешней Монголии не будет безрассудно посылать войска, создавать какие-либо новые институты и поощрять колонизацию за рамками того, что признано правительством Внешней Монголии [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 659, л. 75, 153–154, 155–155об⁵].

Российская сторона выдвинула свои «контрпредложения», основываясь на Русско-Монгольском соглашении. 13/26 декабря 1912 г. Сазонов отправил Крупенскому следующую телеграмму: «При составлении нашего ответного предложения на китайский проект соглашения мы руководились следующими соображениями:

Находя нежелательным, чтобы при настоящем напряженном положении в Европе распространилось сведение о перерыве наших переговоров с Китаем по монгольскому вопросу, мы решили сделать китайцам контр-предложение, не упоминая о том, что оно является последним, но сохраняя все существенные положения нашего первоначального предложения и оставляя за собою возможность в удобную для нас минуту заявить, что дальнейших предложений мы не намерены делать, пока китайское правительство не выступит само с предложениями, основанными на признании им создавшегося в Монголии положения вещей.

Мы не думаем, чтобы настоящим соглашением можно было существенным образом решить монгольский вопрос. Опыт подсказывает нам, что китайцы будут всегда находить повод, чтобы пытаться нарушить дух заключенного с нами соглашения. В частности, мы не можем предположить, чтобы китайцы отказались от посылки при всяких обстоятельствах своих войск в Монголию. Мы считали лишь необходимым, на случай посылки туда китайских войск, оставить за собою право ответить вводом в Монголию русского отряда, предупредив о том китайское правительство.

При создании для Внешней Монголии положения, вытекающего из нашего проекта, мы не видели практической пользы от признания Китаем соглашения и протокола 21 октября. Имея дело с монгольским правительством относительно толкования и проведения в жизнь этих актов, мы, по-видимому, можем не опасаться противодействия Китая в этом отношении.

Исходя из этих соображений, мы старались сохранить статьи, касающиеся обязательств Китая перед Россией, лишь не упоминая об автономии Внешней Монголии и о характере прав Китая на Монголию. Что же касается обязательств России перед Китаем, то мы старались считаться с пожеланиями китайского правительства, поскольку они не противоречат преследуемым нами в Монголии задачам.

Так как составленные нами ответные предложения признаются Вами не отвечающими ходу Ваших объяснений с Лу Чжэнсяном и ближе Вам известному настроению, царящему

⁵ Французский текст, телеграфированный Крупенским в МИД России, рукописная и машинописная копии.

в пекинских правящих кругах, то мы не встречаем препятствий к внесению в наши предложения необходимых изменений. Благоволите телеграфировать, как Вы полагали бы их редактировать». Сверху подписано: «На подлинной против отчеркнутого места Собственной Его Императорского Величества рукою начертано: “Опасаться этого не следует. Россия достаточно сильна и на Дальнем востоке, чтобы энергично настаивать на своем” [набрано красным шрифтом — С. К.]. Царское село, 14 декабря 1912 года» [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 659, л. 170–170об.].

На президентских совещаниях принимались некоторые решения, призванные успокоить китайскую общественность. Взяв курс на мирное решение монгольского вопроса, Юань Шикай в середине декабря 1912 г. принял ряд мер против антироссийского движения в Китае: запретил все организации, готовившие военные дружины для похода на Монголию, приказал МВД принять меры к прекращению сбора пожертвований на войну с Монголией, прекратить антироссийскую агитацию в Маньчжурии. Через печать он старался внушить, что поход на Халху равносильен объявлению войны России, а державы Пекин не поддержат [Белов, 1994, с. 108–118]. 21 ноября/4 декабря 1912 г. МВД Китая телеграфировало всем ду-ду Маньчжурии о роспуске экспедиционного карательного отряда против Монголии, в том числе о роспуске созданных общественными и политическими организациями вспомогательных войск «бесстрашных», «армии спасения Монголии», «организации покорения Монголии», «армии решивших умереть» [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 659, л. 136–137].

Посол Китая в Японии Ван на встрече с министром иностранных дел Японии К. Утидой обратился «от имени своего правительства с просьбой о поддержке и о консультациях». На это японский министр, памятуя о секретных соглашениях Японии с Россией о разграничении сфер влияния, не дал определенного ответа [Батсайхан, 2018, с. 174–175]. Великобритания и Япония деликатно объяснили Китаю, что ему надо пойти на переговоры с Россией. 2 января 1913 г. (н. ст.) Юань Шикай отдал приказ о прекращении наступления на западную Монголию [РГИА, ф. 560, оп. 28, д. 449, л. 179–180 — цит. по: Лузянин, 2003, с. 62]. Однако китайские войска в Цаган-Тункэ оставались и пополнялись. Переговоры об их отводе использовались китайской стороной для давления на российскую до подписания с ней декларации 1913 г. по Монголии.

Юань Шикай заявлял в интервью газете «Сан», что Япония в Маньчжурии и Россия в Монголии имеют лишь те права, какие им дал Китай. «В нашем нынешнем состоянии позиция каждого из этих правительств является гарантией от посягательств другого» (The Sun, 19.01.1913). Он надеялся использовать баланс интересов России и Японии. Однако поддержки от Токио и Вашингтона на предмет борьбы с Россией за Монголию получить не удавалось. В связи с этим Лу Цзэнцзян предложил план действий, одобренный правительством: с Россией было решено дальше не спорить и войти в соглашение; Китай заявил, что воевать с Россией не намерен; Россия должна была признать его суверенитет над Монголией; это признание развяжет суверену руки проводить любую политику в Монголии по своему усмотрению; потому с весны 1913 г. было решено покорить вооруженной рукой всех монголов, в том числе заключивших с Россией соглашение [Восток, 10.01.1913].

Однако цели покорения всех монголов достигнуть не удалось. В связи с этим 23 октября/5 ноября 1913 г. состоялось подписание Русско-Китайской декларации по Внешней Монголии. Китай обязывался не вмешиваться в ее внутреннее управление и экономику, не содержать там чиновников, не присылать войска кроме конвоев; Внешняя Монголия признавалась автономной частью Китая, а китайское правительство — ее сюзереном [текст: Русско-китайские отношения..., 1958, с. 100–101]. Монгольское правительство не признало эту декларацию. Незадолго до ее

подписания оно выразило пожелание заключить договор с участием России [Батсайхан, 2014, с. 96]. Результатом стали трехсторонние переговоры и заключение Китайско-Русско-Монгольского соглашения 1915 г., фиксирующего автономию Внешней Монголии под сюзеренитетом Китая.

Итак, Русско-Монгольское соглашение 1912 г. было встречено в Китае резко отрицательно. Причиной была боязнь «потерять» Монголию (как и Маньчжурию, Восточный Туркестан и Тибет). По мнению китайцев, империя Цин — это Китай, потому эти вассальные и зависимые от маньчжурской династии земли — тоже Китай. Переход к республиканской системе не помешал китайским националистам сохранить этот старый исторический миф, потому что он был им выгоден и признавался державами. Не отрицая его, российское правительство готово было пойти на компромисс с Китайской республикой, при этом сохранив автономию (в действительности — фактическую независимость) Внешней Монголии.

Япония

Япония в начале XX в. была одной из самых влиятельных сил в Восточной Азии, особенно в Маньчжурии. К 1912 г. Япония и Россия наладили конструктивное сотрудничество, формальную основу которого составили секретные соглашения о разделе сфер влияния. Эти соглашения были главной причиной того, что Россия настаивала на автономии Внешней Монголии, не затрагивая Внутреннюю. Тем не менее Япония ожидаемо обратила пристальное внимание на Русско-Монгольское соглашение.

В АВПРИ сохранилось много телеграмм из Токио от российского посланника в Японии Н. А. Малевского-Малевича об отношении Японии к данному соглашению [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 659]. Детали переписки японского правительства с посольствами Японии в других странах изучены О. Батсайханом (2018). Согласно этим данным, японское правительство выразило свою позицию в связи с заключением Соглашения в статье в национальной газете «Кокумин»:

«Японии нельзя сидеть сложа руки, подобно постыжаемому святому ламе. Она должна выразить свою позицию. Единственная вещь, которая вызывает озабоченность правительства Японии — охватывает или нет договоренность от 3 ноября между Россией и Монголией территорию, включенную в сферу российского влияния, признанную договором между Россией и Японией, заключенным 8 июля» [Батсайхан, 2018, с. 174–175].

Япония, признавая особые российские интересы, теперь хотела получить особые права в своей сфере влияния. Она выдвинула к Китайской республике знаменитое «21 требование». Из них семь были взяты из протокола, прилагавшегося к Русско-Монгольскому соглашению 1912 г. [Наками, 2013, с. 63–64]. По моим данным, в 21 требование (18 января 1913 г.) входят следующие, сходные с протоколом к Русско-Монгольскому соглашению: преференции для японских подданных в Южной Маньчжурии и на востоке Внутренней Монголии, предоставление им права аренды земли, свободы перемещения, поселения, предпринимательства, разработки полезных ископаемых, постройки железных дорог; разрешение третьей стороне на строительство железных дорог только с согласия Японии; приоритет Японии на посылку военных советников или инструкторов в данный регион; отказ китайского правительства от уступки или сдачи в аренду заливов, гаваней и островов вдоль побережья Китая [текст требований: Wood, 1921, р. 108–112].

Как уже отмечалось, монголы не признали двустороннюю Русско-Китайскую декларацию 1913 г., декларировавшую их автономию под сюзеренитетом Китая. С учетом этого Богдо-гэгэн в 1914 г. послал письмо японскому императору. «Это письмо было привезено Сайн

Ноин Хану русским подданным бурятом Бадмажаповым, который, явившись в МИД, совершенно доверительно ознакомил нас с запиской, полученной им от Монгольского Министра Иностранных Дел Ханда-вана, где излагалась сущность объяснений монгольских сановников с известным Вашему Императорскому Величеству из повергавшейся на Высочайшее благовоззрение дипломатической переписки японцем Кодамою, посетившим Ургу в августе месяце минувшего года. Сказанная записка резюмировала бывшие с Кодамою объяснения в том смысле, что последний от лица своего правительства предлагал монголам дружбу и поддержку взамен предоставления японцам права на постройку железнодорожных линий в прилегающей к Южно-Маньчжурской железной дороге части Внутренней Монголии. Письмо Хутухты исходило из мысли о возможности заручиться содействием Японского Правительства для присоединения Внутренней Монголии к владениям Ургинского правителя и содержало предложение прислать в Ургу дипломатического представителя Японии» [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 570, л. 2–3].

Сохранился русский перевод данного письма. Учитывая интерес к этому письму со стороны исследователей, приведу этот перевод полностью.

«Зимой позапрошлого года мы, монголы, всенародно желая сохранить исконный самобытный строй, свою территорию, религию и законы, отложились от Цинской империи и образовали самостоятельное автономное государство, о чем правительство наше, желая войти в дружественные отношения с Великой Державою и заключить торговый договор, известило в свое время Правительство Вашего Императорского Величества особым письмом, но пока не получило никакого ответа.

Зимой прошлого года нами был командирован наш Министр Внутренних дел Цинван лама Цэрэн-Чимед, которому было поручено поднести Вашему Императорскому Величеству письмо от нашего скромного государства и выразить приветствие от Нас, но, к сожалению, ввиду закрытия пути, должен был вернуться обратно с дороги. Ныне Мы снова, почтительно поднося государственное письмо, шлем приветствие Вашему Императорскому Величеству и выражаем пожелание установить постоянную и добрую дружбу между нашими двумя Государствами для вящего блага и мира народов наших на многие годы. Когда дойдет Наше письмо, соблаговолите его принять.

Засим имеем почтительно сообщить Вашему Императорскому Величеству, что самостоятельность и автономность нашего слабого государства была признана издавна дружественной Россией, которая заключила соглашение и торговый договор с нашей Монголией.

Тем не менее, наша Внутренняя Монголия, граничащая с Китаем, терпит очень тяжкое зло, а теперь китайские войска, ворвавшись в ее пределы, начали сжигать храмы и монастыри, истреблять мужчин и женщин, стариков и детей без разбора, отбирать имущество и скот, вследствие чего многие принуждены были фиктивно признать наружно республику, беспрерывно прося нашего заступничества и защиты. Правительство нашей слабой страны послало войска для отражения неприятеля в нескольких направлениях; тем не менее, однако, благодаря недостаточности хорошего оружия, до сих пор не успели оказать твердую защиту и объединить всех. Когда недавно прибыл в нашу столицу чиновник Вашей страны Кодама, Наше правительство сообщило ему о своем желании установить дружественное сношение обоими государствами и, чтобы Ваше Высокое Правительство, получив железнодорожную концессию во Внутренней Монголии, помогло к тому, чтобы в ее пределы китайские войска не могли быть вводимы. Упомянутый выше чиновник обещал о таковых наших желаниях довести до сведения своего Правительства. Поэтому мы обращаемся теперь к Вашему Императорскому Величеству не отказать в содействии доброму делу и, если будет соблаговоление Ваше, энергично внушить Китайскому

Правительству не вводить свои войска в пределы Внутренней Монголии и помочь нашим стремлениям к скорейшему объединению Внутренней Монголии с нашей Внешней и утверждению нашей народности и религии полностью.

Следовало бы нашему слабому государству послать к Вам полномочного Посланника из сановников наших, но, встречая препятствие в пути и не желая откладывать доброе дело, обращаемся с просьбою к Вашему Императорскому Величеству, если найдете возможным, повелеть Вашему Высокому Правительству командировать к Нам уполномоченного сановника и помочь установлению нашего государства и закреплению дружественных отношений между нашими Государствами на долгие годы. Повелитель слабого государства, все власти, духовенство и миряне с благоговением и благодарностью встретили бы Ваше Высокое соблагование и впрямь старались бы усугублять нашу взаимную дружественность.

Того ради Мы шлем привет Вашему Императорскому Величеству и просим принять Наши просьбы и удостоить Нас ответом.

Правления «Многими Возведенного» 3-й год, зимнего 1-го месяца 19-го дня. Урга [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, л. 570, л. 4–6а⁶].

С. Д. Сазонов отправил данное письмо в Японию, сопроводив его запиской, в которой объяснял японцам, что «Российское правительство никогда не подавало надежд монголам в возможности видеть племена Внутренней Монголии подчиненными власти Хутухты»; автономия Монголии ограничивается Халхой и Кобдоским краем, в связи с соглашением 1912 г. между Россией и Японией; Россия хотела бы ознакомиться с японским ответом на письмо монголов [«Нихон гайкоо буншоо», Тайшоо (1914), тетрадь 1, № 493, с. 729–732 — в кн.: Батбаяр, 2008, с. 38–39].

Согласно российским, монгольскому и японским архивам, 14 января 1914 г. российский посол в Японии Н. А. Малевский-Малевич передал письмо японскому министру иностранных дел Н. Макино. Тот ответил: «Я как министр считаю, что Внешняя Монголия не имеет никаких дипломатических связей с императорским правительством, и, в особенности, некий Кодама не имеет никаких отношений с нашим правительством», и вернул письмо. Малевский-Малевич ответил, что запросит инструкции своего правительства. 23 января 1914 г. они вновь обсудили данное письмо. Министр иностранных дел Японии предложил объясниться следующим образом: «Если данный вопрос со временем будет затронут парламентом или газетным издательством в нашей стране, [надо указывать, что] данное письмо является результатом интриг Кодамы, и деятельность Кодамы не имеет отношения к императорскому правительству. Ввиду этого, правительство императорского государства, не имея возможности вручить императору данное письмо, возникшее по неизвестным причинам, отказалось принять его». Обе стороны пришли к единому мнению по этому вопросу. 29 января того же года Макино послал телеграммы на имя посла Японии в России Мотоно и консула Японии в Китае Ямадзы. В них говорилось, что Кодама не имел полномочий от правительства вести переговоры, Внешняя Монголия не имеет дипломатических отношений с Японией, не представляется возможным вручить это письмо императору [Батсайхан, 2018, с. 218–219].

Итак, японцы, следуя секретному соглашению с Россией о разделе сфер влияния, вернули монгольское письмо [АВПРИ, ф. Китайский стол, 143, оп. 491, л. 570, л. 2–6а]. Попытка Внешней Монголии вступить в прямые отношения с Японией была безуспешной.

⁶ Впервые опубликовано: Красный архив, 1929, т. 6 (37), с. 58–59, без выходных архивных данных документа. Там же дипломатическая переписка по этому вопросу.

ТИБЕТ

Тибет не был частью империи Цин, а был государством, зависимым от маньчжурских императоров. Он никогда не был частью Китая. Во время провозглашения Китайской республики он был независимым государством [Кузьмин С. А., 2014, с. 140–161; 2019, с. 39–54]. Подписание Русско-Монгольского соглашения 1912 г. не осталось без внимания правителей Тибета.

При участии представителя Далай-ламы XIII — А. Доржиева 11 января 1913 г. в Урге был подписан Монголо-Тибетский договор о взаимном признании обоих государств. Перед подписанием Доржиев встречался с Далай-ламой. Очевидно, они обсуждали план действий [Kuzmin, 2013a, p. 53–59; 2013b, p. 251–252]. По донесению Коростовца из Нийслэл-хурэ, «Доржиев объяснил, что инициатива соглашения исходит от Далай-ламы, который всегда стремился к духовному и политическому объединению двух единоверных и единоплеменных стран, одинаково тяготевших к китайскому владычеству. Отпадение Монголии от Китая и провозглашение Хутухты [Богдо-гэгэна — С. К.] Ханом еще более укрепило это стремление в тибетском Первосвященнике и внушило ему мысль придать проектируемому сближению форму письменного соглашения, положив в основу взаимное признание независимости. Предложение Далай-ламы встретило сочувственный прием в Урге, где и был составлен текст соглашения соответственно полученным Доржиевым указаниям и пожеланиям монголов, взявших за образец договор 21 октября» [РГАСПИ, ф. 514, оп. 1, д. 32, л. 95].

Монголия и Тибет признали друг друга независимыми монархическими государствами во главе с Богдо-гэгэном и Далай-ламой соответственно и договорились о сотрудничестве [Кузьмин С. А., 2011, с. 122–128; 2012, с. 65–84; 2015, с. 148–157; Kuzmin, 2013a, p. 53–59]. Представители обеих сторон с санкции их монархов взяли за основу Русско-Монгольское соглашение и подписали договор, который был легитимным признанием Монголией независимости Тибета. В то время еще не было подписано трехстороннее Кяхтинское соглашение, признававшее Монголию автономией под сюзеренитетом Китая, следовательно, Монголия, основываясь на статьях монгольского текста Русско-Монгольского соглашения 1912 г., легитимно считала себя *de jure* независимым государством и имела право признать договором независимость Тибета, который также становился не только *de facto*, но и *de jure* независимым государством.

А. Доржиев обсуждал этот договор с И. Я. Коростовцом. 2 января Коростовец телеграфировал в МИД России, что высылает почтой «перевод соглашения, заключенного на монгольском и тибетском языках», а 6 января известил о высылке также монгольского текста [РГАСПИ, ф. 514, оп. 1, д. 32, л. 95–97; русский перевод: л. 98–99; первая публикация: Известия Министерства..., 1913, с. 52–53]. Коростовец не возражал против его подписания, но возражал против аналогичного договора Тибета с Россией [Коростовец, 2009, с. 198]. Однако в официальном донесении в МИД, позже цитированном в его мемуарах, Коростовец сообщал, что это «соглашение, ввиду неправоиспособности сторон, не представляет политического значения и не заслуживает названия международного акта» [РГАСПИ, ф. 514, оп. 1, д. 32, л. 96–97]. С учетом этого Россия и Британия не признали данный договор.

В Китае этот договор никогда не признавался и одно время даже считался фиктивным. Там полагают, что тибетское правительство в то время было «местным» по отношению к правительству Китая, а Монголия никем не была признана как независимое государство, оставаясь «неотъемлемой частью Китая» [например, Cai, 2006, p. 119–122].

Тем не менее образцом для выработки англо-китайского соглашения по Тибету стала Русско-Китайская декларация 1913 г. [Miele, 2022, p. 92], инкорпорировавшая часть положений

Русско-Монгольского соглашения 1912 г. По-видимому, учитывался также Монголо-Тибетский договор 1913 г. Переговоры по этому вопросу между Китаем, Великобританией и Тибетом привели к последующему подписанию Симаской конвенции 1914 г. Участие Китая в переговорах по Тибету интенсивно обсуждалось Форин офисом, в том числе в контексте интересов Русско-Монгольского соглашения [Miele, 2022, p. 93–96].

Как отмечает Т. Наками, для России и Англии это был тест на умение найти компромисс и решение между представителями Монголии/Тибета, объявившими независимость, с одной стороны, и Китайской республикой, стремившейся сохранить границы и влияние Цинской империи, с другой. Целью Великобритании было «сохранение сюзеренитета Китая» и гарантии автономии Тибета и правительства Далай-ламы. Все три стороны еще до конференции в Симле были готовы к такой резолюции, и сама конференция не должна была быть сложной. Однако Китай неожиданно вышел из переговоров на их последней стадии. В результате соглашение было заключено только между Британской Индией и Тибетом. Как отмечает Наками, если посмотреть с другой стороны на отношение Российской империи к монгольскому вопросу и монгольской декларации о независимости, то оно было намного серьезнее и ответственнее, чем отношение Англии к тибетскому вопросу. Сразу после декларации Россия не намерена была поддерживать независимость Монголии. Россия подписала с Китаем декларацию 1913 г. и две страны обменялись нотами. Однако договоры с Монголией (1912 г.) и Китаем (1913 г.) противоречили друг другу. Для разрешения этих противоречий и была созвана Кяхтинская конференция, которая привела к заключению трехстороннего соглашения 1915 г. Англия же с самого начала вела переговоры с двумя сторонами (Тибетом и Китаем) и тем самым вызвала отчуждение Китая. Тибет не смог использовать шанс на признание независимости через влияние Англии, но Монголия смогла освободиться от Китая [Наками, 2015, с. 143].

На Симаской конференции тибетский представитель опроверг один за другим китайские доводы о том, что Тибет всегда был частью Китая. Конференция затянулась из-за разногласий. Представитель Великобритании Г. Макмагон предложил разделить Тибет на две зоны: «Внешний Тибет» и «Внутренний Тибет» — подобно тому, как была разделена Монголия. Соответственно «внутренняя» часть подпадала под Китай, а «внешняя» получала полную автономию. Хотя Тибет разделялся на Внешний и Внутренний, он признавался географически и политически единым [Шакабпа, 2003, с. 268]. Китай имел лишь номинальный сюзеренитет над Внешним Тибетом, но получал большие привилегии во Внутреннем Тибете. Чтобы решить спор, первый министр правительства Тибета Л. Шэтра согласился на предложение Г. Макмагона подписать соглашение с упоминанием сюзеренитета Китая над Тибетом. В соглашении фиксировалась тибето-индийская граница. Эта граница вошла в историю как «линия Макмагона». 24 и 25 марта 1914 г. между тибетской и британской сторонами состоялся обмен нотами, которым была зафиксирована эта договоренность. 27 апреля 1914 г. главы тибетской, китайской и британской делегаций парафировали проект Конвенции, предложенный британцами. В ст. 2 говорилось: «Правительства Великобритании и Китая, признавая, что Тибет находится под сюзеренитетом Китая, и признавая автономию Внешнего Тибета, обязуются уважать территориальную целостность страны и воздерживаться от вмешательства в управление Внешним Тибетом (включая выборы и введение в должность Далай-ламы), которое должно оставаться в руках тибетского правительства Лхасы. Правительство Китая обязуется не превращать Тибет в китайскую провинцию. Правительство Великобритании обязуется не аннексировать Тибет или какую-либо часть его» [Кулешов, 1992, с. 265–267]. В ст. 9 было указано, что граница Тибета с Индией и «рубеж»

между Внешним и Внутренним Тибетом (то есть граница Тибета с китайскими провинциями Сычуань и Юньнань) проходят так, как показано на карте.

Однако китайский представитель, ссылаясь на инструкции из Пекина, отказался подписать Конвенцию. Макмагон и Шэтра подписали двустороннюю Декларацию от 3 июля 1914 г. В ней было сказано: «Мы, уполномоченные Великобритании и Тибета, составили настоящую Декларацию для того, чтобы заявить о признании парафированной Конвенции обязательной для правительств Великобритании и Тибета; мы пришли также к соглашению, что до того, как правительство Китая подпишет данную Конвенцию, оно не будет пользоваться привилегиями, вытекающими из нее» [цит. по: Van Walt, 1987, p. 58]. Китайской подписи не было.

Итак, Монголия и Тибет легитимно признали друг друга как независимые государства. Непризнание этого державами не может рассматриваться как легитимная отмена данного акта. Однако Великобритания не смогла сделать для Тибета то, что смогла сделать Россия для Монголии — зафиксировать самостоятельность и создать условия для укрепления независимости. Поскольку Конвенция в Симле 1914 г. была подписана двумя (Тибет и Великобритания), а не тремя (включая Китай) сторонами, она не вступила в силу. Этим Китайская республика не только не признала «линию Макмагона», но и лишилась возможности ссылаться на Конвенцию как на международно-правовой документ, подтверждающий ее сюзеренитет над Тибетом. Тибет признал сюзеренитет Китая над собой только «в одном пакете» с признанием «линии Макмагона». Юридический парадокс здесь в том, что Тибет декларацией с Великобританией признал сюзеренитет Китая над собой, тогда как сам Китай, не подписав документ, не принял это признание, и оно не вступило в силу. Тибет оставался независимым государством. Русско-Монгольское соглашение 1912 г. было одним из оснований этого.

ДРУГИЕ СТРАНЫ

25 октября/7 ноября 1912 г. Сазонов сообщил Коростовцу, что соглашение и протокол будут направлены Англии, Франции и Японии [Коростовец, 2009, с. 144]. Это было сделано [Лонжид, 2013, с. 71]. 8 ноября 1912 г. (н. ст.) Сазонов, вручив текст Русско-Монгольского соглашения послам Франции, Англии и Японии, особо отметил: «В связи с тем, что Китай выразил протест России по вопросу о сохранении автономии и недопущении восстановления китайской администрации и ввода китайских войск в пределы Внешней Монголии, а также колонизации монгольских земель китайскими переселенцами, безусловно, пришлось заключить такой договор с правительством Монголии». Посланник Франции в Пекине Конти сообщил своему министру иностранных дел Пуанкаре, что он передал записи протокола, приложенного к Русско-Монгольскому соглашению, в МИД Китая с целью успокоить китайцев, считавших его угрозой для их безопасности. В токийской печати Соглашение между Россией и Монголией и Протокол были опубликованы на японском и английском языках. Французский посол в Токио сообщил об этом своему министру иностранных дел и отметил: «Становится определенным, что Россия и Британия предпринимают параллельные действия, одна — по вопросу Монголии, другая — по вопросу Тибета, будто бы договорившись между собой, или же из-за схожих обстоятельств, что в свою очередь не могло не привлечь пристального пугающего внимания основных печатных изданий Токио» [Батсайхан, 2018, с. 174].

Полный текст Соглашения и Протокол были вскоре переведены и опубликованы в США, Германии и Японии [Accord d'amitie..., 1913; Сборник..., 1914; American..., 1916; MacMurray, 1921; Outer Mongolia, 1921]. В номере «Нью-Йорк Таймс» от 1 декабря 1912 г. было опубликовано

сообщение корреспондента в Петербурге о возникновении новой ситуации в Монголии для России и Китая. Уже через несколько дней после подписания Русско-Монгольского соглашения западная пресса отмечала его большое значение в связи с возможностью конфликта между Россией и Китаем [например, *The Sun*, 08.11.1912].

Посольство США в Пекине послало дипломатические депеши 12 ноября 1912 г. и 7 января 1913 г. относительно заключения Соглашения. Американский посол Кэлхаун просил разъяснений у российского посла Крупенского: независимость провозглашена только во Внешней Монголии, говорится ли в протоколе о территории только Внешней Монголии или же обо всей территории Монголии? Крупенский ответил: «Протокол первым делом касается исключительно коммерческих интересов и не предоставляет привилегий, не преследует определенные политические цели, он касается только вопросов Внешней Монголии. Многие князья Внутренней Монголии положительно относятся к борьбе за независимость, ведут активную деятельность за единое правительство Внешней и Внутренней Монголии и установление связей между ними, в случае их успеха протоколом будут охвачены все территории Монголии, однако Россия не заинтересована во включении в протокол всей Монголии» [Батсайхан, 2018, с. 175].

1/13 ноября 1912 г. французский посланник в Пекине сказал Крупенскому, что «председатель совета министров не сделал особых возражений по поводу переданного ему французским драгоманом проекта ноты на мое имя и скорее отнесся одобрительно к ее содержанию, заметив лишь, что термин Монголия является слишком неопределенным и необходимо будет отграничить Внешнюю Монголию от Внутренней. Председатель прибавил, что французский проект будет подвергнут обсуждению на секретном заседании у президента» [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 659, л. 9].

МИД Монголии направил ноту с извещением о договоре с Россией правительствам Великобритании, Франции, Германии, США, Японии, Дании, Нидерландов, Бельгии и Австрии через их консульства в Харбине [Батбаяр, 2008, с. 18; Батсайхан, 2018, с. 179]. Часть этих посланий не дошла до адресатов. Другие реакции были неутешительны для монголов. Крупенский 11/24 декабря 1912 г. телеграфировал в МИД: «Большинство моих коллег, получивших от своих консулов в Харбине сообщение Монгольского Правительства, не придают ему серьезного значения и намерены ограничиться пересылкой его по почте своим Правительствам» [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 659, л. 157].

В американском госдепартаменте указали, что ни США, ни другие державы не будут вмешиваться в договоренности России с Китаем [*Washington Herald*, 15.11.1912]. Правительство США заявило в печати о непризнании Русско-Монгольского соглашения и связанных с ним действий России в Монголии, так как русская дипломатия не поставила об этом в известность США, имеющие там определенные интересы. Периодика Англии и Франции не была единодушна в оценках, не было единства и в высказываниях японской прессы [Лузянин, 2003, с. 59–61]. Пекин стал зондировать почву в Токио и Вашингтоне на предмет поддержки задуманной им борьбы с Россией за Монголию, но поддержки не было обещано [Восток, 10.01.1913]. В американской прессе появились утверждения, что поглощение царской Россией Монголии и создание из нее протектората не привлекло внимание Европы, занятой внутренними раздорами [*New York Tribune*, 08.12.1912]. Германская пресса в связи с Соглашением писала об опасности расчленения Китая при участии России, Японии и Англии [Новая жизнь, 14.11.1912].

Реакция Великобритании была сдержанной. Однако после подписания Русско-Китайской декларации 1913 г. министр иностранных дел Великобритании Э. Грей предложил Индийскому офису и Совету по торговле связаться с правительством Монголии «с целью признания

их автономии и обеспечения справедливых условий для британской торговли». Кроме того, Грей предложил проинформировать Россию о благоприятном принятии англичанами Русско-Китайской декларации 1913 г. и Русско-Монгольского соглашения 1912 г. «при условии, что с автономным монгольским правительством может быть достигнуто удовлетворительное коммерческое соглашение». Для главы Форин офиса это было необходимо в контексте «политики открытых дверей» для британской торговли [TNA, FO 535/16, no. 417, 420 — in Miele, 2022, p. 91].

20 мая/2 июня 1914 г. Конти получил сразу два идентичных послания монгольского правительства из Урги: о заключении соглашения с Россией и о провозглашении независимости. Он попросил российского поверенного в делах в Пекине Граве сообщить пожелания о дальнейших шагах по этому поводу и задержал свою телеграмму в Париж до получения этих пожеланий. Такие же послания получили английский, германский и американский посланники [Международные отношения..., 1933, с. 179]. 22 мая/4 июня товарищ министра иностранных дел Нератов ответил Граве, что это — попытка монголов добиться признания своей независимости вопреки мнению России и Китая; такая позиция монголов затрудняет заключение их соглашения с Китаем при посредничестве России; непосредственные сношения с ургинским правительством без всяких реальных выгод для Франции осложнят задачи России в монгольском вопросе; поэтому не надо отвечать ургинскому правительству; Япония занимает такую же позицию [Международные отношения..., 1933, с. 185–186].

Все новые попытки монгольского правительства установить контакты с другими державами не были секретом для японской стороны. 11 июня 1914 г. новый министр иностранных дел Японии Т. Като направил письма японским послам в Англии, Франции, Германии и США о том, что «несколько дней назад» на адрес четырех консульских представительств этих стран в Китае были посланы письма от монгольского правительства, где сообщается о провозглашении независимости Монголии и подписании торгового договора с Россией и выражается пожелание о заключении торговых договоров. Консульства этих четырех государств сообщили о письмах своим правительствам. Министр просил по мере возможностей получить сведения у этих правительств о содержании писем. Согласно ответам, полученным Като, правительство Франции не ответило на запрос, считая, что Монголия не является независимым государством и заключила договор с Россией; госдепартамент США заявил о необходимости отказаться от предложений монголов; остальные отказались вступать в официальные отношения с Монголией, считая ее автономией под сюзеренитетом Китая [тексты: Батсайхан, 2014, с. 83–94].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, Русско-Монгольское соглашение 1912 г., будучи выгодным России, объективно поддерживало право народа (в данном случае монгольского) на самоопределение, позже нашедшее отражение в уставе ООН. Это право имело не меньше оснований, чем право ханьцев на свое самоопределение в формате Китайской республики. Претензии последней на Монголию и ряд других стран были основаны на традиционной китайской мироустроительной концепции, которую в силу международной политической конъюнктуры и исторических причин разделяли державы, считавшие Китайскую республику полным преемником империи Цин. В тех конкретно-исторических условиях только Российская империя оказалась тем государством, которое смогло обеспечить автономию (фактическую независимость) Внешней Монголии и ее государственностроительство. Позиции остальных держав согласовались с их отношениями между собой, с Россией и Китаем, но не с интересами Монголии.

Русско-Монгольское соглашение 1912 г. оставило след в истории как первое международное соглашение объявившей независимость Монголии, признавшее ее государственность и установившее ее дипломатические отношения с Россией. Это соглашение и принятая с его учетом Русско-Китайская декларация 1913 г. послужили в той или иной мере образцом для нескольких других международных актов, имевших далеко идущие последствия: «21 требования» Японии к Китаю 1913 г., Монголо-Тибетского договора 1913 г. и Сямаской конвенции 1914 г.

Источники и литература/Sources and References

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи, Москва [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire, Moscow].

Баранов И. Китайская печать о русско-монгольском соглашении. *Вестник Азии* (Харбин), 1913. № 13 (январь). С. 77–86 [Baranov I. Chinese press on the Russo-Mongolian Agreement. *Vestnik Azii* (Harbin). 1913. No. 13. Pp. 77–86 (in Russian)].

Батбаяр Ц. *Олноо Өргөгдөн Монгол улсын гадаад харилцаа*. Улаанбаатар, 2008 [Batbayar Ts. International relations of the Mongolian States in the period of the Elevated by the Many. Ulaanbaatar, 2008 (in Mongolian)].

Батсайхан О. *Монголия на пути к государству-нации (1911–1946)*. Иркутск — Улан-Удэ, 2014 [Batsaikhan O. *Mongolia on the road to the nation-state*. Irkutsk — Ulan-Ude, 2014 (in Russian)].

Батсайхан О. *Последний великий хан Монголии Богдо Джебцзундамба-хутухта VIII. Жизнь и легенды*. М., 2018 [Batsaikhan O. *The Last Great Khan of Mongolia the 8th Bodg Javzandamna Khotuktu. Life and legends*. Moscow, 2018 (in Russian)].

Белов Е. А. Реакция в Китае на Русско-Монгольское соглашение 1912 г. (к истории русско-китайских отношений). *Проблемы Дальнего Востока*. 1994. № 4. С. 108–118 [Belov E. A. Reaction in China to the 1912 Russo-Mongolian Agreement. *Problemy Dalnego Vostoka*. 1994. No. 4. Pp. 108–118 (in Russian)].

Вестник (Верхнеудинск) [*Vestnik* (Verkhneudinsk) (in Russian)].

Восток (Харбин) [*Vostok* (Harbin) (in Russian)].

Думы Забайкалья (Чита) [*Dumy Zabaikalya* (Chita) (in Russian)].

Златкин И. Я. *Очерки новой и новейшей истории Монголии*. М., 1957 [Zlatkin I. Ya. *Accounts of new and modern history of Mongolia*. Moscow, 1957 (in Russian)].

Известия Министерства иностранных дел. 1913, кн. 2. С. 52–53 [*Proceedings of the Foreign Ministry*. 1913, pt. 2. Pp. 52–53 (in Russian)].

Коростовец И. Я. *От Чингис хана до Советской республики*. Улан-Батор, 2004 [Korostovets I. Ya. *From Chinggis Khan to Soviet republic*. Ulan-Bator, 2004 (in Russian)].

Коростовец И. Я. *Девять месяцев в Монголии. Дневник русского уполномоченного в Монголии. Август 1912 — май 1913 г.* Улаанбаатар, 2009 [Korostovets I. Ya. *Nine months in Mongolia. Diary of the Russian plenipotentiary in Mongolia. August 1912 — May 1913*. Ulaanbaatar, 2009 (in Russian)].

Красный архив. 1929. Т. 6 (37) [*Red Archive*. 1929. V. 6 (37) (in Russian)].

Кузьмин С. А. Договор 1913 г. между Монголией и Тибетом: новые данные. *Восток*. 2011. № 4. С. 122–128 [Kuzmin S. L. The Treaty of 1913 between Mongolia and Tibet: new data. *Vostok (Oriens)*. No. 4. Pp. 122–128 (in Russian)].

Кузьмин С. А. Монгол, түвдийн 1913 оны гэрээ олон улсын хүчин төгөлдөр баримт бичиг болох нь. *Монгол, Түвдийн 1913 оны гэрээ — олон улсын эрх зүйн баримт бичиг (эрдэм шинжилгээний хурлын илтгэлийн эмхтгэл)*. Улаанбаатар, 2012. С. 65–84 [Kuzmin S. L. The 1913 Treaty between Mongolia and Tibet as valid international document. «*Mongol, Tuvdiin 1913 Ony Gereee*». *Olon Ulsyn Erkh Zuin Barimt Bichig*. Ulaanbaatar, 2012. Pp. 65–84 (in Mongolian)].

Кузьмин С. А. Государственность Тибета / *Государственность народов Внутренней Азии*. Прага, 2014. С. 140–161 [Kuzmin S. L. The statehood of Tibet / *Gosudarstvennost narodov Vnutrennei Azii*. Praha, 2014. Pp. 140–161 (in Russian)].

Кузьмин С. А. Тибетское государство: исторические факты и международное право. *Eurasia: statum et legem*. 2015. Т. 1. № 4. С. 148–157 [Kuzmin S. L. The State of Tibet: historical facts and international law. *Eurasia: statum et legem*. 2015. V. 1. No. 4. Pp. 148–157 (in Russian)].

Кузьмин С. А. Вассалитет на Западе и Востоке: проблема отношений империи Цин с Монголией и Тибетом. *Восток*. 2019. № 1. С. 39–54 [Kuzmin S. L. The Problem of vassalage in the West and the East: relations of the Qing Empire with Mongolia and Tibet. *Vostok (Oriens)*. No. 1. Pp. 39–54 (in Russian)].

Кузьмин Ю. В. Русско-монгольские отношения в 1911–1912 годах и позиция общественных кругов России. *Mongolica-III* (СПб.). 1994. С. 75–79 [Kuzmin Yu. V. Russo-Mongolian relations in the 1911–1912] and the position of social circles of Russia. *Mongolica-III* (St. Petersburg). 1994. Pp. 75–79 (in Russian)].

Кулешов Н. С. *Россия и Тибет в начале XX в.* Москва, 1992 [Kuleshov N. S. *Russia and Tibet in the beginning of the 20th Century*. Moscow, 1992 (in Russian)].

Ленин В. И. *Полное собрание сочинений*. М., 1968. Т. 22; 1969. Т. 26 [Lenin V. I. *Collected works*. Moscow, 1968. V. 22; 1969. V. 26 (in Russian)].

Лонжид З. 1912 оны Монгол-Оросын хэлэлцээрийн тухай эргэцүүлэл. *Монгол-Оросын 1912 оны гэрээ ба II. Я. Коростовец*. Улаанбаатар, 2013. С. 67–73 [Lonjid Z. Analysis of the 1912 Russo-Mongolian Agreement. *Mongol-Orosyn 1912 ony geree ba I. Ya. Korostovets*. Ulaanbaatar, 2013. Pp. 67–73 (in Russian)].

Лузянин С. Г. *Россия — Монголия — Китай в первой половине XX в.* М., 2013 [Luzyanin S. G. *Russia — Mongolia — China in the first half of the 20th Century*. Moscow, 2013 (in Russian)].

Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств 1878–1917 гг. Серия III. 1914–1917 гг. Т. 3. М. — Л., 1933 [International relations in the epoch of imperialism. Documents from the archives of the Tsar's and Temporary governments in 1878–1917. Series 3. 1914–1917. V. 3. Moscow — Leningrad, 1933 (in Russian)].

Милюков П. Н. *Воспоминания*. М., 1991 [Milyukov P. N. *Memoirs*. Moscow, 1991 (in Russian)].

Наками Т. Несколько заметок о русском дипломате И. Я. Коростовце и Русско-Монгольском соглашении 1912 года. *Монгол-Оросын 1912 оны гэрээ ба II. Я. Коростовец*. Улаанбаатар, 2013. С. 53–66 [Nakami T. Some remarks on the Russian diplomat I. Ya. Korostovets and the 1912 Russo-Mongolian Agreement. *Mongol-Orosyn 1912 ony geree ba I. Ya. Korostovets*. Ulaanbaatar, 2013. Pp. 53–66 (in Russian)].

Наками Т. Пересмотр Кяхтинского соглашения с точки зрения истории международных отношений в Восточной Азии. *Труды Кяхтинского краеведческого музея*. 2015. Т. 20. С. 141–144 [Nakami T. Revision of the Kyakhta Agreement from the point of view of international relations in East Asia. *Trudy Kyakhtinskogo kraevedcheskogo muzeya*. 2015. V. 20. Pp. 141–144 (in Russian)].

Новая жизнь (Харбин) [Novaya Zhizn (Kharbin) (in Russian)].

Правительственное сообщение 26 октября 1912 г. (Правительственный вестник. 26 октября 1912 г. № 234). *Известия Министерства иностранных дел*. 1913. № 1. С. 46–48 [Governmental report on October 26, 1912 (Pravitelstvennyi vestnik, October 26, 1912. No. 234). *Izvestiya Ministerstva inostrannykh del*. 1913. No. 1. Pp. 46–48 (in Russian)].

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории, г. Москва [Russian state archive of social and political information, Moscow].

Русско-китайские отношения 1689–1916. Официальные документы. М., 1958 [Russo-Chinese relations in 1689–1916. Official documents. Moscow, 1958 (in Russian)].

Сборник дипломатических документов по Монгольскому вопросу (23 августа 1912 г. — 2 ноября 1913 г.). СПб., 1914 [Collection of diplomatic documents on the Mongolian question August 23, 1912 — November 2, 1913]. St. Petersburg, 1914 (in Russian)].

Харбинский вестник (Харбин) [Kharbinskii vestnik (Harbin) (in Russian)].

Шакабпа В. Д. *Тибет: политическая история*. СПб., 2003 [Shakabpa V. D. *Tibet: political history*. St. Petersburg, 2003 (in Russian)].

Accord d'amitié et de commerce; signe a Ourga, le 21 octobre/3 novembre, suivi d'un Protocole, signe a la date du meme jour. *Triepel H. Nouveau Recueil General de Traites et Autres Actes Relatifs aux Rapports de Droit International*. 3 serie. V. 7, livr. 1. Leipzig, 1913. Pp. 11–17.

American Journal of International Law. 1916. V. 10. No. 4. *Supplement: Official Documents* (Oct., 1916). Pp. 239–246.

Cai Fenglin. Riben wajjiao wenshu xuan yi—guanyu «meng — zang cang xieyue». *Zhongguo bian jiang shi di yan jiu*. 2006. No. 1. Pp. 119–122 [Cai Fenglin. Record and translation of Japanese diplomatic documents. On the «Treaty between Mongolia and Tibet». *China's Borderland and History and Geography studies*. 2006. No. 1. Pp. 119–122 (in Chinese)].

Kuzmin S. L. The Treaty of 1913 between Mongolia and Tibet as valid international document. *The Centennial of the Tibeto-Mongol Treaty: 1913–2013 (Lungta v. 17)*. 2013a. Pp. 53–59.

Kuzmin S. Tibet as a state: historical facts and international law. *13th Seminar of the International Association for Tibetan Studies. Sunday 21st July — Saturday 27th July 2013. Abstracts*. Ulaanbaatar, 2013b. Pp. 251–252.

Liu Chunling. Yuan Shikai zaiwai menggu zizhi zhong de wajjiao zhengce. *Baicheng shi fan xue yuan xue bao* [Liu Chunling. Yuan Shikai foreign policy in the question of the Outer Mongolia autonomy. *Journal of Baicheng Normal College*. 2005. No. 4. Pp. 80–84 (in Chinese)].

MacMurray J. V. A. *Treaties and Agreements with and Concerning China 1894–1919. V. 2. Republican Period (1912–1919)*. New York, 1921.

Miele M. *Mongolian Independence and the British. Geopolitics and Diplomacy in High Asia, 1911–1916*. Bristol, England, 2022. — <https://www.e-ir.info/2022/08/19/mongolian-independence-and-the-british-the-chinese-backdown/> (дата обращения: 04.12.2022).

New York Tribune (New York).

Outer Mongolia. Treaties and Agreements. Carnegie Endowment for International Peace. Division of International Law. Pamphlet no 41. Washington, 1921.

The Sun (New York).

Van Walt van Praag, M. C. *The Status of Tibet: History, Rights, and Prospects in International Law*. Boulder, Colorado, 1987.

Washington Herald (Washington).

Washington Times (Washington).

Wood G. Z. *The Twenty-One Demands. Japan Versus China*. New York–Chicago–London–Edinburgh, 1921.

DOI: 10.31696/2618-7302-2023-1-092-098

РОЛЬ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В УСТАНОВЛЕНИИ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ С МОНГОЛИЕЙ

© 2023

Е. И. Лиштованный¹

Рассматривается роль и место Восточной Сибири в вопросе установления российско-монгольских связей в целом и подписании Соглашения о дружбе между Россией и Монголией от 3 ноября 1912 г. в частности. Подчеркнута значимость восточно-сибирских управленческих, научных и образовательных учреждений в формировании дружественного облика России по отношению к соседней Монголии. Сделан акцент на следующих проблемах во взаимоотношениях Восточной Сибири и Монголии: значение Иркутского генерал-губернаторства в установлении российско-монгольских связей; появление первых переводчиков, преподавателей монгольского языка и исследовательских структур в Восточной Сибири; формирование общественного интереса сибиряков к Монголии и участие их в общественно-политической жизни соседней страны.

Вторая половина XIX и начало XX вв. характеризуется возросшей активностью российско-монгольских отношений. На иркутского генерал-губернатора были возложены обязанности по контролю за состоянием дел с Монголией. Об этом свидетельствуют документы, хранящиеся в фондах Иркутского государственного архива. Прежде всего необходимо назвать фонды Главного управления Восточной Сибири и Канцелярии генерал-губернатора Восточной Сибири. Сибирско-монгольские связи становятся своеобразным индикатором состояния российско-монгольских отношений. В начале XX в. связи Восточной Сибири с Монголией не ослабевали. Более того, при иркутском генерал-губернаторе была введена должность чиновника по особым поручениям, курировавшего монгольское направление.

Таким образом, во второй половине XIX — начале XX в. Россия, используя, в том числе, выгодное географическое положение Восточной Сибири, значительно нарастила свои усилия на монгольском направлении, а дипломатический талант И. Я. Коростовца позволил в кратчайшие сроки подготовить и подписать Российско-Монгольское соглашение 1912 г.

Ключевые слова: Россия, Монголия, роль Восточной Сибири на монгольском направлении

Для цитирования: Лиштованный Е. И. Роль Восточной Сибири в установлении договорных отношений с Монголией. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 1. С. 92–98. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-1-092-098

ROLE OF EASTERN SIBERIA IN THE ESTABLISHMENT OF CONTRACTUAL RELATIONSHIPS WITH MONGOLIA

Evgeny I. Lishtovanny

¹ Лиштованный Евгений Иванович, доктор исторических наук, профессор, Иркутск; evgeniilishtovannyi@mail.ru
Evgeny I. Lishtovanny, DSc (History), Professor, Irkutsk; evgeniilishtovannyi@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7064-9812

The role and place of Eastern Siberia in the issue of establishing Russian-Mongolian relations in general and the signing of the Friendship Agreement between Russia and Mongolia of November 3, 1912 in particular is considered. The importance of the East Siberian administrative, scientific and educational institutions in the formation of a friendly image of Russia in relation to neighboring Mongolia is emphasized. Emphasis is placed on the following problems in the relationship between Eastern Siberia and Mongolia: the importance of the Irkutsk Governor-General in establishing Russian-Mongolian relations; the appearance of the first translators, teachers of the Mongolian language and research structures in Eastern Siberia; the formation of the public interest of Siberians in Mongolia and their participation in the socio-political life of the neighboring country.

The second half of the 19th and the beginning of the 20th centuries is characterized by the increased activity of Russian-Mongolian relations. The Governor-General of Irkutsk was entrusted with the responsibility of monitoring the state of affairs with Mongolia. This is evidenced by documents stored in the funds of the Irkutsk State Archives. First of all, it is necessary to name the funds of the Main Directorate of Eastern Siberia and the Office of the Governor-General of Eastern Siberia. Siberian-Mongolian relations are becoming a kind of indicator of the state of Russian-Mongolian relations as a whole. At the beginning of the 20th century, the ties between Eastern Siberia and Mongolia did not weaken. Moreover, under the Irkutsk governor-general, the position of an official for special assignments was introduced, who oversaw the Mongolian direction.

Thus, in the second half of the 19th and early 20th centuries, Russia, using, among other things, the favorable geographical position of Eastern Siberia, significantly increased its efforts in the Mongolian direction, and the diplomatic talent of I. Ya. Korostovets made possible elaboration and conclusion the Russo-Mongolian Agreement of 1912.

Keywords: Russia, Mongolia, the role of Eastern Siberia in the Mongolian direction

For citation: Lishtovanny E. I. Role of Eastern Siberia in the Establishment of Contractual Relationships with Mongolia. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2023. 1. Pp. 92–98. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-1-092-098

В свое время Восточно-Сибирское генерал-губернаторство включало в себя огромную территорию. В него входили Енисейская и Иркутская губернии, Приморская область (с 14 ноября 1856 г.), Якутская область и Кяхтинское градоначальство. На генерал-губернатора были возложены обязанности по контролю за состоянием отношений с соседними странами Дальнего Востока, в том числе и Монголией. Об этом свидетельствуют документы, хранящиеся в фондах Иркутского государственного архива. Прежде всего необходимо назвать фонды Главного управления Восточной Сибири и Канцелярии генерал-губернатора Восточной Сибири. Большинство материалов из этих фондов были введены в научный оборот иркутскими учеными Е. М. Даревской и Н. Е. Единарховой [Даревская, 1994; 1997; Единархова, 2008].

Безусловно, выдающуюся роль в укреплении восточной внешней политики сыграл генерал-губернатор Н. Н. Муравьев-Амурский. Он склонялся к мысли, что Россия по сравнению с Англией и Францией весьма вяло ведет диалог с Китаем и англо-французская активность стала уже опасной для Сибири. Планы Н. Н. Муравьева-Амурского относительно Монголии простирались вплоть до освобождения ее от Китая и переход этой территории под покровительство России. Известно, что его идеи не находили поддержки в Петербурге, однако именно деятельность генерал-губернатора Восточной Сибири через Айгунский и Тяньцзиньский договоры привели к подписанию договора в Пекине (2 ноября 1860 г.), который, без преувеличения, открыл новую страницу и в российско-монгольских отношениях.

В разные периоды деятельности Восточно-Сибирского, а затем Иркутского генерал-губернаторства назначались специальные чиновники, курирующие монгольское направление.

Так, в конце XIX — начале XX в. эту работу проводил Д. И. Першин. Он как чиновник по особым поручениям готовил совещания о развитии русской торговли в Монголии, был ответственным за прием монгольских миссий, опекал в Иркутске первых учеников-монголов, организовывал поездки в Монголию [Даревская, 1994, с. 218].

В силу географического расположения и волей исторической судьбы Сибирь, и прежде всего Восточная, была также тем регионом, где впервые в России проявились практический интерес и необходимость в знании языка соседней Монголии. Реальное обучение монгольскому языку начинается в 1725 г. в так называемой «русско-мунгальской» школе, открытой при Иркутском Вознесенском монастыре. Школа готовила переводчиков китайского, маньчжурского и монгольского языков для работы в Русской духовной миссии в Пекине. Среди членов духовных миссий были сибиряки, знавшие монгольский язык. Двумя годами позже, в 1727 г., в Иркутске была открыта епископская кафедра. С этого момента подготовка специалистов в области монгольского языка в Восточной Сибири в течение длительного периода будет связана с деятельностью Русской православной церкви. Позже на основе «русско-мунгальской» школы развивалась Иркутская духовная семинария. В ней преподавали известные специалисты в области монгольского и бурятского языков А. И. Бобровников, А. М. Орлов, И. А. Подгорбунский и другие.

В Сибири оттачивали свое знание монгольского языка ученые-монголоведы О. М. Ковалевский и А. В. Попов. Известно, что ко времени окончания О. М. Ковалевским Казанского университета у руководства возникла мысль начать преподавание еще одного из восточных языков — монгольского, однако преподавателей не было. Поэтому, прежде чем открыть новую кафедру, решено было направить О. М. Ковалевского и А. В. Попова на три года в Бурятию. В качестве преподавателя был выбран знаток монгольского языка А. В. Игумнов, долгое время служивший в Иркутске в губернском управлении. В 1813 г. им была учреждена в Иркутске частная школа монгольского языка. О. М. Ковалевский и А. В. Попов весьма успешно овладели языком и уже через полгода учебы могли делать переводы и изъясняться. О работе с А. В. Игумновым О. М. Ковалевский писал: «...занимаемся 3 раза в неделю по 3 часа... изучаем монгольскую азбуку, правописание, грамматику...» [Кузнецова, 1995, с. 12].

Годы, проведенные в Сибири, оказались очень плодотворными для Ковалевского. Он проявлял большой интерес к вопросам происхождения бурятских родов и племен, численности бурят, описывал их физический тип, одежду, жилище, хозяйственную жизнь и культуру. В Иркутске же О. М. Ковалевский в 1830 г. встречался с известным востоковедом И. Бичуриным. А. В. Игумнов, как отмечают исследователи, явился автором первого в России большого монгольско-русского словаря, которым пользовались не только питомцы Казанского университета, но и миссионеры, отправлявшиеся из Петербурга в Пекин для службы при Российской духовной миссии. О. М. Ковалевский и А. В. Попов в своем коллективном письме из Троицкосавска от 27 июля 1830 г. выражали А. В. Игумнову благодарность «за сообщенные им сведения по грамматике монгольского языка и особенно за позволение списать у него монгольско-русский словарь» [Хохлов, 1992, с. 224]. Также А. В. Игумнов собрал богатую коллекцию монгольских рукописей, преподавал монгольский язык в Иркутской семинарии и духовном училище.

Русско-монгольская войсковая школа с 1833 по 1888 г. действовала и в Забайкалье. Вначале она располагалась в Троицкосавске, а с 1851 г. была переведена в Селенгинск. Школа находилась в ведении Министерства внутренних дел и готовила писарей и урядников со знанием монгольского языка и существовала на пожертвования четырех бурятских казачьих полков Забайкалья. Учеником этой школы был будущий выдающийся монголовед, российский генконсул в Урге, уроженец Кяхты Я. П. Шишмарев. Выпускники применяли полученные

знания на практике, работая штатными переводчиками монгольского языка при Кяхтинском градоначальнике.

В XIX в. российское монголоведение переживало небывалый взлет. В Восточной Сибири оно развивалось в рамках созданного в 1851 г. Сибирского (с 1871 г. Восточно-Сибирского) отдела Русского географического общества (ВСОРГО). С самого своего основания отдел старался оказывать содействие практически всем путешественникам и экспедициям, проезжавшим через Иркутск. Так, с 1854 по 1880 г. через Иркутск проехали 323 российских исследователя, 45 из которых направлялись в Монголию, Маньчжурию и Джунгарию [Лиштованный, 2001, с. 18]. Здесь побывали проездом или некоторое время работали известные исследователи Востока В. В. Бартольд, Ф. И. Щербатской, П. К. Козлов, А. М. Позднеев, В. В. Радлов, Г. И. Рамштедт и другие. Эти ученые нередко приглашались для чтения лекций в Иркутске.

Через Восточную Сибирь в Монголию следовали и российские военные экспедиции. Это отдельная и, кстати, до конца еще не исследованная страница присутствия России на монгольском направлении [Бойкова, 2014; Кузьмин, 2007]. Кстати, в конце 1980-х — начале 1990-х гг., т. е. на заре монгольской перестройки, некоторые публицисты напрямую обвиняли российских путешественников и исследователей в шпионаже, утверждая, что они работали на военные ведомства царской России, а затем и Советского Союза. Так, один из монгольских журналистов писал: «До сих пор никем не изобличаются так называемые русские ученые-исследователи Монголии, которые как до революции, так и после нее, финансируемые царским и советским правительствами, занимались разведывательно-шпионской деятельностью» [Ундэсний дэвшил. 1990. 11 авг.].

Конечно, на фоне перестроечной эйфории подобные суждения были полны эмоциональной окраски. Между тем в стремлениях России ничего экстраординарного не было. Она, как и другие государства, действовавшие тогда на восточном направлении, пыталась выявить экономические и военно-стратегические характеристики важнейшей для нее в геополитическом плане монгольской территории. Не секрет, что ряд экспедиций носил военный характер, и возглавлялись они офицерами Генерального штаба. Однако за этим нельзя не замечать поистине подвижнический труд многих российских ученых, заложивший в Монголии основы промышленности, здравоохранения, науки и просвещения.

Несколько позже среди монгольской общественности развернулась полемика и вокруг фигуры известного российского дипломата И. Я. Коростовца, сыгравшего в 1911–1912 гг. основную роль в подготовке Договора о дружбе между Россией и Монголией. Ему также приписывалась «шпионская» деятельность. Споры приобрели особенную остроту в связи с возникшей идеей поставить дипломату памятник в Улан-Баторе. Насколько мне известно, одним из последовательных сторонников увековечения памяти Ивана Яковлевича был доктор О. Батсайхан. Накал полемики ослаб лишь после того, как монгольская общественность смогла ознакомиться с двумя фундаментальными работами, отразившими кипучую деятельность И. Я. Коростовца накануне подписания Договора 1912 г. [Коростовец, 2004; 2009]. В итоге здравый смысл восторжествовал — 3 сентября 2014 г. в рамках рабочего визита в Монголию президента России В. В. Путина на территории Российского центра науки и культуры в Улан-Баторе был открыт памятник выдающемуся российскому дипломату.

Вернемся в Восточную Сибирь. Помимо содействия проезжавшим ученым самим ВСОРГО в 1860–1880-х гг. был организован ряд экспедиций в Монголию. Наиболее плодотворным в этом отношении для отдела были годы, когда его возглавляли Г. Н. Потанин (1880–1890)

и Д. А. Клеменц (1891–1894). Экспедиции Г. Н. Потанина, Д. А. Клеменца и Н. М. Ядринцева получили мировую известность.

В плееду русских путешественников и исследователей Монголии влились сибирские ученые и общественные деятели — уже упоминавшиеся Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев, Д. И. Клеменц и другие. Во второй половине XIX — начале XX в. российское монголоведение пополнилось бурятскими учеными — Д. Банзаровым, Г. Гомбоевым, Г. Цыбиковым, Ц. Жамцарано, Б. Барадиным. На дипломатическом поприще огромный вклад в развитие монголоведения и российско-монгольских отношений внес уже упоминавшийся нами Я. П. Шишмарёв [Кузьмин, Шинковой, 2021]. Среди членов ВСОРГО выделялся тоже уже упоминавшийся нами Д. П. Першин, известный специалистам по своим воспоминаниям [Першин, 1999] и писавший под псевдонимами Д. Даурский, П. Карымский, Бурхан. За обширные познания в области буддизма коллеги прозвали его «иркутским хутухтой». Д. П. Першин оказал большую помощь в организации в 1888 г. выставки предметов буддийского культа, которую проводили Г. Н. Потанин и И. А. Подгорбунский. Члены ВСОРГО регулярно знакомили сибирскую общественность с публикациями о Монголии через газету «Восточное обозрение»².

Именно в ней Д. П. Першин опубликовал свои статьи — «На родине Чингисхана», «Монголия и ургинские хутухты», «Монголия и Сибирь», «Современная Монголия», рецензию на книгу А. П. Свечникова «Русские в Монголии». И после отъезда в Ургу в 1915 г. Д. П. Першин продолжал присылать в Иркутск интересные письма и статьи. А его воспоминания (Д. П. Першин прожил в Монголии до 1927 г.) являются уникальной иллюстрацией одного из наиболее сложных периодов монгольской истории.

Помимо появления в Восточной Сибири первых переводчиков, преподавателей монгольского языка и исследовательских структур в Восточной Сибири следует сделать акцент и на формировании здесь основательного общественного интереса к Монголии и участия сибиряков в общественно-политической жизни соседней страны. Большей частью о событиях в России и мире монгольская общественность узнавала через русскую колонию, формирование которой было протяженным во времени и разнопричинным. Разрастание количества поселенцев из России стало особенно заметным с началом активной деятельности в Урге российского генконсула Я. П. Шишмарева. В период русско-японской войны и революции 1905–1907 гг. Е. М. Даревская приблизительно оценивает численность русской колонии в 300–400 человек. Монголовед и военный разведчик И. В. Тонких, посетив Монголию в 1909 г., указал в отчете о 500–600 россиянах, из которых 300 — постоянные жители Урги. И. М. Майский в 1919 г. определил численность русской колонии в 3 тыс. человек. Японец Осима в том же году насчитал 1500 граждан России [Даревская, 1994, с. 273; Кузьмин, Дэмбэрэл, 1994, с. 119].

Информация о Русско-японской войне и о революции 1905–1907 гг. в России из Сибири доходит до колонистов, а через них и до монголов. Революционные события в Прибайкалье и Забайкалье, известия о деятельности Красноярского и Верхнеудинского Советов рабочих депутатов оказали влияние и на политическую обстановку в самой Монголии, в том числе на развитие здесь так называемого «дугуйланского» движения.

Сибиряки и активисты русской колонии были также в авангарде просветительской деятельности в Монголии. Безусловно, особое место в этом процессе отводится бурятскому ученому и общественному деятелю Ц. Жамцарано, приехавшему в Ургу в 1911 г. в качестве сотрудника российского консульства. Став советником при правительстве Богдо-гэгэна по делам

² Еженедельная областная газета, основанная в Санкт-Петербурге в 1882 г. Н. М. Ядринцевым. В 1888 г. издание было перенесено в Иркутск. Газета выходила до 1906 г.

образования и культуры, он надолго станет одной из ярких общественно-политических фигур Монголии первой четверти XX в.

Начало реального присутствия России на монгольском направлении приходится на вторую половину XIX в. с открытием в Урге российского Генерального консульства. Начиная с 1911 г., сразу же после объявления Монголией независимости, российское государство оказывало всестороннюю поддержку стремлениям монгольского народа обрести реальный суверенитет. Политические и военные планы царского правительства, экономические интересы российских промышленников и купечества в итоге приводят к пониманию того, что монгольская территория может стать одним из важнейших звеньев всей восточной политики России. Монголия, в свою очередь, рассчитывала, что присутствие «северного соседа» позволит ей более уверенно противостоять давлению Китая. Итогом взаимных интересов и стало подписание в 1912 г. первого Русско-Монгольского соглашения.

Таким образом, вторая половина XIX — начало XX вв. характеризуются возросшей активностью российско-монгольских отношений, а сибирско-монгольские связи становятся их своеобразным индикатором. Управленческие, торговые, образовательные и научные структуры Восточной Сибири ко времени подписания Русско-Монгольского соглашения 1912 г. накопили значительный потенциал во взаимоотношениях с соседней страной. Первое десятилетие XX в. показало достаточную развитость и стабильность российско-монгольских связей, что позволило И. Я. Коростовцу, используя весь свой дипломатический талант, оперативно провести работу по подготовке и подписанию важнейших договоренностей с Монголией.

Литература / References

Бойкова Е. В. *Российские военные исследователи Монголии (вторая половина XIX — начало XX века)* / отв. ред. М. И. Гольман. М.: ИВ РАН, 2014. 264 с.

Даревская Е. М. *Сибирь и Монголия: очерки истории русско-монгольских связей в конце XIX — начале XX веков*. Иркутск, 1994 [Darevskaya E. M. *Siberia and Mongolia: essays on the history of Russian-Mongolian relations in the late XIX — early XX centuries*. Irkutsk, 1994 (in Russian)]; *Три портрета — три судьбы. Исторические очерки*. Улан-Батор, 1997 [Three portraits — three destinies. Historical essays. Ulaanbaatar, 1997 (in Russian)].

Единархова Н. Е. *Русское консульство в Урге и Я. П. Шишмарев*. Иркутск, 2008 [Edinarkhova N. E. *Russian consulate in Urga and Ya. P. Shishmarev*. Irkutsk, 2008 (in Russian)].

Коростовец И. Я. *От Чингис хана до Советской республики*. Улан-Батор, 2004 [Korostovets I. Ya. *From Genghis Khan to the Soviet Republic*. Ulaanbaatar, 2004 (in Russian)]; *Девять месяцев в Монголии. Дневник русского уполномоченного в Монголии. Август 1912 — май 1913 г.* Улаанбаатар, 2009 [Nine months in Mongolia. Diary of the Russian Plenipotentiary in Mongolia. August 1912 — May 1913. Ulaanbaatar, 2009 (in Russian)].

Кузнецова М. В. Изучение монгольского языка в Иркутске в начала XIX века. *Проблемы бурятской филологии и культуры*. Иркутск, 1995. С. 12–13 [Kuznetsova M. V. The study of the Mongolian language in Irkutsk at the beginning of the 19th century. *Problems of Buryat philology and culture*. Irkutsk, 1995. P. 12–13 (in Russia)].

Кузьмин Ю. В. *Монголия и Китай начала XX века в оценках российской военной разведки*. Улан-Батор, 2007.

Кузьмин Ю. В., Дэмбэрэл К. Русская колония в Урге (1861–1920) в российской историографии. *Диаспоры*. Иркутск, 1994. С. 119.

Лиштованный Е. И. *Монголия в истории Восточной Сибири (XVI–XX вв.)*. Иркутск, 2001 [Lishtovanny E. I. *Mongolia in the history of Eastern Siberia (XVI–XX centuries)*. Irkutsk, 2001 (in Russian)].

Монголия в трудах генерального консула Российской империи в Урге Я. П. Шишмарева. Некоторые мысли о праве России на Амур в документах и публикациях (к 160-летию Генерального консульства России в Монголии). Сост. А. И. Шинковой, Ю. В. Кузьмин. Иркутск, 2021 [Mongolia in the writings of the Consul General of the Russian Empire in Urga Ya. P. Shishmarev. Some thoughts about Russia's right to the Amur in documents and publications: (to the 160th anniversary of the Consulate General of Russia in Mongolia). Comp. A. I. Shinkovoy, Yu. V. Kuzmin. Irkutsk, 2021 (in Russian)].

Першин Д. П. *Барон Унгерн, Урга и Алтан-Булак: Записки очевидца о смутном времени во Внешней (Халхаской) Монголии в первой трети XX века*. Самара, 1999 [Pershin D. P. Baron Ungern, Urga and Altan-Bulak: Notes of an Eyewitness about the Time of Troubles in Outer (Khalkha) Mongolia in the First Third of the 20th Century. Samara, 1999 (in Russian)].

Ундэсний дэвшил. 1990. 11 авг. (in Mongolian).

Хохлов А. Н. А. В. Игумнов — составитель первого в России большого монгольско-русского словаря. *VI Международный конгресс монголоведов*. М., 1992. С. 224–225 [Khokhlov A. N. A. V. Igumnov — the compiler of the first large Mongolian-Russian dictionary in Russia. *VI International Congress of Mongolian Studies*. M., 1992. P. 222–225 (in Russian)].

DOI: 10.31696/2618-7302-2023-1-099-115

**ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ РАМОЧНЫЕ УСЛОВИЯ ДЛЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ
РУССКО-МОНГОЛЬСКОГО СОГЛАШЕНИЯ 1912 г.
РЕКОНСТРУКЦИЯ НА ОСНОВЕ ДОКУМЕНТОВ МИНИСТЕРСТВА
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ (AUSWÄRTIGES AMT) ГЕРМАНИИ**

© 2023

Удо Б. Баркманн¹

В конце XIX — начале XX вв. в немецкой литературе по азиатским исследованиям не было недостатка в размышлениях о «восточно-азиатском вопросе» [v. Brandt, 1897]. Затем последовало обсуждение «корейского вопроса» и — с некоторой задержкой — «монгольского» и «тибетского» вопросов. За каждым из этих конкретных «вопросов» стояли интересы определенных держав: за «корейским вопросом» — интересы Японии, за «монгольским вопросом» — России, за «тибетским вопросом» — Великобританией. Другими словами, каждый из этих «вопросов» так или иначе влиял на глобальный взгляд на внешнюю политику Германии. Структура интересов держав в Корее, Внешней Монголии и Тибете в целом представляла собой конгломерат не только политико-экономических, но и военных компонентов. В центре внимания «восточно-азиатского вопроса» было, прежде всего, то, как европейские державы, США и, несколько позже, Япония относились к маньчжурско-китайской империи или маньчжурской династии Цин и ее суверенитету и территориальной целостности. «Монгольский» и «тибетский» вопросы также представляли особую опасность для Китая, поскольку в своей заключительной фазе они привели к «таянию» китайского зарубежья, которое играло особенно важную роль в синоцентрической оборонной модели Цинской империи для защиты китайского сердца. (Даже сегодня некоторые геополитики считают, что Китай было бы легче всего «расплавить» с его краев). В данной статье предпринята попытка рассмотреть геополитические рамки Русско-Монгольского соглашения, заключение которого в 1912 г. стало первым шагом к решению «монгольского вопроса» и в то же время заложило основу для последующей независимости и суверенитета Монголии.

Ключевые слова: Монголия, Россия, Русско-Монгольское соглашение 1912 г., «восточно-азиатский вопрос», «монгольский вопрос», геополитика, наблюдения немецкого министерства иностранных дел, интересы Германии

Для цитирования: Баркманн У. Б. Геополитические рамочные условия для заключения Русско-Монгольского соглашения 1912 г. Реконструкция на основе документов Министерства иностранных дел (Auswärtiges Amt) Германии. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 1. С. 99–115. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-1-099-115

¹ Удо Б. Баркманн, доктор, профессор, монголовед, Берлин; ubbarkmann@gmx.de
Udo B. Barkmann, Prof. Dr., Mongolist, Berlin; ubbarkmann@gmx.de

GEOPOLITICAL FRAMEWORK CONDITIONS FOR THE CONCLUSION OF THE RUSSO-MONGOLIAN AGREEMENT OF 1912. RECONSTRUCTION BASED ON DOCUMENTS OF THE GERMAN FOREIGN OFFICE

Udo B. Barkmann

At the end of the 19th and the beginning of the 20th century, there was no lack of reflection on the «East Asian question» in German literature on Asian studies. This was followed by the discussion of the «Korean question» and — somewhat delayed — that of the «Mongolian» and the «Tibetan question». Behind each of these concrete «questions» were the interests of certain powers: behind the «Korean question» the interests of Japan, behind the «Mongolian question» those of Russia and behind the «Tibetan question» those of Great Britain. In other words, each of these «questions» also affected the global view of German foreign policy in some way. The structure of the interests of the powers in Korea, Outer Mongolia and Tibet generally showed a conglomerate of political-economic but also military components. The focus of the «East Asian question» was primarily on how the European powers, the USA and, somewhat later, Japan dealt with the Manchurian Chinese Empire or the Manchurian Qing Dynasty and its sovereignty and territorial integrity. The «Mongolian» and «Tibetan questions» also posed particular dangers for China, since in their final phase they led to a «melting away» of the Chinese foreign countries, which played a particularly important role in the Sinocentric defence model of the Qing Empire for the protection of the Chinese heartland. (Even today, some geopoliticians believe that China would be easiest to «melt down» from its edges). This article attempts to examine the geopolitical framework of the Russo-Mongolian Agreement, the conclusion of which in 1912 represented a first step towards resolving the «Mongolian question» and at the same time laid the foundation for Mongolia's later independence and sovereignty.

Keywords: Mongolia, Russia, Russo-Mongolian Agreement of the Year 1912, «East-Asian Question», «Mongolian Question», Geopolitics, Observations of the German Foreign Office, Interests of Germany

For citation: Barkmann U. B. Geopolitical Framework Conditions for the Conclusion of the Russo-Mongolian Agreement of 1912. Reconstruction Based on Documents of the German Foreign Office. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2023. 1. Pp. 99–115. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-1-099-115

ВОЗНИКНОВЕНИЕ «ВОСТОЧНО-АЗИАТСКОГО ВОПРОСА»

Венский конгресс создал систему «Европейского концерта держав» в 1814/1815 гг. Этот «европейский концерт» в основном выполнял функцию многополярной системы международных отношений. Великие державы того времени — Англия, Франция, Австрия, Россия и Пруссия — гарантировали «мир в Европе, а значит, и во всем мире» [Нобе, Kimminich, 2004, р. 40]. Как им это удалось? Они договорились поддерживать «баланс сил» или статус-кво, несмотря на существовавшее между ними соперничество. Как было сохранено то или это? «Баланс» поддерживался путем «компенсации каждого увеличения мощи одной великой державы соответствующим увеличением мощи всех остальных великих держав» [Нобе, Kimminich, 2004, р. 40]. Однако «предпосылкой для функционирования этой компенсационной игры» было «существование географических и властно-политических пространств за пределами Европы» [Нобе, Kimminich, 2004, р. 40]. Поскольку Индийский субконтинент уже был сферой влияния и интересов Англии (Великобритания была единственной «сверхдержавой» в понимании того времени), интересы экспансии держав автоматически сосредоточились на Китае, которым правила маньчжурская династия Цин. В пользу этого говорит не только размер и богатство Китая, но и то, что Китай является огромным рынком сбыта.

Мировая и военно-морская держава Великобритания силой заставила частично открыть Китай в 1-й Опиумной войне (1839–1842) и чуть позже — во 2-й Опиумной войне (1856–1860) вместе с Францией. Немного позже Россия вела Крымскую войну (1853–1856) и, наконец, войну против Османской империи (1877–1878), в которой Константинополь был поддержан европейскими державами против России. В 1871 г. в результате Франко-прусской войны была основана Германская империя. Отто фон Бисмарк зачитал провозглашение прусского короля Вильгельма I императором в Зеркальном зале французского Версальского дворца. На смену Пруссии, бывшей европейской державе, пришла объединенная Германская империя, которая очень скоро сильно выросла в политической и экономической мощи.

Войны России и объединение Германии значительно нарушили европейский баланс сил. Киссинджер даже видел в Германии того времени «доминирующее государство, достаточно сильное, чтобы победить всех своих соседей по отдельности и, возможно, даже все континентальные державы вместе» [Kissinger, 2014, p. 92]. Таким образом, Россия и Германия вышли из «европейского концерта держав». Правила «европейского концерта держав», по сути, больше не действовали.

Это развитие оказало немалое влияние на «восточно-азиатский вопрос». Европейские державы теперь совершенно безудержно концентрировались в Китае на принуждении к свободной торговле, определении сфер интересов, приобретении арендованных территорий и завоевании рынков сбыта [Krause, 1925, p. 272]. Это было четко отражено в «неравноправных договорах», таких как Нанкинский договор (1842) между Великобританией и Цинской империей и Ваньсийский договор (1844) между США и Цинской империей.

Прежде всего Англия, высокоиндустриальная для своего времени, ориентировала свою китайскую политику не только на политические, но и на экономические цели. В 1895 г. лорд Солсбери заявил, что «существует настоятельная необходимость для Англии открыть для себя новые рынки среди полудивилизованных и нецивилизованных народов Земли» [v. Brandt, 1897, p. 283]. Британская промышленность нуждалась в этих рынках из-за значительного перепроизводства. Кроме того, европейские банки искали дешевые, выгодные возможности для инвестирования своего капитала, для чего Китай казался особенно подходящим в силу своих географических и демографических размеров. Некоторые английские газеты того времени даже призывали к установлению британского протектората над Китаем. То есть результаты промышленной революции и капиталистического развития в Англии также энергично брали свое. Движущие силы, присущие капиталистической системе в принципе и в перспективе, фактически поставили под вопрос любую форму «баланса сил».

КЛАССИЧЕСКОЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО КАК ОСНОВАННЫЙ НА ПРАВИЛАХ ПОРЯДОК ДОМИНИРУЮЩЕГО ЗАПАДА

С проникновением крупных европейских держав в Восточную Азию возникла необходимость в обязательном регулировании двусторонних и многосторонних отношений, например, с Цинской империей, в соответствии с едиными стандартами. В международных отношениях державы составляли соответствующие договоры на основе принципов классического международного права. Это классическое международное право было разработано европейскими державами, которые имели политическую и идеологическую общность между собой, в ходе длительного процесса (Вестфальский мир 1648 г., Утрехтский договор 1713 г., принцип баланса сил, Венский конгресс 1814/15 гг., система конгрессов, Священный союз, Гаагские мирные

конференции 1899 и 1907 гг.). Поскольку до этого в Восточной Азии не существовало даже зачатков свода международного права, классическое европейское международное право автоматически стало основой для переговоров о заключении договоров. Это означало, что, например, цинское правительство должно было ознакомиться с принципами этого международного права, а также признать их. В этом отношении «Elements of International Law» Генри Уитона (Henry Wheaton) и «Das moderne Völkerrecht der Civilisirten Staaten als Rechtsbuch dargestellt» Й. К. Блунчли (J. C. Bluntschli) сыграли выдающуюся роль как наиболее важные книги по «современному» международному праву в то время. Они были переведены на китайский язык в 1865 и 1880 гг. соответственно, а позже на японский и монгольский.

В основе международного права лежит принцип суверенного равенства государств. Это было необходимо, поскольку государство может заключить договор или соглашение только с тем государством, которое оно признает в качестве юридического лица в соответствии с международным правом. Тем не менее в юридической практике европейские державы считали себя более равными, чем, например, Цинская империя, поэтому практически любой договор, заключенный с позиции их власти и силы, мог появиться только как неравный договор. Так же европейские державы (+ США + Япония) в конечном счете решали вопрос и о степени суверенитета, например, Китая или других партнеров по договору.

«ПРИНЦИП ОТКРЫТЫХ ДВЕРЕЙ»

В то время как фактические экономические намерения европейских держав были более или менее направлены против суверенитета и территориальной целостности Китая², США провозгласили совершенно новый политический подход в 1899 и 1900 гг. с «принципом открытых дверей», который они сохраняли в качестве основы своей внешней политики до 1945 г. Китайско-японская война (1894–1895) привела к серьезному соперничеству между державами за сферы влияния в Китае. США опасались за восприятие своих экономических интересов в Китае из-за возможной монополизации торговых или инвестиционных привилегий уже присутствующими там державами. Разделение Китая на колонии стало мыслимым и лишило бы США экономического доступа к китайскому рынку. Поэтому государственный секретарь США Джон Хэй (John Hay) в 1899 г. обратился к державам, «претендующим на сферы интересов и влияния» в Китае, с требованием:

- 1) чтобы они «никоим образом не мешали любому договорному порту или законному интересу» в рамках любой так называемой «сферы интересов или арендованной территории»;
- 2) что «китайский контрактный тариф применяется ко всем товарам..., выгруженным или отгруженным в портах указанной «сферы интересов»»;
- 3) что к странам будет одинаковое отношение в вопросах портовых и железнодорожных сборов и транзитных перевозок, проходящих через сферы интересов и влияния³.

В своем циркуляре от 3 июля 1900 г. государственный секретарь США потребовал, среди прочего, (1) сохранения территориальной и административной целостности Китая; (2) защиты всех прав, гарантированных дружественным державам договорами и международным правом; (3) обеспечения принципа равной и беспристрастной торговли со всеми частями Китайской

² В соответствующих современных документах всегда говорится о «Китае». Правящая династия маньчжуров почти не упоминается. Поэтому в данной работе «Китай» упоминается чаще в соответствии с употреблением в документах.

³ <https://courses.knox.edu/hist245/opendoortext.html> (дата обращения: 12.12.2022).

империи⁴. Правительства Великобритании, Германии, Франции, Японии и Италии на словах согласились с политикой «открытых дверей», но лишь наполовину. Россия, с другой стороны, дала ответ, но без четкого одобрения. Она и Япония вскоре продолжили свою почти традиционную политику в Восточной Азии по определению сфер влияния и косвенной и прямой аннексии соответственно.

«ВОСТОЧНО-АЗИАТСКИЙ ВОПРОС» И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

Однако мировая политика также должна была оказать определенное влияние на «восточно-азиатский вопрос». Поскольку морская держава Великобритания оценивала континентальную державу Россию как «самого опасного противника британского мирового господства» [Krause, II, 1925, p. 274] (вспоминается сегодняшняя ситуация), Лондон поощрял Японию союзом для ведения войны против России в 1902 г. Стратегический расчет Лондона состоял в том, чтобы таким образом побудить Россию связать свой военный потенциал не в Европе, а на Дальнем Востоке. (Это также, вероятно, является намерением некоторых сторон сегодня ослабить третью сторону). Россия окончательно вступила в войну с Японией. Она потеряла большую часть своего флота при Цусиме и потерпела поражение. Портсмутский мир был заключен между Россией и Японией в 1905 г. Великобритания, таким образом, оказалась в состоянии значительно сократить присутствие своего флота на Дальнем Востоке и усилить его в европейских морях.

В результате Россия нанесла долговременный ущерб своему имиджу великой державы среди китайской элиты⁵. Растущее национальное самосознание и шовинизм, направленный против иностранных держав, все больше определяли политику цинского правительства. Как видно из документов российского МИДа, эти тенденции в сочетании с «новой политикой Цин» (китайская колонизация, большая административная интеграция Маньчжурии, Внешней Монголии и Тибета) значительно усложняли внешнюю политику России. Тем более что Россия, будучи в то же время европейской державой, не могла позволить себе слишком глубоко вовлекаться в «восточно-азиатские дела» ввиду проблем, нарастающих в Европе.

Интересы великих держав в Восточной Азии начали поляризоваться. С одной стороны были Великобритания, Россия, Франция и Япония, с другой — США, Германия и Китай. Россия и Великобритания не только вновь нормализовали свои отношения — в 1907 г. Россия присоединилась к британско-французской Антанте, которая в итоге превратилась в «тройственную Антанту», более или менее направленную против Германии. Также в 1907 г. Россия и Великобритания достигли взаимопонимания по «тибетскому вопросу». В конвенции они гарантировали Тибету территориальную целостность, но под сюзеренитетом Китая [British and Foreign States Papers, 1906–1907, p. 558–559]. Таким образом, обе стороны положили конец «большой игре», которая велась между ними в Центральной Азии на протяжении многих лет.

⁴ Open Door policy United States-China (1899–1900), in <https://www.britannica.com/event/Open-Door-Policy> (дата обращения: 12.12.2022).

⁵ Ссылки на потерю престижа России после Русско-японской войны можно неоднократно встретить в дипломатических документах. Например, немецкий посол в Петербурге сообщал в начале апреля 1911 г.: «Перед истечением срока ультиматума я имел возможность поговорить с господином Столыпиным, который во время болезни господина Сазонова сам занимался внешней политикой... Премьер-министр, кроме того, говорил о поведении России в отношении Китая в том смысле, что в интересах престижа России в Восточной Азии срочно потребовалась четкая формулировка со стороны российского правительства. Со времен Русско-японской войны китайцы считали Россию настолько слабой, что думали, будто ей все сойдет с рук. Такому положению дел нужно было положить конец» [Die Große Politik..., 1926, p. 220].

Россия и Япония также вновь сблизились. В 1907 г. обе стороны заключили общеполитическое соглашение, в котором официально признали «независимость и территориальную целостность Китайской империи» и «принцип открытых дверей», но в сопутствующем секретном соглашении они также определили сферы влияния в Маньчжурии. В нем Япония признала Внешнюю Монголию сферой интересов России. В соглашении 1910 г. обе стороны сосредоточились на своих интересах в Маньчжурии [Barkmann, 1999, p. 85–86]. Они обязались поддерживать и уважать статус-кво в Маньчжурии, «как он вытекает из всех договоров, конвенций и соглашений, заключенных между Россией и Японией» [Krause, 1925, p. 272]. Больше не было разговоров о «независимости и территориальной целостности Китайской империи» и «принципе открытых дверей». Синолог Краузе, который был ближе по времени к событиям, безусловно, оказался прав, описывая этот союз как «оборонительный союз, который в любой момент может превратиться в защитный» [Krause, 1925, p. 276]. По его мнению, было особенно важно, чтобы обе стороны больше не были «взаимно связаны существующим между ними напряжением» и чтобы каждая из них могла теперь обратиться к другим целям, «не ожидая в этом препятствий со стороны другой стороны» [Krause, 1925, p. 276]. Таким образом, увеличение готовности к аннексии в российской и японской внешней политике было почти ожидаемым.

Россия и «МОНГОЛЬСКИЙ ВОПРОС»

Правительства России и империи Цин в 1860 г. заключили Пекинский договор, который предоставлял России право держать консульство в «столице» Внешней Монголии Их-хурэ (известной в России как Урга) и регулировал российско-китайскую торговлю в направлении Кяхта — Пекин — Кяхта. Россия открыла свое консульство в Их-хурэ в 1872 г. После заключения Санкт-Петербургского договора в 1881 г. Внешняя Монголия оказалась в поле зрения российских торговых интересов. Договор теперь предоставлял России право учредить консульства в Урге, а также в Кобдо и Улясутае «по мере развития торговли и по согласованию с цинским правительством» [Русско-Китайские отношения, 1958, с. 57]. Среди прав, предоставленных российским подданным и юридическим лицам в Монголии, были свобода от таможенных пошлин в самом широком географическом смысле и право возводить здания и т. д. на местах российских консульств и в городе Калган на приобретенной ими земле. Теперь русским купцам разрешалось перевозить свои товары по суше через Калган в порт Тяньцзинь [Русско-Китайские отношения, 1958, с. 54–60]. По меркам того времени, империи Цин пришлось пойти на значительные уступки России — европейской державе. Но Россия едва ли была способна наполнить жизнью вновь приобретенные привилегии. Экономический потенциал Сибири был просто недостаточен.

Но со строительством Транссибирской магистрали российский военный интерес к Внешней Монголии заметно вырос. Вопрос заключался в том, как обеспечить безопасность Сибири и Транссибирской магистрали в условиях усиления военной активности Китая в регионе. Однако с середины XVIII в. русские военные хорошо знали о стремлении монголов к свободе и их частичном сопротивлении цинскому правительству. Этот факт, казалось, предлагал варианты, позволяющие подумать об использовании Внешней Монголии в качестве буфера против Китая в концепции обороны Сибири. Поэтому военные требовали от российской внешней политики более активного участия во Внешней Монголии. Но лица, ответственные за внешнюю политику, смотрели сбалансировано на Европу и Азию и пока не придавали Внешней Монголии большого значения в рамках этого аспекта буферной функции.

Российское правительство поручило своему дипломату Д. Д. Покотилову, назначенному 14 апреля 1905 г. посланником в Пекине, следить прежде всего за положением Японии в Китае. Кроме того, он должен был повлиять на цинское правительство, чтобы оно разрешило Далай-ламе вернуться в Лхасу и восстановило его в прежнем звании, а также заверить Далай-ламу в «неизменной доброй воле России, которая всегда будет готова помочь ему» [Хохлов, 2011, с. 36–54]. Покотилов проехал через Восточную Сибирь из Кяхты в Ургу и, наконец, в Пекин. В Урге он имел продолжительную беседу с Далай-ламой и лично вручил ему царские подарки. Конкретные указания российского правительства относительно Внешней Монголии отследить не удалось.

В случае И. Я. Коростовца, сменившего Д. Д. Покотилова в Пекине в 1908 г., ситуация была иной. В инструкциях, данных ему его правительством, говорилось о том, чтобы «не отождествлять наших интересов с интересами Западной Европы» в Китае, а стремиться «к продолжению нашей политики до 1898 года, то есть действовать миролюбиво и отдельно от других стран» [Хохлов, www.synologia.ru]. В инструкциях подчеркивалась огромная важность установления сфер влияния с Японией для российской внешней политики. Хотя российское правительство подчеркивало, что «отношение наше к Монголии» является «одним из вопросов первостепенной важности», в документе также говорилось, что «настоящий момент должен быть признан в всяком случае неподходящим для ведения в Монголии активной политики» [Хохлов, www.synologia.ru]. Поэтому правительство поручило Коростовцу сосредоточиться на укреплении экономических и культурных отношений с монголами. Оно рекомендовало своему посланнику позаботиться о строительстве школ для монголов, «привлечении молодых монголов в наши училища» и дружеских отношениях с Далай-ламой, который, как говорится в инструкции, «питает особое доверие и расположение к России» [Хохлов, www.synologia.ru].

«Настоящим поворотным пунктом в политике Восточной Азии», как назвал его Франке, стал Русско-Японский договор от 4 июля 1910 г. Через несколько недель император Кореи уступил императору Японии «полностью и навсегда всю полноту своих суверенных прав на всю территорию Кореи» [Franke, 1923, p. 333]. «Корейский вопрос» был решен в пользу Японии.

Министерство иностранных дел (МИД) России почувствовало, что пришло время реализовать собственные амбиции в «монгольском вопросе». Оно поручило своему посланнику в Пекине И. Я. Коростовцу разработать план по оказанию давления на цинское правительство, «чтобы навязать Китаю обязательство не менять статус-кво в Монголии и не предпринимать там военных действий» [v. Siebert, 1921, p. 271]. Министр иностранных дел Сазонов предупредил своих сотрудников, что «весь вопрос... затронет самую суть наших отношений с Китаем» и что исполнение его будет зависеть «от предварительного соглашения с другими державами, главным образом с Англией и Японией» [v. Siebert, 1921, p. 271]. 10 декабря 1910 г. министр иностранных дел Сазонов сообщил своему послу в Токио, «что настал момент потребовать от Японии исполнения обещаний, данных нам по случаю аннексии Кореи» [v. Siebert, 1921, p. 276]. То, что Россия теперь начала интенсивно заниматься «монгольским вопросом», имело веские причины. Китайская торговля угрожала вытеснить российскую торговлю из Внешней Монголии. С другой стороны, рост военной активности Китая в этом регионе больше нельзя было игнорировать. МИД России использовало истечение срока действия продленного на десять лет Санкт-Петербургского договора (1881) как возможность поставить цинскому правительству требования решения «монгольского вопроса». В ноте от 16 февраля 1911 г. Россия обвинила

Китай в нарушении Петербургского договора 1881 г. и выдвинула шесть требований, которые были тесно связаны с Монголией⁶.

Но вскоре Россия оказалась под давлением, чтобы действовать, в результате военного восстания в Ухане 10 октября 1911 г. Владычество Цин разрушалось быстрыми темпами. Последний маньчжурский император Пу-и отрекся от престола 12 февраля 1912 г. За месяц до этого монгольские князья возвели на престол религиозного лидера Халха-Монголии — Джебцзундамба-хутухту как хана Монголии. В сентябре 1912 г. МИД России направило своего дипломата И. Я. Коростовца в Монголию с мандатом на ведение переговоров и заключение договора с новым монгольским правительством. Заключение договора последовало 21 октября (3 ноября по григорианскому календарю) 1912 г. В договоре российское правительство обязалось оказать Монголии помощь в сохранении «установленного ею автономного порядка». В сравнении с необходимостью учитывать интересы других держав и «принципом открытых дверей» это решение казалось прямо-таки соломониным, тем более что в нем еще не было ни слова о суверенитете. В дополнительном протоколе, заключенном в тот же день, Россия установила для себя привилегии, выходящие далеко за рамки положений Петербургского договора 1881 г. С заключением Русско-Монгольского соглашения от 1912 г. завершился первый (и самый важный) этап решения «монгольского вопроса». МИД России добился большего, чем хотел на самом деле, несмотря на то, что он не смог реально оценить реакцию других держав на это решение. России пришлось вновь обратить свое внимание на Европу, которая грозила впасть в непредсказуемый политический кризис. Поэтому было хорошей идеей оставить «монгольский вопрос» на некоторое время в покое, тем более что изначально невозможно было предугадать, как будут развиваться отношения власти в Пекине и Китае.

ДОКЛАДЫ НЕМЕЦКОГО МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ (AUSWÄRTIGES AMT) ПО «МОНГОЛЬСКОМУ ВОПРОСУ»

Есть веские причины для того, чтобы рассматривать «монгольский вопрос» на основе документов немецкого МИД. В изучаемый период Германия считалась относительно новым игроком в Китае и в «восточно-азиатском вопросе». Франке пишет: «Германия не обладала ничем, кроме прав, предоставленных ей торговыми и судоходными договорами, ни собственными учреждениями в портах, ни земельными владениями, ни какой-либо базой для использования политических возможностей, более того, в центральном офисе дома не было видно даже твердых планов или руководящих мыслей» [Franke, 1923, p. 27]. Как и США, Германия находилась в Китае прежде всего в поисках рынков сбыта для своей торговли и промышленности. Поэтому Германия неоднократно подчеркивала, что преследует в первую очередь экономические интересы и поэтому поддерживает «принцип открытых дверей» в Китае. Поскольку Германия, как и США, выступала за сохранение территориальной и административной целостности Китая, она поддерживала благожелательные отношения как с цинским правительством, так и позднее с правительством Юань Шикая. В этом отношении она имела нейтральный, реалистичный и в то же время довольно спокойный взгляд стороннего наблюдателя на события в Восточной Азии или в Китае.

Знания МИД о «восточно-азиатском вопросе», в который был встроен «монгольский вопрос», похоже, питались в основном двумя компонентами:

⁶ Российские требования были следующими: собственный таможенный тариф; российские подданные находятся в Монголии под юрисдикцией России, имеют право свободно жить, путешествовать и торговать там, а также покупать землю в местах расположения российских консульств; России разрешено иметь консульство в Кобдо в дополнение к существующим консульствам; российские консульства признаются цинской администрацией, и отношение к ним соответствующее [Franke, 1923, p. 342].

1. Отчетность дипломатических миссий в Токио, Пекине, Лондоне, Петербурге и Вашингтоне. Многие важные документы по «монгольскому вопросу» были опубликованы в 1926 г. в сборнике документов «Большая политика европейских кабинетов» [Die Große Politik..., 1926]. Многие другие документы по сей день остаются неразобранными в архивах МИД.

2. Получение секретной информации из России незаконным путем. Например, в период с марта 1909 г. по июль 1914 г. МИД получил от 2-го секретаря императорского российского посольства в Лондоне Бенно А. фон Зиберта примерно пять-шесть тысяч секретных документов, которые дали МИД глубокое понимание внешней политики России. О важности шпионской деятельности Бенно А. фон Зиберта говорит и тот факт, что в его деятельность были посвящены только рейхсканцлер, а в МИДе — статс-секретарь, заместитель статс-секретаря, начальник политического отдела и русский переводчик [Schröder, 2005, p. 430]. Б. А. фон Зиберт сам опубликовал значительную часть этих документов в двух сборниках в 1920-х гг. по указанию МИДа в Берлине [v. Siebert, 1921]⁷.

МИД и посольства Германии очень внимательно следили за тем, что великие державы делают в Китае. Из одной только политики Великобритании в отношении России, например, можно было сделать важные выводы о балансе сил в Европе. Все, что более интенсивно связывало российскую политику или даже российские ресурсы (военные, экономические и т. д.) с Восточной Азией, возможно, влияло на активность России в Европе.

Посол в Токио и посланник в Пекине предоставляли основную информацию, необходимую для анализа, который обычно адресовался непосредственно имперскому канцлеру. Если в национальной прессе или в беседах с высокопоставленными чиновниками в стране пребывания появлялись соответствующие указания, послы Германии в Лондоне, Санкт-Петербурге и Вашингтоне также сообщали об этом в Берлин. Иногда эти послы получали указания от МИД проверять определенную информацию из Токио и Пекина в принимающих странах косвенным путем. Государственный секретарь МИД подчинялся непосредственно императору или соответствующим чиновникам из императорского окружения. Конечно, два уже упомянутых компонента перетекают друг в друга при анализе ситуации в стране или крупном регионе. Это означает, что реальные знания МИД по «монгольскому вопросу» были отчасти гораздо более глубокими, чем можно предположить, читая отчеты посольств.

Так что же знала Германия о «монгольском вопросе» и как она реагировала на это? Я хотел бы отметить, что, основываясь на фактах, содержащихся в доступных мне подборках документов, я считаю себя в состоянии представить увеличение информации по «монгольскому вопросу» в хронологическом порядке только на данный момент. Интерпретации и оценки следует оставить на потом, после изучения документов, хранящихся в Политическом архиве МИД.

ИНФОРМАЦИЯ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГЕРМАНИИ (AUSWÄRTIGES AMT) ПО «МОНГОЛЬСКОМУ ВОПРОСУ»

Документы, с которыми я знаком, свидетельствуют о том, что «монгольский вопрос» попал в центр внимания МИД начиная с 1910 г. Причиной этого стало сближение России и Японии в результате заключения договора от 30 июля 1907 г. МИД подозревал, что в этом договоре есть секретные пункты, «по которым, среди прочего, привилегированное положение России

⁷ Не исключено, что фон Зиберт также работал в Берлине в 1920-х гг. с И. Я. Коростовцом, который вел переговоры по Российско-Монгольскому соглашению в 1912 г., и с Владимиром Коростовцом, который работал в российском МИДе секретарем трех министров иностранных дел в 1912–1917 гг.

в Монголии будет признано со стороны Японии»⁸. Сближение России и Японии имело большое значение для восточно-азиатской политики МИД, поскольку существовала вероятность того, что обе державы намеревались ограничить экономическую свободу Германии на китайском рынке.

Рукописные пометки на полях документов показывают, что кайзер Вильгельм II постоянно читал часть отчетов. Таким образом, мы узнаем, что в 1910 г. он все чаще сталкивался с «монгольским вопросом». Например, 24 июня 1910 г. посол в Лондоне доложил о сообщениях в «Дейли телеграф» из Санкт-Петербурга о том, что Россия и Япония вскоре достигнут договорного соглашения о статус-кво в Маньчжурии. На это кайзер Вильгельм II заметил, что «за счет Китая Маньчжурия должна быть отнята у Японии, а (Монголия) у России... Если произойдет столкновение между Америкой и Японией...», — заключил кайзер, — «Россия будет вынуждена выступить на стороне Японии в Азии... иначе она избавится от Владивостока, а также Монголии и Восточной Сибири»⁹. В случае с Маньчжурией и Монголией он подозревал, что Япония и Россия действуют с намерением закрыть Маньчжурию и Монголию для других государств, позволить им отколоться от Китая и избежать «принципа открытых дверей».

Но обеим державам также было необходимо договорное урегулирование с Китаем. Для России особый интерес представляло желание цинского правительства возобновить Петербургский договор 1881 г. Из «документа Зиберта» от июля 1910 г. МИД узнал о российской дилемме: экономический потенциал России недостаточен для того, чтобы воспользоваться преимуществами Петербургского договора. Поэтому обсуждался вопрос о том, как оказать давление на цинское правительство, чтобы заставить его выполнить свои требования, при этом, с российской точки зрения, осторожное применение военных мер было вполне приемлемым.

В середине июля 1910 г. кайзер Вильгельм II еще раз обсудил Русско-Японский договор в кругу своих ближайших советников. В его ближайшем окружении говорили, что император намерен «положить конец территориальным намерениям России и Японии на будущее». Он подчеркнул, что Германия придерживается тех же взглядов, что и США. В протоколе было записано, что император рассматривает «интеграцию Монголии» как нарушение договора по Янцзы и что в таком случае, по его мнению, должны быть затронуты и британские интересы. Через несколько дней рейхсканцлер обратился к Вильгельму II, сообщив ему, что только Маньчжурия является частью договора между Санкт-Петербургом и Токио. Однако участие России на Дальнем Востоке было бы политически единственно правильным, поскольку таким образом Россия «станет пограничным соседом Японии и тем самым создаст для себя серьезные трения в будущем»¹⁰. Подобно тому, как Англия интегрировала Россию с намерениями, направленными против Германии, Германия была заинтересована в том, чтобы Россия связала ее силы на Дальнем Востоке. Строго говоря, это уже были дипломатические игры, которые впоследствии привели к Первой мировой войне.

Из одного «документа Зиберта» от ноября 1910 г. МИД узнал о внутренней стороне заседания Совета Министров России. Россия чувствовала себя в большей безопасности в результате договоров, заключенных с Японией. Опасности со стороны Японии больше не было. Японо-китайский альянс теперь также мог быть окончательно исключен. Пограничных войск

⁸ Nr. 11703, Der Botschafter in Tokio Freiherr Mumm von Schwarzenstein an den Reichskanzler von Bethmann Hollweg, 6. Mai 1910, Die Große Politik der Europäischen Kabinette, 1926, p. 116.

⁹ Nr. 11704, Der Botschafter in London Graf von Metternich an den Reichskanzler von Bethmann Hollweg, 24. Juni 1910, Die Große Politik der Europäischen Kabinette, 1926, p. 118.

¹⁰ Nr. 11709, Der Reichskanzler von Bethmann Hollweg, z.Z. in Hohenfinow, an Kaiser Wilhelm II., z.Z. in Bergen, 16. Juli 1910, Die Große Politik der Europäischen Kabinette, 1926, p. 125.

численностью 29 000 человек в Иркутском и Амурском военных округах было достаточно только для борьбы с Китаем. Совет Министров потребовал защитить договорные права России в Китае «всеми силами», а консулам «в случае необходимости применить силу». В протоколе заседания говорится: «Опыт показывает, что Китай уступал каждый раз, когда мы, осознавая свое право, предъявляли ему категорические требования»¹¹. Совет Министров России отказался «отрывать провинцию от Китая», ссылаясь на затраты, международные пути и враждебные настроения среди собственного народа. Эти факторы указывали на то, что России также необходим сложный и многоуровневый подход к Монголии.

Из другого «документа Зиберта» МИД узнал о разговоре между российским послом в Токио и японским министром иностранных дел Комурой в конце 1910 г. Комура посоветовал не преувеличивать давление на цинское правительство. «Сама слабость Китая была опасна», и давление могло толкнуть его «в объятия Америки и Германии», что дало бы им возможность «получить материальные преимущества и выгодную позицию в Пекине»¹².

16 февраля 1911 г. посол в Санкт-Петербурге доложил имперскому канцлеру о встрече с министром иностранных дел России С. Д. Сазоновым, который конфиденциально представил ему «документ, касающийся разногласий, возникших между Россией и Китаем». (В МИД документ был на французском языке). Согласно документу, Россия требовала, среди прочего, права «налагать таможенные пошлины на торговлю между обеими странами, права экстерриториальности для русских подданных в Китае, особенно в Монголии и западном Китае, права для русских подданных на оседлость, «беспошлинную и беспрепятственную монопольную торговлю всякого рода товарами любого происхождения», назначения своих консулов в Кобдо, Хами и Гучен, причем цинское правительство не должно было отказать в согласии. Особенно взрывоопасным было требование предоставить российским подданным в городах, где есть российский консул, право приобретать землю и строить на ней дома. С. Д. Сазонов заявил германскому послу, что Россия намерена провести «небольшую военную демонстрацию» на маньчжурско-китайской границе, если цинская сторона не согласится на российские требования¹³.

Россия немного отступила в своих требованиях. Министр иностранных дел С. Д. Сазонов передал своим послам в Париже, Лондоне и Токио, что речь идет о признании пекинским правительством прав, гарантированных Петербургским договором, «а именно: права свободной торговли в Китае за Великой стеной и в Монголии, судебной и административной экстерриториальности российских граждан и учреждения наших консульств в Кобдо, Хами и Гучене» [Der Diplomatische Schriftwechsel Iswolskis 1911–1914, I, 1924, p. 27].

Вопрос о переписывании Петербургского договора 1881 г. взбудоражил Петербург. 20 февраля 1911 г. немецкий посол в Вене сообщил конфиденциальную информацию от «информатора» (шпиона) о том, что царь ежедневно совещается с военным министром и министром иностранных дел, полагая, что это будет важное решение по «восточно-азиатскому вопросу». С. Д. Сазонов считал, что российские военные сейчас «настроены крайне воинственно по отношению к Восточной Азии, так как, видимо, думают, что там армия получит дешевые лавры»¹⁴.

¹¹ Protokoll einer besonderen Ministerratssitzung in Petersburg vom 19. November/2. Dezember 1910, v. Siebert, 1921, p. 274–275.

¹² Telegramm des russischen Botschafters in Tokio an den russischen Außenminister vom 4./17. Dezember 1910, Nr. 206, v. Siebert, I, 1921, p. 276–277.

¹³ Nr. 11790, Der Botschafter in Petersburg Graf von Pourtalès an den Reichskanzler von Bethmann Hollweg, St. Petersburg den 16. Februar 1911, Die Große Politik der Europäischen Kabinette, 32, 1926, c. 214–215.

¹⁴ Nr. 11792, Der Botschafter in Wien von Tschirschky an den Reichskanzler von Bethmann Hollweg, 20. Februar 1911, Die Große Politik der Europäischen Kabinette 1871–1914, 32, 1926, p. 216.

С. Д. Сазонов выступал за «некоторые военные меры» на «нашей маньчжурско-китайской границе», но «они не должны принимать таких размеров, которые могли бы увлечь всю нашу армию и совершенно лишит нас европейских задач»¹⁵. Причины были очевидны. С. Д. Сазонов предупредил, что «подобные великодержавные вопросы стоят на повестке дня в Европе»¹⁶. «...надвигаются такие большие перемены во власти...», — подчеркнул он и отметил, что Россия не должна оставлять Тройственный союз и Тройственную Антанту на произвол судьбы.

МИД России начал наращивать давление, предъявляя ультиматумы цинскому правительству. Но цинское правительство не ответило на первый ультиматум. Премьер-министр П. А. Столыпин, взявший на себя руководство внешней политикой в связи с болезнью С. Д. Сазонова, сказал германскому послу: «Со времени Русско-японской войны китайцы, по-видимому, считали Россию настолько слабой, что думали, будто им все сойдет с рук. Такому положению дел нужно было положить конец»¹⁷.

4 января 1912 г. германский посол в Санкт-Петербурге сообщил о новой встрече с министром иностранных дел С. Д. Сазоновым. По оценке С. Д. Сазонова, монархия в Китае окончательно утрачена. Оба обменялись мнениями об усилиях по обретению независимости Китая. С. Д. Сазонов приехал поговорить о «северных районах Монголии». Он сообщал о просьбах монгольских князей присоединить Монголию или, по крайней мере, ее северные районы к Российской империи. По словам С. Д. Сазонова, Россия всегда отказывала в этих просьбах. Однако недавно новая монгольская делегация прибыла с просьбой к царю, сообщил он. Будь то аннексия в состав Российской империи или подчинение в форме российского протектората — правительство отказалось от этого из-за «беспорядков в Китае», тем более что Россия только получила бы новое финансовое бремя. С. Д. Сазонов заявил: «В интересах России, чтобы Монголия объявила себя независимой и образовала буферное государство между Россией и Китаем»¹⁸. В этом месте на полях документа имеется замечание кайзера Вильгельма II: «Чушь. Придется все-таки взять ее, иначе японцы доберутся до нее!»¹⁹

Согласно одному «документу Зиберта», меморандум министра иностранных дел России от 10 января 1912 г. предполагал, что великие державы ожидали: династия Цин отречется от престола и Юань Шикай возьмет на себя управление страной. Великие державы, казалось, были едины в том, что признание Китая «обусловлено обеспечением прав иностранцев в Китае»²⁰. В этой ситуации Россия сосредоточилась на своих интересах в Маньчжурии и пересмотре Петербургского договора 1881 г. В таком контексте С. Д. Сазонов говорил о «дальнейшем развитии монгольского вопроса с точки зрения дальнейшего существования Монголии как автономного компонента Китайской империи»²¹. Министр иностранных дел увидел необходимость отложить решение «монгольского вопроса», «потому что в этом мы должны учитывать наши политические интересы, которые прямо противоречат принципу сохранения территориальной целостности Китая»²². Как видно из этого и других заявлений, российский МИД был все

¹⁵ Там же, с. 217.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Nr. 11796, Der Botschafter in Petersburg Graf von Pourtalés an den Reichskanzler von Bethmann Hollweg, 1. April 1911, Die Große Politik der Europäischen Kabinette 1871–1914, 32, 1926, с. 220.

¹⁸ Nr. 11812, Der Botschafter in Petersburg Graf von Pourtalés an den Reichskanzler von Bethmann Hollweg, 4. Januar 1912, Die Große Politik der Europäischen Kabinette 1871–1914, 32, 1926, с. 246.

¹⁹ Там же, с. 246.

²⁰ Memorandum des russischen Außenministers vom 10 (23). Januar 1912, v. Siebert, I, 1921, с. 282.

²¹ Там же, с. 284.

²² Там же.

больше заинтересован в решении «монгольского вопроса» при сохранении «принципа открытых дверей» и, таким образом, уважении суверенитета и территориальной целостности Китая.

Однако МИД России поступил так не потому, что уважал «национальные интересы Китая», а потому, что не хотел вступать в конфликт с другими великими державами из-за него. В этой связи МИД России с большим вниманием следил за каждым шагом Великобритании в ее переговорах с Тибетом, или с цинским правительством по Тибету, или с Китаем и Тибетом.

24 января 1912 г. заместитель статс-секретаря немецкого министерства иностранных дел доложил имперскому канцлеру: «До сих пор все державы воздерживались от вмешательства во внутренние дела Китая, верные своим неоднократным заявлениям уважать суверенитет и целостность Китая и сохранять для всех «открытые двери»... Согласно известиям из известного источника, Россия, между тем, формально желает не трогать маньчжурско-китайский суверенитет в Монголии и даже пойти на то, чтобы монгольская декларация независимости была в порядке вещей»²³. Советник российского посольства в Берлине повторил в разговоре, «что Россия не хочет посягать на суверенитет и целостность Китая и хочет лишь урегулировать экономические вопросы в Монголии в согласии с Пекином, уважая цинские прерогативы»²⁴.

В одном «документе Зиберта» от 1 мая 1912 г. российский посланник в Пекине писал своему министру иностранных дел, что Россия не может ожидать никакого сопротивления со стороны иностранных держав, если предпримет военные действия «в северной Маньчжурии, Монголии и западном Китае». Дипломатический представитель США заявил, «что в его инструкциях не было ничего, что могло бы побудить его помешать нашим действиям в Монголии и Маньчжурии». Британский представитель заверил: «Теперь вы, без сомнения, можете совершенно спокойно работать в Западном Китае и Внешней Монголии...»²⁵

Из одного «документа Зиберта» от 19 июня 1912 г. МИД узнал, что Россия и Япония, в дополнение к секретному пункту договора от 17/30 июля 1907 г., намеревались по-новому определить сферы влияния, разделив Внутреннюю Монголию на две части, западную и восточную от пекинского меридиана. Западная часть должна была стать сферой влияния России, а восточная — Японии.

Информация МИД, доступная мне на данный момент, не указывает на то, что МИД знал о переговорах Коростовца в Монголии. То, что МИД что-то знал, вероятно, не вызывает сомнений и может быть найдено в его архивах. Тот факт, что немецкий «путешественник» Герман Констен работал во Внешней Монголии в 1912 г., тоже не может быть таким уж случайным, потому что он постоянно сталкивался с Коростовцом в Урге²⁶.

11 ноября 1912 г. немецкий посланник в Пекине направил в МИД текст Российско-Монгольского соглашения, опубликованный российским представителем в «Journal de Pèkin» 9 ноября. Российский посланник подтвердил ему, что Россия также предоставит Внешней Монголии защиту силой оружия в чрезвычайной ситуации.

25 декабря 1912 г. германский поверенный в делах сообщил о беседе с министром иностранных дел С. Д. Сазоновым по поводу Российско-Монгольского соглашения. В этой беседе

²³ S. 11818, Aufzeichnung des stellvertretenden Staatssekretärs des Auswärtigen Amtes Zimmermann für den Reichskanzler von Bethmann Hollweg, 24. Januar 1912, Die Große Politik der Europäischen Kabinette 1871–1914, 32, 1926, с. 251.

²⁴ Там же.

²⁵ Bericht des russischen Gesandten in Peking an den russischen Außenminister vom 1./14. Mai 1912, v. Siebert, I, 1921, с. 288.

²⁶ В этом контексте я рекомендую прочитать чрезвычайно удачную биографию Дорис Геттинг (Doris Götting, «Etzel» Forscher, Abenteurer und Agent, Die Lebensgeschichte des Mongoleiforschers Hermann Consten (1878–1957), Klaus Schwarz Verlag, Berlin 2012, 617 С.).

поверенному в делах удалось кое-что узнать об истинных мотивах России. Так, С. Д. Сазонов заявил: «Россия ни при каких обстоятельствах не могла бы терпеть активных и беспокойных китайцев в качестве пограничных соседей вместо мирных пастушеских народов Монголии»²⁷. Сазонов отметил, что он будет рассматривать соглашение в основном как возобновление Санкт-Петербургского торгового договора 1881 г. «... Поэтому речь не идет о «протекторате», который монголы действительно хотели бы видеть установленным. Россия не хотела обременять себя новым бременем»²⁸. Затем Сазонов перешел к обсуждению ранее не публиковавшегося дополнительного протокола. Он подчеркнул, что теперь приобретение земли в Монголии станет возможным для российских подданных. В конце беседы Сазонов упомянул, что в Санкт-Петербурге ожидается делегация монгольских князей. Немецкий посланник внимательно прочел заключительные слова Сазонова: «Однако с этими «господами» политика не обсуждается. Только подарки и сладости»²⁹.

Германии было трудно занять позицию по «монгольскому вопросу», несмотря на свои незначительные экономические интересы в Монголии. Хотя Россия заверила ее, что Русско-Монгольское соглашение не затронет германские экономические интересы (в этом отношении у Германии был неплохой опыт общения с Россией в Северной Маньчжурии), в МИД еще не могли четко определить, согласятся ли другие державы, вовлеченные в дела Китая, на вновь созданный статус-кво на неопределенный срок. В начале января 1913 г. посол Германии в Вашингтоне беседовал с госсекретарем Госдепартамента Ноксом. Последний дал ему понять, что никто не намерен заниматься этим вопросом за два месяца до выборов в США и «что, хотя Русско-Монгольское соглашение очень неприятно, с ним ничего нельзя поделаться»³⁰.

ЗАКЛЮЧЕНИЯ НЕМЕЦКОГО МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ПО «МОНГОЛЬСКОМУ ВОПРОСУ»

Процесс анализа и формирования мнения по «монгольскому вопросу» продолжался в немецком МИД до конца марта 1913 г. Затем статс-секретарь МИД сообщил германскому посланнику в Пекине, что в Монголии «имеются, в конце концов, жизнеспособные начала для деятельности германской торговли, которые делают нежелательным, чтобы «принцип открытых дверей» был нарушен специальными усилиями России в этой области»³¹.

Германия по торговому договору с Китаем от 2 сентября 1861 г. имела такие же права в Монголии, как и Россия по Петербургскому договору 1881 г. Этим возможностям будет положен конец, «если Китай решит признать независимость Монголии и согласится на особые права России, изложенные в протоколе от 3 ноября прошлого года»³². Государственный секретарь заявил: «Для того, чтобы наши экономические интересы в Монголии могли продолжать развиваться в будущем, нам кажется желательным иметь отношения в рамках конституционного права между Монголией и Китаем, которые гарантируют сохранение существующих положений

²⁷ Nr. 11996, Der Geschäftsträger in Petersburg Freiherr von Lucius an den Reichkanzler von Bethmann Hollweg, 25. Dezember 1912, Die Große Politik der Europäischen Kabinette 1871–1914, 32, 1926, с. 432.

²⁸ Там же, с. 433.

²⁹ Там же.

³⁰ Nr. 11997, Der Botschafter in Washington Graf von Bernstorff an den Reichkanzler von Bethmann Hollweg, 2. Januar 1913, Die Große Politik der Europäischen Kabinette 1871–1914, 32, 1926, с. 434.

³¹ Nr. 12001, Der Staatssekretär des Auswärtigen Amtes von Jagow an den Gesandten in Peking von Haxthausen, 24. März 1913.

³² Там же, с. 438.

Германо-Китайского договора для Монголии в будущем»³³. С этой целью было бы целесообразно соответствующим образом поощрить китайское правительство в его прежнем сопротивлении признанию Российско-Монгольского договора и предложить ему открыть Монголию для международной торговли на основе Ургинского соглашения (имеется в виду Русско-Монгольское соглашение). Это не помешает Китаю учесть пожелания России путем некоторого ограничения своих военных действий и административной деятельности, а также путем замедления темпов колонизации, в частности, во Внешней Монголии»³⁴.

В это время Германия не согласилась на независимость Монголии, поскольку следование «принципу открытых дверей» было обусловлено сохранением государственного суверенитета и территориальной целостности Китая. Однако, похоже, она была готова поддержать ограничение военного потенциала Китая в действиях и административной деятельности, а также замедление китайской колонизации во Внешней Монголии. Это соответствовало основным положениям Русско-Монгольского соглашения об отношениях между Монголией и Китаем. По сравнению с интересами Германии и игрой великих держав это было отнюдь немало.

Становится ясно, почему Германия и другие великие державы не ответили на письма Богдо-гэгэна с просьбой о признании монгольской независимости. Вероятно, их позиции были схожи из-за признания «принципа открытых дверей». Эти позиции запрещали им признавать независимость Монголии, но не признавать автономию любого рода. Но именно это, тем не менее, заложило основу для последующего развития монголов как независимого государства, тем более что державы также должны были изменить свои взгляды. Через шесть лет после подписания Русско-Монгольского соглашения президент США Вудро Вильсон предложил, среди прочего, право народов на самоопределение в программе из 14 пунктов, составленной по итогам Первой мировой войны.

Будучи великой державой, Россия также имела привычку не переходить красные линии, согласованные державами того времени, о чем ясно свидетельствует текст Русско-Монгольского соглашения. Однако ее интересы были структурированы иначе, чем у других великих держав, из-за непосредственного соседства, исторической близости к монголам и упреждающей осторожности в отношении соседнего Китая на юге. Если безопасность на пространстве Большой Сибири должна была быть одним из вечных интересов России, то одним из путей ее достижения было создание и сохранение независимости монгольского национального государства. Ни одно государство, кроме России, не могло иметь такой интерес. Вероятно, это не изменилось и в настоящее время.

Литература / References

Русско-Китайские Отношения 1689–1916 Официальные Документы. М., 1958.

Хохлов, А. Н. Д. Покотилов. *Вопросы Истории.* 2011. № 5. С. 36–54.

Баркманн, Удо Б. 1911 онд Монгол улсын тусгаар тогтнолыг сэргээсэн явдалыг олон улсын эрх зүйн үүднээс авч үзэхүй. *Монголын Үндэсний Эрх Чөлөөний хувьсгал — Олон улсын эрдэм шинжилгээний хурлын эмхтгэл.* Улаанбаатар, 2011. С. 164–178 [Баркманн, Удо Б. Восстановление независимости Монголии в 1911 году с точки зрения международного права. *Национально-освободительная революция Монголии — Международная научная конференция.* Улаанбаатар, 2011. С. 164–178 (на монгольском языке)].

³³ Там же.

³⁴ Там же.

Баркманн, Удо Б. Монгол улсын тусгаар тогтнолыг сэргээсэн үйл явцыг тухайн үед хүчин төгөлдөр үйлчилж байсан олон улсын сонгодог эрх зүй хийгээд олон улсын харилцааны үүднээс авч үзэхүй. *Монголын тусгаар тогтнол ба Монголчууд*. Улаанбаатар, 2012. С. 170–175 [Баркманн, Удо Б. Восстановление независимости Монголии с точки зрения классического международного права и международных отношений, действовавших в то время. *Монгольская независимость и Монголы*. Улаанбаатар, 2012. С. 170–175 (на монгольском языке)].

Баркманн, Удо Б. 1912 оны 10 дугаар сарын 21-ний Монгол-Оросын хэлэлцээрээс үүдэлтэй олон улсын эрх зүйн үйл явцын талаарх хэдэн үг. *Монгол-Оросын 1912 оны гэрээ ба И. Я. Коростовец*. Улаанбаатар, 2013. С. 135–142 [Баркманн, Удо Б. Некоторые замечания о процессе международного права, вытекающем из монголо-российского соглашения от 21 октября 1912 года. *Монголо-русский договор 1912 г. и И. Я. Коростовец*. Улаанбаатар, 2013. С. 135–142 (на монгольском языке)].

Баркманн, Удо Б. 1911 оноос өмнөх болон хойшхи үеийн Монгол улсын дотоод, гадаад бүрэн эрхт байдлын асуудалд дайх үг. *1911 оны Монголын Үндэсний Хувьсгалын Түүхэн Ач Холбогдол*. Улаанбаатар, 2022. С. 110–123 [Баркманн, Удо Б. Заметки о вопросах внутреннего и внешнего суверенитета Монголии до и после 1911 года. *Историческое значение Национальной революции 1911 года*. Улаанбаатар, 2022. С. 110–123 (на монгольском языке)].

Barkmann, Udo B., Zur Geschichte des russisch-mongolischen Abkommens von 1912. *Asien, Afrika, Lateinamerika*. 1990, 4. S. 620–628 [Баркманн, Удо Б., Об истории российско-монгольского соглашения 1912 г. *Азия, Африка, Латинская Америка*. 1990, 4. С. 620–628 (in German)].

Barkmann, Udo B. *Geschichte der Mongolei oder Die «Mongolische Frage»*. Die Mongolen auf ihrem Weg zum eigenen Nationalstaat. Bonn, 1999 [Баркманн, Удо Б. *История Монголии или «Монгольский вопрос»*. Монголы на пути к собственному национальному государству. Бонн, 1999 (in German)].

Bluntschli, J. C. *Das moderne Völkerrecht der Civilisirten Staaten als Rechtsbuch dargestellt*. Nördlingen, 1869 [Блунчли, Ё. Ка. *Современное международное право цивилизованных государств, представленное в виде юридической книги*. Нёрдлинген, 1869 (in German)].

v. Brandt, M. *Ostasiatische Fragen. China. Japan. Korea. Altes und Neues*. Berlin, 1897 [v. Брандт, М. *Проблемы Восточной Азии. Китай, Япония, Корея. Старое и Новое*. Берлин, 1897 (in German)].

v. Brandt, M. Das Kabinett Salisbury und die ostasiatische Frage (1895). v. Brandt, M. *Ostasiatische Fragen. China. Japan. Korea. Altes und Neues*. Berlin, 1897 [v. Брандт, М. Кабинет Солсбери и «восточноазиатский вопрос» (1895), v. Брандт, М. *Вопросы Восточной Азии. Китай, Япония, Корея. Старое и Новое*. Берлин, 1897 (in German)].

Der Diplomatische Schriftwechsel Iswolskis 1911–1914, Aus den Geheimakten der Russischen Staatsarchive. Im Auftrage des Deutschen Auswärtiges Amtes in deutscher Übertragung herausgegeben von Friedrich Stieve. Band I. Berlin, 1924 [Дипломатическая переписка Исвольского 1911–1914 гг. из секретных файлов Российского государственного архива. Отредактировано от имени Министерства иностранных дел Германии в немецком переводе Фридриха Штieve. Том I. Берлин, 1924 (in German)].

Die Große Politik der Europäischen Kabinette 1871–1914, Sammlung der Diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes. Bd. 32, Die Mächte und Ostasien 1909–1914. Berlin, 1926 [Большая политика европейских кабинетов 1871–1914. Сборник дипломатических досье Министерства иностранных дел. Том 32, Державы и Восточная Азия 1909–1914. Берлин, 1926 (in German)].

Franke, O. *Die Großmächte in Ostasien von 1894 bis 1914. Ein Beitrag zur Vorgeschichte eines Krieges*, Braunschweig und Hamburg, 1923 [Франке, О. *Великие державы в Восточной Азии с 1894 до 1914 г. Вклад в предысторию войны*. Брауншвейг и Гамбург, 1923 (in German)].

Great Britain. Foreign and Commonwealth Office, British and Foreign States Papers, 1906–1907. P. 558–559.

Götting D. «Etzel» Forscher, Abenteurer und Agent, Die Lebensgeschichte des Mongoleiforschers Hermann Consten (1878–1957). Berlin, 2012 [Геттинг, Д. «Этцель» Исследователь, авантюрист и агент, история жизни монгольского исследователя Германа Констан (1878–1957). Берлин, 2012 (in German)].

Hobe S., Kimminich O. *Einführung in das Völkerrecht*. Tübingen und Basel, 2004 [Хобе, С., Кимминих, О. *Введение в международное право*. Тюбинген и Базель, 2004 (in German)].

Kissinger, H. *Weltordnung*, München, 2014 [Киссинджер, Г. *Мировой порядок*, Мюнхен, 2014 (in German)].

Krause, F. E. A. *Geschichte Ostasiens*. 2. Teil, Göttingen, 1925 [Краузе, Ф. Э. А. *История Восточной Азии*. Геттинген, 1925 (in German)].

Schröder, S. «Ausgedehnte Spionage» Benno von Sieberts geheime Zusammenarbeit mit dem Auswärtigen Amt (1909–1926). *Militärhistorische Zeitschrift MGZ*. 2005, 64. P. 425–463 [Шрёдер, С. «Обширный шпионаж». Тайное сотрудничество Бенно фон Зиберта с Министерством иностранных дел (1909–1926). *Военно-Исторический Журнал*. 2005, 64. С. 425–463 (in German)].

v. Siebert, B. *Diplomatische Aktenstücke zur Geschichte der Ententepolitik der Vorkriegsjahre*. Band I. Berlin und Leipzig, 1921 [v. Зиберт, Б. *Дипломатические документы по истории политики Антанты в предвоенные годы*. Том I. Берлин и Лейпциг, 1921 (in German)].

Wheaton, H. *Elements of International Law*. Philadelphia, 1836.

Электронные ресурсы / Electronic sources

А. Н. Хохлов, Российский дипломат И. Я. Коростовец и его роль в подготовке Цицикарского протокола 1911 г., in www.synologia.ru (дата обращения: 12.12.2022).

<https://courses.knox.edu/hist245/opendoortext.html> (дата обращения: 12.12.2022).

in <https://www.britannica.com/event/Open-Door-Policy> (дата обращения: 12.12.2022).

О ТУВИНЦАХ В КОБДИНСКОМ СРАЖЕНИИ 1912 г.: ВЕК СПУСТЯ

© 2023

М. М.-Б. Харунова, Р. Ш. Харунов¹

Одним из наиболее значимых периодов в истории развития монгольской и тувинской государственности является рубеж XIX–XX вв. Монголия прошла путь от автономии до Монгольской Народной Республики, а Урянхайский край — от российского протектората до Тувинской Народной Республики. Решающим фактором в процессе отделения Внешней Монголии и Урянхайского края от Китая являлась российская политика, направленная на распространение политического и экономического влияния в Азии. Российское правительство, преследуя свои интересы, оказало военную помощь в обучении и снаряжении национальных вооруженных сил Монголии для борьбы с Китаем.

Битва за Кобдо — крупнейшее военное противостояние на начальном этапе борьбы за независимость Монголии в 1911–1912 гг. В историю Тувы это событие вошло под названием Хомду дайыны (Кобдинская война). Добровольцы из Урянхайского края приняли активное участие в этих событиях и вернулись домой лишь в 1914 г.

Успешное взятие Кобдо и присоединение Западной Монголии к Халхе показали политическую волю правительства Богдо-гэгэна и его способность мобилизовать национальные военные силы для защиты своей территории от китайских войск. В какой-то мере это событие способствовало заключению Русско-Монгольского договора в ноябре 1912 г., который сделал Монголию субъектом международного права. В эти процессы свой немалый вклад внесли тувинские добровольцы.

Ключевые слова: битва за Кобдо, Тува, роль тувинцев

Для цитирования: Харунова М. М.-Б., Харунов Р. Ш. О тувинцах в Кобдинском сражении 1912 г.: век спустя. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 1. С. 116–126. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-1-116-126

DATA ON THE TUVANS IN THE BATTLE AT KHOVD IN 1912: A CENTURY LATER

Marianna M.-B. Kharunova, Ramil S. Kharunov

¹ Харунова Марианна Монге-Байыровна, кандидат исторических наук, заведующая аспирантурой Института востоковедения РАН; ondar18@mail.ru

Marianna Monge-Bairovna Kharunova, Candidate of History, Head, Postgraduate Department, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; ondar18@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9011-2262

Харунов Рамиль Шатмуратович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва; ramar33@mail.ru

Ramil Shatmuratovich Kharunov, Candidate of History, Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tuva; ramar33@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7940-5972

One of the most significant periods in the history of development of the Mongolian and Tuvan statehood is the turn of the 19th — 20th centuries. Mongolia has gone from autonomy to the Mongolian People's Republic, and the Uriankhai Region from the Russian protectorate to the Tuvan People's Republic. The decisive factor in the process of separating Outer Mongolia and the Uriankhai Region from China was the Russian policy aimed at spreading political and economic influence in Asia. The Russian Government, in pursuit of its interests, provided military aid in training and equipping the national armed forces of Mongolia to fight China. The Battle at Khovd was the largest military confrontation at the initial stage of the struggle for the independence of Mongolia in 1911–1912. This event entered the history of Tuva under the name Khomdu daiyny (The Khovd War). Volunteers from the Uriankhai Region took an active part in these events and returned home only in 1914. Successful capture of Khovd and the joining of Western Mongolia to Khalkha showed the political will of the Bogd Gegeen's Government and its ability to mobilize national military forces to protect its territory from Chinese troops. To some extent, this event contributed to the conclusion of the Russo-Mongolian Treaty in November 1912, which made Mongolia a subject of international law. Tuvan volunteers have made a considerable contribution to these processes.

Keywords: the battle at Khovd, Tuva, the role of Tuvans

For citation: Kharunova M. M.-B., Kharunov R. S. Data on the Tuvans in the Battle at Khovd in 1912: a century later. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2023. 1. Pp. 116–126. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-1-116-126

ВВЕДЕНИЕ

В декабре 1911 г. в результате национально-освободительного движения было свергнуто маньчжурское владычество и провозглашено создание феодально-теократического государства в Монголии. В Урянхайском крае также освободились от китайской власти, и 15 февраля 1912 г. на съезде тувинских правителей и чиновников было принято обращение к русскому царю с просьбой взять под покровительство. В апреле 1914 г. Российская империя провозгласила протекторат над Урянхайским краем.

В основном китайская власть была свергнута быстро и бескровно. Наместники бывшей Цинской империи, не имея значительных военных сил под своим руководством, оставили Ургу (амбань Сань До обратился за защитой к российскому консулу и был переправлен в Китай под охраной конвоя) и Улясутай (Цзянь-цзюнь Куй Фан выехал в Пекин) без боя, и только наместник Кобдоского округа (амбань Пу Жень) не подчинился требованиям новой монгольской власти.

Битва за Кобдо — это крупнейшее военное противостояние на начальном этапе борьбы за независимость Монголии в 1911–1912 гг. Несмотря на это обстоятельство, мы до сих пор не знаем всех подробностей этой военной операции. Очень разнятся данные по хронологии этапов битвы, количественному соотношению сторон, участию в сражении различных отрядов, особенно урянхайских добровольцев. В данной статье мы рассмотрим позиции нескольких сторон, прямо или косвенно участвовавших в этом событии, — российской, китайской, монгольской и урянхайской (тувинской).

Монгольским правительством в Кобдо были отправлены войска под командованием Манлайбаатара Дамдинсурэна и Хатанбаатара Магсаржава. Позже к ним присоединились урянхайские добровольцы. Из-за упорного сопротивления китайских войск бои за Кобдо продолжались с перерывами три месяца и закончились в результате решительного штурма 20–21 (7–8 по старому стилю) августа 1912 г.

Эта совместная успешная военная операция свидетельствует об общности стремлений монгольского и тувинского народов, главной целью которых было избавление от китайского владычества.

РОССИЙСКАЯ СТОРОНА

Во второй половине XIX — начале XX вв. политика Российской империи в Азии становится более активной. В этот период изучение региона велось главным образом по линии Военного министерства или же при его поддержке. Как отмечает доктор исторических наук А. А. Колесников, «в мире нет такой страны, где бы развитие востоковедной и военной науки так тесно и неразрывно переплеталось, как в России» [Российские военные исследователи Монголии..., 2014, с. 9].

В рамках этой политики на территорию Монголии совершались разведывательные экспедиции Генерального штаба и военных округов. Цель экспедиций была вполне конкретной: сбор географических, военных и статистических сведений об определенных территориях, составление топографических карт и последующая обработка собранных материалов. Полученная информация затем обобщалась в Генеральном штабе, где концентрировались данные о возможных театрах военных действий [Российские военные исследователи..., 2014, с. 11].

Накануне рассматриваемых событий российские военные проявили явный интерес к возможному театру военных действий в Западной Монголии. В июне 1911 г. в экспедицию в Монголию из Омска в Зайсан выехал подьесаул Дорофеев. Целью поездки было «ознакомление с достигнутыми китайским правительством результатами пятилетней деятельности в Монгольском Алтае и сбор, пополнение и освежение военно-географических и стратегических материалов». Дорофеев должен был побывать в городах Шара-сумэ, Кобдо и Улясутай и возвратиться Торговым трактом из Улясутая в Кош-агач Томской губернии.

На пути до Кобдо Дорофеев определил высоты отдельных горных хребтов, кряжей, межгорных долин, гребней и описал растительный покров. За год до битвы за Кобдо Дорофеев кроме глазомерной съемки и уточнений по всему маршруту сделал кроки (чертежи участков) городов Шара-сумэ (22 июля 1911 г.) — Кобдо (2 августа) — Улясутай (23 августа) [Российские военные исследователи..., 2014, с. 110–111].

В том же 1911 г. в Монголию была направлена «с военно-научной целью» экспедиция, находившаяся там с 15 мая по 31 октября. Возглавлял ее Ю. Кушелев. Его задача заключалась в сборе сведений и военно-стратегического материала по пути следования экспедиции. Маршрут проходил с севера на юг Монголии, а затем с юго-востока на север-запад — через города Керулен, Долон-нор и Калган, ставку Цэцэн-хана, Ургу, ставку Хана-Дайчин-вана, Улясутай, Кобдо [Российские военные исследователи..., 2014, с. 150].

Как мы видим, российская сторона скрупулезно изучала территорию Монголии в целом и Кобдоского округа в частности как возможную территорию будущего театра военных действий.

В апреле 1912 г. царское правительство направило инструкторов во главе с Д. Н. Надёжным и предоставило денежную ссуду в размере 100 тыс. руб. на военные нужды Монголии. Россия в общей сложности трижды осуществляла поставки оружия и предоставила Монголии денежный заем в размере 5,1 млн руб. на формирование национальных вооруженных сил [Батунаев, 2015, с. 66].

Намерения царского правительства в отношении Кобдоского и Алтайского округов заключались в том, чтобы эти округа освободились от китайской власти и присоединились к Халхе. В июле 1912 г. С. Д. Сазонов (министр иностранных дел Российской империи) поставил перед царским правительством вопрос о необходимости заключения с Халхой русско-монгольского соглашения (было подписано в Урге 3 ноября 1912 г.). Присоединение Кобдо-Алтайского края к Халхе, писал Сазонов, «соответствовало бы нашим интересам»,

ибо «в географическом, экономическом и этнографическом отношениях он составляет естественное продолжение Халхи» и примыкает к нашей границе, «представляя удобный заслон от Китая» [Белов, 1999, с. 68].

Но этим намерениям препятствовал сильный китайский гарнизон в Кобдо. В Урге были встревожены этими мерами Пекина. Правительство хутухты решило направить военный отряд в Улясутай для укрепления его обороны и готовиться к взятию Кобдо, откуда китайские войска могли угрожать Улясутаю. Был намечен такой план: из Урги под Кобдо будет выслан отряд солдат в 70 человек, туда же должны прибыть и монгольские добровольцы, завербованные в кобдоских хошунах. Однако посланный для вербовки добровольцев Дамдин-Сурун (заместитель министра иностранных дел Ургинского правительства) собрал только 80 человек. Во второй половине июля отряд войск из Урги и 80 добровольцев подошли к Кобдо и остановились в 30 километрах от города. Посланные к кобдоскому амбаню на переговоры торгоут Тумурджаба и ургинский чиновник Ахагба были казнены китайцами. Переговоры управляющего российским консульством в Кобдо М. Н. Кузминского с амбанем Пу Жунем о мирной передаче власти монголам оказались безрезультатными [Белов, 1999, с. 65].

В ответ на эти недобрые известия монгольское правительство решило послать под Кобдо 300 солдат, в том числе сотню, обученную русскими военными инструкторами. В то же время в Улясутае уже находились 72 русских казака с двумя офицерами [Белов, 1999, с. 66].

Отряд ургинских войск подошел к Кобдо в начале августа. Подступили и местные добровольцы, а также отряд танну-урянхайцев. Началась осада города, завершившаяся взятием Кобдо в ночь на 20 августа. Вступив в город, монгольские войска разрушили его до основания, перебили сотни китайцев — солдат и мирных жителей. Оставшиеся в живых укрылись в российском консульстве. Они были отправлены под охраной русского конвоя через Сибирь в Китай — всего 699 человек: 27 чиновников, 239 торговцев, 223 рабочих и 210 военнослужащих. Они выступили из Кобдо 2 и 3 сентября и 25 сентября достигли границы в Кошагаче.

По приказу из Пекина на Кобдо двинулась группа китайских войск из Синьцзяна. В середине сентября она находилась в 80 километрах от города. Кузминский написал письмо командиру отряда китайских войск, советуя во избежание кровопролития отказаться от наступления. Китайцы вняли совету российского консульского работника и стали отходить в сторону Алтайского округа. Но центральное китайское правительство считало нужным отвоевать Кобдо во что бы то ни стало. Военному губернатору Синьцзяна Ян Цзэнсиню было приказано направить новые группы войск в Алтайский и Кобдоский округа, что и было сделано.

На оборону Халха двинула еще отряд в 300 человек. Царские власти перебросили туда из Улясутая взвод казаков под командой подьесаула Харанова [Белов, 1999, с. 66].

Ургинское правительство в декабре 1912 и январе 1913 гг. не раз поднимало перед Петербургом вопрос о возможности ввода русских войск в Халху и Кобдоский округ. 25 февраля 1913 г. состоялось Особое совещание Совета Министров России, на котором было рассмотрено положение в Западной Монголии и приняты некоторые военные решения: 1) находившийся в Урге и Улясутае казачий полк с четырьмя пулеметами и двумя орудиями перевести в Кобдо; 2) с открытием навигации на Оби подготовить для выдвижения из Омского военного округа в Кобдо отряд из двух батальонов, 8 горных орудий, полуроты саперов и полусотни казаков, а из г. Зайсан ввести в Шарасумэ две роты с двумя пулеметами и две казачьи сотни; 3) ко дню выступления казаков из Урги в Кобдо ввести в Ургу из Иркутского военного округа один батальон с двумя орудиями и четырьмя пулеметами.

Ввод русских войск во Внешнюю Монголию, безусловно, укрепил ее в борьбе с Китаем. Без поддержки России, в том числе военной, Внешняя Монголия не устояла бы перед натиском Китая [Белов, 1999, с. 68].

КИТАЙСКАЯ СТОРОНА

Строительство КВЖД дало российской стороне возможность быстро и удобно размещать войска на Дальнем Востоке и заставило Цинскую империю переживать за свою безопасность. В силу своей немощи в начале XX в. Цинской империи пришлось прибегнуть к колонизации китайцами приграничных земель как к главному методу защиты этих земель от перспективы присоединения к России.

Китай официально разрешил ханьцам селиться во Внешней Монголии в 1906 г. Размещение ханьцев на окраинных землях, сосредоточение в их руках власти на местах, поглощение коренных жителей — все это было частью административной реформы династии Цин, способом распространения на этих территориях власти ханьцев, способом защиты от других мощных держав [Равдангийн Болд, 2015, с. 50].

Военный исследователь Ю. Кушелев в своем отчете по результатам экспедиции 1911 г. в Монголию отметил, что «одержанные японцами над нами успехи зародили некоторую надежду среди китайцев пойти по стопам народа из страны Восходящего Солнца. Во всяком случае престиж России значительно упал, и Китай осмелился вступить с нами в политическую борьбу тотчас же, как был заключен Портсмутский мир, а в минувшем году нам пришлось уже объявить ему ультиматум. Кому теперь не ясно, что в последнее время Китай сознательно и энергично готовился к борьбе с Россией и при том не только в Маньчжурии, но и в Монголии» [Российские военные исследователи..., 2014, с. 152].

Если не считать сотни солдат караульной службы, во Внешней Монголии на начальном этапе не было китайских войск. После того как в 1910 г. с Японией была достигнута договоренность о российской сфере влияния во Внешней Монголии, империя Цин приняла решение ускорить военную реформу и разместить одну дивизию во Внешней Монголии. Китайский историк Кен писал: «Китай никого не боялся так, как боялся Монголии и стоящей за ее спиной России. У китайской стороны вызывали тревогу русские войска, стоящие в Иркутске, Верхнеудинске, Кяхте и Чите, а также активные попытки России сделать двухпутной Транссибирскую магистраль. С учетом этого ... Цинское государство решило разместить в Урге мощную военную группировку. Были направлены 50–60 офицеров для организации строительства казарм и проведения призыва монгольских солдат. Планировалось к концу 1911 г. иметь гарнизон в 2 тыс. солдат с последующим увеличением до 10 тыс., а также создать гарнизоны в Кобдо и Тарвагатае.

Учреждение военных частей из рекрутированных монголов под руководством китайских офицеров было составной частью административной реформы Китая и Монголии. Россия рассматривала создание новых военных частей в Монголии как недружественный политический акт и была крайне обеспокоена, что это приведет к упразднению буферной сущности Монголии, а потому потребовала от Китая «не держать сильного военного присутствия» вблизи российских границ. По требованию России китайские офицеры, прибывшие в Хурээ для организации военных частей под командованием полковника Туана, в октябре 1911 г. вернулись на родину [Равдангийн Болд, 2015, с. 51]. Как мы видим, меры, принятые Цинской империей по укреплению военного присутствия во Внешней Монголии, не привели к успеху.

Юань Шикай, став в феврале 1912 г. временным президентом Китайской республики, понимал, что будет трудно вернуть Халху под власть Китая, но стремился не допустить хотя бы того, чтобы власть Урги распространилась на другие части Монголии. В мае 1912 г. Юань Шикай внес в парламент законопроект о создании новой административной единицы — «Западной Монголии», в которую вошли бы не только Кобдоский и Алтайский округа, но и Урянхайский край, Алашань, Кукунор и земли энцингольских торгоутов. Законопроект остался на бумаге, но в июле пекинское правительство приняло решение усилить дополнительным военным контингентом гарнизон в Кобдо [Белов, 1999, с. 65].

Китайскую точку зрения на результаты битвы за Кобдо выразил заместитель министра иностранных дел Китая Ен 9 ноября 1912 г. при встрече с представителем американского посольства Уильямсом: «Для возвращения Кобдо достаточно несколько сот солдат. Когда монголы захватили Кобдо, там было совсем немного китайских солдат, монголами командовали русские офицеры и, хотя русские отрицают это, совершенно очевидно, что русские инструкторы помогали в организации монгольского войска и обучении командного состава» [Равдангийн Болд, 2015, с. 56].

Косвенным подтверждением этому служат данные о российских военных советниках в монгольских отрядах (1913 г.), оперировавших в районе Хух-Хото (Внутренняя Монголия), — офицерах запаса М. В. Циклаурове, А. А. Владимирском, Е. Н. Юдине, В. Куренном, переводчиках Гомбоеве, Гармаеве и Чайванове, действовавших в Силингольском сейме — офицерах запаса А. А. Кобылине, А. Латышенкове и переводчике казаке Цыбикове [Белов, 1999, с. 94]. Тем не менее в опубликованной литературе и открытых архивных источниках нет данных об участии военных советников из России в битве при Кобдо.

МОНГОЛЬСКАЯ СТОРОНА

В планы Ургинского правительства входило и присоединение Западной Монголии, которая в самом начале XX в. состояла из огромного Кобдоского округа, граничившего на западе с Тарбагатайским краем Синьцзяна, на востоке — с Халхой и на большом участке также с Россией. В 1907 г. цинское правительство разделило округ на два: Кобдоский (центр Кобдо) и Алтайский (Шарасумэ).

Одним из основных направлений политики Монгольского правительства была организация национальных вооруженных сил как гарантии независимости статуса. Однако ввиду экономической слабости Монголии эта задача могла быть реализована только при поддержке России, которая оказала военную и финансовую помощь в формировании национальных вооруженных сил страны. Она осуществлялась по двум основным направлениям: подготовка национальных военных кадров и поставка оружия монгольским войскам.

В местности Хужир-Булан недалеко от Урги русскими инструкторами была организована военная школа по подготовке младших командиров. Для обучения монгольских цириков в Монголию были направлены русские офицеры.

Военная школа дала монголам возможность познакомиться с современной военной наукой, подготовить младших командиров и солдат, которые стали первыми кадровыми военными национальной армии. Монгольские воины изучали строевую подготовку, стрельбу и гимнастику. Методика учебного процесса русских инструкторов отличалась от традиционной системы подготовки монгольских воинов. Под руководством русских офицеров были организованы

монгольские сотни, которые должны были в дальнейшем положить начало становлению современных по тому времени вооруженных сил, построенных по европейскому образцу [Батунаев, 2015, с. 65].

Монгольское правительство высоко оценивало деятельность русских инструкторов. Военный министр Далай-ван Гомбосурэн, ознакомившись с постановкой обучения войск, выразил благодарность российским офицерам во главе с полковником Д. Н. Надёжным за их самоотверженный труд и энтузиазм в чрезвычайно трудных для них условиях. Выпускники военной школы направлялись во Внутреннюю Монголию для участия в военных операциях. Среди них были министр обороны и главнокомандующий войсками народного ополчения Д. Сухэ-Батор, П. Бахор, П. Тогтох, О. Чулуун и Юмжав и другие [Батунаев, 2015, с. 66].

В начале первого летнего месяца 1912 г. Дамдинсурэн-гун и Максаржав-гун назначаются полномочными министрами по умиротворению западных окраин Монголии. На них возлагается ответственная задача — изгнать из Кобдо маньчжурских чиновников вместе с их гарнизоном. Министры, взяв из Хужир-Булана (военный городок под Ургой) по двадцать пять цириков, выехали в Кобдо.

Тем временем маньчжурский наместник усиленно укреплял крепость, возводил фортификационные сооружения, копал вокруг крепости глубокие рвы, наполнял их водой, набирал добровольцев, готовил их к схватке с монголами [Чойбалсан, 1965, с. 14].

Максаржав со своим отрядом расположился лагерем у Кобдо, и каждый день к нему приходило пополнение. Из Танну-Урянхайского края прибыл Лувсан (Куулар Лопсан, 1878–1932, первый военный министр ТНР) с тремя сотнями добровольцев. Вновь прибывшие стали располагаться лагерем вокруг города Кобдо: в районе Халхин Шара-Сумэ, что находится к северо-западу от Кобдо, расположились цирики из двух Дюрбетских аймаков; в районе Цонж-чулу, также к северо-западу от Кобдо, — добровольцы из Танну-Урянхая; на северо-востоке от крепости, на излучине реки Кобдо в местности Ургэн-Ширхи, — цирики из двух западных аймаков Халхи численностью более семисот человек; к востоку Кобдо у северного подножия горы Рапанту, в местности Улан-Бугач, — цирики двух восточных аймаков Халхи, и в местности Алаг-Толгой, находящейся на южной стороне крепости, расположился небольшой отряд из двух восточных аймаков Халхи. На южной стороне горы Талын-Улан на юго-западной стороне Кобдо расположился Максаржав с отрядом в пятьсот человек. Всего город окружили более двух тысяч монгольских цириков. Они взяли под своей контроль все дороги, лишив противника возможности получать подкрепление [Чойбалсан, 1965, с. 17].

Накануне атаки крепости Максаржав объехал все шесть полков, разъясняя цирикам поставленные перед ними задачи. Он говорил, что крепостью надо овладеть во что бы то ни стало. «Все полки одновременно по сигналу должны начать штурм. Пусть счастливое предзнаменование монгольского народа сопутствует вашей победе над лютым врагом, — говорил Максаржав, — смело, не зная страха, идите навстречу врагу. Отступление смерти подобно. Каждого, кто проявит малодушие и отступит, будем карать по всей строгости военного закона. Свой полк я поведу по южной стороне Кобдо. Чтобы по ошибке не стрелять в своих, идите в атаку на расстоянии нескольких шагов друг от друга, — настаивал он. — Вам выпала великая честь завоевать монгольскому народу счастье. Я уверен, вы покажете себя достойными сынами родины» [Чойбалсан, 1965, с. 20].

Воины Максаржава разбили наружные ворота и заняли торговую часть города, а затем вплотную подошли к административной. Сопrotивление противника было сломлено и здесь, вражеские солдаты поднялись на крепостные стены и стали махать белыми флагами. Максаржав

с двадцатью воинами забрался на крепостные стены и открыл ворота. Когда монголы подошли к резиденции наместника, они увидели оружие, сложенное у входа в здание. Недавние господа заявили о своей капитуляции, прося у победителей пощады. Наместник и его помощник, он же командующий войсками, тут же были взяты под стражу. Девятого числа город Кобдо был освобожден полностью.

Заслуги Максаржава и других участников штурма крепости соответствующим образом были оценены богдо-гэгэном. ... Дамдинсурэн был награжден коричневыми поводьями и ему был пожалован наследственный титул Тушэ-гуна и звание Манлай Батора, а Максаржаву пожалован наследственный титул Тушэ-гуна и звание Хатан Батора [Чойбалсан, 1965, с. 22].

УРЯНХАЙСКАЯ СТОРОНА

Танну-урянхайцы (тувинцы) оцущали свое родство с монголами не только из-за общих религии (ламаизм) и письменности, но и благодаря традиционным тесным политическим и экономическим связям. В начале XX в. из 47 сомонов Урянхайского края (Гувы) 26 ведали халхаские князья и высшие ламы. И когда в феврале 1912 г. танну-урянхайцы под влиянием переворота в Урге изгнали китайцев из своего края, то большая часть хошунов и сомонов изъявила желание присоединиться к Халхе. Ургинское правительство пыталось послать в Урянхай своих чиновников и солдат, но русская дипломатия помешала ему установить здесь свой контроль [Белов, 1999, с. 64].

Наибольшую опасность для жителей Урянхайского края представляла возможность возвращения под китайскую зависимость. В 1912 г. парламент Китайской республики принял декларацию о принадлежности Урянхайского края Западной Монголии, находящейся под контролем китайской войск [Кузьмин, 2018, с. 2]. Главным оплотом китайского господства в Западной Монголии являлся город Кобдо.

По информации, поступившей в штаб Иркутского военного округа, в мае 1912 г. в Улангоме состоялся съезд монгольских чиновников, на котором присутствовали представители урянхайцев. На съезде был решен вопрос о занятии Кобдо силой [Тува и Монголия: события, факты, люди..., 2022, с. 29].

Тувинский амбын-нойон Комбу-Доржу наряду с монгольскими чиновниками получил предписание Богдо-гэгэна о сборе 200 ополченцев для изгнания китайского гарнизона из Кобдо. В архивных документах от управления амбын-нойона из хошунов Оюн и Салчак мы видим сообщение тувинских чиновников Санаа и Дандагая о собранных согласно указу войсках со списками воинов с указанием возраста и оснащения: (чарлык шерии — «войско указа» или мобилизованные) — 200 чел. и (сузук шерии — «войско веры» или добровольцы) — 50 чел.² Отряд возглавил чейзен Куулар Лопсан. Помимо отряда из хошуна амбын-нойона выступили 308 добровольцев из Бээзи и Даа хошунов, которых возглавил Дамбий.

Согласно воспоминаниям Лопсана Куулара, отряды Бэйсэ хошуна под командованием Лопсана Куулара и Даа хошуна под командованием Кедээ-Ооржака Чамьяна собрались в Чадане и соединились с отрядом амбын-нойона в Улангоме, с монгольским войском — недалеко от г. Кобдо. По прибытии в Кобдо лучшим стрелкам из отряда добровольцев выделили берданки.

В освобождении крепости Кобдо 20–21 августа 1912 г. и изгнании маньчжуро-китайских войск из Цагаан-Тунге 1912–1913 гг. приняли участие как мобилизованные воины «чарлык

² Национальный архив Республики Тыва [НА РТ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 242. Л. 41–50].

шерии», так и отряды добровольцев «сузук шерии», стихийно сформированные в 1912 г. в ходе изгнания китайских купцов под руководством Дамбыя.

Точное количество тувинцев, принявших участие в штурме Кобдо, в настоящее время установить затруднительно. По данным М. Х. Маннай-оола, было 698 чел. [Тува и Монголия: события, факты, люди..., 2022, с. 30], Ю. Л. Аранчын учитывает 675 чел. [Аранчын, 2021, с. 153].

Первым сражением тувинцев стала битва на р. Буянты под руководством Дамбийжанцана с направлявшимся в Кобдо китайским подкреплением из Шара-Сумэ. Особо отличились своей отвагой и меткостью воины из хемчикских хошунов. Геройски погиб Тумат Чамбал из Бэйсэ хошуна. Отряд добровольцев под командованием Дамбыя был отмечен Дамбийжанцаном и освобожден от несения караульной службы, внутренних повинностей в лагере. Единственной обязанностью отряда оставалось участие в боевых действиях [Тува и Монголия: события, факты, люди..., 2022, с. 30].

По первоначальному плану Максаржава штурм Кобдо нужно было начать со взрыва стены. Тувинцы из Оюннарского хошуна Иргит Сарыг-Ёнзак, Оюн Моол-оол, Оюн Кара-Хашпый, Оюн Узун-оол (из отряда Куулар Лопсана) взялись за выполнение этого задания. Они сделали подкоп и попытались подорвать стену, которая, тем не менее, устояла.

После этой неудачи был разработан план всеобщего штурма Кобдо на 20–21 августа. По воспоминаниям тувинских участников сражения, изначально в крепость первыми должны были войти монгольские войска, но в ходе ожесточенного боя тувинцы получили приказ ворваться в крепость. По распоряжению Лопсана 20 тувинцев, переодевшись в форму китайских солдат, введя в заблуждение гарнизон, открыли ворота. Китайцы при этом бежали и сдали свои позиции.

11 участников сражения награждены званием героя «Баатар», из них тувинец Куулар Лопсан — «Зоригт Баатар» (тув. Соруктут Маадыр). Дамбыя возвели в чин гуна и вручили бело-красный флаг. Многим тувинцам присвоены титулы гуна, тажы, чангы, чалан.

Далее прошла вторая волна мобилизации для удержания крепости Кобдо. Е. А. Белов пишет, что в конце января 1913 г. монголов было около 3 тысяч: 500 халхасцев, включая роту, обученную русскими военными инструкторами, остальные новобранцы из Кобдоского округа и 700 танну-урянхайцев [Белов, 1997, с. 210].

В воспоминаниях участников, мобилизованных во второй раз из Хемчика, отрядом Бэйсэ хошуна командовал Куулар Лопсан, Даа хошуна — Шавыраа. Оба отряда объединились в местечке Бора-Шай и через двадцать дней достигли местности Гурван-Салаа на юге-востоке от г. Кобдо. Монгольский руководитель Дамбийжанцан высоко оценил мобилизацию танну-урянхайцев, прибывших в срочном порядке, в том числе из отдаленных мест³.

Тувинские добровольцы, охранявшие западные пределы Кобдоского округа, в связи с длительным пребыванием вдали от родных кочевий и сложившимся тяжелым материальным положением неоднократно обращались к нойонам Урянхая с просьбой об оказании помощи в снаряжении. Так, в августе 1913 г. командиры просили снабдить войска палатками и продовольствием [Хомду дайыны..., 2021, с. 76].

Перезимовав в местности Гурван-Салаа, весной они перебрались в Зуун Цэнхэрийн Ам, летом — на Цаган-Тунке. Тувинские отряды вернулись домой в средний месяц зимы, т. е. в январе-феврале 1914 г., приняв участие в двух крупных сражениях летом 1913 г. в местности Цаган-Тунке.

³ Тувинский институт гуманитарных и прикладных исследований. Рукописный фонд. Д. 232.

В фонозаписях научного архива Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований обнаружена песня в исполнении Оруса Донгур-ооловича Куулара, слова которой он записал в 1960-х гг. от участника Кобдинского сражения Сарадака. Автором боевой песни, с которой тувинские войска вернулись с Кобдинской войны, Куулар назвал Бойдаа чагырыкчы из Хондерге [Тува и Монголия: события, факты, люди..., 2022, с. 31].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Российская политика распространения влияния на Цинское государство создала благоприятные условия для восстановления независимости Монголии. Восстание в Ухани (сентябрь 1911 г., Синьхайская революция) отвлекло внимание Цинской империи, что дало возможность Внешней Монголии восстановить свою независимость.

После освобождения Кобдоского округа от китайской власти Богдо-хан, поблагодарив царское правительство за помощь — дипломатическую и оружием — при взятии г. Кобдо, выразил также надежду, что Россия поможет Урге занять и Алтайский округ [Белов, 1999, с. 70]. Однако царская дипломатия в дальнейшем окончательно убедилась в том, что у Ургинского правительства нет никаких шансов на присоединение Алтайского округа. Встал вопрос о прекращении боевых действий между монгольскими и китайскими войсками на границе Алтайского и Кобдоского округов. С этого времени Алтайский округ стал частью Синьцзяна и в настоящее время входит в состав Синьцзян-Уйгурского Автономного района КНР [Батунаев, 2015, с. 69].

Успешное взятие Кобдо и присоединение Западной Монголии к Халхе показали политическую волю правительства Богдо-гэгэна и его способность мобилизовать национальные военные силы для защиты своей территории от китайских войск. В какой-то мере это событие способствовало заключению Монгольско-Российского договора в ноябре 1912 г., который сделал Монголию субъектом международного права.

В историю Тувы это событие вошло под названием Хомду дайыны (Кобдинская война). Добровольцы из Урянхайского края приняли активное участие в этих событиях и вернулись домой лишь в 1914 г., когда китайские войска оставили пределы Монголии.

Учитывая тот факт, что в начале XX в. численность тувинцев составляла около 50 тыс. чел., участие 700 добровольцев (около 1000 по др. источникам) в сражении стало значительным событием в жизни народа.

В самой Туве тема участия в Кобдинской войне надолго оказалась в забвении. Полученные участниками в награду за победу феодальные титулы впоследствии оказались поводом для гонений на их носителей в период ТНР.

Подверглись репрессиям главные руководители танну-урянхайских добровольцев: Куулар Балдан-оглу Лопсан, Кыргыз Карма-оглу Шондан, Хертек Балзан-оглу Наадын-Хоо, Тюлюш Томертен, Чооду Амырдаа, Донгак Чыгдынчап-оглу Хенчи-Кара и др., при этом преследовались также и члены их семей.

Показательна судьба Оюн Кашпык-оглу Ойдуца, который возглавлял отряд из 40 добровольцев и получил звание чагырыкчы⁴. Из-за этого чина он был обвинен в контрреволюционной деятельности, в 1931 г. был арестован (в 1941 г. расстрелян), жену и восемь детей переселили⁵. В 1968 г. Оюн Кашпык-оглу Ойдуц был реабилитирован Верховным судом РСФСР⁶.

⁴ НА РГ. Ф. 734. Оп. 1. Д. 184. Л. 141–141 об.

⁵ НА РГ. Ф. 734. Оп. 1. Д. 185. Л. 77–78.

⁶ НА РГ. Ф. 734. Оп. 1. Д. 185. Л. 92–93.

Только после реабилитации участников сражения тема Кобдинской войны получила осмысление в трудах ученых-тувиноведов и произведениях культуры — книгах, спектаклях, песнях. С 1973 по 2019 г. издано около 20 художественных произведений тувинских писателей.

В 2019 г. была заложена аллея памяти участников Кобдинского сражения в г. Кызыле. Первые бюсты установлены в честь Куулара Лопсана (первого военного министра ТНР) и Донгака Чигденчапа.

Литература / Reference

- Аранчын Ю. А. Тыва улустун маадырлыг оруу. Кызыл, 2011. 208 с.
- Батсайхан Оохной. Монголия на пути к государству-нации (1911–1946). Иркутск: Отгиск, 2014. 384 с. [Batsaikhan Oookhnoi Mongolia: Becoming a nation-state (1911–1946). Irkutsk: Ottisk, 2014. 384 p.].
- Батунаев Э. В. Борьба за независимость Монгольского государства (1911–1921 гг.) / отв. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2015. 160 с. [Batunaev E. V. The struggle for the Independence of the Mongolian State (1911–1921). Ulan-Ude: Buryat State University Publishing Department, 2015. 160 p.].
- Белов Е. А. Россия и Китай в начале XX века. Русско-китайские противоречия в 1911–1919 гг. М.: Ин-т востоковедения РАН, 1997. 314 с. [Belov E. A. Russia and China at the beginning of the twentieth century: Russian-Chinese contradictions, 1911–1915. Moscow: IV RAN. 314 p. (in Russian)].
- Белов Е. А. Россия и Монголия (1911–1919 гг.) М.: Ин-т востоковедения РАН, 1999. 237 с. [Belov E. A. Russia and Mongolia, 1911–1919. Moscow: IV RAN. 237 p. (in Russian)].
- Кузьмин С. Л. Урянхайский вопрос и монголо-тувинские отношения в начале XX в. *Oriental Studies*. 2018. № 3. С. 2–14 [Kuzmin S. L. The Uriankhai Issue and Mongolia-Tuva Relations in the Early the 20th Century. *Oriental Studies*. 2018. No. 3. Pp. 2–14 (in Russian)].
- Равдангийн Болд. Независимость и признание. Монголия в треугольнике интересов: США — Россия — Китай, 1910–1973 / пер. с монг.; предисл. А. С. Железнякова. М.: Изд-во «Весь Мир», 2015. 400 с.
- Российские военные исследователи Монголии (вторая половина XIX — начало XX века / отв. ред. М. И. Гольман. М.: ИВ РАН, 2014. 264 с.
- Тува и Монголия: события, факты, люди (XX — начало XXI вв.). К 100-летию установления дипломатических отношений между Монголией и Россией / ТИГПИ при Правительстве Респ. Тыва, Нац. музей им. Алдан-Маадыр Респ. Тыва, Нац. архив Респ. Тыва; авт.-сост.: Б. Баярсайхан [и др.]; редкол.: К. А. Бичелдей [и др.]. Кызыл-Красноярск: ООО изд-во «Офсет», 2021. 337 с. : ил. ISBN 978-5-7655-0837-5.
- Хомду дайыны: эртем чүүддеринде болгаш салгалдарның сактыышкыннарында. Кызыл: Тип. МБОУ КЦО «Аныяк», 2021. 272 с.
- Чойбалсан, Хорлоон. Хатан Батор Максаржав / Перевод с монгол. Я. Аюрганаева. М.: Воениздат, 1965. 56 с.

DOI: 10.31696/2618-7302-2023-1-127-132

ЗАПАДНО-МОНГОЛЬСКИЕ МОНАСТЫРИ В НАЧАЛЕ XX в.

© 2023

К. В. Орлова¹

Статья посвящена некоторым буддийским монастырям Западной Монголии в начале XX в. Национально-демократическая революция 1921 г. явилась непосредственным продолжением революции 1911 г. Государственная трансформация затронула все сферы жизни монгольского общества, в том числе и буддийскую церковь. Уже к середине 1920 г. началось постепенное ущемление прав и свобод служителей буддийской церкви. Краткие и обрывочные сведения о западно-монгольских монастырях, ламах, которые служили в них, конечно, не раскрывают драматизм и их трагическую судьбу. Однако даже эти неполные данные в конечном счете помогут восполнить историю буддийских монастырей Западной Монголии.

Ключевые слова: Западная Монголия, монастыри, XX в.

Для цитирования: Орлова К. В. Западно-монгольские монастыри в начале XX в. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 1. С. 127–132. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-1-127-132

WESTERN MONGOLIAN MONASTERIES AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Keemya V. Orlova

The article is devoted to some Buddhist monasteries of Western Mongolia at the beginning of the XX century. The National Democratic Revolution of 1921 was a direct continuation of the revolution of 1911. The state transformation affected all spheres of life of Mongolian society, including the Buddhist Church. By the middle of 1920, a gradual infringement of the rights and freedoms of the clergyman of the Buddhist church began. brief and fragmentary information about Western Mongolian monasteries, lamas who served in them, of course, do not reveal the drama and their tragic fate. However, even these incomplete data will eventually help fill in the history of Buddhist monasteries in Western Mongolia.

Keywords: Western Mongolia, monasteries, XX century

For citation: Orlova K. V. Western Mongolian monasteries at the beginning of the XX century. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2023. 1. Pp. 127–132. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-1-127-132

¹ Орлова Кеemia Владимировна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра архивных исследований Института востоковедения РАН, Москва; orlovnk@mail.ru
Keemya V. Orlova, DSc (History), Chief Research Associate, Center for Archival Research, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; orlovnk@mail.ru
ORCID: 0000–0003–4951–0063

Начало XX в. в истории Монголии — сложный, противоречивый, порой спорный период. Это касается политической, социально-экономической, гуманитарной сфер в жизни монгольского общества. В начале декабря 1911 г. во Внешней Монголии была провозглашена независимость, а уже 29 декабря того же года в торжественной обстановке проведена интронизация Богдо-гэгэна Джебзундамба-хутухты. В 1921 г. в Монголии произошла национально-демократическая революция, которая, как считают авторы коллективной монографии «История Монголии. XX век», «стала прямым продолжением движения 1911 г.» [История Монголии, 2007, с. 64]. Это период смены абсолютной теократической формы правления ограниченной монархией (1921–1924), становления республики (с 1924), формирования новой власти, кардинального переустройства страны. Государственная трансформация среди прочих затронула и буддийскую церковь. Уже к середине 1920 г. началось постепенное ущемление прав и свобод ее служителей, когда были разграничены права между главой буддийской церкви Монголии Богдо-гэгэном Джебзундамба-хутухтой, который «царствует», и народным правительством, который «управляет» государственными делами [Ванчикова, 2019, с. 67]. В 1926 г. в Монголии приняли Закон об отделении дел религии от государства, что значительно ослабило положение церкви в стране, а ликвидация института хубилганства по решению V съезда МНРП (сентябрь 1926 г.) стала знаковым событием.

В 1920-е гг., согласно архивным источникам, выявленным проф. Н. Хишигт, в Монголии «насчитывалось около 790 больших и средних монастырей с 2960 храмами и дуганами, к которым были приписаны более 100 тысяч лам и хувараков [Хишигт, 2011, с. 29]. По архивным данным из ЦА ФСБ РФ, в январе 1925 г. в Монголии численность лам составляла приблизительно 200–250 тысяч, или 25–30% к общему числу населения. «Если к этому прибавить еще и монахинь, которых имеется немалое количество, тогда мы получим прямо-таки подавляющую по своей величине цифру 35–40%» [ЦА ФСБ РФ. Ф. 65. Д. 140. Л. 108]. В 1924 г. в письме члена ЦК Нарреволюционной партии Э.-Д. Ринчино полномочному представителю СССР в Монголии А. Н. Васильеву сообщается, что в религиозном вопросе допущен ряд ошибок, «... не принят ряд мер по изоляции ламства от масс... по ламству нанесен ряд грубых и прямых ударов» [Монголия в документах, 2019, с. 64]. Эти высказывания относились к ситуации в Бурятии, но в полной мере применимы и к обстановке в Монголии. Уже к 1938 г. было закрыто 615 монастырей (оставшиеся закрыли позже), а к 1940-м гг. «ламство как многотысячное могущественное сословие перестало существовать, исчезли сотни монастырей и храмов» [История Монголии, 2007, с. 103; Хишигт, 2011, с. 31]. В 1937 г. были убиты или замучены в тюрьмах несколько тысяч лам, в 1938 г. «из шести тысяч арестованных лам выжило незначительное число, при этом данные цифры не включают число убитых во время широкомасштабных операций против монастырей в 1937–1938 гг., а также тех, кто погиб еще раньше, — в 1928–1932 гг.» [Сабиров, 2012, с. 96].

Особая ситуация складывалась в Западной Монголии, поэтому крайне важно посмотреть, что из себя представляли монастыри до и после революции 1921 г. Охватить все буддийские храмы достаточно сложно, но менее известные широкому читателю представлены в данной статье.

МОНАСТЫРИ ХОВА (КОБДОСКОГО) АЙМАКА

В Хова аймаке располагался не очень известный монастырь — *Цагаан бадмайин хийд* («Благословенный белый лотос»), основанный в 1878 г. ноеном Акья или Лака в местности Аршаатын газар, в сомоне Уенч, месте обитания захчинов. Монастырь был учрежден по повелению

Далай-ламы XII как цаннид монастырь. Вначале монастырь был кочевым, несколько раз менял свое местоположение, и только в 1906 г. состоялась его закладка как деревянного сумэ. К настоящему времени монастырь не сохранился.

История этого монастыря была написана в 1911 г. гелоном, унзатом Дхармабхадрой по просьбе лам Лобсан Джемцо и Лигдэна. Колофона нет, поэтому никаких сведений об авторе или составителе рукописи выявить не удалось. Полное название сочинения называется: «Золотые четки, основание школы цаннид, называемый «Преисполненный пространством и благословенным учением Белого лотоса, ниспускающего лучи золотого солнца религии»» (краткое название «Алтан эрихэ»). В 70-х гг. XX в. рукопись была выявлена научным сотрудником Института языка и литературы Монгольской академии наук доктором Ж. Цолоо и передана в дар рукописному фонду Института [Gerelmaa, 2005, с. 212]. Рукопись условно можно разделить на две части: в первой части, обширной и пространной, излагается история возникновения и распространения буддизма в Индии, Тибете и Монголии, во второй, краткой и емкой, — история собственно захчинского монастыря: его основание и строительство, организация хозяйственной жизни, служба настоятелей, а также очень кратко рассказывается о донаторах, имевших отношение к его строительству и функционированию. К настоящему времени монастырь не сохранился. Рукопись хранилась в монастыре Төгрөг (тибетское название — Рашигонзоглин), который был основан в 1761 г. на р. Төгрөг Манхан сомона того же аймака.

Төгрөг хурээ

В 1772 г. ноен Жанцан гун, лама Чултэмринчин, унзад Хар Хараазаа у р. Төгрөг основали данный монастырь. В 1897 г. был построен глинобитный дуган за 80 ланов серебра, затем был основан джуд дацан по образцу тибетского монастыря Дашилхумбо, в котором служил 41 лама. В 1916 г. был воздвигнут новый дуган. Впоследствии были построены еще три дацана — цогчин, джуд и цаннит, в которых служили до 300 лам [Монголын сүм хийдийн туухээс, 2012, с. 244]. Монастырь интересен тем, что в нем до его разрушения сохранялись три юрты известного ойратского просветителя, создателя ойратской письменности «годо бичиг» (ясное письмо), переводчика, трижды приезжавшего в Калмыцкие степи Зая-пандиты Намкайджамцо (1599–1662), в одной из которых он останавливался. В конце 1937 г. в этом монастыре была проведена последняя служба. К 1938 г. богослужение во всех дацанах было прекращено. В 50-х гг. XX в. в монастыре размещался магазин. Помимо этого раритетного источника, монастырь располагает тибетскими, монгольскими и ойратскими рукописями и ксилографами. Так, в этом монастыре, по сведениям настоятеля Ядамжава, была обнаружена «Биография Зая-пандиты», написанная его учеником Ратнабхадрой. Впоследствии текст «Биографии» Зая-пандиты был передан в рукописный фонд Института языка и литературы АН Монголии. По сообщению венгерской исследовательницы А. Бирталан, в 1970-х гг. монгольский ученый Бямбын Ринчен (1905–1977) обнаружил рукопись «История священных икон трех монастырей захчинов». Из рукописи, датированной 1869 г., известно, что Галдан Бошогту-хан (1671–1697) обязал джунгарских нойонов выделить своих подданных (торгоутов, дербетов) с семьями для охраны границ ханства. Именно это распоряжение Галдана послужило началом формирования пограничных войск; оно относится к началу 70-х гг. XVII в. [Birtalan, 1985, с. 177–203].

Төгрөг хурээ хранил и другие реликвии — три золотых изображения сидящего Будды Майдари (Майтрейи) и головной убор Зая-пандиты Намкайджамцо. Эти статуэтки были подарены Богдо-гэгэном, хранились в хурээ. Но со временем две статуэтки были утеряны, одна

передана в музей Богдо-гэгэна в Улан-Баторе². В 70–80-х гг. XX в. возрождение Төгрөг хурээ связано с именами известных среди захчинов лам: хамбо-ламой монастыря Жигмэд-джамцо, гелонов Санжаа, Еши, Донруб.

Еще один, не менее интересный монастырь в аймаке Ховд, — *Зэрэг* основан в 1762 г. у р. Зэрэг Манхан сомона³. Основателем считается Жалцан гун (по другим данным — Зая-пандита Намкайджамцо [Монголын сум хийдийн туухэн товчоон, 2009, с. 705]. Первоначальное название монастыря — Дашгончиглин дацан, в 1817 г. он был переименован в Уенчский Дашгончиглин монастырь и обслуживал пять захчинских сомонов. В 1777 г. под руководством нойона Зана 325 лам из четырех захчинских сомонов образовали от этого монастыря Арын дацан на р. Зэрэг, который стал называться Зэрэгинским дацаном. Во время своего путешествия по Северо-Западной Монголии Г. Н. Потанин обозначил этот монастырь как «самый большой в долине р. Дзэргэ — около 500 лам» [Потанин, 1881, с. 77]. По данным монгольских ученых А. Очира и Г. Мэнэса, в 30-х гг. XX в. в Зэрэгийн эхний хурээ числилось 365 лам [Очир, Мэнэс, 1993, с. 273].

В 1926 г. по решению Ведомства по делам религии под № 70 в Зэрэгинском монастыре, как главном центре всех захчинских монастырей, было создано Управление религии во главе с цоржи Жалцавом. В 1929 г. весь скот дацанов (457 верблюдов, 436 лошадей, 794 головы крупного рогатого скота и 17003 овцы) был передан 19-ти коммуна на выпас.

В 1930 г. ламам, отказавшимся от духовного сана, из джасовской недвижимости была выделена доля, которая оценивалась в 29 285 ланов, при этом недостачу покрыли скотом в количестве свыше 2000 голов. В 1932 г. забрали 264 верблюда, 245 лошадей, 97 голов крупного рогатого и около 8500 мелкого скота. В 1934 г. дацаны джуд и цаннит были ограблены. К 1938 г. в этих пяти дацанах не осталось никакого имущества.

МОНАСТЫРИ УВС (УБСУНУРСКОГО) АЙМАКА

На территории Увс аймака в каждом из 19 сомонов есть монастырские комплексы.

Один из значимых для жителей аймака — монастырь Дэчинравжаалин, основанный в 1757 г. (по другим сведениям — в 1754/1755 гг.) [Майдар, 1970, с. 215; Хатанбаатар, 2018, с. 332], более известный как Улангомский. В начале XX в. в монастыре служили 1500 лам [Хатанбаатар, 2018, с. 332]. Летом 1908 г. этот монастырь посетил акад. Б. Я. Владимирцов во время своей командировки к дербетам. По его сведениям, он построен из «сырцовых кирпичей, крыша обита русским железом, снаружи, в особенности же издали, он довольно красив» [Владимирцов, 2002, с. 75]. К сожалению, этот монастырь также не сохранился до наших дней, в 1937 г. он был уничтожен, а служившие в монастыре ламы — репрессированы.

Возрождение монастыря Дэчинравжаалин пришлось на 1990-е гг. В настоящее время здесь работают ламы, получившие буддийское образование в Улан-Баторе (в Буддийской академии при монастыре Гандантэгчинлин), а также в тибетских монастырях Индии. Построено пятиэтажное здание нового храма монастыря. Идея строительства большого храма в центре Убсунурского аймака, как отмечает да-лама монастыря Отгоо лама, возникла после посещения Центрального Калмыцкого хурула — храма «Золотая обитель Будды Шакьямуни» в г. Элисте, построенного в 2005 г.

Наиболее известный из баитских монастырей и самый крупный — *Дэжээлин* (*Дэжээлингийн*) хурээ — основан в 1875 г. в местности Төвд. Его основание связано с отделением в 1910 г.

² Устное сообщение настоятеля монастыря Ядамжавы.

³ По сведениям Г. Н. Потанина, этот основан в 1778 г. [Потанин, 1948, с. 1].

одного из храмов от Цалгарын Рааш Даржалин хийд (Цалгарын Раши Даржалинг). В это время в 10 дуганах служили 727 лам [Хатанбаатар, 2018, с. 311].

Судьба этого монастыря по большей части трагичная. В 1911 г., согласно описаниям А. В. Бурдукова, именно здесь нашли укрытие китайские чиновники и торговцы, подвергшиеся изгнанию из страны. Другой факт из жизни этого монастыря также представлен А. В. Бурдуковым, и связан он с Джа-ламой (Дамби-Джамцаном) и Джалханза-гэгэном. В феврале 1911 г. по дороге к себе на заимку (Хангельцикскую факторию) Бурдуков познакомился с двумя ламами, один из которых явно заинтересовал его как «человек бывалый, знающий не только Монголию, но также и Китай, осведомленный о России». Впоследствии Бурдуков выяснил, что он познакомился с Джа-ламой, в дальнейшем тесное общение с ним продолжалось около двух лет. По его воспоминаниям, Джа-лама оказался грамотным человеком, знал китайский, тибетский языки, «довольно посредственно говорил по-русски, любил хлеб, масло, вообще русский стол». Неоднократно в Дэжээлин монастыре останавливался Джалханза-гэгэн, один из влиятельнейших иерархов буддийской церкви в Монголии, особо чтимый в Западной Монголии. В 1938 г. в монастыре в последний раз прошла служба, после чего на долгие годы он был закрыт [Арван баядын гал, 2012, с. 34]. Какое-то время в монастыре располагался склад, затем магазин. В 1938 г. Дэжээлин монастырь был разрушен. В 1990-е гг. по инициативе верующих началось его восстановление.

Цалгарын хурээ был основан в 1875 г. в верховьях р. Хэдэргэ, у подножия горы Бэрх [Монголын сум хийдийн туухэн товчоон, 2012, с. 688]. При нем было построено пять дуганов. В начале XX в. в пяти дуганах служили 152 ламы, в 1937 г. — 137 лам [Хатанбаатар, 2018, с. 338], по другим данным 121 [Монголын сум хийдийн туухэн товчоон, 2012, с. 688].

Итак, краткие и обрывочные сведения о западно-монгольских монастырях, ламах, которые служили в них, конечно, не раскрывают драматизм и их трагическую судьбу. Однако даже эти неполные данные в конечном счете помогут восполнить историю буддийских монастырей в Западной Монголии.

Литература / References

Арван баядын гал голомт. Хяргасынхан — II. Дэлгэр, 2012. 227 с. [Arvan bayadyn gal golomt. Khyzrgasynkhan — II. Delger, 2012. 227 p.].

Ванчикова Ц. П. Буддизм в Монголии: история, духовенство, монастыри. Иркутск: Оттиск, 2019. 292 с. [Vanchikova Ts. P. Buddhism in Mongolia: history, clergy, monasteries. Irkutsk: «Ottisk», 2019. 292 p.].

Владимирцов Б. Я. Поездка к кобдоским дэрбэтам летом 1908 г. // Работы по истории и этнографии монгольских народов. М.: издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002. С. 68–91 [Vladimirtsov B. Ya. A trip to the Kobdo Derbets in the summer of 1908 // Works on the history and ethnography of the Mongolian peoples. Moscow: Publishing house «Oriental Literature» RAS, 2002. P. 68–91].

История Монголии. XX век. М.: ИВ РАН, 2007. 448 с. [The history of Mongolia. XX century. Moscow: IV RAS, 2007. 448 p.].

Майдар Д. Архитектура и градостроительство Монголии. М.: Стройиздат, 1970. 216 с. [Maydar D. Architecture and urban planning of Mongolia. Moscow: Stroyizdat, 1970. 216 p.].

Монголын сүм хийдийн туухээс... (=Из истории монастырей Монголии). Улаанбаатар: Тагнуулын еронхий газар, 2012. 341 х. [From the history of monasteries in Mongolia. Ulaanbaatar: Tagnuulyn yeronkhy gazar, 2012. 341 p.].

Монголын сум хийдийн туухэн товчоон (=Краткая история монгольских монастырей). Улаанбаатар: Admon, 2009. С. 683–713 [A brief history of Mongolian monasteries. Ulaanbaatar: Admon, 2009. P. 683–713].

Очир А., Мэнэс Г. О происхождении и родовом составе захчинов Монгольской Народной Республики // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1993. С. 269–291 [Ochir A., Menes G. About the origin and composition of the Zakhchins of the Mongolian People's Republic // Ethnic history of the peoples of Southern Siberia and Central Asia. Novosibirsk: Nauka, 1993. P. 269–291].

Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 годах по поручению Имп. РГО членом-сотрудником онаго Г. Н. Потаниным. Вып. II. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1881. 181 с. [Potanin G. N. Essays of North-Western Mongolia. The results of the journey of 1876–1877 on behalf of the Imp. RGO by a member-employee of G. N. Potanin. Issue II. St. Petersburg: V. Kirshbaum Printing House, 1881. 181 p.].

Потанин Г. Н. Путешествие по Монголии. М.: ОГИЗ, 1948. 481 с. [Potanin G. N. Journey through Mongolia. Moscow: OGIZ, 1948. 481 p.].

Сабиров Р. Т. Буддизм в Монголии на рубеже XX–XXI веков. *Вестник КИПИ РАН*, 2012. С. 95–100 [Sabirov R. T. Buddhism in Mongolia at the XX–XXI centuries. *Bulletin of the KIGI RAS*, 2012. P. 95–100].

Тэрбиш Л. Ойрадын бурханы шашны товч туух (=Краткая история буддизма у ойратов) // *Bibliotheca Oiratica*. XI. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг ХХК, 2008. 366 с. [Terbish L. A Brief History of Buddhism among the Oirats. Ulaanbaatar: Soyombo printing, 2008. 366 p.].

Хатанбаатар Н. Монголын хурээ, хийд, лам нар (XVI–XX зууны эхэн) (=Монастыри, ламы Монголии (XVI — начало XX в.). Улаанбаатар: Мөнхийн усэг ХХК, 2018. 343 х. [Khatanbaatar N. Monasteries, lamas of Mongolia (XVI — early XX century). Ulaanbaatar: Monkhiin useg ХХК, 2018. 343 p.].

Хишигт Н. Монгольские буддийские монастыри: история и современность // Память мира: историко-документальное наследие буддизма. Материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 25–26 ноября 2010 г.). М.: РГГУ, 2011. С. 26–32 [Khishigt N. Mongolian Buddhist monasteries: history and modernity // Memory of the world: historical and documentary heritage of Buddhism. Materials of the International Scientific Conference (Moscow, November 25–26, 2010). Moscow: RSUH, 2011. P. 26–32].

Birtalan A. Geschichte der heiligen Götterbilderder drei Klöster unseres Jaqačin-Volks // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum* T. XXXIX (2–3). 1985. P. 177–203.

Gerelmaa G. Brief Catalogue of Oirat Manuscripts kept by Institute of Language and Literature // *Corpus Scriptorum Mongolorum*. 2005. T. XXVII. Fasc. 1. 270 p.

2

Соглашение.

Въ виду всенародно выраженнаго желанія
монголовъ сохранить исторически сложившійся,
самобвѣтный строй своей страны, китайскія войска
и власти были удалены съ монгольской территории
и Повилитановъ монгольскаго царсва была провозгла-
шена Ахесууръ Дайра Хутуаганъ Троккя отлагателья
Монголии къ Китаю, такъ въ образцѣ прекратилась
Пыка, въ виду востановленнаго, въ 1911 г.
существованія между русскими и монгольскими
народами вѣчной дружбы, а въ виду
необходимости такъ съ регулировать взаимные
русско-китайскія отношенія. Предлагается Монгольскаго
Свѣтла Министръ, Кокровитасъ Гаста Министръ
дзонгъ Сайнъ Ноинъ ханъ Намтансууръ, Полномочный
Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Цинъ-суурту Цинъ-
ванъ Лама Цыреншилсѣ, Полномочный Министръ
Иностранныхъ Дѣлъ, въ звани хана Эрдени дайшия
Цинъ-ванъ Сангарорджи, Полномочный Всепный
Министръ Эрдени дайши дзонгъ сайнъ Гондсууръ,
Полномочный Министръ Финасовъ Тушисту дзонгъ-
ванъ Сангароржавъ, Полномочный Министръ Фостийи

Эрдени дзюнь вань Намсарай по уполномоченю
Повелителя Монгольского народа, Монгольского
Правительства и Князей-правителей и Двигетви-
знаемый Статский Советникъ Иванъ Коростовицъ
по уполномоченю Россійскаго Императорскаго
Правительства договорились о нижеслѣдующемъ:

Статья 1.

Императорское Россійское Правительство
соглашается Монголии своего помяну къ тому, чтобы
она сохранила уполномоченный ею автономный
характеръ, а также право сохрѣнить свои национальные
войско, всѣ учреждения на своей территории китайскіе
законы и колонизаціи своей земли китайцами.

Статья 2.

Повелитель Монголии и Монгольское Правитель-
ство предоставляет русскимъ подданнымъ и
русской торговлѣ по прошенію пользоваться
въ своихъ владѣніяхъ правами и преимуществами,
перечисленными въ прилагавшемъ Протоколѣ. Само
собой разумѣется, что дуринимъ иностраннымъ
подданнымъ не будетъ предоставлено въ
Монголии больше правъ, чѣмъ тѣ, которыми
пользуются такіе русскіе подданные.

Статья 3.

Если бы Монгольское Правительство сошло
нужным вернуться въ отрывки договоръ съ
Китаемъ или друими иностранными государ-
ствами, то новыми договорами ни въ коемъ случаѣ
не могутъ быть нарушены или изменены статьи
настоящаго Союзнаго и Протокола безъ согласія
на то Императорскаго Россійскаго Правительства.

Статья 4.

Всѣмъ вышеупомянутое Союзное Соглаше-
нiе соуду со дня его подписанія.
Во урочныхъ мѣстахъ вышеупомянутого отъ города
Самаркандъ, гдѣ при составленіи своихъ
подлинныхъ текстовъ настоящаго Союзнаго
Соглашенія и Протокола, изъ которыхъ въ двухъ
экземплярахъ, эти тексты союзными, подписаны
на каждомъ изъ нихъ, приложены печати и
таковыми текстами обмѣнялись.

Учинено въ Ургѣ, Октября 21 дня 1912г., а по
монгольскому изътоисчисленію во второй годъ правле-
нія Восьми Возведеннаго, пятнадцатаго осенняго мѣсяца 24 дня

М. Коростовичъ

Предсѣдатель Монгольскаго Совѣта
Министровъ Сайинъ Номинъ ханъ

Полномогный Министръ внутренних
Дѣлъ Чинь сузукту Чинь-ванъ
Лама

Полномогный Министръ Иностран-
ныхъ Дѣлъ въ званіи хана Эрдени
дайчинъ Чинь-ванъ

Полномогный Военный Министръ
Эрдени Далай дзюнь-ванъ

Полномогный Министръ Финансовъ
Туньшту дзюнь-ванъ

Полномогный Министръ Юстиціи
Эрдени дзюнь-ванъ

Handwritten text at the top right, possibly a title or header.

Vertical column of handwritten text on the right side of the page.

Vertical column of handwritten text, second from the right.

Vertical column of handwritten text, third from the right.

Vertical column of handwritten text, fourth from the right.

Vertical column of handwritten text, fifth from the right.

Vertical column of handwritten text, sixth from the right.

Vertical column of handwritten text, seventh from the right.

Vertical column of handwritten text, eighth from the right.

Vertical column of handwritten text, ninth from the right.

Vertical column of handwritten text, tenth from the right.

Vertical column of handwritten text, eleventh from the right.

Vertical column of handwritten text, twelfth from the right.

Vertical column of handwritten text, thirteenth from the right.

Vertical column of handwritten text, fourteenth from the right.

Small handwritten text located below the red seal.

Handwritten text in a cursive style, located at the top of the page.

Handwritten text in a cursive style, located below the top line.

Handwritten text in a cursive style, located below the previous line.

Handwritten text in a cursive style, located below the previous line.

Handwritten text in a cursive style, located below the previous line.

Handwritten text in a cursive style, located below the previous line.

Handwritten text in a cursive style, located below the previous line.

Handwritten text in a cursive style, located below the previous line.

Handwritten text in a cursive style, located below the previous line.

Handwritten text in a cursive style, located below the previous line.

Handwritten text in a cursive style, located below the previous line.

Handwritten text in a cursive style, located below the previous line.

Handwritten text in a cursive style, located below the previous line.

Handwritten text in a cursive style, located below the previous line.

Handwritten text in a cursive style, located below the previous line.

Handwritten text in a cursive style, located at the bottom of the page.

Handwritten text in the upper right margin, likely a header or address.

Handwritten signature or name in cursive script.

Main body of handwritten text, organized into several columns. The text is written in a cursive style and is partially enclosed by a red wax seal.

Handwritten text in the lower left margin, possibly a footer or a note.

*Действительный статский советник
И.Я. Коростовец*

*Сайн-нойон-хан Намнансурэн
(после получения ордена
от российского императора
Николая II).
Санкт-Петербург, 1914 г.*

*Чин-сужигт-чин-ван-лама да-лама
Цэрэдчимэд. Монгол Улсын Үндэсний
төв архив, Кино, дуу,
дүрсний баримтын төв, Гэрэл зургийн
хөмрөг, 1900–1920 оны үеийн түүхэн
гэрэл зургуудын цуглуулга*

*Эрдэни-дайчин-чин-ван
Ханддорж. Монгол Улсын
Үндэсний төв архив, Кино,
дуу, дүрсний баримтын
төв, Гэрэл зургийн хөмрөг,
1900–1920 оны үеийн
түүхэн гэрэл
зургуудын цуглуулга*

*Эрдени-далай-джун-ван
Гомбосурэн. Монгол Улсын Үндэс-
ний төв архив,
Кино, дуу, дүрсний
баримтын төв, Гэрэл зургийн
хөмрөг, 1900–1920 оны үеийн
түүхэн гэрэл зургуудын цуглуулга*

*Эрдэнэ-джун-ван Намсрай.
Монгол Улсын Үндэсний төв
архив, Кино, дуу, дүрсний
баримтын төв, Гэрэл зур-
гийн хөмрөг, 1900–1920 оны
үеийн түүхэн гэрэл
зургуудын цуглуулга*

*Тушэту-джун-ван
Чэгдаржав. Монгол Улсын Үндэсний төв
архив, Кино, дуу, дүрсний баримтын төв,
Гэрэл зургийн хөмрөг, 1900–1920 оны
үеийн түүхэн гэрэл зургуудын цуглуулга*

Участники подготовки и подписания Русско-Монгольского соглашения 1912 г.

слева направо, первый ряд: Намсрай, дипломатический чиновник Н.К. Эльтеков, Цэрэнчимэд, И.Я. Коростовец, Намнансурэн, консул В.Ф. Люба, Ханддорж, секретарь консульства Г.К. Попов, Гомбосурэн, Чагдаржав, начальник таможи Суэстэй, второй ряд: переводчик консульства Церемпилов, переводчик Ф.С. Москвитин, делопроизводитель Цэрэндорж

*Участники подготовки и подписания
Русско-Монгольского соглашения 1912 г.*

Иллюстрации к статье:

*С.-Х. Д. Сыртыпова. О состоянии и внешних связях
буддийских монастырей российского Забайкалья
на рубеже XIX–XX вв. (на примере Эгитуйского дацана и истории Зандан Жуу)*

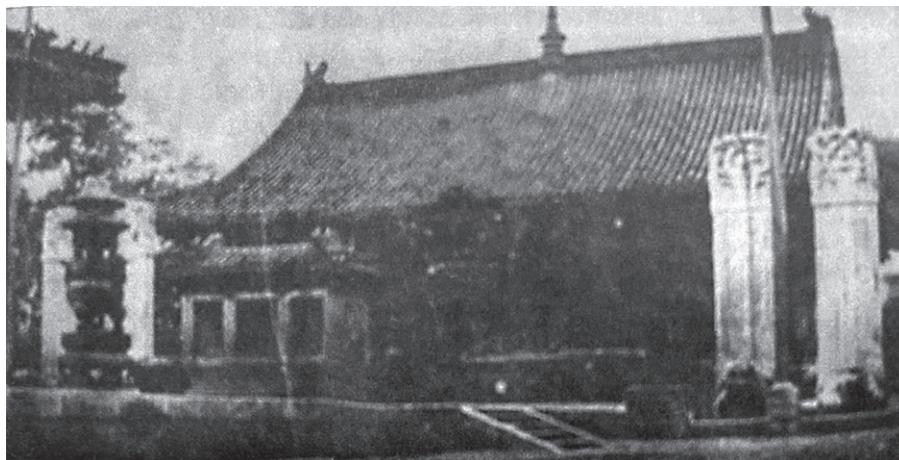

Рис. 1. Храм Сандан-сы (Хунжэнсы). Фото А. Фавье [Favier, 1897]

*Рис.2а. Зандан Жуу в Эгитуйском дацане,
Бурятия. Дерево, высота 2,18 см.
Фрагмент фото из книги Терентьева
[Терентьев, 2005]*

*Рис.2б. Сэйрё-дзи в Киото, Япония. Копия
Сандалового Будды (Shaka Nyorai). Высота 160 см.
Привезена японским монахом Тёнэн в 986 г. из
Кумая. [JAANUS – Japanese Architecture and Art Net
Users System. List of National Treasures
of Japan (sculptures)]*

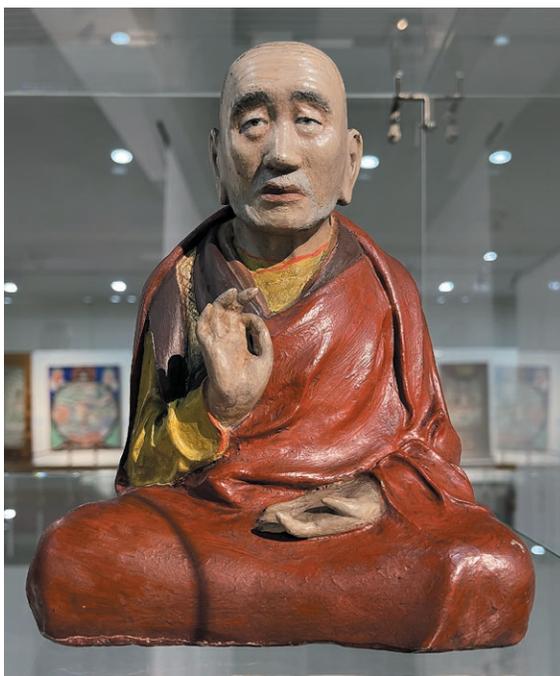
Рис.3а. Эгитуйский дацан.
Фото 1927 г. Фонд НАРБ

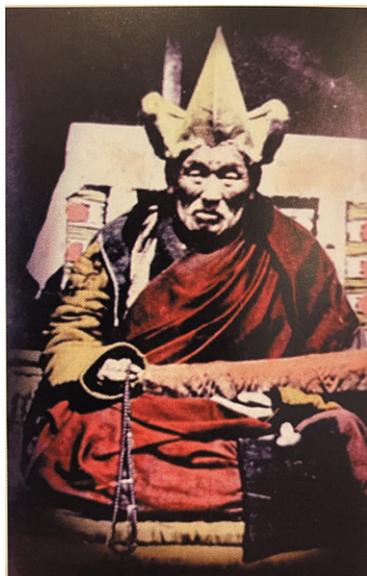
Рис.3б. Эгитуйский дацан сегодня. Цогчен дуган.
Фото: С.-Х.Д. Сыртыпова. Август 2022 г.

A fragment of a handwritten document in Mongolian script, organized into a table. The document lists names of monks and their details. The table has several columns and rows, with the text written in a cursive hand. The columns likely correspond to the fields mentioned in the caption: name, age, position, title, and residence.

Рис.4. Фрагмент документа «Список лам и хуваракон Эгитуйского дацана с указанием возраста, должности, звания, местожительства», по состоянию 1831 г.

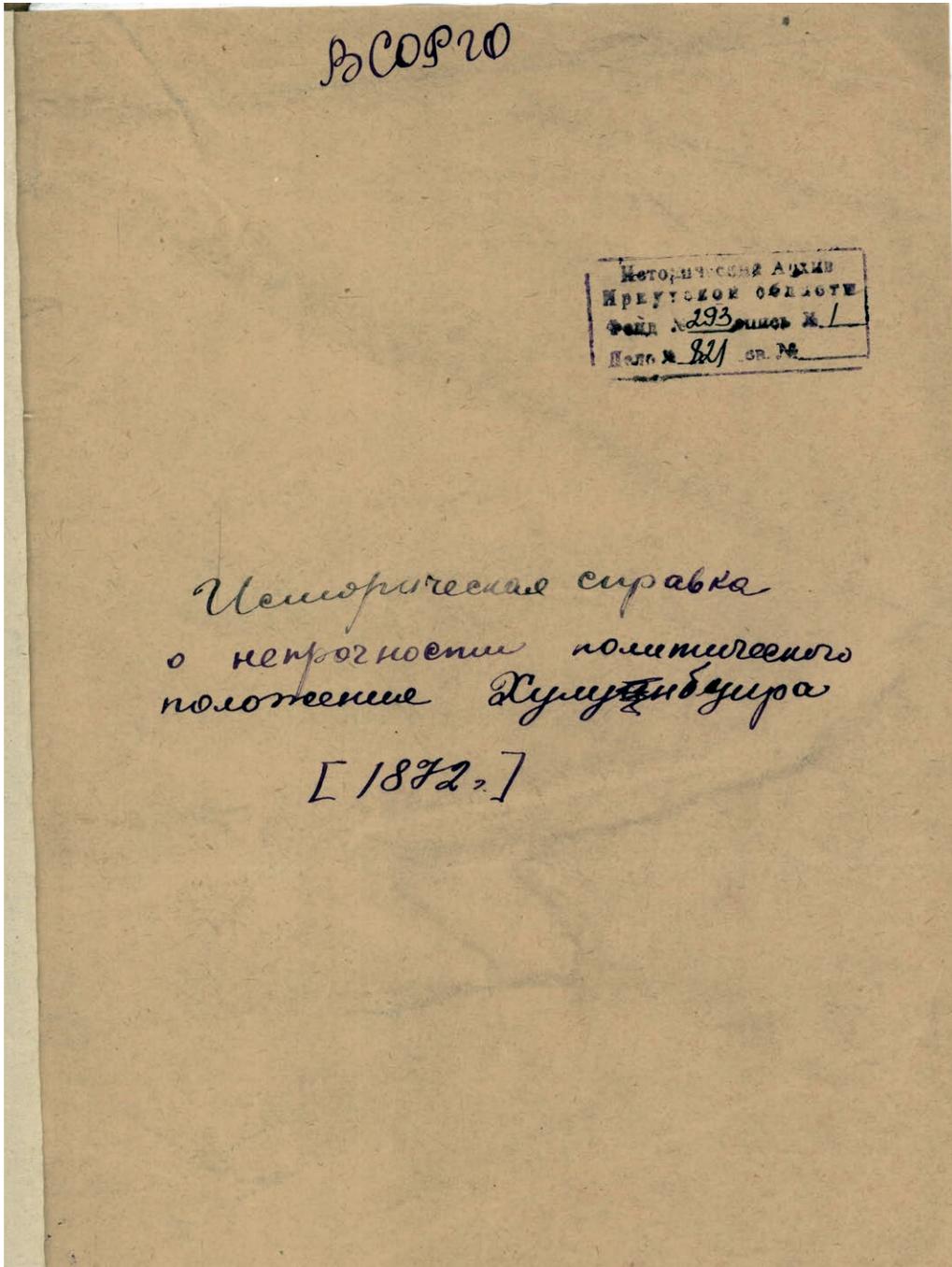
*Рис. 5а. Портрет Д. Зодбоева (1824–1915). Папье-маше, минеральные краски.
Художники: Тушинэ Даба (1880–1930) и Аригунэ Базар (1882–1928).
Музей истории Бурятии (НМРБ). Улан-Удэ.
Фото: С.-Х.Д. Сыртыпова.*

*Рис. 5б. Донид Зодбоев, настоятель Эгитуйского дацана.
Фото раскрашенное. Начало XX в. Архив А.А. Терентьева*

Иллюстрации к статье:

Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков. Рукопись из ГАИО «Историческая справка о непрочности политического положения Хулунбуира» как источник по истории взаимоотношений Внешней Монголии и Хулун-Буира в 1912–1915 гг.

Историческая справка о непрочности политического положения Хулунбуира

DOI: 10.31696/2618-7302-2023-1-133-149

**О СОСТОЯНИИ И ВНЕШНИХ СВЯЗЯХ БУДДИЙСКИХ МОНАСТЫРЕЙ
РОССИЙСКОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.
(НА ПРИМЕРЕ ЭГИТУЙСКОГО ДАЦАНА
И ИСТОРИИ ЗАНДАН ЖУУ)**

© 2023

С.-Х. Д. Сыртыпова¹

Ко времени революции 1911 г. в Монголии и подписания Русско-Монгольского соглашения 1912 г. буддисты Забайкалья прошли большой путь от кочевых, кошмовых молельных домов XVII в. до образования развитой сети буддийских культурно-образовательных, религиозных центров с обширными монастырскими комплексами. В начале XX в. крупные бурятские дацаны были обеспечены собственным штатом священнослужителей с устоявшейся культовой традицией, учебным процессом согласно программам буддийских факультетов философии, тантры, медицины, астрологии, библиотеками и книгопечатнями, ремесленными мастерскими, богатым и разнообразным внутренним убранством.

На рубеже XIX и XX вв., на срезе переломных исторических событий как для России, так и для Монголии можно отметить ряд качественных изменений в состоянии буддийских монастырей российского Забайкалья. Пример деятельности лам Эгитуйского дацана в этот весьма любопытный исторический период свидетельствует, с одной стороны, о постоянных и близких взаимосвязях бурят с единоверцами Монголии, Тибета, Китая, с другой стороны, о высокой степени самостоятельности бурятских буддийских общин. Именно эти два фактора способствовали обретению одного из самых ценных сокровищ буддистов всего мира — статуи Сандалового Будды (Зандан Жуу). Сама история перемещения Зандан Жуу из восточной Индии через просторы Центральной Азии на восток Китая, а затем на север, в Россию, а именно удаленный Эгитуйский дацан в Еравнинском районе, представляет собой почти детектив. Мы рассмотрим, каковы были предпосылки для новой локации знаменитой статуи в сибирской глубинке. Изучение показательных аспектов из жизни и быта монастырей Восточной Сибири позволяет получить более глубокое представление о состоянии буддизма в регионе и его международных связях на рубеже XIX и XX столетий.

Ключевые слова: Буддийские святыни, Сандаловый Будда, Зандан Жуу, Эгитуйский дацан, штатные и внештатные ламы, управление делами духовенства в России, Монголия, Тибет, Пекин

Для цитирования: Сыртыпова С.-Х. Д. О состоянии и внешних связях буддийских монастырей российского Забайкалья на рубеже XIX–XX вв. (на примере Эгитуйского дацана и истории Зандан Жуу). *Вестник Института востоковедения РАН.* 2023. № 1. С. 133–149. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-1-133-149

¹ Сыртыпова Сурун-Ханда Дашиинимаевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела сравнительного культуроведения Института востоковедения РАН, Москва; syrtypp@mail.ru
Surun-Khanda D. Syrtyпова, D.Sc (History) Leading Research Associate, Department of comparative cultural studies. Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; syrtypp@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7239-4454

ON THE STATE AND EXTERNAL RELATIONS OF BUDDHIST MONASTERIES IN TRANSBAIKALIA OF RUSSIA AT THE TURN OF THE 19TH — 20TH CENTURIES (ON THE EXAMPLE OF EGITUISKII DATSAN AND HISTORY OF ZANDAN JUU)

Surun-Khanda D. Syrtyпова

By the time of the 1911 revolution in Mongolia and the signing of the Russo-Mongolian agreement of 1912, the Buddhists of Transbaikalia had come a long way from the nomadic, felt prayer houses of the 17th Century to the formation of a developed network of Buddhist cultural, educational, religious centers with extensive monastic complexes. At the beginning of the 20th Century, large Buryat datsans were provided with their own staff of priests, with an established cult tradition, educational process, programs of Buddhist faculties of philosophy, tantra, medicine, astrology, libraries and printing houses, craft workshops, rich and varied interior decoration.

At the turn of the 19th and 20th centuries, rich in turning point historical events for both Russia and Mongolia, a number of qualitative changes can be noted in the state of Buddhist monasteries in the Russian Transbaikalia. The example of the activities of the lamas of the Egitui Datsan in this very curious historical period testifies, on the one hand, to the constant and close relationships of the Buryats with fellow believers in Mongolia, Tibet, and China. On the other hand, it speaks of a high degree of independence of the Buryat Buddhist communities. It was these two factors that contributed to the acquisition of one of the most valuable treasures of Buddhists around the world, the statue of the Sandalwood Buddha (Zandan Juu). The very story of the movement of Zandan Juu from eastern India through the expanses of Central Asia to the east of China, and then north to Russia, namely the remote Egituyskii Datsan in the Eravnskii District, is a fascinating story. We will consider what were the prerequisites for the new location of the famous statue in the Siberian outback. The study of revealing aspects from the life and life of the monasteries of Eastern Siberia allows us to get a deeper understanding of the state of Buddhism in the region and its international relations at the turn of the 19th and 20th centuries.

Keywords: Buddhist shrines, Sandalwood Buddha, Zandan Juu, Egitui Datsan, full-time and freelance lamas, clergy administration in Russia, Mongolia, Tibet, Beijing

For citation: Syrtyпова С.-Х.Д. On the State and External Relations of Buddhist Monasteries in Transbaikalia of Russia at the turn of the 19th – 20th centuries (on the example of Egituiskii datsan and history of Zandan Juu). *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2023. 1. Pp. 133–149. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-1-133-149

УПРАВЛЕНИЕ ДЕЛАМИ БУДДИСТОВ В ЗАБАЙКАЛЬЕ К НАЧАЛУ XX в.

О существовании буддийских храмов («ламаистских кумирен») в Забайкалье первые сообщения в столицу России стали приходить около 1648 г. от прибывших сюда казаков. После прихода 150 лам из Тибета и Монголии в 1712 г. произошло заметное усиление позиций буддизма в Забайкалье. Бурятские родовые старшины распределили их по отдельным родам и ходатайствовали о предоставлении им прав духовенства. Как пишет А. М. Позднеев, «это ходатайство было поддержано графом Саввой Рагузинским, который познакомился с буддизмом в период своей поездки на восток для установления границ между Россией и Китаем, выступил за легализацию лам в бурятских степях. Таким образом, с подачи Рагузинского главным ламой для селенгинских родов был определен Агвант-Пунцог, а для хоринских — дархан нансу Лубсан-Шираб» [Позднеев, 1887, с. 170].

В 1741 г. высочайшим указом императрицы Елизаветы Петровны у бурят учреждено 150 так называемых комплектных лам, которые освобождались от податей, телесного наказания и в правах своих были приравнены к православному духовенству. Несмотря на то, что царский указ имел целью ограничение количества лам 150 душами, с тем чтобы пресечь наплыв «понаехавших», у него была и обратная сторона, и как замечает Позднеев, «став под защиту русского закона, буддизм естественно начал расти с удвоенной силой» [там же, с. 171]. Согласно официальным сведениям правительства, в 1756 г. в Забайкалье было уже 324 ламы. В 1767 г. преемник Агван-Пунцога, бурятский лама Дамба-Доржо Заяев (1710–1776), выучившийся в Тибете, едет в Москву для участия в «Комиссии по составлению нового Уложения». Там он представлен императрице Екатерине II, которая жалует ему звание Хамбо-ламы всех бурятских и тунгусских родов, золотую медаль и пожизненную пенсию в 50 рублей годовых. В 1772 г. насчитывается уже 617 лам. По Предписанию от 13 марта 1773 г. на имя Хоринского тайши каждый род мог иметь свой дацан со штатным числом духовенства, внештатные ламы могли иметь посвящение, но не освобождались от податей. Идет активное строительство буддийских храмов и монастырей. От уже функционирующих дацанов отпочковываются новые — для того, чтобы облегчить доступ прихожан, проживающих в разных удаленных землях. Так в 1830 г. возникают Хохюртаевский и Цолгинский дацаны, отделившись от Тугну-галтаевского (1783); в 1827 г. — Чисанский, отделившийся от Кудунского дацана (1756), Ацагатский (1825) и Эгитуйский (1826) — от Анинского дацана (1795).

Одновременно с усилением буддизма крепла и связь бурят с Монголией [Позднеев, 1887, с. 171]. Дело в том, что буддийская литература, культовые образа и ритуальные инструменты приобретались бурятами и хамниганами в монастырях и мастерских Урги, Долоннора, Пекина, Лхасы и других буддийских центрах. Обучались сибирские буддисты также в тибетских и монгольских монастырях, главным образом в Урге, Лавране, Гумбуме и Лхасе. За приобретения и образование верующие платили золотом, серебром, стадами скота. Кроме того, немалые барыши уплывали целыми караванами в заграничные монастыри в качестве подношений хутухтам и ламам, посещавшим бурятские земли. В таблице 1 представлены статистические данные [Андриевич, 1887].

Таблица 1. Динамика численности лам-священнослужителей и количества монастырей и храмов в Забайкалье в период с 1741 по 1853 г. по данным Андриевича, 1887

Годы	1741	1756	1774	1796	1822	1825	1842	1845	1846	1853
Ламы	150	324	617	700	2532	Штатных 293 всех 516	Штатных 580 всех 5545	4653	4509	280+
Монастыри					19	20			34	34
Храмы									144	

В 1825 г. власти вновь предпринимают меры для ограничения роста лам-священнослужителей: Управление Восточной Сибири признало 20 кумирен и 293 ламы, остальные дацаны и ламы считались сверхштатными, тем не менее в том же году признали всего 516 лам.

В 1830 г. при императоре Николай Павловиче готовится новое положение. В Восточную Сибирь направлен барон Шиллинг фон Кандштадт (1786–1837), потом сенатор граф Ф. А. Толстой (1758–1849). Толстой предлагает сократить число лам — например, в Кудунском дацане оставить 20 лам, в остальных — не более 15. Как пишет Позднеев, «В 1842 г. по просьбам бурят допустили существование 34 кумирен с 580-ю ламами. Остальные велено уничтожить, но в 1842 г. статистика показала — 5545 лам» [Позднеев, 1887, с. 702].

До середины XIX в. вероисповедные дела бурят относились к ведомству учреждений иностранных дел (Посольский приказ, Посольская канцелярия, Коллегия и Министерство иностранных дел). Поначалу вероисповедные дела бурят-ламаистов регламентировались «Инструкцией пограничным дозорщикам 1728», Уставом об управлении инородцев 1822 г. С 1841 г. дела ламаистской конфессии изъяты из ведомства МИД и переданы Главному управлению Восточной Сибири. Таким образом, наблюдается тенденция все большего ввода буддийских дацанов под управление внутрироссийских дел и ограничение тесных и свободных связей с тибето-монгольским миром. Бурятские дацаны вынуждены создавать и развивать собственное производство культовых предметов первой необходимости, печатать учебные и ритуальные тексты, канонические собрания и в целом сами определять свою деятельность, образование, подготовку кадров, взаимоотношения с властями и приходом.

Со второй половины XIX в. условия деятельности буддийских институтов в России регламентировались довольно жестким «Положением о ламайском духовенстве в Восточной Сибири» от 1853 г. А. М. Позднеев очень негативно оценивал данный документ и говорил о необходимости разработки нового положения, для чего ученый приложил немалые усилия. «Положение... это составлялось без знания ламайского вероучения и без практического знакомства с бурятской жизнью, оно, по мнению самих бурят, является буквально не исполнимым. Правда, буряты сумели приспособиться к нему и поставили у себя дело ламаинства так, что современная постановка его как будто удовлетворяет и правительство, и народ; по крайней мере на этой почве почти не возникает никаких острых столкновений», писал он в докладе о результатах своего исследования [Фонд А. М. Позднеева, д. 44, оп. 1, № 133, л. 25. АВ, ИВР РАН].

Одним из направлений государственной политики было пресечение тесных иностранных связей и оттока финансовых и материальных средств в монгольские и тибетские монастыри. «Виновные в сношениях с заграничным духовенством» должны были быть обращены в светское состояние «с переселением в отдаленнейшие от границы места Восточной Сибири, по распоряжению генерал-губернатора». Приобретение культовых предметов: «бурханы, разные письменные изображения, молитвы, духовные книги, поясы и проч.» из-за границы предписывалось через Кяхтинскую таможню по специальному представлению Хамбо-Ламы к Забайкальскому военному губернатору и по усмотрению последнего [Положение... § 58–59]. Были введены также внутренние ограничения: степеней духовенства должно быть не более пяти, дацанов — не более 34, штатных лам — не более 280, хуvaraков — не более 35, вводился возрастной ценз для послушников (только после достижения 18 лет), на цвет одежды и т. д. [Положение..., § 1–2, 24–28]. Надлежало составить подробные планы всех монастырей для их строгого и детального учета, запрещалась «всякая пристройка» к существующим дацанам без специального разрешения генерал-губернатора, а строительство «новых кумирень» могло производиться по удостоверению генерал-губернатора и разрешению Министерства внутренних дел. На Хамбо-ламу возложена обязанность контролировать соблюдение предписаний и регулярно письменно докладывать о состоянии дел в подведомственных дацанах [Положение..., § 31–34].

К началу XX в. достаточно тревожными были и обстоятельства у ближайших зарубежных соседей. Китай находился в обстановке внутривосточной нестабильности и полуколониальной зависимости от западных держав. Правящая династия Цин не смогла модернизировать свою экономику, вооруженные силы, а также систему государственного управления. Обнищание населения отразилось и на положении монастырей тибето-монгольского буддизма в Пекине, ламы которых все чаще обращали свои взоры на север, на буддистов России как источник дохода. По свидетельству В. П. Васильева, «В бытность нашу в Пекине, один монгольский лама перешел к нашим бурятам, выдал себя за хутухту, и проживши несколько лет, возвратился на родину с багажом из 20 верблюдов. Пожитки его состояли в собольих и лисьих мехах, в серебре и прочем; но караульные, напав на след его, позвали монголов, которые на другой же день догнали обманщика, имущество его было взято назад, а сам он сослан в ссылку. Эта история весьма известна пекинским ламам, которые облизываются при рассказе о богатствах, собранных было их товарищем» [Васильев, 1857а, с. 197; Успенский, 2011, с. 92–93]. В 1898 г. в Китае произошло восстание ихэтуаней против засилья иностранцев, начались погромы, в том числе и христианских миссий. К началу сентября 1900 г. китайское правительство совместно с войсками восьми держав (Великобритании, Германии, Франции, США, России, Италии, Австро-Венгрии и Японии) подавили выступления повстанцев. В 1900–1901 гг. Пекин полыхал в пожарах, грабежах и повальном мародерстве, в которых принимали активное участие «чрезвычайные и полномочные послы, таможенники, журналисты и даже миссионеры», лихорадка добычи охватила армии и евроамериканское гражданское население в Пекине, началась дикая оргия грабежа [Nevia, 1999, p. 192–213]. Как писали газеты того времени, один только Герберт Г. Сквайерс², первый секретарь Американской дипмиссии, сподвижник Альфонса Фавье³ (1837–1905), главного католического епископа Пекина, покинул Пекин 2 сентября 1901 г. с несколькими железнодорожными вагонами, наполненными китайским искусством «для передачи в дар Метрополитен-музею искусств в Нью-Йорке» [Trevor-Roper, 1979, p. 53; Gift from Peking..., Squiers Collection on Sale..., 1912].

Из истории Сандалового Будды

В ситуации назревавшей в Пекине беды судьба священной статуи беспокоила буддистов Монголии и России. Идейным вдохновителем обретения Зандан Жуу был Агван Доржиев (1854–1938). Когда в Пекине назревали беспорядки, А. Доржиев телеграфировал в Пекин Н. И. Гомбоеву — изыскать все возможности для покупки Зандан Жуу. А Хамбо-лама Иролтуев, выехавший на первую буддийскую выставку 1900 г. в Париж, пишет Зодбоеву о необходимости сбора средств. В архивах сохранились документы о сборе денег прихожанами Эгитуйского дацана для приобретения статуи Сандалового Будды. В реализации операции участвовали настоятель-ширэтуй Эгитуйского дацана Дашибал Зодбоев, Гомбо-Доржо Эрдэнеев (Муухайн Гомбо соржо-лама) Эгитуйского дацана, Базар-гавжа — секретарь Эрдэнеева, лама Эгитуйского дацана Гармаев

² Герберт Г. Сквайерс, будучи американским дипломатом, принял католическое христианство и даже был включен в Католическую энциклопедию: *The Catholic encyclopedia; an international work of reference on the constitution, doctrine, discipline, and history of the Catholic Church* by Herbermann, Charles George, 1840–1916. New York: The Encyclopedia Press, 1907.

³ Пьер Мари Альфонс Фавье (1837–1905) — епископ Пекинского кафедрального собора. С 1899 г. — главный католический епископ Пекина. Автор известной в Европе книги: *Favier, Alphonse. Peking: Histoire Et Description. Peking: Imprimerie des Lazaristes au Pe-T'ang, 1897.* Обвинялся европейскими представителями в перепродаже награбленного антиквариата и китайского фарфора, на суде представил свидетельства того, что распродал свои личные коллекции для спасения жизней голодающих христиан и был оправдан, однако шлейф дурной славы перекупщика ворованного тянется за ним до сей поры.

Лушил — ученик Эрдэнеева, хуварак Эгитуйского дацана Найдан Гомбоев⁴ (1837–1906), начальник телеграфно-почтовой службы при дипломатической миссии России в Пекине, Бато Базарович Айсуев (1863–1941), атаман Селенгинского казачества (Гэгэтуйской станицы) [Герентьев, 2005; Материалы ГАРБ]. Российское посольство в Пекине в то время охраняет Селенгинский казачий полк с атаманом Бато Айсуевым. Гомбоев, Зодбоев и Эрдэни-соржо разрабатывают план, используя всевозможные методы, тайно вывозят священную статую за пределы Пекина, а затем в Россию.

Во время восстания ихэтуаней в 1900 г. Хунжэньсы — храм Сандалового Будды был занят одним из штабов повстанцев. При подавлении восстания европейскими войсками храм был полностью разрушен (его территорию заняли французы), а статуя Будды исчезла ... [Arlington, Lewisohn, 1935, с. 134–135]. Однако через некоторое время появились настойчивые слухи, что Сандалового Будду тайными тропами увезли забайкальские буряты.

В наше время Эгитуйский дацан знаменит прежде всего тем, что в то смутное время на рубеже XIX–XX вв. еравнинские ламы смогли повернуть фантастическую операцию по обретению большой статуи Будды Шакьямуни, которая полагается в буддийской традиции за прижизненный портрет Будды, благословленный им самим на земное правление. В 1930-е гг. после закрытия дацанов и конфискации их имущества скульптура хранилась в фондах Антирелигиозного музея (ныне Национальный музей Республики Бурятия, г. Улан-Удэ), но в 1991 г. она была возвращена в Эгитуйский дацан.

Согласно буддийским авторам, сандаловая статуя была создана по просьбе раджи Удаяны, правителя Косамби. По свидетельству С. Ч. Даса, она также находилась в Бодхгайе, затем в III в. до н. э. была перевезена в Бактрию [Das S. Ch. Tibetan-English Dictionary, Calcutta, 1901, p. 996; Терентьев, 2010, с. 19, 21].

На территории нынешнего Китая Зандан Жуу пребывал с IV в., постепенно продвигаясь с запада на северо-восток. В Пекине он находился со времени правления династии Юань. Как свидетельствуют тибетские источники, это было первое изображение Будды, сам Будда Шакьямуни освятил ее, простерев «свою правую длань на макушку головы статуи»⁵, и что «Сандаловый Будда — это главная из святынь столицы» (pho brang gi rten gyi gtso bo tsandana jo bo)⁶, «драгоценная Сандаловая статуя пришла в эту страну в качестве наместника (sku tshab) учителя — Будды»⁷ [Успенский, 2011, с. 54, 56].

О степени важности Сандалового Будды для правителей Цинской династии можно судить по специальному императорскому финансированию дворца Хуньжэньсы (или Сандан-сы, рис. 1), где хранилась статуя, и сам император присутствовал на ритуалах в Сандан-сы в самые знаменательные даты: в день своего рождения, в день рождения Будды и церемонии встречи Нового года. На главную буддийскую святыню Пекина, Сандалового Будду выделялось 1150 лянов серебра в год: 59 лянов серебра в месяц на благоволия; 60 лянов раз в три месяца на свечи,

⁴ В крещении Николай Иванович Гомбоев, бурят хатагинского рода, приходился родным братом Хамбо-ламе Дамшил Гомбоеву (1831–1896), главе буддистов Восточной Сибири в 1876–1896 гг., был женат на дочери декабриста Н. А. Бестужева Е. Д. Старцевой.

⁵ «История Сандалового Будды». Джанжа-хутухты Ролби Дорже. Л. 3а:1–4а:5. lCang-skya Rol-pa'i rdo-rje. Tsan dan jo bo'i lo rgyus skor tshad phan yon mdor bsdus rin po che'i phreng ba. Тибетский фонд СПбФ ИВ РАН, В 6323/14. Цитата по: Успенский, 2011, с. 56.

⁶ Намтар Чанлунг пандиты, л. 128а:5. rje btsun dpal ldan bla ma dam pa lcang lung ārya pa'i ta rin po che ngag dbang blo bzang bstan pa'i rgyal mtshan dpal bzang po'i rnam par thar pa mkhas pa'i yid 'phrog nor bu'i do shal zhes bya ba'i smad cha. Тибетский фонд СПбФ ИВ РАН, В 8623. Цитата по: Успенский, 2011, с. 54.

⁷ Золотая книга Зава Дамдина, л. 158а:6. 'Dzam gling byang phyogs chen po hor gyi rgyal khams kyi rtogs pa brjod pa'i bstan bcos chen po dpyod ldan mgu byed ngo mtshar gser gyi deb ther zhes bya ba bzhus so. Ed. by Lokesh Chandra. New Delhi, 1964 (Sata-Piṅka Series; 34). Цитата по: Успенский, 2011, с. 54.

масло и рис; 26 лянов раз в полгода на зерно и краски; 50 лянов 3 раза в год для празднования дня рождения императора, дня рождения Будды и нового года; пучки тибетских благовоний 4 раза в год; хадаки в больших количествах [Naquin, 2000, p. 69; Успенский, 2011, с. 89]. При встрече Нового 1698 г. император Канси посетил храм Сандалового Будды вместе с Богодо-гэгэном Халхи, Джебзун-Дамба-хутухтой Дзанабазаром, и они «сидели здесь рядом, на одном ковре» [Позднеев, 1896, с. 500]. Более чем двухтысячелетняя история перемещения скульптуры, овеянной легендами, была прослежена исследователями по иконографическим, археологическим и письменным свидетельствам индийских, китайских, японских, корейских, тибетских, монгольских и т. д. источников. Российско-бурятская часть истории Зандан Жуу изложена А. А. Терентьевым и Л. Белкой [Терентьев, 2010; Belka, 2006].

Стоит отметить, что сам памятник, несмотря на факты реставрации специалистами Эрмитажа в середине 80-х и середине 90-х гг. XX в.⁸, не подвергался серьезному естественно-научному исследованию. Известные на сегодня упоминания о датировке скульптуры XVIII в. происходят из непубличного предположения реставратора М. Мичри, подхваченного и опубликованного Л. Мордвиной⁹ без результатов технологических анализов, но безответственно повторяемого разными авторами. Поэтому ореол таинственности Сандалового Будды находит как новых защитников, так и скептиков, а легенды и разные мнения лишь множатся. Невольно напрашивается аналогия со спорами о христианской святыне — Туринской плащанице. Так что вопрос дальнейшего исследования остается актуальным, и в любом случае Сандаловый Будда сохраняет свое культовое значение и огромную важность для буддийского мирового сообщества (рис. 2а). В частности, есть разногласия по маршруту его движения на север и северо-восток. Кроме того, есть статуи, претендующие на роль самых главных и правильных копий оригинала, и одним из серьезнейших претендентов на первенство считается японский вариант священного образа из Сэйрё-дзи, хранящийся в Киото. Формат и цели данной статьи не позволяют нам вступать в дискуссию по этому вопросу, отметим лишь, что, несмотря на близость иконографии в разных вариантах, каждый из них имеет свои особенности и несет отметины места и времени происхождения. Японский Будда Сэйрё-дзи более других похож на эгитуйского Будду, но выглядит более изящным, утонченным и явно несет эстетические признаки буддийской деревянной скульптуры танской эпохи (рис. 2б).

В данном случае нас интересует факт исторического события на рубеже XIX и XX столетий и то, каковы были силы притяжения и основания, чтобы столь важная для буддийского мира святыня оказалась в отдаленном от главных исторических магистралей местечке Маракта, в долине небольшой речки Эгита Забайкальского края России. Рассмотрим некоторые факты из архивных материалов, касающихся истории Эгитуйского дацана (рис. 3а-б).

Анализ регулярных записей учета имущества дацанов демонстрирует степень их обеспеченности культовыми изображениями. К сожалению, скупые бухгалтерские сводки не могут дать нам качественной, объемной картины внутреннего убранства и содержания храмовых алтарей,

⁸ Статуя за период своей «российской истории» неоднократно подвергалась реставрации. Например, утраченный большой палец правой ноги был восстановлен бурятским художником Г. Г. Васильевым из кедрового дерева (лат. *Pinus sibirica*, букв. сосна сибирская). Как пишет Терентьев, реставрацию в Эрмитаже осуществляла Майя Николаевна Лебель. И был сделан анализ небольшой щепки из поврежденной пятки скульптуры. Щепка оказалась из липы, покрытой толстым слоем сандаловой пасты, а не из сандала. Поверх пасты было три слоя сусального золота, разделенные слоями лака. Верхний слой золота был еще и расписан узорами. Согласно китайским и тибетским источникам, золочение было выполнено по повелению императора минской династии Ван Ли (1572–1620)]. В 90-е гг. подготовку статуи к реинституции делал улан-удэнский реставратор В. В. Малюшенко [Терентьев, 2005, с. 67–68]. В 1995–1997 гг. ее вновь реставрировали сотрудники Эрмитажа Марина Мичри и Дмитрий Коновалов, расчищали поздние подновления, однако анализы по датировке не производились [там же, с. 73].

⁹ См. об этом: Терентьев, 2005, с. 72; Мордвина Л. Мифы и реальность Зандан Жуу // Эгитуйский дацан. Ред. С. А. Бахлаев. Улан-Удэ, Изд-во БГУ, 2004, с. 36.

часто даже названия объектов даются весьма приблизительные, так что невозможно судить об их художественной ценности, но документы фиксируют время появления заметных памятников. В частности, есть документ, заявление от бывшего тайши Доржи Аюшиева ширетую Эгитуйского дацана Дашибалу Зодбовеу с просьбой принять подношение — изготовленную в человеческий рост статую Зандан Жуу, приобретенную за границей. Датирован он 25 января 1901 г. Зафиксировано в ставке Хамбо-ламы, в Гусинозерском дацане: «Поднося Эгитуйскому дацану изготовленное в человеческий рост статую Зандан Жуу, прошу письменно оформить и принять его в пожертвование для того, чтобы она стала одной из статуй для поклонения. Статуя приобретена мной за границей за 150 руб. Цэдэн Доржи Аюшеев. 25 января 1901 года» [ГАРБ. Ф. 285. Оп. 2. Д. 117. Л. 1].

О ЛАМАХ И ПРИХОЖАНАХ ЭГИТУЙСКОГО ДАЦАНА

В рукописных материалах личного архива А. М. Позднеева значится: «Эгитуйевский дацан носит тибетское имя Дамчой-рабжей-линг. Первоначально он был построен бурятами самовольно, тайком от русского правительства, с одного лишь ведома и разрешения бывшей Бурятской главной конторы 11 хоринских родов. Буряты строили его в течение 1824–1825-го годов и закончили в 1826 году по образцу вообще бурятских кумирен того времени, т. е. придав зданию форму креста снаружи, так что внутри дацана образовывалась большая зала с 4-мя отдельными комнатами по 4-м сторонам света. Здание было деревянное, с мезонином и поставлено было без фундамента, вокруг здания была устроена галерея с деревянною кровлею и настланными деревянными полами, а равно огороженная такими же деревянными перилами и стойками. Ходатайство о признании этого сумэ законным было возбуждено перед русским правительством тайшой хоринских бурят Дугаровым уже в 1830 году» [Позднеев, 1909, л. 153–154].

Согласно архивным материалам Государственного архива Республики Бурятия (далее ГАРБ), а именно документу «Список лам и хуvaraков Эгитуйского дацана с указанием возраста, должности, звания, местожительства», по состоянию 1831 г., то есть через 5 лет со времени официального создания Эгитуйского дацана, в нем учтены 76 священнослужителей и 8 послушников-хуvaraков, принявших обеты в 1831 г. Примечательно, что уже в это время здесь есть 3 гэлонга, то есть лам, принявших полные монашеские обеты¹⁰, 12 человек имеют обеты уровня гэцулов¹¹. Это означает, что по меньшей мере 15 служителей в начальный период основания дацана уже имели буддийское образование, классический курс которого изучается обычно 12–16 лет. Самым старшим по возрасту среди них значился настоятель Сандубдоржи Энхэев (51 год), принявшим полные монашеские обеты Сойбану Балджиеву и Вампиул Хорайну было соответственно 19 и 34 года [ГАРБ. Ф. 285. Оп. 2. Д. 21. Л. 2–3об.].

В 1841 г. аналогичный список содержит имена 81 ламы, из которых 9 гэлонгов (6 гэлонгов штатных: ширэтуй Сандубдоржи Энхэев, 61 год, лаца Ваншил Хойраев, 44 года, шанзодба Даншил Морхоногов, 41 год, умзат Галсан Холхаев, 40 лет, умзат Шара Нохоев, 35 лет, улзэйту Дондуб Унтэев, 58 лет, и 3 гэлонга податных: Сугруб Надошиев, 48 лет, Рабжур Бочин, 27 лет, умзат Шихиа Самбуев, 34 года). Гэцулами числятся 12 человек, остальные — в ранге хуvaraков и служек-тахильчинов [ГАРБ. Ф. 285. Оп. 2. Д. 23. Л. 1–3].

Позднеев пишет, что «эгитуйевские кумирни» отличаются от большинства других бурятских дацанов своей вместительностью и что эгитуйские ламы «строили их не по прихоти, или

¹⁰ Бур. гэлун, тиб. dge slong, санкр. Bhikṣu — 253 обета монаха согласно Винайе Буддийского канона.

¹¹ Бур. гэцул, тиб. dge tshul — 32 обета священнослужителя, имеющего право заводить семью.

тщеславия иметь специальные храмы» в честь разных бурханов, но исключительно ради нужды в выполнении того или другого хурала. С 1909 г. здесь построено одно большое новое сумэ Тантры. Постройка была начата в 1915 г. и закончена в течение года. Размерами в 8 сажений в длину и 7 сажений в ширину, из чистого и прочного строевого леса, в два этажа, но второй этаж не полный, а в виде мезонина, передняя, южная и задняя, северная стороны снабжены равными по величине пристройками по 2 сажени в длину и 6 сажений в ширину. Северная часть служит алтарем, а южная притвором и лестницей для входа с широкой двухстворчатой дверью. Зал имеет 10 окон, по 5 на западной и восточной сторонах. Мезонин 4 сажени 1 аршин в длину и 3 сажени 1 аршин в ширину, высота помещения 5 аршин, 6 окон и одна дверь. Общая высота здания 6 сажений. Снаружи здание окрашено белой масляной краской, железная крыша украшена золоченым ганжиром¹² и жалцанами¹³, над входными дверями «красуется ламайская формула восьми-радиусного хурдэ¹⁴ с двумя коленопреклоненными газелями» [Позднеев, 1917, с. 201]. Всего «вся усадьба Эгитувеского дацана заключает в себе на настоящую пору 103 отдельных двора с 134-мя домами русской архитектуры, 82 домов бурятской постройки, служащих исключительно в качестве летнего жилья лам (сорон гэр), итого 216 жилых помещений, не считая амбаров и завозней [Позднеев, 1917, с. 202].

К сожалению, многое из оригинального делопроизводства бурятских дацанов погибло наряду с основным письменным наследием на тибетском и монгольском языках во время борьбы с религиями в 20–30-е и военные годы XX в. Тем не менее частично сохранилась официальная переписка Хамбо-лам на старомонгольском языке с настоятелями разных подведомственных монастырей Восточной Сибири, а также материалы учетных докладных настоятелей, которые они обязаны были представлять Хамбо-ламе. Из переписки Хамбо-ламы Иролтуева с настоятелями монастырей мы узнаем, в частности, о неоднократных визитах А. М. Позднеева, а также условиях исключительного благопритствования, которые предоставлялись бурятскими дацанами ученому для работы, что тоже помогает понять подоплеку его невероятной плодотворности и обширности собранных материалов.

Первая поездка Позднеева в бурятские земли состоялась сразу после окончания им университета в 1878 г. Ламы Хоринского и Агинского ведомств, воодушевленные тем, что «религия наша расцветает», собирают ему книги «для оказания помощи учебному заведению». Исполнявший в тот период обязанности Пандито Хамбо-ламы Дампил Гомбоев сообщает тогдашнему настоятелю Эгитуйского дацана Цэдэн-Доржи Санжиеву: «... с целью изучения многих разных языков, кандидат Санкт-Петербургского университета Алексей Михайлович Позднеев специально выехал за пределы Западной Сибири и, посетив Пекин, Долоннор и Даурию, прибыл 8 июня к нам». Позднеев получил книги с надписью: «Первоисточники добровольно отдаем в помощь обучению в университете» [ГАРБ. Ф. 285. Оп. 2. Д. 95. Л. 26–26об.].

В 1898 г., когда А. М. Позднеев едет в Забайкалье для изучения тибетских медицинских сочинений, он также получает всемерную помощь со стороны буддийского духовенства. В частности, трудно переоценить значение поддержки настоятеля Эгитуйского дацана Дашибал (Донид) Зодбоева (1824–1915). К сожалению, биографических сведений о нем очень мало. В народе ширетуй Зодбоев известен как один из организаторов обретения Сандалового Будды. Поскольку на посту настоятеля дацана он трудился почти 40 лет — с 1876 по 1915 г., надо полагать, что без

¹² Ганжир — архитектурное навершие на крыше храма, содержащее священные писания и прочие вложения освященных сокровищ.

¹³ Жалцан (тиб. *gyal mtshan*) — круглый стяг, символ победы буддийского учения.

¹⁴ Хурдэ или дхармачакра — колесо учения, символ учения Будды и его проповеди в Оленьем саду в Сарнатхе, отчего среди первых учеников присутствовали и газели.

его участия не произошло ни одно из достижений еравнинских буддистов того времени. Ему принадлежит заслуга открытия в Эгитуйском дацане факультета Тантры (Жуд от тиб. *rgyud*, монг. *undusun*), что говорит о нем как об образованном и целеустремленном буддийском йогине, достигшем высоких реализаций. Происходил он из очень состоятельной семьи хоринского рода хальбинов местности Гулба. Неустанно заботился о пользе землякам-кочевникам самых отдаленных окраин, например, есть архивные материалы его переписки с Верхнеудинским земским исправником, Хоринской Степной думой с ходатайством о переносе дацана в Шэндалай, в центральный район Еравнинских озер, ввиду большой удаленности Эгитуйского дацана от восточных сел Телемба и Шакша. Однако в 1897 г. часть бурят из западной части Еравны отправили прошение Богдо-гэгэну в Монголию с тем, чтобы дацан не переносить. Ответ Богдо-гэгэна гласил: оставить на старом месте, но обновить, что и было сделано [НАРБ. Фонд 285. Оп. 2].

О значимости ламы Зодбоева свидетельствует факт изготовления его портрета: создание персонифицированного образа ламы — нечастый случай в истории буддизма. В Музее истории Бурятии (НМРБ) сохранилось скульптурное изображение Донида Зодбоева (рис. 5а, 5б), выполненное его замечательными учениками, талантливыми еравнинскими художниками Тушиновым Дабой (Тушнэ Даба, 1890–1930) и Аригуновым Базаром (Аригунэ Базар, 1887–1928).

Довольно многочисленным для своего времени был и приход Эгитуйского дацана. В частности, на 1890 г. количество прихожан составляло: 4321 мужских душ, 4405 женских, всего 8646 душ [ГАРБ. Ф 285. Оп. 2. Д. 5. Л. 23–23об.]. Позднее в 1917 г., в очередной раз посетив Эгитуйский дацан, вновь отметит добротность, практичность, удобство и отсутствие показухи в устройстве монастыря. «Эгитуйский дацан, по степени своего благоустройства ближе всего подходит к типу Худунского дацана. Главные кумирни ни мало не поражают здесь ни своею несоразмерною с прочими зданиями величиною, ни блеском позолоты, ни яркостью своих красок, как это находим мы, например, в Цонгольском дацане, в ту пору как малые сумэ его представляются какими-то ничтожными лачужками, и стоят ветхими и полуразрушенными снаружи и совершенно пустующими внутри; не поразит в Эгэтуе и обилие кумирен, которые такие дацаны как Цзагустаевский, Джидинский и Бултумурский, считают по десятку и даже по 15-ти, 17-ти, 18-ти; в Эгитуйском дацане все построено без претензий на эффект, без ненужного излишества, но в пределах необходимого, прочно и солидно. Таково было мое впечатление от посещения Эгитуйского дацана в 1909 году, таким же осталось оно и в настоящий осмотр этого дацана; так как за истекшие 7 лет дацан изменился очень мало. ... в главном сумэ ежедневно совершается служение в честь гения-хранителя дацана, Чжамсарана и четырьмя малыми кумирнями, каждой из которых дано определенное назначение: так в кумирне Майдари отправляются медицинские хуралы в честь бурхана Манлы; в кумирне Аюши — читаются Аюшийн чога и Дэважингийн чога; кумирня Дара-эхэ, превосходящая своей вместимостью все прочие эгитуйские кумирни, специально назначена для совершения в ней хуралов и упражнений при изучении цанита; наконец, четвертое сумэ «Хурдэ» было возобновлено эгитуйцами в 1895 году со специальною целью хотя бы как-либо удовлетворить необходимости в Эгэтуе нововведенных чжудских хуралов» [Позднеев. Докладная записка в Департамент духовных дел. На 202 лл. 1917 год. С. 198–199].

О книгоиздательской деятельности Эгитуйского дацана

В конце февраля 1887 г. ламы Эгитуйского дацана очень срочно готовили описи отпечатанных ими книг с описанием содержания и переводом на русский язык, правильность которых должна была быть заверена личной подписью настоятеля монастыря Дашибала Зодбоева. Эти

материалы готовились по личному требованию коллежского секретаря, князя Эспера Ухтомского на тибетские и монгольские книги, которые он получил 2 года назад, в апреле 1885 г. Распоряжение на этот счет Хамбо-лама Гомбоев дает 18 февраля 1887 г., и материалы должны быть отправлены не позднее марта [ГАРБ. Ф. 285. Оп. 1. Д. 104. Л. 4].

Из письма от 5 июня 1860 г. зайсана Хоринской Степной думы Норбо Аюшеева временно исполнявшему дела настоятеля Эгитуйского дацана Рабжи Божиеву узнаем о сборе денег на изготовление Ганжура и Данжура: «В дацанах для изготовления книг Ганжура и Данжура необходимо собрать 1350 руб., из них 29 июня 1854 г. собрано и сдано Вам 64 руб. 72 коп., на что просим подтверждение о получении» [ГАРБ. Ф. 285. Оп. 2. Д. 77. Л. 6]. Свидетельством того, что канонический свод священного писания был издан эгитуйцами, служит другой документ, записанный через 10 лет: в «Отчете об имуществе дацана 1870 года» указано наличие рукописного Ганжура в 108 томах, 20 томов сумбумов¹⁵, рукописной книги «Мани-гамбум»¹⁶, писанной серебряной краской [ГАРБ. Ф. 285. Оп. 1. Д. 1. Л. 7–8, 11–11 об.].

По прошествии еще 20 лет в «Списке имущества Эгитуйского дацана 1890 года» обнаруживается наличие не только Ганжура (106 томов), изданного согласно плану 1860 г., но и Данжура (214 томов), а также 36 томов сумбумов и золотого тома «Жадамбь»¹⁷. Примечательно, что дацан имел в это время собственные матрицы для печати тибетских книги 13 комплектов, монгольских книг — 12 комплектов. Среди них такие фундаментальные книги, как «Пятикнижие Майтрей» на 301 листе на тибетском языке, «Тибетско-монгольский словарь» на 108 листах. Изготовление ксилографических матриц и издание текстов на монгольском языке позволяет определить степень профессиональной квалификации лам, а также доступность серьезной литературы для самого широкого круга лиц. В частности, на монгольском языке издавалась «Стотысячная сутра» Праджняпарамиты «Жадонба» на 399 листах, коренной четырехтомный трактат тибетской медицины «Чжуд-ши» на 801 листе, биография известного йогина XI в. «Намтар Миларайбь» на 224 листах [ГАРБ. Ф. 285. Оп. 1. Д. 1. Л. 23–24 об.].

Поэтапное увеличение количества ксилографических матриц говорит о поступательной динамике книгоиздательства. В 1909 г. во время своего очередного приезда А. М. Позднеев обнаружил в Эгите «доски для печатания 34 сочинений на тибетском языке и такого же числа на монголо-бурятском. Всего имеется 4543 доски на сумму 2205 рублей». То есть к архивному списку 1890 г. добавилось 22 книги, среди них такие крупные издания как «Намтар Бром-Ринпоче», медицинский рецептурный справочник «Ахантаб» на 496 л., фундаментальное сочинение тибетского ламы Цонкапы «Ламрим ченмо» на 441 л.» [Позднеев, 1909, с. 170–171].

К сожалению, библиотеки и ксилографические матрицы Эгитуйского дацана погибли в период ликвидации дацанов в 30-е гг. XX в. Мы можем представить количество буддийской литературы только по скупым спискам, сохранившимся в архивах отчетам ученых и сводкам лам, а также редким сохранившимся экземплярам, рассыпанным в разных коллекциях мира.

По записям Позднеева можно судить о демографической и кадровой ситуации в Эгитуйском дацане в начале XX века: «В составе Эгитуйского дацана 1) штатных лам — 11 человек, 2) нештатных, принявших на себя ламские обеты и частью научающих, а частью уже окончивших изучение цаннита, тантр, медицины, астрологии и других буддийских дисциплин приблизительно 300 человек. Некоторые из них живут в дацане, некоторые в степи, а некоторые

¹⁵ Сумбум — тиб. *gsung 'bum* — собрания авторских сочинений.

¹⁶ Мани гамбум — апокрифическое сочинение о родословной истории тибетских царей.

¹⁷ Тиб. *brgya ston pa* — Стотысячная сутра из канонического раздела Праджняпарамиты. Один из особо почитаемых текстов тибетского буддийского канона Ганжура, ввиду чего нередко издавался с использованием драгоценных минералов на черной лакированной бумаге, в данном случае текст был написан золотом.

по другим дацанам, собираясь к своему Эгитуевскому дацану лишь в дни великих хуралов. В эту пору их собирается всего до 450 лам, 3) помимо них при дацане проживают еще малолетки, обучающиеся тибетской и монгольской грамоте, кругу и обряду ламайских богослужебных чтений, выделке бурханов, вырезке книг и проч. Число их обычно бывает около 150 человек. Русского языка из них никто не изучает. На хуралы Эгитуевского дацана в хорошую погоду и в период, свободный от полевых работ собирается народу до 2000 человек» [Позднеев, 1917, с. 172].

Территория прихода Эгитуйского дацана распространялась на востоке до г. Читы в 250 верстах от дацана, на юге — до течения реки Хилок в 130 верстах от дацана, на западе — до Мааракту в 7 верстах от дацана, на севере — до Ногонийн хубши в 20 верстах от дацана. Общее число прихожан по данным на 1899 г. — 4719 душ мужского пола, 5066 душ женского пола; всего 9785 душ обоего пола [там же, с. 173].

ОБ УЧАСТИИ БУРЯТСКИХ ЛАМ В РАЗВИТИИ БУДДОЛОГИИ

Как уже упоминалось выше, Дашибал Зодбоев, как и другие духовные лица буддийской конфессии, всячески помогал ученым и исследователям, посещавшим Забайкалье. В частности А. М. Позднееву во время его поездок в 1878, 1898, 1909, 1917 гг. В 1898 г. Зодбоев получает послание от и. д. Хамбо-ламы Доржиева: «Департамент по делам православия Министерства внутренних дел известил меня о приказе министра от февраля 6 дня № 525 о том, что действительный член Российского географического общества, профессор Санкт-Петербургского университета Алексей Матвеевич Позднеев получил задание посетить забайкальские и монгольские дацаны, лечебницы с целью перевода тибето-монгольских лечебных трактатов и лхантаба для изучения их содержания. Во время его посещений дацанов и изучения лечебных книг и лекарств беспрепятственно уделите ему время, предоставьте ему лам, которые могут подробно рассказать о содержании лечебных книг, кроме того, предоставьте ему схемы внутреннего и внешнего строения человека и необходимые нужные книги, а также в поисках применяемых при лечении лекарств» [ГАРБ. Ф. 285. Оп. 2. Д. 114. Л. 30–30 об.].

В 1909 г. Позднеев приезжает как член совета Министерства просвещения «ознакомиться с управлением бурятским народом и истинным положением ламства для обсуждения нового проекта положения о буддийском духовенстве». Хамбо-лама Иролтуев издает срочный приказ ширетуям и ламам вверенных ему дацанов «к приезду господина Позднеева ... подготовить хорошее жилье для него, дать обширные и честные ответы на волнующие его вопросы о религии, кроме того, обеспечить его беспрепятственные переезды от дацана к дацану и уважительные встречи» [НАРБ. Ф. 285. Оп. 2. Д. 125. Л. 18 (с. 115–116)].

Ширэтуй Зодбоев принимал коллежского секретаря князя Эспера Ухтомского в сентябре 1886 г. «Он направлен с целью сбора разных правдивых сведений и изучения образа жизни ламайского духовенства Восточной Сибири, поэтому надо оказать ему всяческое содействие во время его поездок по дацанам... при посещении его высокоблагородием собраться всем ламам, оказать ему законное содействие и гостеприимство». Не случайно позднее Эспер Эсперович в своем знаменитом труде напишет: «В России никто еще почти не догадывается, что за государственно полезную работу совершают скромные ламайты на расстоянии многих сотен верст от сибирской границы. Увидят и оценят это во всем исторически важном объеме лишь последующие поколения» [Ухтомский, 1895, т. 2, с. 175]. Он говорил о роли тех, в частности, кто служил русским путешественникам проводниками на зарубежный Восток, но это в полной мере можно отнести и к деятельности бурятских лам в пределах Российской империи.

ОБ УЧАСТИИ ЗАБАЙКАЛЬСКИХ БУДДИСТОВ В СОЦИАЛЬНОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РОССИИ

Войны — не только региональные, но и Первая мировая, и Октябрьская революция и коренные переустройства социальной организации в начале XX в., естественно, отразились на жизни буддийских монастырей. 31 января 1904 г. в грозном преддверии Русско-японской войны в ставке Хамбо-ламы в Гусиноозерском дацане издается распоряжение Пандито Хамбо-ламы Чойнзон Доржи Иролтуева ширетую Эгитуйского дацана Дашибалу Зодбоеву, ламам и прихожанам о проведении молебнов за победу во всех дацанах в связи с началом военных действий на Востоке: «В нашем государстве распространились сведения о том, что на юго-восточной границе появились противники». «Предписываю, начиная с этого дня до победы над противником, до получения правдивого сообщения об избавлении от опасности во всех дацанах и сумэ ежедневно, беспрерывно проводить молебны, и пусть прихожане молятся в домах своих за счастье, за избавление от клещ, за добродетель. Мы все дружно должны помогать своему государству в меру своих возможностей, ламы должны срочно сообщить об этом своим прихожанам» [ГАРБ. Ф. 285. Оп. 2. Д. 120. Л. 4—4 об.]. Службы в храмах стали проводиться с 30 января, за 10 дней до начала военных действий у Порт-Артура.

После начала Первой мировой войны все население Забайкалья во главе с буддийским духовенством участвует в организации всемерной помощи фронту. В Верхнеудинске (ныне Улан-Удэ) 30 июля — 2 августа 1915 г. состоялось собрание Общебурятского комитета по сбору пожертвований на нужды войны, на котором говорилось о деятельности Петроградского бурятского лазарета, врачебно-питательного отряда, сборе пожертвований. Были созданы т. н. врачебно-питательные отряды, осуществлялся сбор средств среди бурятского населения для помощи раненым воинам и семьям, призванным на войну. Средства распределялись разными долями на пособие семьям призванных воинов (30 тыс.), на врачебно-питательный отряд от имени бурят (10 тыс.), на содержание Петроградского и Кавказского лазаретов (20 тыс.) и т. д. Хамбо-ламой Итигэловым было предложено совершить молебны в честь дня рождения цесаревича за долголетие, пожелать счастья, а также силы и бодрого духа князю и главнокомандующему доблестной армии Николаю Николаевичу, передать пожертвований 5000 рублей на военные нужды. Решено также обратиться к населению «о необходимости продолжать оказывать посильную помощь защитникам родины», ввиду тяжелого положения государства и народа [ГАРБ. Ф. 285. Оп. 2. Д. 131. Л. 48—49 об.].

С начала Первой мировой войны по 31 июля 1915 г. было собрано пожертвований на нужды войны от бурятского населения 86 010 руб. 72 коп. Из них 24 тыс. — на содержание Петроградского бурятского лазарета, 33 тыс. — отослано в Союз городов на содержание бурятского врачебно-питательного отряда, более 7 тыс. — на содержание бурятских коек на Кавказе, военному губернатору Забайкальской области — 8647 руб., в Красный Крест — 4157 руб. [Доклад Пандито Хамбо ламы Д.-Д. Итигэлова общему собранию членов Общебурятского комитета по сбору пожертвований на нужды войны и денежной отчетности. 1 августа 1915 г. ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 475. Л. 47].

Хамбо-лама Итигэлов особое внимание уделяет главнокомандующему доблестной армии Николаю Николаевичу, адресно собраны пожертвования в 5000 рублей на военные нужды [ГАРБ. Ф. 285. Оп. 2. Д. 131. Л. 48—49 об.].

Выводы

В начале XX в. буддийские дацаны Восточной Сибири были интегрированы в общероссийскую социально-экономическую структуру, всемерно участвовали в жизни страны и переживали вместе с ней все тяготы и невзгоды.

Имели квалифицированный и разнообразный штат священнослужителей, развитую систему образования, специализированное книгоиздательство на тибетском и монгольском языках, производство культовых предметов, ремесленные мастерские, сеть междоцанского сотрудничества, централизованное управление и хорошо поставленное делопроизводство.

Взаимодействовали с востоковедами, исследователями буддизма, обеспечивали российских ученых необходимыми текстами, изображениями, сопровождением, жильем и питанием, консультировали и помогали в освоении буддийских текстов и переводов их на русский язык. Одновременно не забывали поддерживать взаимосвязи с тибетскими и монгольскими буддийскими центрами, хорошо ориентировались в происходящих международных событиях и умели отстаивать собственную позицию. Совокупность всех этих факторов позволила убедить священное изображение Сандалового Будды от опасности уничтожения во время беспорядков в Пекине 1900 г., укрыть в буддийском монастыре сибирской глубинки России и сохранить до наших дней.

Литература и источники

Андреевич В. К. Краткий очерк истории Забайкалья от древнейших времен до 1762 года. СПб., 1887. 257 с.

ГАРБ. Ф. 285. Оп. 2. Д. 95. Л. 26–26об. Письмо и. д. Пандито Хамбо ламы Дампила Гомбоева ширетую Эгитуйского дацана Цэдэн Доржи Санжиеву об оказании содействия профессору А. М. Поздневу в сборе дацанских изделий и книг для студентов Санкт-Петербургского университета. Гусиноозерский дацан, 5 июля 1878 г.

ГАРБ. Ф. 285. Оп. 1. Д. 1. Л. 23–24об. Список имущества Эгитуйского дацана в 1890 году.

ГАРБ. Ф. 285. Оп. 1. Д. 1. Л. 7–8, 11–11об. Отчет об имуществе Эгитуйского дацана 1870 года.

ГАРБ. Ф. 285. Оп. 2. Д. 114. Л. 30–30 об. Предписание № 251 от 10 апреля 1898 г. и. д. Хамбо-ламы Доржиева ширетую Эгитуйского дацана Дашибалу Зодбоеву об оказании содействия в работе профессора Санкт-Петербургского университета А. М. Позднеева, направленного в Забайкалье для изучения тибетских медицинских сочинений.

ГАРБ. Ф. 285. Оп. 2. Д. 21. Л. 2–3об. Список лам и хуvaraков Эгитуйского дацана с указанием возраста, должности, звания, местожительства за 1831 г. Рукопись.

ГАРБ. Ф. 285. Оп. 2. Д. 23. Л. 1–3. Список лам и хуvaraков Эгитуйского дацана с указанием возраста, должности, звания, местожительства за 1841 г. Рукопись.

ГАРБ. Ф. 285. Оп. 2. Д. 95. Л. 29. Сообщение № 4096 от 4 сентября 1878 г. заседателя Хоринской Степной думы Одоскина и. д. ширетую Эгитуйского дацана Чагдару Эрдынееву о получении от него одного ящика с книгами для кандидата Санкт-Петербургского университета А. М. Позднеева. Село Анинское.

ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 475. Л. 47. Доклад Пандито Хамбо ламы Д.-Д. Итигэлова общему собранию членов Общебурятского комитета по сбору пожертвований на нужды войны и денежной отчетности. 1 августа 1915 г.

Позднеев А. М. Къ исторiи развитiя буддизма въ Забайкальскомъ краѣ. // Записки Восточнаго отдѣленiя императорскаго русскаго археологическаго общества. Издаваемыя подѣ редакцiею управляющаго отдѣленiемъ Барона В. Р. Розена. Томъ первый. 1886 (съ приложенiемъ пятнадцати таблицъ). СПб., 1887.

Позднеев А. М. [Рецензия:] Андриевич, В. К. Краткий очерк истории Забайкалья от древнейших времен до 1762 г. // Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества. Том третий. 1888. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1889. С. 135–136.

Позднеев А. М. Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892–1893 гг. В 2 т. Т. 1: Дневник и маршрут 1892 г. СПб.: Тип. ИАН, 1896. С. 500.

Позднеев А. М. Подробные сведения о ламстве Восточной Сибири и проект положения об управлении их делами. 1909 г. Архив востоковедов. Ф. 44. Оп. 1. Д. 133. 192+6 лл.

Позднеев А. М. Докладная записка в Департамент духовных дел. 1917 г. Архив востоковедов, ИВР РАН АВ. Ф. 44. Оп. 1. Д. 132. 262 лл.

Положение о Ламайском духовенстве в Восточной Сибири 1853 года // Забайкальская духовная миссия (1681–1903): Очерк из истории православ. миссии в Вост. Сибири / [Соч.] Прот. Александра Никольского. М.: печатня А. И. Снегиревой, 1904. 98 с. Приложение 1. https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/zabajkalskaja-duhovnaja-missija-1681-1903-gg/2 (дата обращения: 12.11.2022).

Терентьев А. А. Сандаловый Будда раджи Удаяны. СПб.: Изд. А. Терентьева, 2010. 110 с., илл. Успенский В. А. Тибетский буддизм в Пекине. СПб.: Студия НП-Принт, 2011.

Ухтомский Э. Э. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича, 1890–1891: [в 3 т., 6 ч.]; ил. Н. Н. Каразина. СПб.; Лейпциг: Ф. А. Брокгауз, 1893–1897.

Arlington, L. C., Lewisohn, William. In Search of Old Peking. (Re-edition of Peking, 1935). Soul Care Publishing, 2016. 434 pp.

Belka, L. Zandan Zhuu and The Buryat Sangha: History and present state // Экологические проблемы и духовные традиции народов Байкальского региона. Улан-Удэ: Изд-во ГУЗ РЦМП МЗ РБ, 2006. С. 143–152.

Das S. Ch. Tibetan-English Dictionary. Calcutta, 1901.

Gift from Peking for the Museum of Art: H. G. Squiers to Present Bronzes and Curios to This City. *The New York Times* (3 September 1901): 3. Retrieved 11 January 2009.

Hevia, James L. Looting Beijing, 1860, 1900 // Tokens of Exchange: The Problem of Translation in Global Circulations. Edited by Lydia He Liu. Duke University Press, 1999. P. 192–213.

Squiers Collection on Sale; Mrs. Pembroke Jones Among Purchasers of Old Chinese Porcelains. *The New York Times* (10 April 1912): 22. Retrieved 11 January 2009.

The Heart of Peking: Bishop A. Favier's Diary of the Siege, May–August 1900. Ed. Joseph Freri. Boston: Marlier, 1901. https://archive.org/stream/heartpekinbisho00frgoog/heartpekinbisho00frgoog_djvu.txt. Retrieved 8 January 2009 (дата обращения: 12.11.2022).

Trevor-Roper, Hugh Redwald. A Hidden Life: The Enigma of Sir Edmund Backhouse (published in the US, and in later Eland editions in the UK, as The Hermit of Peking: The Hidden Life of Sir Edmund Backhouse), 1976.

References

Andriyevich, V. K. Kratkiy ocherk istorii Zabaykal'ya ot drevneyshikh времен do 1762 goda. SPb., 1887.— A brief outline of the history of Transbaikalia from ancient times to 1762 (in Russian).

Arlington, L. C., Lewisohn, William. In Search of Old Peking (Re-edition of Peking, 1935). Soul Care Publishing, 2016. 434 pp.

Belka, L. Zandan Zhuu and The Buryat Sangha: History and present state // Экологические проблемы и духовные традиции народов Байкальского региона. Улан-Удэ: Изд-во ГУЗ РЦМП МЗ РБ, 2006. С. 143–152. In: *Ekologicheskie problem I dukhovnye trechtsii narodov Baikalskogo regiona. Ulan-Ude.— Ecological problems and spiritual traditions of the peoples of Baikal region (in English).*

Das S. Ch. Tibetan-English Dictionary. Calcutta, 1901.

GARB. F. 285. Op. 2. D. 95. L. 26–26ob. Pis'mo i. d. Pandito Khambo lamy Dampila Gomboyeva shiretuyu Egituyskogo datsana Tseden Dorzhi Sanzhievu ob okazanii sodeystviya professoru A. M. Pozdneyevu v sbore datsanskikh izdelyi i knig dlya studentov Sankt-Peterburgskogo universiteta. Gusinoozerskiy datsan. 5 iyulya 1878 g. (The State archive of the Republic of Buryatia). The letter by e. c. Pandito Khambo lama Dampil Gomboev to the abbot of Egituyskiy datsan Tseden Dorje Sanzhiev about supporting in the matter of collecting monastic items and books for the students of Saint Petersburg's University) (in Buryat-Mongolian and Russian).

GARB. F. 285. Op. 1. D. 1. L. 23–24rev. Spisok imushchestva Egituyskogo datsana v 1890 godu. List of property of the Egitui datsan in 1890 (in Buryat-Mongolian and Russian).

GARB. F. 285. Op. 1. D. 1. l.7–8, 11–11ob. Otchet ob imushchestve Egituyskogo datsana 1870 goda.

GARB. F. 285. Op. 1. D. 1. l.7–8, 11–11v. Report on the property of the Egitui datsan in 1870 (in Buryat-Mongolian and Russian).

GARB. F. 285. Op. 2. D. 114. l. 30–30 ob. Predpisaniye № 251 ot 10 aprelya 1898g. i. d. Khambo-lamy Dorzhiyeva shiretuyu Egituyskogo datsana Dashibalu Zodboyevu ob okazanii sodeystviya v rabote professora. — e. r. Khambo Lama Dorzhiev to the Egituyskiy datsan Dashibala Zodboeva for assistance in the work of Professor of St. Petersburg University A. M. Pozdnev, sent to Transbaikalia to study Tibetan medical writings (in Buryat-Mongolian and Russian).

GARB. F. 285. Op. 2. D. 21. L. 2–3ob. Spisok lam i khuvarakov Egituyskogo datsana s ukazaniye vozrasta, dolzhnosti, zvaniya, mestozhitel'stva za 1831 g. Rukopis'. — List of lamas and huvaraks of the Egituyskiy datsan with indication of age, position, rank, place of residence for 1831. Manuscript (in Buryat-Mongolian and Russian).

GARB. F. 285. Op. 2. D. 23. l.1–3. Spisok lam i khuvarakov Egituyskogo datsana s ukazaniye vozrasta, dolzhnosti, zvaniya, mestozhitel'stva za 1841 g. Rukopis'. — List of lamas and huvaraks of the Egitui datsan with indication of age, position, rank, place of residence for 1841. Manuscript (in Buryat-Mongolian and Russian).

GARB. F. 285. Op. 2. D. 95. L. 29. Soobshcheniye № 4096 ot 4 sentyabrya 1878 g. zasedatelya Khorinskoy Stepnoy dumy Odoskina i. d. shiretuya Egituyskogo datsana Chagdaru Erdyneyevu o poluchenii ot nego odnogo yashchika s knigami dlya kandidata Sankt-Peterburgskogo universiteta A. M. Pozdneyeva. Selo Aninskoye. — Message No. 4096 dated September 4, 1878 by the assessor of the Khorinsky Steppe Duma Odoskin I. d. spreading the Egituyskiy datsan to Chagdar Erdynev about receiving from him one box of books for the candidate of St. Petersburg University A. M. Pozdnev. Aninsky village (in Buryat-Mongolian and Russian).

GARB. F. 84. Op. 1. D. 475. L. 47. Doklad Pandito Khambo lamy D.-D. Itigelova obshchemu sobraniyu chlenov Obshcheburyatskogo komiteta po sboru pozhertvovaniy na nuzhdy voyny i denezhnoy otchetnosti. 1 avgusta 1915 g. — Report by Pandito Khambo Lama D.-D. Itigelov to the general meeting of members of the All-Buryat Committee for the collection of donations for the needs of the war and financial reporting. August 1, 1915 (in Buryat-Mongolian and Russian).

Gift from Peking for the Museum of Art: H G. Squiers to Present Bronzes and Curios to This City // The New York Times (3 September 1901): 3. Retrieved 11 January 2009.

Hevia, James L. Looting Beijing, 1860, 1900 // Tokens of Exchange: The Problem of Translation in Global Circulations. Edited by Lydia He Liu. Duke University Press, 1999. P. 192–213.

Polozheniye o Lamayskom dukhovenstve v Vostochnoy Sibiri 1853 goda // Zabaykal'skaya dukhovnaya missiya (1681–1903): Ocherk iz istorii pravoslav. missii v Vost. Sibiri / [Soch.] Prot. Aleksandra Nikol'skogo. Moskva: pechatnya A. I. Snegirevoy, 1904. 98 s. Prilozheniye 1 — Regulations on the Lamai clergy in Eastern Siberia, 1853 // Transbaikal Spiritual Mission (1681–1903): Essay on the history of orthodox. missions in Vost. Siberia / [Coll.] Prot. Alexander Nikolsky. Appendix 1. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/zabajkalskaja-duhovnaya-missiya-1681-1903-gg/2 (accessed 11.12.2022) (in Russian).

Pozdnev A. M. K istorii razvitiya buddizma v Zabaykal'skom krae. // Zapiski Vostochnago otdeleniya imperatorskago russkogo arkheologicheskogo obshchestva. Izdavayemyya pod redaktsiye upravlyayushchago otdeleniem Barona V. R. Rozena. Tom pervyy. 1886 (s prilozheniem pyatnadsati tablits). SPb., 1887. On the history of the development of Buddhism in the Trans-Baikal Territory. // Notes of the Eastern Branch of the Imperial Russian Archaeological Society. Published under the editorship of the head of the department, Baron V. R. Rosen. Volume one. 1886 (with an appendix of fifteen tables) (in Russian).

Pozdneyev A. M. [Retsenziya:] Andriyevich, V. K. Kratkiy ocherk istorii Zabaykal'ya ot drevneyshikh vremen do 1762 g. // Zapiski Vostochnogo Otdeleniya Imperatorskogo Russkogo Arkheologicheskogo Obshchestva. Tom tretiy. 1888. SPb.: Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk, 1889. S. 135–136. — [Review:] Andriyevich, V. K. A brief outline of the history of Transbaikalia from ancient times to 1762 // Notes of the Eastern Branch of the Imperial Russian Archaeological Society (in Russian).

Pozdneyev A. M. Mongoliya i mongoly. Rezul'taty poyezdki v Mongoliyu, ispolnennoy v 1892–1893 gg. V 2 t. T. 1: Dnevnik i marshrut 1892 g. SPb.: Tip. IAN, 1896. S. 500. — Pozdnev A. M. Mongolia and Mongols. The results of a trip to Mongolia, carried out in 1892–1893. In 2 vols. T. 1: Diary and route 1892 (in Russian).

Pozdneyev A. M. Podrobnyye svedeniya o lamstve Vostochnoy Sibiri i proyekt polozheniya ob upravlenii ikh delami. 1909 g. Arkhiv vostokovedov. F. 44. Op. 1. D. 133. 192+6 ll. — Pozdnev A. M. Detailed information about the lamas of Eastern Siberia and a draft regulation on the management of their affairs. 1909. Archive of Orientalists (in Russian).

Pozdneyev A. M. Dokladnaya zapiska v Departament dukhovnykh del. 1917 g. Arkhiv vostokovedov, IVR RAN AV F. 44. Op. 1. D. 132. 262 ll. — Pozdnev A. M. Report to the Department of Spiritual Affairs. 1917. Archive of Orientalists, IOM RAS (in Russian).

Squiers Collection on Sale; Mrs. Pembroke Jones Among Purchasers of Old Chinese Porcelains // The New York Times (10 April 1912): 22. Retrieved 11 January 2009.

Terent'yev A. A. Sandalovyy Budda radzhi Udayany. SPb.: Izdaniye A. Terent'yeva, 2010. 110 s., ill. — Sandalwood Buddha of Raja Udayana (in Russian).

The Heart of Peking: Bishop A. Favier's Diary of the Siege, May–August 1900. Ed. Joseph Freri. Boston: Marlier, 1901. URL: https://archive.org/stream/heartpekinbisho00frgoog/heartpekinbisho00frgoog_djvu.txt. (accessed 10.12.2022).

Trevor-Roper, Hugh Redwald. A Hidden Life: The Enigma of Sir Edmund Backhouse (published in the US, and in later Eland editions in the UK, as The Hermit of Peking: The Hidden Life of Sir Edmund Backhouse), 1976.

Ukhtomskiy E. E. Puteshestviye na Vostok Yego Imperatorskogo Vysochestva gosudarya naslednika tsesarevicha, 1890–1891: [v 3 t., 6 ch.]; il. N. N. Karazina. — SPb.; Leyptsig: F. A. Brokgauz, 1893–1897. Journey to the East of His Imperial Highness the Sovereign Heir to the Tsarevich, 1890–1891 (in Russian).

Uspenskiy V. L. Tibetskiy buddizm v Pekine. SPb.: Studiya NP-Print, 2011. — Tibetan Buddhism in Beijing (in Russian).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ (на вкладке)

Рис. 1. Храм Сандан-сы (Хунжэнсы). Фото А. Фавье [Favier, 1897].

Рис. 2а. Зандан Жуу в Эгитуйском дацане, Бурятия. Дерево, высота 218 см. Фрагмент фото из книги Терентьева [Терентьев, 2005].

Рис. 2б. Сэйрё-дзи в Киото, Япония. Копия Сандалового Будды (Shaka Nyorai). Высота 160 см. Привезена японским монахом Тёнэн в 986 г. из Китая [JAANUS — Japanese Architecture and Art Net Users System. List of National Treasures of Japan (sculptures)].

Рис. 3а. Эгитуйский дацан. Фото 1927 г. Фонд НАРБ.

Рис. 3б. Эгитуйский дацан сегодня. Цогчен дуган. Фото: С.-Х. Д. Сыртыпова. Август 2022 г.

Рис. 4. Фрагмент документа «Список лам и хуvaraков Эгитуйского дацана с указанием возраста, должности, звания, местожительства» по состоянию на 1831 г.

Рис. 5а. Портрет Д. Зодбоева (1824–1915). Папье-маше, минеральные краски. Художники: Тушнэ Даба (1880–1930) и Аригунэ Базар (1882–1928). Музей истории Бурятии (НМРБ). Улан-Удэ. Фото: С.-Х. Д. Сыртыпова.

Рис. 5б. Донида Зодбоев, настоятель Эгитуйского дацана. Фото раскрашенное. Начало XX в. Архив А. А. Терентьева.

**РУКОПИСЬ ИЗ ГАИО «ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА
О НЕПРОЧНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ ХУЛУНБУИРА»
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
ВНЕШНЕЙ МОНГОЛИИ И ХУЛУН-БУИРА В 1912–1915 гг.**

© 2023

А. В. Курас, Б. Д. Цыбенков¹

В статье рассматривается малоизвестный источник — рукопись «Историческая справка о непрочности политического положения Хулунбуира», хранящаяся в Государственном архиве Иркутской области. Проведены следующие работы: описание рукописи, уточнение ее датировки, определение вероятной источниковой базы. Выполнен сравнительно-сопоставительный анализ исторических фактов, представленных в рукописи. Выяснено, что в двух первых предложениях анонимный автор обрисовал суть неопределенной ситуации, сложившейся с присоединением Хулун-Буира к Внешней Монголии в 1912 г. Охарактеризованы другие составляющие текста: малоизвестные сведения о поездке в Ургу баргутского ламы Лобсанчжамба и затем о посещении делегации Хулун-Буира; данные о встрече делегатов с российским консулом В. Ф. Любой и описание его реакции на факт присоединения Хулун-Буира к Внешней Монголии; наконец, сказано о разочаровании правителя Хулун-буира — Шенфу, осознавшего зависимость Хулун-Буира от зависимой, в свою очередь, Внешней Монголии и т. д. Анализ содержания последнего листа рукописи позволяет заключить, что часть хулунбуирского чиновничества, близкого к маньчжурам, выражала открытое недовольство сложившейся ситуацией. Автор статьи предполагает, что часть даурских чиновников, в отличие от баргутов, искренне уверовавших в создание единого Монгольского государства, склонялась к восстановлению маньчжурской династии и была недовольна неясным будущим Хулун-Буира.

Ключевые слова: источник; Хулун-Буир; Внешняя Монголия; Дамдинсурун; Шенфу; Хутухта; делегация

Для цитирования: Курас А. В., Цыбенков Б. Д. Рукопись из ГАИО «Историческая справка о непрочности политического положения Хулунбуира» как источник по истории взаимоотношений Внешней Монголии и Хулун-Буира в 1912–1915 гг. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 1. С. 150–160. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-1-150-160

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22–68–00054, <https://rscf.ru/project/22-68-00054/A>

¹ Курас Леонид Владимирович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, Улан-Удэ; kuraslv@yandex.ru
Leonid V. Kuras, Doctor. Sc. (History), Chief Research Associate, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS. Ulan-Ude; kuraslv@yandex.ru
ORCID: 0000–0003–4507–249X

Цыбенков Базар Догсонович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН; bazar75@mail.ru
Bazar D. Tsybenov, Cand. Sc. (History), Senior Research Associate, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS; bazar75@mail.ru
ORCID: 0000–0002–0404–7207

**MANUSCRIPT FROM THE STATE ARCHIVES OF THE IRKUTSK
REGION «HISTORICAL INFORMATION ABOUT THE FRAGILITY OF
THE POLITICAL SITUATION OF HULUNBUIR» AS A SOURCE ON THE
HISTORY OF RELATIONS BETWEEN OUTER MONGOLIA
AND HULUN-BUIR IN 1912–1915**

Leonid V. Kuras, Bazar D. Tsybenov

A little-known source — the manuscript «Historical information on the fragility of the political situation of Hulunbuir», stored in the State Archives of the Irkutsk region is considered. Description of the manuscript, clarification of its dating, determination of the probable source base was performed by the author of the article. A comparative analysis of the historical facts presented in the manuscript was carried out. It was found that in the first two sentences the anonymous author outlined the essence of the uncertain situation that developed with the joining of Hulun Buir to Outer Mongolia in 1912. Other components of the text are characterized: little-known information about the trip to Urga of the Bargut lama Lobsanchjamba and then about the visit of the delegation of Hulun-Buir; data on the meeting of the delegates with the Russian consul V. F. Lyuba and a description of his reaction to the fact of the annexation of Hulun-Buir to Outer Mongolia; finally, it is said about the disappointment of the ruler of Hulun-Buir — Shenfu, who realized the dependence of Hulun-Buir on the dependent, in turn, Outer Mongolia, etc. An analysis of the contents of the last page of the manuscript allows us to conclude that part of the Hulunbuir officials, close to the Manchus, expressed open dissatisfaction with the situation. The author of the article suggests that some of the Daurian officials, unlike the Barguts, who sincerely believed in the creation of a unified Mongolian state, tended to restore the Manchu dynasty and were unhappy with the unclear future of Hulun Buir.

Keywords: source; Hulun Buir; Outer Mongolia; Damdinsurun; Shenfu; Hutukhta; delegation

For citation: Kuras L. V., Tsybenov B. D. Manuscript from the State Archives of the Irkutsk region «Historical information about the fragility of the political situation of Hulunbuir» as a source on the history of relations between Outer Mongolia and Hulun-Buir in 1912–1915. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2023. 1. Pp. 150–160. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-1-150-160

ВВЕДЕНИЕ

Фактором усиления тенденций отделения некоторых национальных регионов, ранее подвластных Цинской империи, стала Синьхайская революция 1911 г., приведшая в итоге к крушению незыблемой прежде империи. Одним из итогов явилось провозглашение независимости в конце 1911 г. Внешней Монголии во главе с буддийским лидером Богдо-гэгэном VIII. Однако преемница Цинской империи — Китайская Республика — отказалась признавать ее суверенитет, наделив правами широкой автономии. С другой стороны, Российская империя и далее СССР стремились к усилению своего влияния в этом регионе. Из истории известно, что проблема независимости Внешней Монголии несколько десятков лет оставалась камнем преткновения в политических взаимоотношениях Российской империи / СССР и Китайской Республики и была окончательно разрешена в пользу независимой Монгольской Народной Республики в октябре 1945 г., после окончания Второй мировой войны. В то время это был один из редких примеров разрешения ситуации образованием государства — реального актора международных отношений.

В большинстве случаев в результате распада полиэтничных империй / государств появляются недолговечные государственные образования, которые в силу разных причин вновь оказываются в составе обновленного, но по сути прежнего государства. Одним из таких государственных образований в свое время был Хулун-Буир (ныне городской округ Хулун-Буир Автономного района Внутренняя Монголия КНР), провозгласивший независимость в 1912 г. Дальнейшая история Хулун-Буира, включая его возвращение в состав Китайской Республики в 1920 г., достаточно хорошо известна. Тем не менее история обретения независимости, несмотря на исторически хорошо обозримый период и существование разноязычных источников, продолжает обрастать новыми, в первую очередь архивными, деталями.

Один из интересных архивных источников по проблеме независимости вышеупомянутого региона — «Историческая справка о непрочности политического положения Хулунбуира». Этот документ хранится в Государственном архиве Иркутской области [ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 821, 8 л.], представляет собой неполную рукопись, возможно, черновой вариант научной работы или отчета. Записи сделаны карандашом, на последнем (шестом) листе они местами утрачены вследствие порчи бумаги. Очевидно, что исходный текст был гораздо большего объема, нежели его сохранившаяся часть. Автор рукописи неизвестен. По всей видимости, им был представитель интеллигенции или чиновник, чьи обязанности или интересы включали изучение современной ситуации в Хулун-Буире. Дату написания рукописи можно предварительно определить как 1915 г. Между тем в архиве дело ошибочно датировано 1872 г. Можно предположить, что в силу различных обстоятельств маленькая по объему рукопись о Хулун-Буире могла оказаться в кипе архивных материалов за 1872 г. С другой стороны, указание на 1872 г., возможно, было связано с другими работами автора рукописи, датированными этим годом. Хотя, как нам сейчас кажется, могла иметь место техническая погрешность архивистов, которые датировали документ исходя из отчетливо прописанной даты — 1872 г. — в начале 5-го листа работы.

Перейдем, собственно, к анализу текста рукописи. В верхней части первого листа имеется запись «газет Монголун сонин бичиү». Здесь, очевидно, из-за порчи бумаги утрачен стоявший впереди словосочетания предлог «из». Таким образом, запись была следующей: «из газет Монголун сонин бичиү». На основании этого можно сделать вывод, что автор в написании своей работы использовал материалы указанной газеты, издававшейся русскими в начале XX в. в Харбине [Пайчадзе, 1997, с. 51–56]. Известно, что она издавалась на старописьменном монгольском языке. А. В. Бурдуков писал в ноябре 1910 г. В. Л. Котвичу, что многие монголы просили у него эту газету, очень интересовались ею. В результате в 1912 г. Бурдуков привлек уже около 10 подписчиков на «Монголун сонин бичиү» [Даревская, 1963, с. 206]. Газета, как мы видим, пользовалась успехом во Внешней Монголии. Вероятно, читали ее и во Внутренней Монголии, где, к слову сказать, старописьменный монгольский язык сохранился и по сей день. Возвращаясь к нашему источнику, с большой долей уверенности предположим, что анонимный автор в написании своей работы использовал некоторые номера вышеуказанной газеты.

ВОПРОС О СТАТУСЕ ХУЛУН-БУИРА ПОСЛЕ ВОССТАНИЯ 1912 ГОДА: НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ СИТУАЦИИ И НАЧАЛО ПОЛЯРИЗАЦИИ ВЗГЛЯДОВ ЧИНОВНИЧЕСТВА

Рукопись начинается с предложения, в котором, очевидно, отражена вся суть последующего повествования: «В прошлом году, после того как Ургинское правительство, после состоявшегося уже официального присоединения Хулунбуира к владениям Хутухты, вдруг отказалось от своего намерения ввести эту область в состав независимой Монголии, правление

в Хулунбуири стало не прочным и у правителей области начались разногласия по самому малейшему поводу» [ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 821, л. 1]. Речь идет о событиях после 1912 г., когда население Хулун-Буира, свергнув китайские власти, решило присоединиться к богдо-гэгэновской Монголии. Известно, что первоначально все шло хорошо, и есть данные о вхождении Хулун-Буира в состав Внешней Монголии, где он и находился до Кяхтинской конференции 1915 г. [Atwood, 2002, p. 121]. В связи с этим интересна трактовка автора относительно объединения двух монгольских регионов, указывающая, с одной стороны, на официальное присоединение Хулун-Буира, а с другой — на отказ от включения региона в состав Внешней Монголии. По его мнению, такова была позиция монгольского правительства. Неопределенная ситуация с вхождением в состав Внешней Монголии не могла не вызвать разногласий среди чиновников Хулун-Буира. Как далее отмечает автор, расхождения во взглядах были довольно серьезные: «Одни стали явно на сторону прежнего своего покровителя Китая и начали восхвалять его «мудрое» правление, от которого население Хулунбуира столько веков благоденствовало, другие по-прежнему оставались верными идее объединения Монголии и указывали на колебание Ургинского правительства, как на явление временное и вынужденное политическими комбинациями; последние стали призывать к солидарности и рисовали последствия, которые прочат (?) Хулунбуиру при разделении власти в управлении Ургой» [ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 821, л. 1]. Конец предложения не совсем понятен нам, не удалось разобрать написанное автором. Тем не менее из данного предложения можно сделать вывод о наличии в среде хулун-буирского чиновничества двух полярных точек зрения на происходящие события. Таким образом, первый абзац рукописи посвящен актуальности темы исследования и может быть трактован как введение или вводная часть статьи.

После вводной части автор переходит к истории «хулунбуирского вопроса»: «... в начале 1912 года после нескольких стычек у города Лубинфу (около ст. Маньчжурия) хулунбуирские монголы объявили себя независимыми от Китая и во главе с бывшим угурдой Шенфу установили в области самостоятельное управление» [ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 821, л. 1]. Вышеуказанные события достаточно хорошо рассмотрены в исторической науке [Базаров, 2002, с. 10–11; Тарасов, 2013, с. 51–52], можно отметить соответствие сведений архивного источника другим официальным данным. Между тем можно утверждать, что в тексте нет сведений о факте захвата составившими монголами в 1912 г. административного центра региона — города Хайлар и изгнания из него китайских властей. Упор в работе сделан на столкновения у города Лубинфу, которые и явились решающими в деле обретения независимости. Не отмечена в рукописи помощь российских военных, которая имела большое, если не решающее значение в исходе вооруженного противостояния монголов и китайцев. По некоторым данным, во время перестрелки у Лубинфу был убит русский офицер 15-го стрелкового полка Каплинский, выступивший с баргугами добровольцем. Оружие баргугам было роздано бурятским деятелем Ц.-Е. Цыдыповым в Маньчжурии ночью перед выступлением [АУФСБ по РБ, д. 7536, л. 153].

Интересные сведения даны о новом правителе Хулун-Буира — Шенфу, который назван «бывшим угурдой». Над словом «угурда» сделана ссылка в виде буквы «х» и внизу страницы указано, что «угурда — от маньчжурского «ухэрида» — полковник. Там же отмечено, что Шенфу около 1908 г. был помощником китайского фудутуна (губернатора Хулунбуира)» [ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 821, л. 1]. Это обстоятельство согласуется с воспоминаниями внука Шенфу — Соелжава, который указывал, что в 1908 г. впервые управляющим Хулун-Буира (монг. «Хулунбуйрын захирагч») стал выходец из монголов — Шенфу. Сын простых скотоводов, научившийся писать, отмечая буквы на песке, он сумел дослужиться до высокой должности самостоятельно.

Шенфу прошел путь от писаря канцелярии до амбана Хулун-Буира и пользовался большим уважением в народе [Qosokava, 2015, с. 19–20].

ПЕРВЫЕ ДЕЛЕГАЦИИ ХУЛУН-БУИРА ВО ВНЕШНЮЮ МОНГОЛИЮ В 1912 ГОДУ: СОСТАВ, ВРЕМЯ ПРЕБЫВАНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ ПЕРЕГОВОРОВ С БОГДО-ГЭГЭНОМ И ГЕНЕРАЛЬНЫМ КОНСУЛОМ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В УРГЕ В. Ф. ЛЮБОЙ

К малоизвестным в отечественном монголоведении данным относится отмеченная в источнике поездка в Ургу из Хулун-Буира влиятельного ламы Лобсанчжамба — выходца из новых баргутов, которого анонимный автор называет первым посланцем для зондирования почвы насчет присоединения Хулун-Буира к Халхе. Отмечается, что Лобсанчжамба был встречен очень радушно и давал из Урги благоприятные сведения. Дата поездки неизвестна, но есть указание, что в конце января (очевидно, речь идет о 1912 г.) по указанию Хутухты он был награжден шелковым олбоком (квадратным ковриком для сиденья) [ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 821, л. 1], считающимся весьма почетной наградой в среде буддийского духовенства. Можно предположить, что поездка Лобсанчжамбы в Ургу могла состояться в начале января 1912 г. Данные о награждении указанного ламы шелковым олбоком (монг. *торгон дэвсгэр*) от имени Богдо-хана сохранились в монгольских архивных документах. Там же отмечается, что Лобсанчжамба имел духовные звания гелуна и рабчжамбы, относился к сплошному белому знамени новых баргутов [Монголчуудын, 2014, с. 98]. В целом буддийское духовенство Хулун-Буира было за присоединение региона к Внешней Монголии. В частности, монастырь Өлзий Энхжүүлэгч, являвшийся центром буддизма в Новой Барге, весной 1912 г. изъявил желание следовать уставу и порядку, установленному Богдо-гэгэном [Мягмарсамбуу, 2017, с. 48].

Поездка ламы Лобсанчжамбы в целом увенчалась успехом, и, как далее отмечено в источнике, «монголы стали склоняться на сторону Халхи и весной того же года созвали было правителей хошунов с выборными от народа на совещание, в результате которого было составлено посольство в Ургу к Хутухте с просьбой о подданстве» [ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 821, л. 2]. Здесь можно обнаружить некоторое несоответствие в хронологии, поскольку далее отмечено, что «посольство прибыло в Ургу 6 февраля 1912 г. и в апреле было принято на аудиенции Хутухтой» [ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 821, л. 2]. Факт прибытия делегации Хулун-Буира в Ургу 6 февраля 1912 г., надо думать, указан точно и сомнению не подлежит. Тогда что же означает «совещание, созванное весной»? На наш взгляд, в работе приведен дословный перевод со старописьменного монгольского языка, где под весной подразумевалось наступление этого сезона и соответственно начало нового года согласно традиционному восточному (лунному) календарю. Каждый год он выпадает на разные дни января-марта. В нашем случае можно предположить, что весна и новый год в 1912 г. наступили до 6 февраля, возможно, в январе. Поэтому в работе говорится о весне по традиционному лунному календарю, хотя на деле события могли происходить зимой, в январе.

В состав делегации входили командир 3-го сумуна белого ново-монголо-бурятского знамени, сумуну-цзангин (есаул, капитан) Дамдинсурун, ставший во главе посольства; старшины Чжангца, Паданга, Яндабу (или Ямбалту), Бодигэрэл и писарь Гуйсаху [ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 821, л. 2]. Эти данные о составе делегации коррелируют с опубликованными документами из Монгольского национального архива. Так, в указе Богдо-хана от 11 февраля 1911 г. отмечены следующие делегаты: «Дамдинсүрэн, Цэгц, Бадаахин, Янтавуу, Бодьгэрэл, писарь Гайхасу» [Монголчуудын, 2014, с. 97]. Как мы видим, русские и монгольские написания личных имен

делегатов имеют некоторые различия; но все же можно понять, что речь в них идет об одних и тех же лицах. Далее анонимный автор отмечает, что по поводу писем Дамдинсуруна Богдо-ханом выражено было одобрение и обнародован был указ о принятии в подданство хулунбуирских монголов. При этом правитель Хулунбуира Шенфу был возведен в княжеское достоинство 3-й степени бэйлэ; Дамдинсурун был пожалован титулом графа (гуна) с назначением советником Министерства иностранных дел; Чжангца (или Чжанчжин) и другие старшины получили чины 5-й степени, а Гуйсаху — чин 4-й степени [ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 821, л. 2]. В работе подчеркивается, что известие о принятии Хулун-Буира в состав Внешней Монголии было воспринято населением Халхи и Хулун-Буира с восторгом, и сам правитель Шенфу, назначенный тем же указом Хутухты генерал-губернатором Хулун-Буира, стал готовиться к отъезду в Ургу для выражения признательности от себя и народа за оказание милости.

Тем временем, как повествуется в источнике, события в Урге приобрели несколько неожиданный для делегатов поворот. Дело в том, что посольство Дамдинсуруна встретило противодействие своим стремлениям со стороны генерального консула Российской империи в Урге В. Ф. Любы. В марте 1912 г. делегаты от Хулун-Буира во главе с Яндабу явились к нему в поисках выражения сочувствия и поддержки в вопросе присоединения Хулун-Буира, но получили отрицательный ответ. Делегатам было заявлено, что российское правительство в этом вопросе какого-либо содействия или поддержки оказывать не намерено. Таким образом, последовавший в апреле указ Хутухты о присоединении Хулун-Буира вступил в противоречие с заявлением российского консула, который признать этот акт отказался [ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 821, л. 3]. Позиция России в вопросе о Хулун-Буире для делегатов была не совсем понятной, учитывая ранее предоставленную ей военную помощь зимой 1912 г. в деле взятия крепости Лубинфу. Очевидно, уже именно после встречи с генеральным консулом В. Ф. Любой у делегатов и впоследствии у чиновничества Хулун-Буира зародилось чувство некоторого разочарования и неопределенности. Дело, конечно, было не в генеральном консуле; В. Ф. Люба характеризуется некоторыми авторами как скромный и честный служака, милый и остроумный человек [Григорьев, 2010, с. 34], а в официальной позиции российского правительства, пытавшегося найти лучшее для России решение в сложившейся ситуации. Общеизвестно о ней стало в июне 1912 г., когда министр иностранных дел Российской империи С. Д. Сазонов высказался против присоединения Барги к Монголии [Мягмарсамбуу, 2017, с. 66].

Неопределенность вызвала разочарование Шенфу, который, по данным источника, прибыл в Ургу 7 июля 1912 г. для выражения верноподданнических чувств и был осыпан милостями и получил инструкции монгольского правительства по управлению страной. По замечанию Шенфу, «положение Хулунбуира, зависящего от зависимой в свою очередь Халхи, один лишь пустой звук, т. к. от его просьбы о соответствующей помощи страной, как духовной, так и материальной, остались не зафиксированы никаким жестом со стороны монгольского правительства» [ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 821, л. 3]. Шенфу в своих высказываниях был очень прозорлив. Как известно, российский дипломат И. Я. Коростовец осенью 1912 г. наотрез отказался рассматривать вопрос о Хулун-Буире на российско-монгольских переговорах [Батсайхан, 2009, с. 69]. С другой стороны, выражение «зависимая Халха» (или Внешняя Монголия), которое еще можно понять как «автономная Монголия», ныне может быть оспорено современными исследователями. Есть мнение, что монголы того времени трактовали переведенные с китайского источника слова «самоопределение» и «самостоятельность» как «независимость» [Гачибана, 2019, с. 124–125]. По данным Н. Хишигт, Внешняя Монголия провозгласила свою независимость до провозглашения Китайской Республики [Хишигт, 2011, с. 26]. Можно констатировать,

что ситуация в целом была сложной и неоднозначной. Внешняя Монголия находилась в начале пути к обретению статуса признанного де-юре суверенного государства.

**«...ПРОЗВАННЫЕ БАРГУТАМИ ЗА СВОЮ ЛИХОСТЬ, ОТВАГУ И КРАЙНЮЮ СВИРЕПОСТЬ»:
О ВКЛАДЕ БАРГУТСКИХ ВОЕННЫХ ФОРМИРОВАНИЙ ВО ГЛАВЕ С ДАМДИНСУРУНОМ
В ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ МЕЖДУ ВНЕШНЕЙ МОНГОЛИЕЙ И КИТАЕМ В 1912–1915 ГГ.**

Непростая обстановка, сложившаяся вокруг статуса Внешней Монголии и Хулун-Буира, была осложнена военными действиями между Внешней Монголией и Китаем в 1912–1915 гг., известными в монгольской истории как «Таван замын байлдаан» (Сражения по пяти направлениям). Так, в источнике имеются следующие записи: «Между тем на юг, юго-восток и запад началась партизанская война Монголии с Китаем, с заметным успехом монголов. Дамдинсурун во главе немногочисленного отряда монгольских чинов ... (? слово не понято нами. — Б. Ц.), будучи отправлен на запад, взял 8 августа того же года штурмом китайскую крепость Кобдо. На востоке, в княжестве Чжасакут вана Удая поднялось поголовное восстание; масса китайских поселенцев была разорена до основания, и китайцы изгнаны. И эти успехи монголов заставили правителей Хулунбуира верить в лучшее будущее и поддерживать свое самоуправление хотя бы собственными силами» [ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 821, л. 3–4]. Далее анонимный автор отмечает отправку докладов по управлению регионом в Ургу на утверждение; указы Богдо-хана, направленные Шенфу, в частности, распоряжение о представлении подробного перечня всех доходов, получаемых в Хулун-Буире [ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 821, л. 4]. Информация об указах Богдо-хана (о назначении чиновников; наказаниях за разбои и грабежи) от 14 и 15 августа 1914 г. имеется и в монгольских архивных материалах [Монголчуудын, 2014, с. 107, 110–111]. Таким образом, можно говорить об отдельных официальных фактах начавшейся социально-экономической интеграции региона в состав Внешней Монголии.

Особое внимание в источнике уделено выдающимся способностям хулунбуирских монголов в военном деле: «Имея знаменную организацию, войска эти всегда находились под знаменами, вели обучение и были строго дисциплинированы. На них не раз опиралась маньчжурская династия, и там, где не имели успеха прочие правительственные войска, там блестяще выполняли свой долг «баргуты», прозванные в империи Китая так за свою лихость, отвагу и крайнюю свирепость (например, усмирение дунган в 1872 г.) [ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 821, л. 4–5]. Заметим, что этноним *баргга* (самоназвание баргутов) восходит к средневековой истории тюрко-монголов, поэтому к XIX в. он уже имел тысячелетнюю историю.

Развивая свой тезис о качестве баргутских войск, автор указывает, что монгольское правительство стало на них рассчитывать как на опору в будущем. Так, в источнике отмечено: «В Хулунбуир было послано оружие и боевые припасы, для возбуждения рвения и интереса к делу посыпались всевозможные поощрения и награды рядовым старшинам знамен и их помощникам с титулами: цзорикту (смелый, решительный), багатур (богатырь, герой), идэрхик (сильный, могущественный) и т. д., вплоть до титула князей 2-й степени цзюньванов». Подробно также описаны титулы и должности Дамдинсуруна в период с 1912 по 1914 г. [ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 821, л. 5]. Вышеотмеченные факты находят подтверждение в монгольских источниках. Так, известно, что более десяти баргутских воинов, прославившихся во время взятия Кобдо и в военных действиях с Китаем, были удостоены звания народных героев Монголии [Мягмарсамбуу, 2017, с. 60]. По другим данным, почетным званием от Богдо-гэгэна были награждены пять баргутских воинов [Ганжуурдалайн, 2016, с. 24]. Выделяя Дамдинсуруна, анонимный автор пишет, что в феврале 1913 г. монгольские и российские дипломаты прочили ему должность военного министра. Особенно

наставал на этом приехавший в Ургу для заключения договора российский уполномоченный И. Я. Коростовец. По его мнению, Дамдинсурун хорошо знал военное дело и выделялся командирскими способностями на фоне других [Коростовец, 2004, с. 308]. Как известно, он был назначен первым советником военного министра и заместителем министра иностранных дел Внешней Монголии [Ванчикова и др., 2017, с. 182].

ПРИЧИНЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ДАУРСКИХ ЧИНОВНИКОВ ХУЛУН-БУИРА ИНТЕГРАЦИИ РЕГИОНА С ВНЕШНЕЙ МОНГОЛИЕЙ

Работа обрывается на шестом листе, где сохранились лишь два предложения, и далее можно разобрать отдельные словосочетания: «Тем не менее, недоверие населения Хулунбуира к мощи Халхи стало расти и недовольство фиктивной зависимостью стало распространяться особенно среди более близкого по своему родству к маньчжурам элемента. После объявления независимости Хулунбуира помощником правителя Шенфу был избран наиболее влиятельный угурда из племени да... (край листа оборван, по всей видимости, написано — даур или дагур. — Б. Ц.) по фамилии Ань. Он составил...недовольных главным образом...ганских племен (или хошунов) и ...1913 года прибыл в Харбин... примирение с Китаем... Ань стал просить...» [ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 821, л. 6]. Очевидно, речь здесь идет о противоречиях между даурами и баргутами. Дауры долгое время считались тунгусо-маньчжурским народом, стоящим близко к маньчжурам. Шенфу и другие чиновники Хулун-Буира — выходцы из дауров имели привилегированное положение в период правления Цинской династии. Теперь, осознавая свое шаткое положение, они стали искать наиболее приемлемое в их ситуации решение.

Из источников известно, что большую роль в переменах политического курса Хулун-Буира в 1912–1915 гг. и в последующие годы играли противоречия между даурами и баргутами. Так, в 1917 г. российский вице-консул в Хайларе поддерживал старо-баргутское влияние в делах управления Хулун-Буира, чтобы создать противовес влиянию дауров; выяснял взгляды ново-баргутов на этот счет [АВПРИ, ф. 299, оп. 573, д. 3, лл. 29, 98]. Императорский посланник России в Китае выступал за признание фудутуном Хулун-Буира гун-амбаня Аня [АВПРИ, ф. 299, оп. 573, д. 3, л. 19], о котором шла речь выше, в анонимной рукописи. Как сообщал современник тех событий, вся власть в Хулун-Буире находилась в руках дауров [АУФСБ по РБ, д. 7536, л. 155]. Даурская знать приняла активное участие в подготовке вооруженного восстания. Ей не были чужды идеи всемонгольского национально-освободительного движения. Но в то же время другой веской причиной участия дауров в восстании 1912 г. была замена института амбаней на администрацию фудутунов и даотаев в 1905–1909 гг., в результате которой региональные чиновники лишились своих должностей. Поэтому ликвидация новых китайских властей для них означала возврат к прежней модели внутренней автономии в делах и восстановление в утраченных должностях [Цыбенев, 2017, с. 203]. Не последнюю роль в последующих политических колебаниях даурской верхушки сыграли и политические интриги, связанные с вероятным восстановлением авторитета и власти Цинской династии. Дауры, начиная со второй половины XVII в., состояли в тесных отношениях с маньчжурами; их называли *ичэ манжа* (вторые маньчжуры).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, описанный источник — рукопись «Историческая справка о непрочности политического положения Хулунбуира», хранящаяся в Государственном архиве Иркутской

области, несмотря на неполный объем рукописи, все же представляет собой уникальный документ, в котором сохранились ценные сведения о посольстве Хулун-Буира в Ургу в 1912 г. Многие детали источника, как и его автор, остаются неизвестными. Тем не менее информация, представленная на шести неполных листах, раскрывает перед нами интересную картину установления политических взаимосвязей между двумя монгольскими регионами, объявившими в 1911–1912 гг. независимое от Китая положение. Ряд упоминаемых в источнике фактов (поездка ламы Лобсанчжамба в Ургу, встреча делегации Хулун-Буира с российским консулом В. Ф. Любой), на наш взгляд, впервые находят отражение в отечественном монголоведении.

Источники и принятые сокращения

- АВПРИ — *Архив* внешней политики Российской империи. Ф. 299. Оп. 573. Д. 3. Лл. 19, 29, 98.
АУФСБ по РБ — *Архив* Управления Федеральной службы безопасности по Республике Бурятия. Д. 7536. Лл. 153, 155об.
ГАИО — *Государственный архив* Иркутской области. Ф. 293. Оп. 1. Д. 821. Л. 6.

Литература

- Базаров Б. В. Неизвестное из истории панмонголизма. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2002. 67 с.
Батсайхан О. Русско-монгольское соглашение 1912 года. *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2009. № 3. С. 60–69.
Ванчикова Ц. П. Летопись О. Амаржаргала «О происхождении и историческом развитии барга-бурят» как источник интерпретации этнической истории традиционной культуры барга-бурятской общности / Ц. П. Ванчикова, С. Б. Миягашева // *Гуманитарный вектор*. 2017. Т. 12. № 4. С. 179–189. DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-4-179-189.
Ганжуурдалайн Ц. Страницы истории барга-монголов // *Регион в приграничном пространстве: материалы междунар. науч. конф.* Чита: Изд-во ЗабГУ, 2016. С. 22–27.
Григорьев Б. Н. Повседневная жизнь царских дипломатов в XIX веке. М.: Молодая гвардия, 2010. 519 с.
Даревская Е. М. Алексей Васильевич Бурдуков (О роли русских поселенцев в изучении Монголии) // *Очерки по истории русского востоковедения. Сборник VI*. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. С. 187–217.
Дуутан Ж. *Гэрэлбадрах*. Монголчуудын нэгдсэн улс байгуулахын төлөөх тэмцэл (1911–1915). Т. I. Улаанбаатар: «Адмон» хэвлэлийн газар, 2014. 376 с.
Коростовец П. Я. От Чингис хана до Советской республики (краткая история Монголии с особым учетом новейшего времени). Улан-Батор: Эмгэнт, 2004. 560 с.
Мягмарсамбуу Г. Бүс нутаг, Монголын түүхэн дэх Барга: улс төрийн түүх (1900–1960 он). Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2017. 338 с.
Пайчадзе С. А. О русской книге в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Дальний Восток. *Вестник Омского университета*. 1997. Вып. 4. С. 51–56.
Тарасов А. П. Исторические судьбы Барги и Забайкалье. *Азия и Африка сегодня*. 2013. № 4. С. 50–55.
Тачибана М. Правительство автономной Внешней Монголии в истории: оценки в прошлом и настоящим // *Труды Института востоковедения Российской академии наук*. Вып. 25: Институт Богдо-гэгэна в истории Монголии. М., 2019. С. 121–142.
Хишигт Н. Восстановление независимости Монголии в 1911–1921 гг. *Вестник Бурятского научного центра СО РАН*. 2011. № 3. С. 19–35.

Цыбенев Б. Д. К изучению истории дауров Хулун-Буира (1911–1917). *Иркутский историко-экономический ежегодник: 2017*. Иркутск: БГУ, 2017. С. 201–210.

Atwood C. P. *Young Mongols and vigilantes in Inner Mongolia's interregnum decades, 1911–1931*. Brill, 2002. 1168 p.

Qosokava G. *Kelmegdegülelte-ber šorong-du 34 jil*. Diyan Ma keblel-ün kijayartu kompani keblebe, 2015. 378 p.

Material resources

AVPRI — *Arkhiv vneshney politiki Rossijskoy imperii* [Archive of the foreign policy of the Russian Empire (in Russian)].

AUFSB po RB — *Arkhiv Upravleniya Federalnoy sluzhby bezopasnosti po Respublike Buryatiya* [Archive of the Office of the Federal Security Service for the Republic of Buryatia (in Russian)].

GAIO — *Gosudarstvennyy arkhiv Irkutskoy oblasti* [State Archives of Irkutsk Region (in Russian)].

References

Atwood, C. P. (2002). *Young Mongols and vigilantes in Inner Mongolia's interregnum decades, 1911–1931*. Brill. 1168 p.

Batsaykhan, O. (2009). Russko-mongolskoe soglashenie 1912 g. [Russian-Mongolian agreement of 1912]. *Vostok. Afro-aziatskie obschestva: istoriya i sovremennost'* [East. Afro-Asian societies: history and modernity]. No. 3. Pp. 60–69 (in Russian).

Bazarov, B. V. (2002). *Neizvestnoe iz istorii panmongolizma* [Unknown from the history of Panmongolism]. Ulan-Ude: BNTs SO RAN. 67 p. (in Russian).

Darevskaya, E. M. (1963). Aleksey Vasilievich Burdukov (O roli russkikh poselentsev v izuchenii Mongolii) [Alexey Vasilievich Burdukov (On the role of Russian settlers in study of Mongolia)]. In: *Ocherki po istorii russkogo vostokovedeniya* [Essays on the history of Russian oriental studies]. Moskva: Izdatelstvo vostochnoy literatury. Pp: 187–217 (in Russian).

Duutan, Zh. Gerelbadrakh (2014). *The struggle of Mongolians for a united state (1911–1915)*. Ulaanbaatar: «Admon» khevleliyn gazar. 1. 376 p. (in Mongolian).

Ganzhuurdalayn, Ts. (2016). Stranitsy istorii barga-mongolov [Pages of history of the Barga Mongols]. In: *Region v prigranichnom prostranstve: materialy mezhdunar. nauch. konf.* [Region in the border space: international scientific conference]. Chita: Izd-vo ZabGU. Pp. 22–27 (in Russian).

Grigoryev, B. N. (2010). *Povsednevnyaya zhizn' tsarskikh diplomatov v XIX veke* [Everyday life of royal diplomats in the 19th century]. Moskva: Molodaya gvardiya. 519 p. (in Russian).

Khishigt, N. (2011). Vosstanovlenie nezavisimosti Mongolii v 1911–1921 gg. [Restoration of Mongolian independence in 1911–1921]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra SO RAN* [Bulletin of the BSC SB RAS]. No. 3. Pp. 19–35 (in Russian).

Korostovets, I. Ya. (2004). *Ot Chingis-khana do Sovetskoy respubliki (kratkaya istoriya Mongolii s osobym uchedom novyeshego vremeni)* [From Genghis Khan to the Soviet Republic (a brief history of Mongolia with special regard to modern times)]. Ulan-Bator: Emgent. 560 p. (in Russian).

Myagmarsambuu, G. (2017). *Barga in the history of the region and Mongolia: political history (1900–1960 on)*. Ulaanbaatar: Soembo printing. 338 p. (in Mongolian).

Paychadze, S. A. (1997). O russkoy knige v Aziatsko-Tikhookeanskom regione. Dalniy Vostok [About the Russian book in the Asia-Pacific region. Far East]. *Vestnik Omskogo universiteta* [Omsk University Bulletin]. No. 4. Pp. 51–56 (in Russian).

Qosokava, G. (2015). *Kelmegdegülelte-ber šorong-du 34 jil*. Diyan Ma keblel-ün kijayartu kompani keblebe. 378 p. (in Mongolian).

Tachibana, M. (2019). Pravitelstvo avtonomnoy Vneshney Mongolii v istorii: otsenki v proshlom i nastoyashchem [The significance of Outer Mongolia's Autonomous Government in Mongolian history: past and present estimations]. In: *Trudy Instituta vostokovedeniya Rossiyskoy akademii nauk. Vyp. 25: Institut Bogdo-gegeena v istorii Mongolii* [Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, issue 25: the BogdGeegen Institution in the History of Mongolia]. Pp. 121–142 (in Russian).

Tarasov, A P. (2013). Istoricheskie sud'by Bargi i Zabaykalye [Historical fate of Barga and the Transbaikal]. *Azija i Afrika segodnya* [Asia and Africa today]. No. 4. Pp. 50–55 (in Russian).

Tsybenov, B. D. (2017). K izucheniyu istorii daurov Khulun-Buira (1911–1917) [History of daur people in Hulun-buir (1911–1917)]. In: *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskij ezhegodnik* [Irkutsk Historical and Economic Yearbook]. Irkutsk: BGU. Pp. 201–210 (in Russian).

Vanchikova, Ts. P., Miyagasheva, S. B. (2017). Letopis' O. Amarzhargala «O proiskhozhdenii i istoricheskom razvitii barga-buryat» kak istochnik interpretatsii etnicheskoy istorii traditsionnoy kultury barga-buryatskoy obshchnosti [Chronicle by O. Amarjargal «On the origin and historical development of the Barga-buryats» as a source of interpretation of ethnic history and traditional culture of the Barga-buryats]. *Gumanitarnyy vector* [Humanitarian vector]. No. 12 (4). Pp. 179–189. DOI: 10.21209/1996–7853–2017–12–4–179–189 (in Russian).

ДОКУМЕНТЫ И ПУБЛИКАЦИИ ПО РУССКО-МОНГОЛЬСКОМУ СОГЛАШЕНИЮ 1912 г.

© 2023

Составитель: С. А. Кузьмин

Ниже приводятся документы и публикации, касающиеся Русско-Монгольского соглашения и протокола 1912 г. Краткое содержание каждого материала приводится в квадратных скобках. В русских текстах монгольские титулы и имена даются согласно сложившейся к настоящему времени русской транскрипции, основанной на письменности современного государства Монголия; отличающиеся от них транскрипции в Соглашении и Протоколе даются без изменений. Приводятся некоторые еще не вводившиеся в научный оборот материалы, имеющие прямое отношение к Соглашению 1912 г.: некоторые дипломатические документы, в частности, текст из Особого журнала Совета Министров России, отражающий решения, которые легли в основу российской позиции при подписании Соглашения, полный текст статьи Б. Э. Нольде о статусе Монголии ко времени подписания Китайско-Русско-Монгольского соглашения 1915 г. в г. Кяхте, отражающий позицию Министерства иностранных дел Российской империи по данному вопросу, пример китайской прокламации с призывом включить Монголию в состав Китая. Сноски в документах даются по оригиналам; комментарии составителя в сносках обозначены «С. К.».

[Русский текст Русско-Монгольского соглашения и протокола 1912 г.
в современной русской орфографии]

СОГЛАШЕНИЕ.

Ввиду всенародно выраженного желания монголов сохранить исторически сложившийся самобытный строй своей страны, китайские войска и власти были удалены с монгольской территории и Повелителем монгольского народа был провозглашен Чжебзун-Дамба-Хутухта. Прежние отношения Монголии к Китаю таким образом прекратились.

Ныне, ввиду вышеизложенного, и также существующей между русским и монгольским народами искренней взаимной дружбы, и в виду необходимости точно определить порядок взаимной русско-монгольской торговли, Председатель Монгольского Совета Министров, Покровитель десяти тысяч учений Сайн Ноин хан Намнансурун, Полномочный Министр Внутренних Дел Чин-сузугту Цин-ван Лама Цыренчимед, Полномочный Министр Иностранных Дел, в звании хана Эрдени дайчин Цин-ван Хандадорджи, Полномочный Военный Министр Эрдени далай дзюн ван Гонбосурун, Полномочный Министр Финансов Тушету дзюн ван Чагдорджаб, Полномочный Министр Юстиции Эрдени дзюн ван Намсарай по уполномочию Повелителя Монгольского народа, Монгольского Правительства

и Князей-Правителей и Действительный Статский Советник Иван Коростовец по уполномочию Российского Императорского Правительства договорились о нижеследующем:

Статья 1.

Императорское Российское Правительство окажет Монголии свою помощь к тому, чтобы она сохранила установленный ею автономный строй, а также право содержать свое национальное войско, не допуская на свою территорию китайских войск и колонизации своих земель китайцами.

Статья 2.

Повелитель Монголии и Монгольское Правительство предоставят русским подданным и русской торговле по-прежнему пользоваться в своих владениях правами и преимуществами, перечисленными в прилагаемом Протоколе. Само собою разумеется, что другим иностранным подданным не будет предоставлено в Монголии более прав, чем те, которыми пользуются там русские подданные.

Статья 3.

Если бы Монгольское Правительство сочло нужным вступить в отдельный договор с Китаем или другим иностранным государством, то новым договором ни в коем случае не могут быть нарушены или изменены статьи настоящего Соглашения и Протокола без согласия на то Императорского Российского Правительства.

Статья 4.

Настоящее дружественное Соглашение войдет в силу со дня его подписания.

В удостоверение вышеизложенного обоюдные уполномоченные, найдя при сопоставлении обоих параллельных текстов настоящего Соглашения — русского и монгольского — изготовленного в двух экземплярах, эти тексты согласными, подписались на каждом из них, приложили печати и таковыми текстами обменялись.

Учинено в Урге, октября 21 дня 1912 года, а по монгольскому летоисчислению во второй год правления Всеми Возведенного, последнего осеннего месяца 24 дня.

[подпись:] И. Коростовец

Председатель Монгольского Совета Министров *Сайн Ноин хан* [подпись на монгольском языке:] Намнансурэн

Полномочный Министр Внутренних Дел *Чин сузукту Цин-ван Лама* [подпись на монгольском языке:] Цэрэнчимэд

Полномочный Министр Иностранных Дел в звании хана *Эрдени дайчин Цин-ван* [подпись на монгольском языке:] Ханддорж

Полномочный Военный Министр *Эрдени Далай дзюн-ван* [подпись на монгольском языке:] Гомбосурэн

Полномочный Министр Финансов *Тушету дзюн-ван* [подпись на монгольском языке:] Чагдаржав

Полномочный Министр Юстиции *Эрдени дзюн-ван* [подпись на монгольском языке:] Намсрай

ПРОТОКОЛ.

Ввиду постановления статьи второй Соглашения, подписанного сего числа между Действительным Статским Советником Иваном Коростовцем по уполномочию Императорского Российского Правительства и Председателем Монгольского Совета Министров покровителем десяти тысяч учений, Сайн Ноином ханом Намнансурун, Полномочным Министром Внутренних Дел Чин-сузукту Цин-ваном Ламой Цыренчимед, Полномочным Министром Иностранных Дел в звании хана Эрдени дайчин Цин-ваном Хандадорджи, Полномочным Министром Военным Эрдени далай Дзюн-ваном Гонбосурун, Полномочным Министром Финансов Тушету Дзюн-ваном Чагдорджаб и Полномочным Министром Юстиции Эрдени Дзюн-ваном Намсарай по уполномочию Повелителя Монголии, Монгольского Правительства и Князей-Правителей, означенные уполномоченные договорились между собою относительно следующих статей, в которых изложены права и преимущества, частью коих русские подданные уже пользуются в Монголии, а равно права и преимущества монгольских подданных в России.

Статья 1.

Русские подданные по-прежнему пользуются правом свободно проживать и передвигаться во всех местах Монголии, заниматься там всякого рода торговыми, промышленными и иными делами, а равно вступать в разного рода сделки как с отдельными лицами, так и с фирмами и учреждениями, официальными или частными, русскими, монгольскими, китайскими или иностранными.

Статья 2.

Русским подданным по-прежнему принадлежит право во всякое время ввозить и вывозить без уплаты ввозных и вывозных пошлин всякого рода произведения почвы и промышленности России, Монголии и Китая и других стран и свободно торговать ими без уплаты каких бы то ни было пошлин, налогов или иных сборов.

Действия означенного постановления не распространяются на смешанные русско-китайские предприятия и на русских подданных, фиктивно объявивших себя владельцами товаров, им не принадлежащих.

Статья 3.

Русские кредитные учреждения имеют право открывать в Монголии свои отделения и совершать всякого рода финансовые и иные операции как с отдельными лицами, так и с учреждениями и обществами.

Статья 4.

Покупки и продажи русские подданные могут совершать на наличные деньги или посредством мены товаров, при этом они могут заключать сделки в кредит. Ни хошуны, ни монгольская казна не являются ответственными за долги частных лиц.

Статья 5.

Власти Монголии не будут препятствовать монголам и китайцам совершать всякого рода коммерческие сделки с русскими подданными, поступать в услужение к ним лично или в учрежденные ими торговые и промышленные предприятия. Никаким официальным или частным обществам, учреждениям или лицам в Монголии не будет предоставляемо монопольных прав в торговой или

промышленной области. Само собой разумеется, что общества или лица, которые получили уже от Монгольского Правительства таковые до заключения настоящего Соглашения, сохраняют свои права и преимущества до истечения обусловленного срока.

Статья 6.

Русским подданным предоставляется право повсеместно в городах и хошунах занимать участки на срок и приобретать их в собственность для устройства разного рода торгово-промышленных заведений, а также постройки домов, лавок и складов. Кроме того, русские подданные имеют право арендовать для распашек свободные земли. Само собою разумеется, что эти участки будут приобретаться и наниматься для вышеназванных надобностей, а не для спекулятивных целей. Участки эти будут отводиться, по соглашению с Монгольским Правительством, согласно существующим в Монголии узаконениям повсеместно, за исключением священных мест и пастбищ.

Статья 7.

Русским подданным предоставляется вступать в соглашения с Монгольским Правительством относительно эксплуатации горных и лесных богатств, рыбных промыслов и т. п.

Статья 8.

Российское Правительство имеет право назначать, по соглашению с Монгольским, своих консулов в те места Монголии, где это им признано будет необходимым.

Точно так же Монгольскому Правительству предоставляется иметь правительственных агентов в тех пограничных местах Империи, где это будет найдено нужным, по взаимному соглашению.

Статья 9.

В пунктах, где имеются Российские консульства, а также в других местностях, имеющих значение для русской торговли, будут отводимы, по соглашению между Российскими консулами и Монгольским Правительством, для проживания и разного рода промыслов русских подданных, особые фактории, которые будут находиться в исключительном заведывании означенных консулов, а там, где их нет, старшин русских торговых обществ.

Статья 10.

За русскими подданными сохраняется право учреждать на свой счет, для пересылки писем и перевоза товаров, почту, как между разными местностями в Монголии, так и между сказанными местностями и пунктами на Российской границе, по соглашению с Монгольским Правительством. В случае постройки станционных зданий и других нужных построек, следует руководиться правилами, изложенными в статье 6 настоящего Протокола.

Статья 11.

Российские консулы в Монголии будут пользоваться, в случае надобности, для пересылки казенной корреспонденции, посылки курьеров и других казенных надобностей монгольскими правительственными почтовыми учреждениями, но с тем, чтобы не употреблять на это бесплатно свыше ста лошадей и 30 (тридцати) верблюдов в месяц, выправляя каждый раз открытый лист от Монгольского Правительства. Для переездов своих консулы и вообще русские официальные лица будут пользоваться теми же учреждениями за плату. Право пользования монгольскими казенными станциями

распространяется также на частных лиц российских подданных, причем плата за пользование станциями в этом последнем случае будет определяться по соглашению с Монгольским Правительством.

Статья 12.

Русским подданным предоставляется право плавать на своих торговых судах и торговать с прибрежным населением по рекам, текущим сперва по Монголии и затем по русской территории и по притокам этих рек. Российское Правительство окажет Монгольскому Правительству помощь для улучшения судоходства по этим рекам, установки нужных знаков и т. п.; монгольские же правительственные власти отведут на этих реках места, нужные для причала судов, для устройства пристаней и товарных складов, для заготовки дров и т. п., руководствуясь в таких случаях постановлениями статьи 6 настоящего Протокола.

Статья 13.

Для перевозки товаров и прогона скота русские подданные имеют право пользоваться всеми сухопутными и водными путями, причем по соглашению с монгольскими властями они могут устраивать на свой счет мосты, переправы и т. п., с правом взимания особого сбора с проезжающих.

Статья 14.

Скот русских подданных во время перегона может останавливаться для отдыха и кормления. На случай необходимости продолжительных остановок местные власти отводят вдоль скотопрогонных трактов и в пунктах, имеющих значение для торговли скотом, достаточные участки под пастбища. За пользование этими пастбищами свыше трех месяцев будет взиматься плата.

Статья 15.

Установившийся обычай пользования пограничным русским населением покосами, а также охотой и рыбной ловлей на монгольской стороне сохраняется на будущее время без всяких изменений.

Статья 16.

Сделки между русскими подданными и учреждениями, с одной стороны, и монголами и китайцами, с другой, могут быть заключаемы словесно или письменно, причем контрагентам предоставляется предъявлять заключенные ими договоры для засвидетельствования местным правительственным властям. В случае, если бы последние усмотрели препятствия к засвидетельствованию договора, они немедленно сообщают о том Российскому консулу, и возникшее недоразумение разрешается по соглашению с ним.

При этом устанавливается, что сделки, касающиеся недвижимости, должны облекаться в письменную форму и предъявляться для засвидетельствования и утверждения подлежащим монгольским правительственным властям и Российскому консулу. Документы на право эксплуатации естественных богатств требуют утверждения Монгольского Правительства.

В случае возникновения споров по заключенным сделкам как словесным, так и письменным сторонам предоставляется окончить дело полюбовно, при содействии посредников, избранных каждою стороною. Если этим путем не будет достигнуто соглашения, дело разрешается смешанной судебной комиссией.

Смешанные судебные комиссии бывают постоянные и временные. Постоянные учреждаются в местах пребывания Российских консулов, причем состоят из консула или его представителя и делегата властей Монголии в соответствующем ранге. Временные комиссии открываются вне указанных

мест, по мере возникновения дел и состоят из представителей Российского консула и князя того хошуна, к которому принадлежит или в котором проживает ответчик. Смешанным комиссиям представляется привлекать в качестве экспертов сведущих лиц из русских подданных, монголов и китайцев. Решения смешанных судебных комиссий приводятся в исполнение без замедления в отношении русских подданных через Российского консула и в отношении монголов и китайцев через князя того хошуна, к которому принадлежит или в котором проживает ответчик.

Статья 17.

Настоящий Протокол входит в силу со дня его подписания.

В удостоверение вышеизложенного обоюдные уполномоченные, найдя при сопоставлении обоих параллельных текстов настоящего Протокола — русского и монгольского, — изготовленного в двух экземплярах, эти тексты согласными, подписались на каждом из них, приложили печати и такими текстами обменялись.

Учинено в Урге, Октября 21 дня 1912 года, а по монгольскому летоисчислению во второй год правления «Всеми Возведенного» последнего осеннего месяца 24 дня.

(Подписи на монгольском языке).

Председатель Монгольского Совета Министров *Сайн Ноин хан*.

Полномочный Министр Внутренних Дел *Чин сузукту Цин-ван Лама*.

И. Коростовец.

Полномочный Министр Иностранных Дел в звании хана *Эрдени дайчин Цин-ван*.

Полномочный Военный Министр *Эрдени Далай дзюн-ван*.

Полномочный Министр Финансов *Тушету дзюн-ван*.

Полномочный Министр юстиции *Эрдени дзюн-ван*.

Полное собрание законов Российской империи (3-е изд.). Петроград. 1915. № 38230. С. 1492–1495; АВПРИ, ф. 163, оп. 3, д. 963; ГАРФ, ф. Р-5804, оп. 2, д. 35, л. 1–2; Батсайхан О. Последний великий хан Монголии Богдо Джебцундамба-хутухта VIII. Жизнь и легенды. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2018 (факсимиле Соглашения на цветной вклейке).

[Монгольский текст Русско-Монгольского соглашения и протокола 1912 г. на монгольской кириллице]

Монгол улсын нийт бүхнээр эртнээс тогтсоор ирсэн өөрийнхүү орны суртаал ба ёс журмыг алдагдахгүй сахихыг хүсэж Хятадын цэрэг ба эрх баригчдыг Монгол газраас үлдэн гаргаад, Жавзандамба хутагтыг Монгол Улсын хаан эзэнд өргөмжилсөн тул Монгол Хятад хоёрын хоорондох урьдын холбоо нь нэгэнт тасарсан ба одоо Орос, Монгол хоёр улс эртнээс нааш харилцан найрамдалтай учир Орос Монгол хоёрын худалдааг харилцан нэвтрүүлэх журмыг тодорхойгоор илтгэх нь чухал тул Монгол Улсын хаан эзний зарлигаар ба Монгол улсын засгийн газар ноёд сайдын газраас гаргасан бүрэн эрх барих сайд шадар сайд, Дотоод зэрэг олон яамны хамаг хэргийг бүгд ерөнхийлэн захирах сайд, Түмэнхэн номун эзэн Сайн ноён хан Намнансүрэн, Шадар сайд, Бүгд захирах сайд, Дотоод хэргийг бүгд захиран шийтгэгч яамны тэргүүн сайд чин сүжигт чин ван лам Цэрэнчимэд, Шадар сайд бүгд захирагч сайд, Гадаадын хэргийг бүгд эрхлэн шийтгэгч яамны тэргүүн сайд ханы зэрэг эрдэнэ дайчин чин ван Ханддорж, Шадар сайд, бүгд захирах сайд, Цэргийн хэргийг бүгд захиран шийтгэгч яамны тэргүүн сайд эрдэнэ далайжун ван Гомбосүрэн, Шадар сайд бүгд захирах сайд, Сангийн

хамаг хэргийг бүгд захиран шийтгэгч яамны тэргүүн сайд түшээтжун ван Чагдаржав, Шадар сайд бүгд захирах сайд, Шүүх таслах хэргийг бүгд захиран шийтгэгч яамны тэргүүн сайд эрдэнэжун ван Намсрай, Их Орос улсын хаан эзний засгийн газраас гаргасан бүрэн эрх барих сайд, действительный статский советник Иван Коростовец нар хэлэлцэн тогтоосон нь:

Нэгдүгээр зүйл. Их Орос улсын хаан эзний засгийн газраас Монгол улсыг туслахад өөртөө тогтнож өөрөө эзэрхэх ёс журам, өөрийн газарт хятадын цэрэг ба нүүдлийн иргэдийг оруулахгүй, өөрийн улсын цэрэг байгуулах эрхийг алдагдахгүй сахихад цөм тусалмуй.

Хоёрдугаар зүйл. Монгол улсын хаан эзэн ба Монгол улсын засгийн газраас өөрийн харьяат газарт Оросын албат нар ба оросын худалдааны эл онц эрхийг одоогийн хавсарган тогтоосон тусгай зүйлийг журамлан хуучин ёсоор хэрэгжүүлнэ. Монгол улсын газраа бусад гадаад олон улсын хүн нарт Оросын албат нарт олгосноос үлэмж эрх өгч үл болно.

Гуравдугаар зүйл. Монгол улс хэрэв Дундад улс ба жич олон гадаад улстай өөр гэрээ бичиг тогтоох нь болбоос энэхүү найрамдлын гэрээ бичиг ба хавсарган тогтоосон тусгай гэрээ бичигт заасан зүйлүүдийг Орос улстай урьдаар зөвлөлдсөн нь бус болбоос хэрхэвчээр халж эвдэж үл болно.

Дөрөвдүгээр зүйл. Энэхүү найрамдлын гэрээ бичгийг гарын тэмдэг тавьсан өдрөөс эхлэн ёсоор явуулна.

Дээр бичсэн найрамдлын гэрээ бичгийг хоёр этгээдийн тусгай бүрэн эрх баригчид монгол, орос үсгээр хошоод хувь бичээд харилцан нийлүүлж үзвээс утга нь нийлэлцсэн тул тус бүрт гарын тэмдэг тавьж тамгуудаа дарж батлаад солилцсон байна.

Монгол Улсын Олноо өргөгдсөний хоёрдугаар он Намрын сүүл сарын хорин дөрөвний өдөр Орос улсын нэг мянга есөн зуун арван хоёрдугаар он октябрь сарын хорин нэгний өдөр Монгол улсын нийслэлсэн Их Хүрээний газар тогтов.

Хавсарган тогтоосон тусгай гэрээ бичиг

Монгол Улсын хаан эзний зарлигаар ба Монгол улсын засгийн газраас тусгайлан гаргасан бүрэн эрх барих сайд шадар сайд, Дотоод зэрэг олон яамны хамаг хэргийг бүгд ерөнхийлэн захирах сайд, Түмэнхэн номун эзэн Сайн ноён хан Намнансүрэн, Шадар сайд, Бүгд захирах сайд, Дотоод хэргийг бүгд захиран шийтгэгч яамны тэргүүн сайд чин сүжигт чин ван лам Цэрэнчимэд, Шадар сайд бүгд захирагч сайд, Гадаадын хэргийг бүгд эрхлэн шийтгэгч яамны тэргүүн сайд ханы зэрэг эрдэнэ дайчин чин ван Ханддорж, шадар сайд, бүгд захирах сайд, Цэргийн хэргийг бүгд захиран шийтгэгч яамны тэргүүн сайд эрдэнэ далайжун ван Гомбосүрэн, шадар сайд бүгд захирах сайд, Сангийн хамаг хэргийг бүгд захиран шийтгэгч яамны тэргүүн сайд түшээтжун ван Чагдаржав, шадар сайд бүгд захирах сайд, Шүүх таслах хэргийг бүгд захиран шийтгэгч яамны тэргүүн сайд эрдэнэжун ван Намсрай.

Их Орос улсын хаан эзний засгийн газраас гаргасан бүрэн эрх барих сайд, действительный статский советник Иван Коростовец нар энэ өдөр тогтоосон найрамдлын гэрээ бичгийн хоёрдугаар зүйлийн ёсоор мөнхүү хоёр этгээдийн тусгай эрх баригчид зөвлөн хэлэлцэж, Их Орос улсын харьяат хүн нар Монгол улсын харьяат олон газар хэдийнээс хэрэглэсээр ирсэн ба нэмж олгох бас Монгол улсын хүнд Орос улсын харьяат олон газар олгох эл онц эрхийг тогтоож жагсаан бичсэн нь:

Нэгдүгээр зүйл. Их Орос улсын харьяат хүн нар Монгол улсын харьяат олон газар суух явах ба элдэв зүйлийн худалдаа нэвтрүүлэх, эд боловсруулах ба бусад аж үйлдвэр хийх, бас ч албан ба өөрийнхүү Орос, Монгол, Хятад гадаад улсын ганц нэг хүнтэй буюу пүүс ба ердийн хэлтэс, хэнтэй ч ялгаваргүй элдэв зүйлийн хэрэг учрыг хэлэлцэх эрхийг хуучин ёсоор хэрэглэнэ.

Хоёрдугаар зүйл. Их Орос улсын харьяат хүн нар хуучин ёсоор Орос, Монгол, Хятад ба жич бусад гадаад улсын аливаа газраас гарах ба боловсруулан үйлдсэн элдэв зүйлийн эд таваар оруулах ба гаргах бас эд таваарыг цаазлагдахгүйгээр худалдах эрх буй бөгөөд цөм гааль түрээс ба өөр алба

татвар өгөхгүй, хэрэв Орос, Хятад хоёр хоршоо нийлсэн ба бусдын эд таваарыг оросын хүн төлөөнөө хуурмагаар эзэрхвээс энэхүү зүйлд тогтоосон эрхийг олгохгүй.

Гуравдугаар зүйл. Их Орос улсын мөнгөний ердийн хэлтэс Монгол улсын харьяат олон газар өөрийн салбар хэлтэс байгуулж, мөнгөн ба бусад зүйлийн элдэв гүйлгээг гагц нэгэн хүнтэй буюу ердийн хэлтэс ба хоршоо нар лугаа хийх эрх буй.

Дөрөвдүгээр зүйл. Их Орос улсын харьяат хүн нар Монгол улсын харьяат олон газар худалдаж авах ба худалдахад бэлэн мөнгөөр буюу мал эд таваараар харилцан арилжаалж болох ба бас орос монгол харилцан эзэлдэж болно. Гагцхүү хувийн өрийг Монгол улсын сан ба хошуу төлөөнөө төлөхгүй.

Тавдугаар зүйл. Монгол улсын харьяат олон газар орны эрхийг баригчид монгол хятад хүн нар орос хүн лүгээ элдэв зүйлийн худалдааны хэрэг хийхэд ба бас тэд нарт буюу тэдний байгуулсан худалдаа ба эд боловсруулах аж үйлдвэрийн зэрэг газраа хүчин үнэлэгдэх хүнийг цаазалж үл болно. Албаны ба өөрийнхөө хоршоо буюу ердийн хэлтэс ба хүн нарт Монгол улсын харьяат олон газраас худалдаа ба эд боловсруулах зэргийн эрхийг ганцаарт бүрэн эзэрхүүлж үл болно. Энэ гэрээ бичиг байгуулахаас урьд хэрэв хоршоо буюу хүнд энэ мэт эрхийг ганцаарт бүрэн эзэрхүүлсэн нь буй аваас хугацаа дуусахын наана хуучин хэвээр явуулна.

Зургадугаар зүйл. Их Орос улсын харьяат хүн нар Монгол улсын харьяат олон газрын хот ба хошууны нутаг хаана ч болов худалдааны ба эд боловсруулах үйлдвэрийн хороо байшин ба пүүс, юм хадгалах орон байгуулах газрыг хугацаагаар хөлслөн авах буюу хувийн хөрөнгө болгон авах ба бас олон хошууны сул газрыг хөлслөн авч тариа хагалах эрх буй. Гагцхүү ашиг олохын тул дам худалдаж үл болно. Эдгээр газрыг Монгол улсын засгийн яам лугаа зөвлөн хэлэлцэж, эрхэм сүлд, малын бэлчээрт харшлахгүй болбоос хэмжээлэн зааж, Монгол улсын дүрмийн ёсоор өгнө.

Долдугаар зүйл. Их Орос улсын харьяат хүн нар Монгол улсын засгийн яам лугаа уул ойн баялаг хөрөнгө ба загас гөрөөлөх зэргийн ашиг авах хэргийг зөвлөн тогтоож болно.

Наймдугаар зүйл. Их Орос улсын засгийн газраас Монгол улсын харьяат аль нэгэн газрыг чухал болговоос Монголын засгийн яам лугаа зөвлөн хэлэлцэж консул байгуулах эрх буй. Бас Монгол улсын засгийн яамнаас Орос улсын аль нэгэн газрыг чухал болговоос Орос улсын засгийн газар лугаа зөвлөн хэлэлцэж хилийн ойрхи мужид төлөөний хүн байгуулж болно.

Есдүгээр зүйл. Их Орос улсын консул бүхий газар ба бас оросын худалдаанд чухал газар, оросын харьяат хүн нар суух ба элдэв зүйлийн аж үйлдвэр хийхэд хэрэглэх газрыг Орос улсын консул сайд, Монгол улсын засгийн яам лугаа харилцан хэлэлцэж тусгай газар хэмжээлж өгнө. Эдгээр газрууд нь мөнхүү консулын захиргаанд буй. Консулгүй газар бөгөөс оросын худалдааны даргын захиргаанд буй.

Аравдугаар зүйл. Их Орос улсын харьяат хүн нар Монгол улсын харьяат олон газрын хооронд ба эдгээр газраас Оросын зах хил хүртэл бичиг ба эд бараа зөөх учир хувийн хүчнээр өртөө байгуулах эрх буй тул Монгол улсын засгийн яам лугаа зөвлөн хэлэлцээд байгуулж болно. Энэхүү өртөөний гэр байшин зэргийг байгуулахад гэрээ бичгийн зургадугаар зүйлд заасан ёсоор шийтгэнэ.

Арваннэгдүгээр зүйл. Монгол улсын харьяат газар бүхий Их Орос улсын консул нар хэрэв албаны бичиг явуулах ба хүн зарах зэргийн албаны хэрэг буй аваас Монгол улсын албаны өртөөгөөр явуулна. Нэг сард нэг зуун морь, гучин тэмээнээс илүү улаа хэрэглэхгүй болгоно. Тухай бүр Монгол улсын засгийн яамнаас тэмдэг бичиг авна. Бас Оросын консулын зэрэг албаны түшмэд нааш цааш явахад мөн өртөөг хөлсөөр хэрэглэнэ. Бас Монгол улсын албаны өртөөгөөр явах эрхийг Орос улсын энгийн хүн нарт хүртээж болно. Гагцхүү энгийн хүн өртөөгөөр явах хөлсийг Монгол Улсын засгийн яам лугаа хэлэлцэн тогтооно.

Арванхоёрдугаар зүйл. Их Орос улсын харьяат хүн нарт Монголын харьяат газраас Оросын харьяат газар урсч орсон мөрөн гол ба түүний салбараар хувийн худалдааны онгоцыг хэрэглэн явж,

хөвөөнд орчим бүхий хүн нар лугаа худалдаа хийх эрх өгнө. Их Орос улсын засгийн хэрэг шийтгэх газраас Монгол улсын засгийн газарт эдгээр мөрөн голоор онгоц явуулах зам засах ба тэмдэг босгох зэрэгт тус хийнэ. Монгол улсын засгийн яамнаас эдгээр мөрөн голд онгоц татаж гаргах ба онгоцны өртөө байгуулах, юм зүйл хадгалах орон байгуулах, түлээ бэлтгэх зэрэгт газар хэмжээлж өгнө. Үүнд: энэхүү гэрээ бичгийн зургадугаар зүйлд заасан ёсоор шийтгэнэ.

Арвангуравдугаар зүйл. Эд бараа зөөх ба мал туухад Их Орос улсын харьяат хүн нар хуурай ба усан аль ч замаар явах эрх буй. Бас Монгол улсын эрх баригчидтай зөвлөн хэлэлцэж хувийн хүчээр гүүр ба ус гатлах арга зэргийг байгуулж, түүгээр явсан хүн нараас тусгай татвар авч болно.

Арвандөрөвдүгээр зүйл. Их Орос улсын харьяат хүн нар туусан малыг замын гудас зогсоож амруулах ба идэшлүүлж болно. Хэрэв удаан амруулах бол Монгол улсын харьяат газрын эрх баригчид мал туух замын гудас ба мал худалдах чухал газар бэлчээрийн газрыг хүрэлцэхээр хэмжээлэн өгнө. Гурван сараас илүү байваас хөлс авна.

Арвантавдугаар зүйл. Зах хилийн газар бүхий Их Орос улсын харьяат хүн нар Монгол улсын зах дотор ойр газар өвс хадах ба бас гөрөөчлөх, загас агнах тогтсон заншлыг үүнээс хойш өчүүхэн ч халж үл болно.

Арванзургадугаар зүйл. Их Орос улсын харьяат хүн нар ба ердийн хэлтэс монгол, хятад хүн нар лугаа худалдаа арилжааны хэрэг харилцан хэлэлцэхэд ам ба бичгээр хэлэлцэн тогтоож болно. Тэрхүү хоёр этгээд хэлэлцсэн гэрээ бичгээ Монголын нутгийн харьяат эрх баригчид мэдүүлэн гэрчлүүлбээс зохино. Хэрэв харьяат эрх баригчид гэрчилж үл болох учир буй аваас даруй Оросын консулд сонсож зөвлөн шийтгэнэ. Үүнд тогтоох нь: Хөдлөхгүй хөрөнгө авахад бичгээр тогтоод, Монгол улсын засгийн яаманд батлуулна. Ам ба бичгээр хэлэлцсэн хэргийн учир тэмцэл гарваас хоёр этгээд хүн сонгон гаргаж эв найрамдлын ёсоор хэлэлцэж хэргийг барагдуулна. Хэрэв энэ ёсоор найралдахгүй болбоос хоёр этгээд тусгай нийлэн шүүх газар шийтгэнэ. Нийлэн шүүх газар бөгөөс үргэлжийн ба цаг зуурын хэмээх хоёр зүйл буй амуй. Үргэлжийн нийлэн шүүх газрыг Оросын консул бүхий газар байгуулна. Энэхүү газар нийлэн шүүх түшмэд нь консул ба өөрөө буюу эсвэл өөр түшмэд төлөөнөө суулгана. Монгол улсын эрх баригчдаас тэнцэх зэрэг бүхий түшмэдийг төлөөнөө суулгана. Цаг зуурын нийлэн шүүх газрыг бусад газар хэргийн байдлыг үзэж түр байгуулна. Тэрхүү газар нийлэн шүүх түшмэд нь Оросын консулын төлөөний хүн нар ба тэмцлийн хүний харьяат буюу нутгийн харьяат хошууны ноёд ба ноёдын төлөөний хүн сууна. Тэр нийлэн шүүх газар хэрэг учир нэвтэрхий мэдэх хүнийг орос, монгол хэнийг ч болов ирүүлж болно. Нийлэн шүүх газар нэгэнт таслан шийтгэсэн хэргийг Орос улсын харьяат хүн болбоос Орос улсын консулаар уламжлуулан саатуулахгүй ёсоор болгоно. Монгол болбоос тэмцлийн хүний харьяат буюу нутгийн харьяат ноёдоор уламжлуулан саатуулахгүй ёсоор болгоно.

Арвандолдугаар зүйл. Энэхүү хавсарган тогтоосон тусгай гэрээ бичгийг гарын тэмдэг тавьж тамга дарж баталсан өдрөөс эхлэн журамлан дагаж явуулна. Энэхүү хавсарган тогтоосон тусгай гэрээ бичгийг хоёр этгээдийн тусгай бүрэн эрх баригчид монгол, орос хоёр зүйлийн үсгээр хавсарч хошоод хувь бичээд харилцан нийлүүлж үзвээс утга нь нийлэлцсэн тул тус бүрд цөм гарын тэмдэг тавьж тамга дарж батлаад харилцан солилцов.

Монгол улсын Олноо өргөгдсөний хоёрдугаар он Намрын сүүл сарын хорин дөрвөний өдөр
Орос улсын нэг мянга есөн зуун арван хоёрдугаар он Октябрь сарын хорин нэгний өдөр
Монгол улсын нийслэлсэн Их Хүрээний газар тогтоов.

Батсайхан О. Последний великий хан Монголии Богдо Джебцзундамба-хутухта VIII. Жизнь и легенды. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2018. С. 374–375.

Особый журнал Совета Министров¹ 15/2 августа² 1912 г. № 472. 15/2 августа 1912 г. № 472. По вопросу о заключении соглашения с Ургинским Хутухтой и князьями Халхи.

С Высочайшего Вашего Императорского Величества соизволения, министром иностранных дел в заседании Государственной думы 26/13 апреля т. г. заявлено было, что главной задачей нашей в Северной Монголии является воспрепятствование образованию в этой пограничной с нами области сильного в военном отношении государства³. При этом ближайшими в этих видах целями нами ставится, с одной стороны, сохранение в Халхе управления национальными властями, а с другой — недопущение ввода в эту страну китайских вооруженных сил и колонизации ее китайскими земледельцами. В то же время, стремясь к обеспечению практического достижения изъясненных целей, мы согласились выступить посредниками между Китайским Правительством и Ургинским Хутухтой и неоднократно указывали китайцам на нашу готовность содействовать их примирению с монголами, при условии сохранения в Халхе ее самобытного строя. Первоначально Китайское Правительство согласилось на наше посредничество, но затем прекратило переговоры по сему предмету, надеясь, по-видимому, восстановить свою власть в Халхе помимо нас. Вместе с тем, противодействуя приобретенному нами в Халхе преобладающему влиянию, китайцы вознамерились воспользоваться существующей между Хутухтой и князьями Халхи рознью для того, чтобы расстроить их планы о создании автономии и вновь подчинить своей власти. Но даже если бы китайцам не удалось осуществить эти замыслы, они могли бы в значительной мере подорвать наше положение в Монголии провозглашением в ней равноправия всех иностранцев и принципа открытых дверей, ибо подобная мера повела бы к возникновению здесь иностранных торговых интересов и наводнению этой страны китайцами, а может быть, даже и к коренному преобразованию ее внутреннего строя⁴.

Ввиду приведенных обстоятельств, Министерство Иностранных Дел пришло к убеждению, что политика выжидания в монгольском вопросе становится опасной и что наилучшим решением его в данное время было бы заключение между Россией и Халхой двустороннего дипломатического акта, сущность которого сводилась бы к обещанию Русского Правительства отстаивать самобытный строй Халхи и не допускать как ввода в Монголию китайских войск, так равно и колонизации ее китайцами.

¹ Лит. копия. На копии надпись: «На подлинном Его Императорскому Величеству благоугодно было собственноручно начертать: «Согласен». «В Беловеже 23/10 сентября 1912 г.». Копия этого журнала была препровождена Сазонову управляющим делами Совета Министров при отношении от 27/14 сентября за № 5236.

² В используемом сборнике документов первой везде стоит дата по новому стилю, второй (через косую черту) — дата по старому стилю. — С. К.

³ См. ч. 1, стр. 150, прим. 4 [«26/13 апреля 1912 г. Сазонов произнес в Государственной думе речь о внешней политике российского правительства (см. т. XIX, ч. II, стр. 261, прим. 2). Относительно Монголии он заявил, что «наши интересы требуют лишь, чтобы в пограничной с нами Монголии не утвердилось сильное в военном отношении государство». «Каковы бы ни были колебания китайской политики за последние годы, — сказал далее Сазонов, — китайцы не могут не сознавать, что хорошие отношения с Россией нужны и для них. Вот почему мне кажется, что мы должны и впредь идти тем же путем, который мы наметили при самом возникновении настоящего кризиса в Халхе, т. е. настаивать на том, что соглашение между Китаем и Халхой не должно осуществиться без нашего участия, а тем временем не отказывать Халхе в поддержке и помощи к созданию начатков автономного управления, т. е. прежде всего финансов и какой-либо вооруженной силы, способной поддерживать порядок в стране».]

⁴ В письме от 28/15 мая за № 542 Коковцов, касаясь истории русско-китайско-монгольских отношений, отмечал, что, по его мнению, попытка России расширить свои права и привилегии в Монголии не встретит протеста со стороны иностранных держав ввиду того, что «для последних Монголия в силу самого географического положения не может иметь особо важного значения». И далее Коковцов писал: «Равным образом я не усматриваю особой опасности в проникновении иностранцев в Северную Монголию. Особое положение, которое мы занимаем в отношении этой страны благодаря ее непосредственному соседству с нашими владениями, а равно вследствие дружелюбного отношения к нам ее населения и нынешних правителей, создают для проявления нашей торгово-промышленной деятельности там столь благоприятные условия, что для нас не должна быть страшна иностранная конкуренция». Эта фраза подчеркнута, и на полях помета Сазонова: «Это знаменательное заявление, которое не мешает иметь в виду. Действительность, конечно, скоро рассеет сладкие иллюзии министра финансов».

С другой стороны, на правителей Халхи следовало бы возложить обязательство не заключать никакого договора, нарушающего указанные начала, и обеспечить за русскими подданными и за русской торговлей свободное пользование в пределах Монголии всеми правами и преимуществами, принадлежащими им в силу прежних договоров между Россией и Китаем. Политическое значение такого акта было бы весьма серьезно, ибо китайцы оказались бы вынужденными считаться с совершившимся фактом сепаратного соглашения нашего с монголами, а эти последние оказались бы в ответственных и, впрочем, весьма для них выгодных отношениях с нашим отечеством; наконец, соглашение это значительно затруднило бы интриги иностранных держав против занятого нами положения в Халхе.

При заключении проектируемого акта Министерство Иностранных Дел имеет в виду потребовать, чтобы он был подписан не одним Хутухтой, но и влиятельнейшими князьями Халхи, так как участие в этом договоре представителей светской власти придаст ему значительно большую прочность. Что же касается территориального объема настоящего соглашения, то, впредь до времени, предполагалось бы ограничить его четырьмя аймаками Халхи. Таким образом, отдельные части Внутренней Монголии и Барги, объявившие уже о своем присоединении к ургинскому правительству, останутся пока вне упомянутого соглашения. Отношение же к этому соглашению Кобдоского и Алтайского округов, из которых первый уже присоединился к Халхе, будет зависеть от обстоятельств, которые должны выясниться на месте во время переговоров нашего уполномоченного с ургинскими правителями.

Изложенные в торговой части проектируемого соглашения предположения Министерства Иностранных Дел относительно определения прав русских в Монголии основаны на работах особого, под председательством товарища министра иностранных дел гофмейстера Нератова Междуведомственного совещания⁵, которое, одобряя вообще эти предположения, не достигло единогласного заключения лишь по двум частным вопросам, касающимся: а) прав русских подданных по владению недвижимостью в Монголии и б) порядка обеспечения заключаемых ими в этой стране сделок. В отношении первого вопроса представители министерств финансов и торговли и промышленности заметили, что неупоминание в предположенном договоре о предоставлении русским подданным прав по приобретению недвижимых имуществ повсеместно в Монголии чрезвычайно вредно отразилось бы на возможности осуществления русскими предприятиями экономической в Монголии деятельности. Ввиду сего, представители названных ведомств признавали существенно необходимым оговорить это право в предстоящем договоре. В то же время, в видах устранения замечаемой ныне необеспеченности сделок между русскими и монголами, являющейся серьезным тормозом для развития в Монголии русской торговли, представители указанных ведомств считали полезным установить принцип имущественной ответственности монгольских властей за действительное исполнение этих сделок.

Предположения совещания гофмейстера Нератова были сообщены на отзыв заинтересованных ведомств⁶, причем министры финансов и торговли и промышленности, настаивая на установлении имущественной ответственности монгольских властей за исполнение торговых сделок, присоединились к заключению своих представителей в совещании относительно необходимости обеспечить в намечаемом договоре за русскими подданными право приобретения повсеместно в Монголии недвижимых имуществ⁷.

⁵ Имеется в виду междуведомственное совещание по монгольскому вопросу, созданное под председательством Нератова и имевшее три заседания: 6 мая/23 апреля, 14/1 мая и 18/5 мая. Содержание журнала этого совещания в основном изложено в публикуемом документе.

⁶ Имеется в виду письмо Нератова от 25/12 июля, отправленное Коковцову за № 687 и Тимашеву за № 688.

⁷ Тимашев ответил письмом от 3 августа/21 июля за № 277, а Коковцов — письмом от 7 августа/25 июля за № 752. Содержание этих писем исчерпывается публикуемым документом.

О вышеизложенном управляющий Министерством Иностранных Дел гофмейстер Нератов представил на уважение Совета Министров, пояснив при этом, что ведомство иностранных дел не усматривало бы, за всем тем, достаточных оснований ко включению в наш договор с монгольскими князьями особой оговорки о правах русских по приобретению повсеместно в Монголии земельной собственности, ибо, как показывает опыт, для нас гораздо важнее заручиться преобладающим политическим в этой стране влиянием, чем изложенными на бумаге обширными договорными правами, которые местные власти всегда найдут возможность истолковать в самом узком и неблагоприятном для нас смысле, если общее положение наше в Монголии окажется не вполне прочным.

В дополнение к сему, министр иностранных дел гофмейстер Сазонов изустно объяснил в заседании Совета Министров, что главной своей целью при разрешении монгольского вопроса Министерство Иностранных Дел поставило сохранение в Монголии административного и военного status quo. Задача эта имеет первостепенное государственное значение, так как создание на границе значительной части наших сибирских владений слабого в военном отношении и зависимого от нас государства в существеннейшей степени обеспечит безопасность этой части русской территории и позволит нам сделать крупные сбережения народных сил и средств по охране нашей сибирской границы. При выполнении указанной задачи приходится, однако, считаться с своеобразными условиями международного характера, сложившимися в Китае. В нем переплетаются и сосредоточиваются важнейшие политические и торговые интересы как наши, так и иностранных держав, причем взаимное соперничество их может сдерживаться в рамках мирного развития лишь при строгом соблюдении существующих трактатов и договоров. Поскольку успехи отдельных государств основываются на постановлениях последних, конкурирующие державы с ними примиряются. Но раз создаются новые отношения, выходящие за пределы таковых актов, является повод для попыток к расширению прав и других государств. Очевидно, постановления действующих трактатов обязательны и для России, и только при условии неукоснительного их соблюдения мы могли бы использовать к нашей выгоде благоприятно складывающееся для нас в Китае положение. Если бы, однако, мы вышли за пределы существующих соглашений, то со стороны других держав немедленно же возникли бы притязания на получение однородных с нами преимуществ. Считаясь с отмеченными обстоятельствами, министр иностранных дел находит благоразумным положить в основу проектируемого договора с Монголией мысль об обеспечении в ней за Россией лишь тех прав, которыми уже пользуются там русские подданные по силе действующих договоров. Всякое в этом отношении новшество, хотя бы даже являющееся лишь развитием постановлений этих договоров, возбудит соперничество конкурирующих с нами в Китае держав, которые в этом случае не преминут, конечно, приложить все усилия к тому, чтобы толкнуть Китай на новые попытки к восстановлению своего господства над Монголией или же, по крайней мере, будут домогаться установления и для своих подданных выговоренных в пользу русских преимуществ. Между тем, всякое усиление Китая в Монголии, а в особенности проникновение в нее иностранного влияния, было бы не в наших интересах. С другой стороны, при заключении с Монголией договора нельзя не принимать в соображение и пробудившегося в настоящее время национального самосознания монголов, побуждающего их к весьма ревнивому отношению к своим правам, как самостоятельного государства. Щадя эти чувства, необходимо при начертании обсуждаемого договора исходить, по возможности, из начала равенства обеих договаривающихся сторон и не предъявлять к монголам чрезмерных требований, несовместных с их новым, эмансипированным от Китая, положением и претящих их национальному чувству.

Ввиду вышесказанных соображений, министр иностранных дел предполагал бы ныне заключить с Хутухтой и князьями четырех аймаков Халхи двусторонний акт, в силу коего Императорское Российское Правительство гарантировало бы монголам право управляться своими национальными

властями и содержать собственное войско, не допуская в Монголию китайских войск и китайской земледельческой колонизации. Со своей же стороны, Хутухта и князя Халхи обязывались бы этим актом не заключать никакого соглашения, нарушающего указанные начала, и предоставлять русским подданным и русской торговле по-прежнему пользоваться в своих владениях правами и преимуществами, принадлежащими им в силу договоров между Россией и Китаем. В развитие сего последнего положения проектируется, как объяснил гофмейстер Сазонов, заключить договор, в существенных частях воспроизводящий касающиеся Внешней Монголии постановления С.-Петербургского трактата 1881 г. Последовательно проводя изложенные общие начала, министр иностранных дел считал бы необходимым не вводить в этот договор указания на предоставление русским подданным права приобретения повсеместно в Монголии недвижимой собственности, так как обеспечение за нами такого права не отвечало бы точному смыслу постановлений С.-Петербургского договора, оговаривающего подобное право лишь по отношению к городам, в которые Российское Правительство имеет право назначить своих консулов, а не по отношению ко всей Монголии, где, как в стране, населенной кочевниками, принцип частной земельной собственности вообще неизвестен. С другой стороны, рассматриваемое постановление могло бы вызвать в монголах подозрение, что путем договора мы стремимся к захвату принадлежащей им территории для колонизации ее русскими крестьянами. Подобное опасение, могущее натолкнуть их на мысль о своекорыстии нашей политики, значительно затруднило бы, конечно, заключение предстоящего договора, и без того связанное с немалыми трудностями.

Сообразив настоящее дело, Совет Министров принял во внимание, что, несмотря на недавнее сравнительно возникновение монгольского вопроса, отношение к нему Русского Правительства имеет уже свою историю. Первоначально, когда среди монголов обнаружили первые попытки, порвав свои вассальные отношения к Китаю, создать независимое государство, мы выступили в качестве незаинтересованных в том или ином исходе сего дела посредников, стремящихся лишь закрепить и оформить фактически сложившиеся отношения. А именно, мы предлагали поддерживать суверенитет Китая в этой стране, но с освобождением ее от китайской администрации, от постоа в ней китайских войск и от колонизации монгольских земель китайцами-земледельцами. Сообразно сему, депутация монгольских князей, направлявшаяся в минувшем году с ходатайством к Российскому Правительству о поддержке, не была допущена в С.-Петербург⁸. Однако китайское правительство не пошло навстречу изъясненным предположениям и предпочло, уклоняясь от принятия наших условий, выждать более благоприятного для него времени, дабы попытаться вновь подчинить Монголию своему полному владычеству. При таком обороте дела быстро развертывающиеся в Китае и Монголии события вынудили нас принять по отношению к ним более определенное положение.

С Высочайшего Вашего Императорского Величества соизволения, в заседании Государственной Думы 26/13 апреля 1912 г., министром иностранных дел было заявлено, что Российское Правительство обеспечивает сохранение в Халхе управления национальными монгольскими властями и не допустит ввода во Внешнюю Монголию китайских вооруженных сил и колонизации ее китайскими земледельцами. Вслед за сим это заявление было сообщено Китайскому Правительству российским посланником в Пекине. Тем самым наша политика в монгольском вопросе приняла новое и более решительное направление, причем в проектируемом договоре мы готовимся торжественно подтвердить автономию Халхи и берем ее под свою защиту. Вследствие сего, Русское Правительство может быть поставлено в необходимость в ближайшем же времени принять на себя заботы по устройству военных сил Монголии и по обеспечению займов, которые, несомненно, понадобятся ей при

⁸ В докладной записке от 24 /11 февраля 1912 г. Николаю II Сазонов высказывался против приезда монгольской депутации в Петербург «до того времени, когда судьба Халхи будет устроена попечением Императорского Правительства». На этой записке имеется помета Николая II: «Согласен». Царское Село, 24/11 февраля.

организации внутреннего управления страной; наконец, не исключена возможность, что нам придется защищать обещанные нами Халхе преимущества и вооруженной рукой.

При таких условиях ныне, когда предстоит подтвердить изъясненные начала двусторонним, заключаемым между Русским Правительством и монгольскими правителями — выборным Хутухтой и князьями — актом, на первую очередь должен быть поставлен вопрос, в достаточной ли и соответствующей предвидимым с нашей стороны жертвам степени обеспечиваются проектируемым соглашением русские интересы. Ввиду сего и разделяя в существе мысль министра иностранных дел о своевременности заключения с Монголией указанного акта политического характера, Совет Министров при ближайшем рассмотрении настоящего дела не мог не заметить, что С.-Петербургский договор 1881 г. определил, главным образом, права, предоставляемые нам Китаем по отношению к вассальному его владению — Монголии. Коль скоро в настоящее время последняя приобретает автономные права, нами к тому же гарантируемые, то естественным последствием такого изменения государственно-правового положения сей страны должно быть сохранение в ней за русскими подданными, по крайней мере, тех прав, которые были предоставлены им в период нахождения Монголии под китайским господством. Предъявлять подобное требование возможно, казалось бы, без всяких опасений возбудить недоверчивость или подозрительность монголов, так как, беря на себя защиту их самостоятельности, мы не можем не выговорить себе тех прав, которые обеспечат нам необходимое для сего в названной стране положение. При этом нельзя забывать, что статьей 13-й С.-Петербургского договора русским подданным в Монголии предоставлено уже право строить в местах, где Российское Правительство имеет право учреждать консульства, собственные дома, лавки, амбары и другие здания на участках, кои будут приобретаться или же отводиться местными властями. Сохранение за нами этого права и распространение его на всю вообще Халху, безусловно, необходимо для возможности упрочения и развития нашей торговли и промышленности в Монголии, и, очевидно, не время было бы отказываться от означенных преимуществ накануне предполагаемого дальнейшего укрепления нашего влияния в этом крае. Но, вместе с тем, считаясь с вышеприведенной статьей С.-Петербургского трактата, Совет Министров не встретил бы препятствий к тому, чтобы при предстоящих при заключении обсуждаемого договора переговорах было точно установлено, что обеспечиваемое за русскими подданными право приобретения повсеместно в Монголии недвижимой собственности имеет в виду покупку земли в торговых и промышленных целях и, в частности, для жилья и для устройства складов, контор, магазинов, фабрик, заводов, факторий и тому подобных экономических предприятий.

Переходя засим к вопросу о том, насколько права русских в Монголии ограждаются от конкуренции иностранцев и китайцев, Совет Министров заметил, что, по силе статьи 2-й проекта основного договора, Хутухта и князь Халхи обязываются лишь не заключать никакого соглашения, нарушающего установленные в статье 1-й начала, т. е. автономию Монголии и недопущение в оную китайских войск, администрации и китайских земледельцев. При изъясненном изложении сего договора Монгольское Правительство имело бы, по-видимому, право предоставить китайцам или другим иностранцам такие права, коими не пользуются русские подданные. Во избежание возможных отсюда недоразумений, необходимо было бы, по мнению Совета, дополнить проект договора категорическим указанием на то, что иностранцам, а в том числе и китайцам, не может быть предоставлено больших, сравнительно с обеспеченными договором за русскими, прав.

В заключение своих суждений по рассматриваемому делу, Совет Министров остановился на вопросе о том, подлежит ли специально в данном договоре упоминанию наше требование об отмене постановлений С.-Петербургского трактата, предоставляющих русским подданным право беспошлинной торговли в Китае в пятидесятиверстной от русской границы полосе, по аналогии с отменой означенного постановления по границе с Китаем. В сем отношении совет нашел, что

по отношению к Монголии нет надобности в подобной оговорке, так как статьей 2-й проекта договора о праве русских в Халхе русским подданным предоставляется право беспошлинной торговли во всей Внешней Монголии. Что же касается упомянутых прав в пятидесятиверстной полосе от границы на русской территории, то с прекращением в Халхе суверенных прав Китая, с которым были заключены соответствующие о таковой полосе взаимные соглашения, сохранение или отмена рассматриваемой льготы зависит, по мнению Совета Министров, исключительно от Российского Правительства, и, как известно, льгота эта подлежит упразднению с исходом нынешнего года.

На основании вышеизложенного, Совет Министров полагает:

Заявленные министром иностранных дел предположения о заключении на проектированных им основаниях договора с Ургинским Хутухтой и князьями Халхи одобрить, со включением в этот договор намеченных Советом Министров добавлений, касающихся: а) прав русских подданных по приобретению в собственность недвижимых имуществ в Монголии и б) непредоставления в названной стране иностранцам и китайцам больших прав, нежели те, коими пользуются в ней русские подданные.

Такое заключение свое Совет Министров всеподданнейшим долгом почитает повергнуть на Высочайшее Вашего Императорского Величества благовоззрение.

Подлинный журнал подписан гг. председателем и членами Совета Министров и скреплен помощником управляющего делами Совета.

Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств 1878–1917. Серия 2. 1900–1913. Т. 20, ч. 2, 14 августа — 17 октября 1912 г. Москва, 1940. С. 6–11.

[Позиции сторон перед подписанием Русско-Монгольского соглашения 1912 г.]

Уполномоченный для ведения переговоров с Монгольским Правительством
Министру Иностранных Дел
Урга, 27 сентября [10 октября]⁹ 1912 г.
(Телеграмма)

Монгольское Правительство, оставляя почти без перемены предложенный мною проект соглашения, стремится, однако, путем внесения в него дополнительных статей установить точно полную свою независимость, не только от Китая, но и вообще от какой-либо другой Державы. Поэтому монголам желательно, чтобы в соглашении было вполне определенно выражено признание Россией Автономии Монгольского Государства. Далее здешнее Правительство выражает желание, чтобы представителем в Урге являлся агент в более высоком ранге, чем ныне, а в другие пункты, где Российское Правительство признает нужным, — назначались Консула. В то же время монголы предполагают просить нас о допущении их агентов в Россию. Затем монголам желательно распространить действие соглашения и протокола на Внутреннюю Монголию, Баргу и другие присоединившиеся к Халхе области. Наконец, здешнее Правительство желает включить в соглашение статью об оставлении без изменений существующих границ с нами.

(Подп.) Коростовец

⁹ Здесь и ниже в документах в квадратных скобках обозначены даты по новому стилю. — С. К.

Министр Иностранных Дел Уполномоченному для ведения переговоров с Монгольским
Правительством.

С.-Петербург, 29 сентября [12 октября] 1912 г.

(Телеграмма).

Телеграмма от 27 сентября получена.

Создание ныне же из Монголии самостоятельного государства в указываемых Вами пределах сопряжено с большими трудностями, и мы не возьмем на себя обязательства силою отстаивать притязания монголов в этом направлении. Между тем, им должно быть ясно, что без нашей поддержки объединение всех намечаемых ими территорий невозможно, прежде всего, ввиду сопротивления, которое Китай оказывает такому объединению. С этой точки зрения, проектируемые Монгольским Правительством изменения в соглашении для нас неприемлемы.

Вместе с тем, мы не возьмем на себя убеждать монголов в невозможности в будущем их объединения и самостоятельного государственного бытия. Благоволите руководиться этими доводами в Ваших объяснениях с Ургинскими правителями и убеждать их сохранить основные положения предлагаемого им соглашения, предоставив будущему решить, как далеко пойдет в своем развитии самостоятельность Монголии.

Вы могли бы также дать понять монгольским министрам, что мы не признаем их соглашения с Китаем, если бы оно было заключено без нашего участия, и предпочтем сами сговориться с Китайским Правительством об участии Монголии. Наши интересы в этой стране не позволяют нам удовольствоваться обещаниями, которые китайцы дадут монголам, так как мы не можем сомневаться, что обещания эти будут нарушены при первой возможности, и должны гарантировать себя от таких нарушений.

Из предположенных монголами дополнений к соглашению мы могли бы в крайности согласиться лишь на повышение ранга нашего представителя в Урге, присвоив ему, например, наименование дипломатического агента. Представительство же Халхи в России нежелательно, разве в виде специальных посольств, первое из которых могло бы прибыть в Петербург тотчас по подписании соглашения.

Сообщается в Пекин.

(Подп.) Сазонов

Уполномоченный для ведения переговоров с Монгольским Правительством Министру
Иностранных Дел.

Урга, 1 [14] октября 1912 г.

(Телеграмма).

Не настаивая далее на первоначальном своем предложении включить в текст соглашения упоминание о распространении его действия на Внутреннюю Монголию и другие округа, присоединившиеся к Халхе, Монгольское Правительство просит заменить слова: «Внешняя Монголия» словом «Монголия». Кроме того, уполномоченные просят ограничиться простым указанием о недопущении на монгольскую территорию китайских войск, опустив постановление о праве их управляться национальными князьями, дабы придать более значения Центральному Ургинскому Правительству, что, казалось бы, в наших интересах, а также не упоминать о китайской колонизации, так как они сами не намерены ее допустить, но считают самый вопрос делом чисто внутренним. Наконец, они повторяют просьбу о признании за ними права иметь агентов в Петербурге.

Сообщается в Пекин.

(Подп.) Коростовец

Министр Иностранных Дел Уполномоченному для ведения переговоров с Монгольским
Правительством.

С.-Петербург, 3 [16] октября 1912 г.

(Телеграмма).

Телеграмма от 1 октября получена.

Предлагаемые монголами изменения в соглашении вызывают следующие замечания.

1. Замена слов «Внешняя Монголия» словом «Монголия» допустима, так как этим не предре-
шается территориальный объем соглашения, и в глазах китайцев это будет служить угрозой распро-
странения действия соглашения на другие монгольские области, которые присоединятся к Халхе.

Необходимо лишь, чтобы Вы оговорили, хотя бы в форме обмена нот или даже односторон-
ней декларации, что Императорское Правительство оставляет за собою право определить, на какие
области, кроме самой Халхи, оно распространяет даваемые Монгольскому Правительству гарантии
автономных прав.

2. Гарантируя монголам право управляться национальными властями, мы вместе с тем возла-
гаем на них обязательство не отказываться от такого управления, что необходимо для наших интере-
сов и будет служить для китайцев доказательством решимости нашей и монголов не допускать пре-
образования Халхи в китайскую провинцию. Этим не предрешается вопрос о внутреннем устройстве
Халхи и о взаимных отношениях Центрального Ургинского Правительства и княжеств.

3. По тем же соображениям считаем необходимым сохранить упоминание о недопущении китай-
ской колонизации Халхи. Не сомневаясь в решимости нынешних Ургинских Правителей не допускать
китайской колонизации, мы должны предвидеть возможность перемены взгляда на этот предмет при
их преемниках. Между тем, мы убеждены, что китайская колонизация, если бы она была когда-нибудь
допущена в Халхе, весьма скоро привела бы к ее полному окитаению и, таким образом, и Россия,
и Халха лишились бы плодов, которых они вправе ожидать от подписания предполагаемого соглашения.

(Подп.) Сазонов

*Сборник дипломатических документов по Монгольскому вопросу (23 августа 1912 г. — 2 ноя-
бря 1913 г.). С.-Петербург, 1914. С. 5, 7–10.*

[Декларация И. Я. Коростовца после подписания Русско-Монгольского соглашения 1912 г.]

Уполномоченный для ведения переговоров с Монгольским правительством Министру

Иностранных Дел.

Урга, 22 октября [4 ноября].

(Телеграмма).

Ссылаясь на Вашу телеграмму от 18 октября, при передаче ее содержания Монгольскому
Правительству, мною сделана следующая декларация:

Соглашаясь на замену в тексте подписанных сегодня между Российским и Монгольским Пра-
вительствами соглашения и протокола слов «Внешняя Монголия» словом «Монголия», имею честь зая-
вить, что Императорское Правительство признает за собой право определить, на какие области, кроме
самой Халхи, распространяются даваемые Монгольскому правительству гарантии автономных прав.

(Подп.) Коростовец

*Сборник дипломатических документов по Монгольскому вопросу (23 августа 1912 г. — 2 ноя-
бря 1913 г.). С.-Петербург, 1914. С. 30–31.*

[Статья Б. Э. Нольде о международном положении Монголии к 1915 году и о переговорах между Россией, Китаем и Монголией]

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ МОНГОЛИИ

1.

1. Договоры, подписанные 25 мая этого года в Кяхте представителями России, Китая и Монголии, завершают ряд актов рождения монгольского государства. Теперь можно дать себе отчет в том, какое положение займет новая государство в системе старых международных правоотношений. Монголия — дитя дипломатических уговоров в гораздо большей степени, чем результат процессов внутренней жизни объединенного новой государственной формой населения. Она — не единственный пример первенства при появлении новых государств внешних сил, сил международных над внутренними, государственными. Последние, родившиеся до Монголии, новые государства, Албания и Панама, равным образом понадобились, прежде всего, ради целей международных и были произведениями дипломатов. Напрасно было бы всегда говорить об «искусственности» такого рождения. Требования международной жизни так же естественны, как и требования внутреннего развития народов. Надо только, чтобы международная постройка не оказалась пустой, и чтобы внутренние силы политического развития, любые, лишь бы живые и здоровые, наполнили ее содержанием. Это мало удалось в Албании, но нет оснований думать, что это не удастся в Монголии.

Понадобилось почти четыре года, чтобы довести до конца дело образования монгольского государства. Осенью 1911 г. началась китайская «революция», сразу же расшатавшая старый механизм китайской государственности. Одним из результатов революции было провозглашение монголами так называемой «Внешней Монголии» своей независимости от Китая. Событие это поставило перед Россией вопрос о том, как отнестись к совершавшемуся на границах Сибири политическому перевороту.

Ответ, который был дан и которому, в его основаниях, наша политика оставалась верной на протяжении следующих лет, был подробно и с откровенностью изложен в речи министра иностранных дел в государственной думе 13 апреля 1912 г. Для уяснения истории возникновения монгольского государства необходимо привести выдержку из этой речи.

«Одним из последствий разразившейся во внутреннем Китае смуты — читаем мы в ней, — было отложение от него Монголии, или, скорее, северной ее части, так называемой Халхи. Провозгласив свою независимость, монголы обратились к России с просьбой о поддержке. Общественное мнение и печать с большой страстностью обсуждали и обсуждают до сих пор положение, которое нам следует занять в этом вопросе. С одной стороны, указывалось, что Россия должна взять Монголию под свой протекторат; с другой стороны, говорилось, что всякое наше участие в судьбе Монголии будет авантюрой, что Китай легко расправится с независимой Монголией, и нам предстоит или иметь с китайцами целый ряд затруднений из-за этого чуждого нам дела, или остаться зрителями такой расправы и принять на себя нравственную ответственность за нее. В этом вопросе надо разобраться.

Монголия велика; ее племенной состав разнообразен; географически и административно положение отдельных ее частей различно. Те монгольские области, которые прилегают к внутреннему Китаю и Маньчжурии, так называемая Внутренняя Монголия, отчасти уже вошли в состав китайских провинций и, во всяком случае, подверглись сильному китайскому влиянию. В значительной своей части Внутренняя Монголия тяготеет к южно-маньчжурской железной дороге и в этой ее части создались японские интересы. Географически и административно вся восточная часть Внутренней

Монголии принадлежит к Маньчжурии и, несомненно, рассматривается державами как составная часть последней. Попытки объединения Внутренней и Внешней Монголии, разобщенных географически и живущих уже давно в совершенно различных условиях существования, едва ли могут привести их к возможности общей политической жизни. Напротив, северная Монголия, Халха, отделенная от Китая пустыней Гоби, до сих пор сохранила свой самобытный строй; жители ее по-прежнему ведут кочевой образ жизни и управляются своими князьями; китайцев там немного, и они составляют скорее пришлый элемент. Попытки нарушить этот строй, которые были сделаны китайским правительством, расположить в главнейших центрах Халхи китайские войска, колонизировать китайцами-землепашцами земли китайских монгол, ввести в крае китайский административный строй вызвали протест со стороны монголов Халхи и повели их к отторжению от Китая. Во главе этого движения стал ургинский хутухта, духовный глава халхаских монголов, пользующийся среди них значительным авторитетом и сумевший объединить их для общего дела.

Переворот в Урге и последовавший за ним переворот в Улясутае, центре западной Халхи, совершились бескровно: требование удалиться, предъявленное монголами китайским властям, было ими выполнено беспрекословно. Уже по одному этому можно судить, как слаба была китайская власть над Халхой: она держалась разрозненностью монголов и престижем памяти великих завоевателей первой эпохи маньчжурской династии. Но со своей стороны и Халха не подготовлена своей историей к самостоятельному государственному бытию. Кочевники по образу жизни, привыкшие в течение столетий повиноваться пекинскому правительству, монголы Халхи не имеют ни войска, ни финансовой организации, ни деятелей, без которых невозможно, немислимо самостоятельное государство. Оторвать их от Китая — значит, поэтому, взять на себя задачу создать из них государство, задачу тяжелую, требующую крупных денежных затрат и огромного труда. А тем временем Халха была бы под постоянной угрозой обратного завоевания китайцами и на нас лежала бы обязанность защищать их силой нашего оружия. Полный разрыв между Халхой и Китаем поставил бы нас перед дилеммой или оккупировать ее, или уйти оттуда и вновь допустить туда китайцев на правах завоевателей. Этой дилеммы мы постарались избежать и согласились на посредничество между китайцами и монголами для заключения между ними такого компромисса, который удовлетворял бы в пределах возможного желание халхасцев сохранить свой самобытный строй и желание Китая восстановить свой суверенитет в Монголии. Зная недоверие монголов к китайским обещаниям и предвидя, что мир в Халхе, столь необходимый для наших там торговых интересов, наступит только тогда, когда халхасцы будут сознавать, что оба их сильных соседа, Россия и Китай, согласились относительно их участи, мы предложили наши дружеские услуги для установления и проведения в жизнь тех мер, которые потребуются для блага этой страны»¹⁰.

2. Задача, которая ставилась русской дипломатией, заключалась, таким образом, в создании «сохраняющей самобытный строй» Монголии под «суверенитетом» Китая, причем пределы автономии первой и власти второго не предreshались. Путь к достижению этой задачи намечался как посредничество России в улажении китайско-монгольских отношений. Последовательным рядом усилий задача была достигнута, но достигнута несколько иным путем, чем предполагалось. Это изменение пути оказало, в свою очередь, влияние на пределы разграничения между «самобытным» строем Монголии и «суверенностью» Китая: теперь мы не вправе больше употреблять эту терминологию и должны говорить уже о монгольской «государственности» и лишь о «сюзеренитете» Китая.

Изменение средств решения монгольского вопроса сравнительно с теми, которые указывались в речи С. Д. Сазонова, вызвано было тем, что китайцы, впервые заговорившие о посредничестве России в их споре с монголами, вовсе не придавали ему такого значения, которое ему дано

¹⁰ Изв. Мин. Ин. Д., 1912 г., III, 80 ст.

было в Петрограде. Китайская просьба о посредничестве состояла, как явствует из первого правительственного сообщения по монгольским делам 29 декабря 1911 г., в том, что «назначенный пекинским правительством для переговоров сановник Куэ-фан обратился к российскому поверенному в делах в Пекине с запросом, может ли он рассчитывать на дружеское посредничество Императорского консульства в Урге при сказанных переговорах»¹¹; посредничества в том смысле и с той программой, как было намечено Россией, китайцы принять не хотели и прибегли к обычному методу своей дипломатической техники, а именно, к затягиванию переговоров. Такой оборот дела нетрудно было предвидеть, и еще в конце 1911 г., т. е. в самом начале переговоров о посредничестве, с нашей стороны была высказана угроза, что мы можем оказаться вынужденными «вести с монгольским правительством деловые сношения» (прав. сообщ. 29 декабря 1911 г.). Решение заменить «посредничество» прямыми переговорами с не существовавшим с формальной точки зрения монгольским государством было действительно принято в августе 1912 г., т. е. после почти года бесплодных объяснений в Пекине. Мотивы этого нового решения были совершенно ясны. Они изложены в инструкции И. Я. Коростовцу, который был отправлен в Ургу для переговоров, в следующих словах: «...мы согласились выступить посредниками между китайским правительством и ургинским хутухтой и неоднократно указывали китайцам на нашу готовность содействовать их примирению с монголами, если Халхе будет обеспечено сохранение ее самобытного строя. Однако все наши попытки в этом направлении не привели к сколько-нибудь осязательным результатам. Пекинское правительство прибегло к уклончивости с явным расчетом устранить посредничество России. ...Убедившись в невозможности договориться с китайцами, не желающими считаться с изменившимся положением в Монголии, Императорское правительство решило войти в непосредственное сношение с ургинским правительством и путем соглашения с ним установить условия, гарантирующие автономию Халхи. Этим самым мы признаем Монголию договаривающейся стороной и санкционируем ее притязание на автономию»¹².

И. Я. Коростовцу перед отъездом в Ургу были переданы выработанные в Петрограде проекты политического соглашения с Монголией и протокола о правах русской торговли. Эти проекты, текст которых не обнародован, им были переданы 23 сентября 1912 г. министрам, которыми обзавелась к тому времени Монголия, и послужили предметом довольно долгих и трудных переговоров с ними. Миссия русского уполномоченного не могла не произвести в Урге большого впечатления; но вместе с тем признание Монголии, которое она знаменовала, окрыляло такие надежды, на удовлетворение которых с русской стороны не было достаточных оснований. Главные из возникших затруднений сводились к двум вопросам: во-первых, монголы чрезвычайно широко намечали границы своего будущего государства; во-вторых, они искали признания их полной независимости от Китая. Оба вопроса представляли, конечно, очень существенное значение. Что касается территории, то в петроградском проекте она определялась как «Внешняя Монголия»; напротив того, монголы хотели, чтобы их будущее государство обнимало, кроме Внешней, еще и Внутреннюю Монголию, Баргу и другие местности, которые они считали присоединившимися к Урге. Разноречие по этому вопросу не было — мы знаем из вышеприведенных заявлений русского министра иностранных дел в государственной думе — только местным, русско-китайским и русско-монгольским спором; некоторые части той Монголии, на которую претендовали в Урге, входили в сферу японских интересов и, само собой разумеется, не могло быть и речи о их включении в монгольское государство. Монгольское дело велось в общих рамках нашей внешней политики и должно было в них остаться. И. Я. Коростовцу разрешено было согласиться на замену слов «Внешняя Монголия» словом «Монголия», но под условием

¹¹ Текст этого правительственного сообщения в Изв. Мин. Ин. Д., 1912, кн. III, 85.

¹² С. Д. Сазонов И. Я. Коростовцу, С.-Петербург, 23 августа 1912 г. Этот и другие документы, на которые я ниже ссылаюсь, в (оранж. кн.) Сборник дипломатических документов по монгольскому вопросу, 1914.

одновременной передачи монголам ноты с оговоркой, что Россия оставляет за собой право определить, на какие области, кроме самой Халхи, оно распространяет даваемые Монголии гарантии. Другое стремление монгол при переговорах с И. Я. Коростовцом, сводившееся к признанию их независимости от Китая, также встретило отпор. Мотивы отказа совершенно ясны как из предшествовавшего, так и из последующего хода событий: по монгольскому вопросу имелось в виду достигнуть соглашения с Китаем, а для того надо было иметь возможность уступить ему фикцию сохранения хотя бы номинальной китайской власти в Монголии. В конце концов, затруднения по этому предмету были преодолены путем редакции, которая ничего не предвещала ни относительно пределов независимости Монголии, ни относительно власти Китая.

Соглашение и приложенный к нему протокол о торговле, выработка которого не вызвала слишком серьезных трудностей, были подписаны в Урге 21 октября 1912 г. И. Я. Коростовцом и пятью монгольскими министрами «по уполномочению Повелителя Монгольского народа, монгольского правительства и князей-правителей». Соглашение так кратко, что его можно воспроизвести здесь целиком:

«Ст. 1. Императорское Российское правительство окажет Монголии свою помощь к тому, чтобы она сохранила установленный ею автономный строй, а также право содержать свое национальное войско, не допуская на свою территорию китайских войск и колонизации своих земель китайцами.

Ст. 2. Повелитель Монголии и монгольское правительство предоставят русским подданным и русской торговле по-прежнему пользоваться в своих владениях правами и преимуществами, перечисленными в прилагаемом протоколе. Само собою разумеется, что другим иностранным подданным не будет предоставлено в Монголии более прав, чем те, которыми пользуются там русские подданные.

Ст. 3. Если бы монгольское правительство сочло нужным вступить в отдельный договор с Китаем или другим иностранным государством, то новым договором ни в коем случае не могут быть нарушены или изменены статьи настоящего Соглашения и Протокола без согласия на то Императорского Российского правительства.

Ст. 4. Настоящее дружественное Соглашение войдет в силу со дня его подписания» (собр. узак., 1912, ст. 2288).

Одновременно с подписанием этого акта и протокола о торговле русский уполномоченный передал монголам объявление, где было сказано, что «Императорское правительство признает за собой право определить, на какие области, кроме самой Халхи, распространяются даваемые монгольскому правительству гарантии автономных прав».

3. Содержание ургинского соглашения само по себе, даже совершенно независимо от известных нам из обнародованных документов его мотивов, свидетельствовало, что на почве его считалось необходимым договориться с Китаем. Монголия была признана в нем в качестве политической единицы, но степень ее независимости определена была формулой весьма гибкой. Было лишь условлено, что она сохранит свой автономный строй и будет иметь национальное войско. Это, конечно, недостаточно, чтобы заполнить собой полный круг государственной самостоятельности. Незанятую часть круга было заранее решено заполнить китайским содержанием, в той мере, конечно, в какой он не заполнялся особыми правами, которые были выговорены соглашением в пользу России, а именно, русской гарантией автономии, правами русской торговли и правом России возражать против всяких соглашений Монголии, хотя бы с Китаем, противоречащих ургинскому акту. Но при указанной растяжимости формулы автономии данное Монголии международное положение могло сочетаться с более или менее широкой властью Китая. События привели к тому, что китайские права оказались достаточно узкими.

Через три дня после заключения ургинских актов русскому посланнику в Пекине В. Н. Крупенскому было поручено заявить об этом китайскому правительству и при этом указать, что полное

отложение Монголии от Китая «пока» Россией не признано, и выразить надежду, что Китай «не встретит препятствий» к тому, чтобы присоединиться к принципам ургинского уговора. Китайцы ответили, что не могут признать силы за соглашением, заключенным иностранной державой с одной из составных частей их государства, но все же согласились на переговоры. Эти переговоры длились год и закончились подписанием в Пекине 23 октября 1913 г. декларации о признании автономии Монголии.

История этих переговоров, приведших ко второму этапу на пути создания Монголии, распадается на две части.

В течение первого периода переговоры велись на основании проектов, предлагавшихся Китаем. После того, как, приступая к ним, русский посланник передал китайскому правительству «основные положения», которые должны были служить содержанием русско-китайского соглашения, китайцы противопоставили им свои проекты. Таких проектов ими было выставлено последовательно общим числом три, но два первых были явно неприемлемы и не обсуждались, и лишь третий вызвал ответ русского правительства. Этот третий контр-проект вдохновлялся, как и все остальные — более ранние и позднейшие — пожелания Китая по монгольскому вопросу, мыслями китайского «легитимизма», желанием в пределах возможного упразднить акты провозглашения монгольской независимости и признания монгольской автономии Россией; но он шел в этом направлении очень далеко, и китайская «законность» реставрировалась не только внешним, формальным образом, но, несомненно, и по существу. Кроме признания Монголии «нераздельной частью Китая» и обязательства России уважать «исторические права» Китая на Монголию, третий контр-проект выражал согласие на принятие добрых услуг России только «для достижения отмены незаконным образом провозглашенной Хутухтой в Урге независимости и установления отношений в стране» на основах «исторических прав» и требовал утверждения Китаем силы заключенного Россией с Ургой соглашения о торговле и сохранения за Китаем ведения всех остальных внешних сношений Монголии. Само собой разумеется, в этой форме китайский контр-проект не был принят, но желание русского правительства поскорее довести до конца переговоры побуждало искать некоторого приближения к китайской точке зрения. Пределом предложенных в ответе на контр-проект уступок надо считать следующий, переданный в Пекин проект постановления на замену китайского текста о русском посредничестве: «Желая пользоваться мирными средствами для достижения осуществления своих прав над Внешней Монголией, Китай заявляет о своей готовности принять добрые услуги России для установления на вышеизложенных основаниях принципов его отношений с Внешней Монголией и для признания центральной властью этой страны своего исторического характера местной власти китайского государства»¹³.

Переговоры так дальше этого пункта и не пошли. Китайское правительство сделало попытку использовать, как некоторое средство давления на Россию с целью добиться дальнейших уступок, свой новый представительный строй и занялось выработкой окончательного контр-проекта в палате представителей и в сенате. Так прошло еще несколько месяцев, в течение которых китайский министр иностранных дел время от времени приходил к посланнику и рассказывал ему всякого рода сомнения китайских депутатов. Нет надобности гадать, были ли конституционные колебания китайского правительства добросовестными или же просто ими затягивались переговоры — отмечу только, что во второй стадии русско-китайских переговоров, к которой я сейчас перейду, с парламентом больше не разговаривали; во всяком случае, скоро обнаружилось, что, продолжая переговоры в той форме, в которой они были начаты, не приходишь к цели. В Петрограде было решено резко повернуть вопрос. В конце июня 1913 г. русскому посланнику в Пекине было предписано заявить китайцам, что «Императорское правительство, отклоняя последние предложения Китая об отдельных изменениях редакции,

¹³ С. Д. Сазонов В. Н. Крупенскому, С.-Петербург, 24 апреля 1913 г.

вынуждено с искренним сожалением признать, что переговоры не привели к желательным результатам, и возвращает себе свободу действий в этом вопросе». Одновременно посланнику был передан текст заново составленного проекта соглашения с Китаем по монгольскому вопросу и поручено сказать, что на основах этого нового проекта переговоры могут быть возобновлены¹⁴.

Июньский проект соглашения открывает собой второй фазис русско-китайских переговоров. Этот проект, послуживший, мы увидим, основанием окончательного соглашения с Китаем, гораздо более отчетливо, чем ранее обсуждавшиеся, выражает основную мысль русского правительства. В нем было сказано: «Китай признает автономию Монголии (за исключением областей, входящих в состав Внутренней Монголии). — Россия признает сюзеренитет Китая над Монголией. — Признавая исключительное право монголам самим ведать внутренним управлением автономной Монголии и решать все касающиеся этой страны вопросы, относящиеся к торговой и промышленной областям, Китай обязуется не вмешиваться в эти дела и посему не будет посылать войск в Монголию, не будет содержать там никаких гражданских или военных властей и будет воздерживаться от всякой колонизации этой страны. Условлено, однако, что командированный китайским правительством сановник может проживать в Урге, имея при себе необходимый подчиненный штат и конвой, не превышающий ста человек. — Китай выражает готовность принять добрые услуги России для установления своих отношений с монгольским правительством согласно началам, изложенным в русско-монгольском соглашении и протоколе 21 октября 1912 года. — Касающиеся интересов России и Китая в Монголии вопросы, порождаемые новым положением вещей в этой стране, составят предмет последующих переговоров между тремя правительствами, которые в этих видах изберут место, где съедутся их делегаты».

Резкий перерыв переговоров оказался полезным. Через несколько дней к русскому посланнику в Пекине явился сановник китайского министерства иностранных дел и сказал, что совет министров под председательством президента решил отказаться от мысли добиться подписания соглашения в прежней редакции и готов принять новый проект, что старый министр иностранных дел подал в отставку, и с назначением нового переговоры будут возобновлены¹⁵. На самом деле, переговоры на новой почве пошли гораздо успешнее. Настаивая в первом их фазисе на таком уговоре, который был бы по существу отменой всего, что раньше совершилось в Урге, китайцы во втором, открывшемся теперь фазисе почти исключительно заботились о форме, о дополнении соглашения такими текстами, которые маскировали их отказ от полной власти в Монголии.

В этом направлении ими было высказано несколько пожеланий. Прежде всего, китайцы очень хотели, чтобы в соглашении было сказано, что Монголия составляет часть китайской территории. Затем они просили, чтобы в соглашении слово «Монголия» было заменено термином «Внешняя Монголия». Далее, им неприятно было упоминание в соглашении об ургинских актах 1912 г. Наконец — и в этом единственном пункте китайцы касались уже не формы, а существа дела — они просили оговорить, что «политические и территориальные вопросы, касающиеся Монголии, признаются входящими в ведение китайского правительства».

Особенных споров все эти пожелания китайцев не возбудили. О том, что Монголия — часть китайской территории, было условлено заявить в особой ноте, приложенной к декларации, и в самом деле это положение вытекало из мысли о китайском «сюзеренитете», на которой был построен русский проект второго фазиса переговоров. Слово «Монголия» было заменено словами «Внешняя Монголия», но при этом попутно была в общих чертах определена территория этой последней. Выше было указано значение территориального вопроса для России, в частности, было упомянуто, что с самого начала переговоров Россия, по ряду весьма веских оснований, толковала понятие «Монголия» именно

¹⁴ С. Д. Сазонов В. Н. Крупенскому, Петроград, 28 июня 1913 г.

¹⁵ В. Н. Крупенский С. Д. Сазонову, Пекин, 11 июля 1913 г.

как «Внешнюю Монголию», и что она оговорила свое толкование в особой ноте И. Я. Коростовца монгольскому правительству. Определенные теперь границы Монголии представляли лишь более точное выражение того, что разумелось ранее. Ссылка на ургинские акты не была вычеркнута целиком: не упомянуто было лишь о соглашении и осталось упоминание о торговом протоколе; однако в той связи, в которой в проектах говорилось об этом, отсутствие ссылки на ургинское соглашение по существу дела ничего не меняло.

Последнее из более существенных китайских пожеланий, а именно признание подведомственности Китаю всех территориальных и политических дел Монголии, принято не было. «Право китайского правительства, — говорилось в ответе А. А. Нератова, — единолично решать касающиеся Монголии политические и территориальные вопросы не вытекает из его сюзеренных прав. Нельзя лишить монгольское правительство права голоса в этих вопросах. Поэтому для 4-й статьи мы предлагаем следующую редакцию: Вопросы политического и территориального характера, касающиеся Внешней Монголии, будут разрешены переговорами между русским, китайским и монгольским правительствами»¹⁶. Китайцы согласились на такое постановление, несмотря на то, что между их первоначальным пожеланием и тем, что теперь было сказано, лежала целая пропасть; конечно, и в русском тексте для них заключалась некоторая политическая гарантия, хотя она и без того разумелась в формуле «сюзеренитета» Китая над Монголией. По желанию китайцев предложенное Россией постановление было изменено лишь в том смысле, что, во-первых, оно было помещено не в тексте соглашения, а в особых нотах и, во-вторых, в нем вместо «монгольское правительство» говорилось о «властях Монголии».

Так возникла декларация 23 октября 1913 г. и приложенные к ней обмененные с китайским правительством ноты.

Декларация гласила в русском официальном переводе с французского подлинника:

«I. Россия признает, что Внешняя Монголия находится под сюзеренитетом Китая.

II. Китай признает автономию Внешней Монголии.

III. Признавая исключительное право монголов Внешней Монголии самим ведать внутренним управлением автономной Монголии и решать все касающиеся этой страны вопросы, относящиеся к торговой и промышленной областям, Китай обязуется не вмешиваться в эти дела и по сему не будет посылать войск во Внешнюю Монголию, не будет содержать там никаких гражданских или военных властей и будет воздерживаться от всякой колонизации этой страны. Условлено, однако, что командированный китайским правительством сановник может проживать в Урге, имея при себе необходимый подчиненный штат и конвой. Кроме того, китайское правительство в случае надобности может содержать в некоторых местностях Внешней Монголии, подлежащих определению при предусмотренных в V статье настоящего соглашения переговорах, агентов для защиты интересов своих подданных.

Россия с своей стороны обязуется не содержать войск во Внешней Монголии, за исключением консульских конвоев, не вмешиваться в какую-либо отрасль управления этой страны и воздерживаться от ее колонизации.

IV. Китай выражает готовность принять добрые услуги России для установления своих отношений с Внешней Монголией согласно вышеизложенным началам и постановлениям русско-монгольского торгового протокола 21 октября 1912 года.

V. Касающиеся интересов России и Китая во Внешней Монголии вопросы, порождаемые новым положением вещей в этой стране, составят предмет последующих переговоров».

Приложенные к соглашению ноты, формальная обязательность которых равна обязательности соглашения, устанавливали следующее:

¹⁶ А. А. Нератов В. Н. Крупенскому, С.-Петербург, 11 сентября 1913 г.

«1. Россия признает, что территория Внешней Монголии составляет часть территории Китая.

2. Что касается политических и территориальных вопросов, то по ним китайское правительство будет условливаться с русским правительством путем переговоров, в которых власти Внешней Монголии будут принимать участие.

3. Предусмотренные в V статье декларации переговоры будут происходить между тремя заинтересованными сторонами, которые в этих видах изберут место, где съедутся их делегаты.

4. Автономная Внешняя Монголия будет состоять из областей, находившихся в ведении китайского амбана в Урге, улясутайского цзянь-цзюня и китайского амбана в Кобдо. Ввиду того, что не существует подробных карт Монголии, и что границы административных делений этой страны неопределенны, условлено, что точные границы Внешней Монголии, равно как и разграничение между Кобдоским округом и Алтайским округом, составят предмет позднейших переговоров, предусмотренных в V статье декларации» (Собр. узак., 1913, ст. 2801).

4. Пекинская декларация 23 октября 1913 г. заключала в себе ссылку на необходимость нового, третьего по счету акта для окончательного завершения дела образования Монголии, а именно, тройственного договора между Россией, Китаем и Монголией. Мысль о таком заключительном тройственном договоре первоначально, по-видимому, не возникала и была выдвинута более или менее случайно, но она оказалась плодотворной. В начальном фазисе переговоров между Россией и Китаем, до разрыва их первою и возобновления на новых основаниях, предметом споров с Китаем был, между прочим, русско-монгольский протокол о торговле 1912 г. Россия предлагала, чтобы этот протокол был без изменений приложен к русско-китайскому соглашению по монгольскому вопросу; напротив того, китайцы хотели его пересмотра по существу и замены новым, русско-китайским, который и определял бы положение русской торговли в Монголии. Чтобы избежать затруднений по этому поводу, русское правительство, возобновляя на новых основаниях переговоры с Китаем, предложило в воспроизведенном выше проекте соглашения, чтобы касающиеся интересов России и Китая в Монголии вопросы были разрешены впоследствии особыми переговорами с участием монгол. Такая постановка вопроса не только позволяла успешнее и скорее покончить соглашение, но и представляла ту выгоду, что, если бы в ургинском торговом протоколе пришлось сделать какие-либо перемены, то они сделаны были бы с участием монгол и не пришлось бы еще отдельно договариваться с этими последними об изменении ургинского акта. Эта остроумная мысль получила по ходу переговоров с китайцами дальнейшее развитие.

Со стороны монгол было выражено желание принять непременно участие в окончательном акте, определяющем их судьбу¹⁷. С другой стороны, и китайцы предпочитали прямому отказу в признании за ними тех или иных прав в Монголии обещание, что соответствующий вопрос будет разрешен с их участием в последующем соглашении. Так они согласились разрешить затруднение с «политическими и территориальными вопросами» Монголии, на котором я уже останавливался; в частности, точное определение границ Внешней Монголии сразу было отнесено к тройным переговорам. В результате эти тройные переговоры получили довольно длинную программу. Согласно ст. V декларации, к ним отнесены были «касающиеся интересов России и Китая во Внешней Монголии вопросы, порождаемые новым положением вещей в этой стране»; согласно п. 2 ноты, сюда добавлены «политические и территориальные вопросы» без ближайшего определения их содержания; согласно п. 5, «точные границы Внешней Монголии, равно как и разграничение между Кобдоским округом и Алтайским округом»; наконец, хотя прямо и не говорилось, что «добрые услуги России для установления своих отношений с Внешней Монголией» будут оказаны Китаю опять-таки в форме тех же тройных переговоров, но это вытекало из существа дела.

¹⁷ А. Я. Миллер С. Д. Сазонову, Урга, 24 августа 1913 года.

Эту программу и выполнила кяхтинская конференция русских, китайских и монгольских представителей, приведшая к подписанию «Тройного соглашения об автономной Внешней Монголии» 25 мая 1915 г. (собр. узак., 1915, ст. 1712). Пока не обнаружено никаких данных о ходе сказанных переговоров, но текст соглашения достаточно понятен и без исторического комментария, опирающегося на документы, связанные с его возникновением. Постановка монгольского вопроса была настолько выяснена двумя предшествующими актами, ургинским и пекинским, что в основном — не говорю о подробностях — значение акта 1915 г. исчерпывается окончательным оформлением ранее предreshенного. В первой статье тройного соглашения, которая могла бы, по существу дела, заменить все соглашение в его политических постановлениях и которая составляет как бы его ось, сказано:

«Внешняя Монголия признает Русско-Китайскую декларацию и ноты, обмененные между Россией и Китаем 23 октября 1913 года 5-го числа 11-го месяца 2-го года Китайской республики».

Монголия, как признанная уже не одной Россией, но и Китаем договаривающаяся сторона, с одной стороны, и сохранение в силе русско-китайского договора, с другой — этими двумя моментами предreshено все содержание кяхтинского акта. Дальнейшие статьи только развертывают сказанное в приведенной формуле. Главные основания порядка, который таким образом освящен, изложены в соглашении так:

«Ст. 2. Внешняя Монголия признает над собой сюзеренитет Китая. Россия и Китай признают автономию Внешней Монголии, составляющей часть китайской территории.

Ст. 3. Автономная Монголия не имеет права заключать с иностранными державами международных договоров, касающихся политических и территориальных вопросов. Что касается политических и территориальных вопросов, относящихся к Внешней Монголии, то китайское правительство обязуется сообразоваться со 2-й статьей нот, обмененных между Россией и Китаем 23 октября 1913 г., 5-го числа 11-го месяца 2-го года Китайской республики.

Ст. 5¹⁸. Россия и Китай, согласно 2-й и 3-ей статьям русско-китайской декларации 23 октября 1913 года, 5-го числа 11-го месяца 2-го года Китайской республики, признают за автономным правительством Внешней Монголии исключительное право ведать всеми делами своего внутреннего управления, а равно и заключать с иностранными державами международные договоры и соглашения по всем вопросам, касающимся торговли и промышленности автономной Монголии.

Ст. 6. Согласно той же статье 3-ей декларации, Россия и Китай обязуются не вмешиваться в существующий во Внешней Монголии автономный строй внутреннего управления.

Ст. 11. Территорию Внешней Монголии составляют, согласно 4-й статье нот, обмененных между Россией и Китаем 23 октября 1913 года, 5-го числа 11-го месяца 2-го года Китайской республики, области, находившиеся в ведении китайского амбана в Урге, цзянь-цзюня в Улясутае и китайского амбана в Кобдо, причем границей с Китаем служат границы хошунов четырех аймаков Халхи и Кобдоского округа, определенных: на востоке — с Хулун-Буирским округом, на юге — с Внутренней Монголией, на юго-западе — с Синьцзянской провинцией и на западе — с Алтайским округом. Формальное разграничение между Китаем и автономной Внешней Монголией будет произведено особой комиссией из делегатов России, Китая и автономной Внешней Монголии, причем к началу работ по разграничению будет приступлено не позже двух лет со дня подписания настоящего соглашения.

Ст. 21. Постановления русско-китайской декларации и нот 23 октября 1913 года 5-го числа 11-го месяца 2-го года Китайской республики, равно как и русско-монгольского торгового протокола 21 октября 1912 года остаются в полной силе».

¹⁸ В работе Б. Э. Нольде пропущена ст. 4 Соглашения: «Титул «богдо чжебцзун дамба хутухта хан Внешней Монголии» жалуетсЯ президентом Китайской Республики, календарь коей применяется в официальных бумагах наравне с монгольским календарем с циклическими знаками». — С. К.

Приведенные основные правила кяхтинского тройного договора сопровождаются еще другими, в которых частью развиваются эти главные правила, иногда в направлениях, бросающих яркий свет на значение отдельных подробностей международно-правовой характеристики Монголии, а частью затронуты правовые, административные и торговые вопросы существенного практического значения, но не имеющие столь же прямого отношения к политическому статусу Монголии.

Кяхтинское тройное соглашение, завершая образование монгольского государства, позволило как бы снять часть лесов, при помощи которых возникла новая политическая постройка. Мы видели, что оно подтверждает силу пекинского соглашения и ургинского торгового протокола, но совершенно умалчивает об ургинском политическом договоре. Мы знаем, что такое умолчание было первоначально допущено в пекинском соглашении по настоянию китайцев, не желавших дать признания акту 1912 г. по соображениям своего легитимизма; кяхтинское соглашение следует тому же образцу, очевидно, по тем же основаниям. Но то обстоятельство, что ургинский политический договор формально вычеркнут таким образом из числа обязательных для совокупности ближайше заинтересованных в судьбах Монголии государств, едва ли представляет пробел по существу. Если ургинский политический договор навсегда останется основным актом в истории монгольского вопроса, то с формальной точки зрения он теперь более не нужен. Мы знаем, что он давал монгольской государственности формулу весьма растяжимую: пределы автономии Монголии и границы ее территории могли и после него быть и очень широки, и очень узки. Только пекинский акт определил сколько-нибудь точное содержание первоначальной растяжимой формулы, определил, я указывал, значительно шире, чем сначала намечалось русской дипломатией. Все, что было создано пекинским актом, было сохранено кяхтинским. Поэтому, если бы тройное соглашение и подтвердило силу ургинского уговора, то это ровно ничего не прибавило бы по существу дела. Следует лишь оговорить, что ургинский уговор остается в силе для двух сторон, которые его подписали, вне¹⁹ России и Монголии, и если бы — что, конечно, вне разумного предвидения — почему-либо отпала сила пекинского и кяхтинского актов, то положение Монголии стало бы вновь определяться с формальной точки зрения ургинским политическим договором.

Проф. бар. Б. Э. Нольде.

(Окончание следует).

[*Право*. 1915, № 34, с. 2153–2168]

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ МОНГОЛИИ²⁰.

§ 2.

1. Пекинский и кяхтинский договоры определяют международное положение Внешней Монголии (таково международно-обязательное официальное наименование нового политического организма) так:

«Внешняя Монголия признает над собой сюзеренитет Китая. Россия и Китай признают автономию Внешней Монголии, составляющей часть китайской территории» (Кяхт. дог., ст. 2).

«Россия признает, что Внешняя Монголия находится под сюзеренитетом Китая» (Пек. дог., ст. 1).

Что значат все встречающиеся здесь термины и откуда они взялись?

¹⁹ По-видимому, опечатка: надо читать «в» — С. К.

²⁰ См. «Право», № 34.

Для того, чтобы описать отношения между Монголией и Китаем, акты 1913 и 1914 гг. прибегли к классической формуле международного договорного права XIX века — они говорят о «сюзеренитете» Китая над автономной Монголией. Это формула, при помощи которой совершался процесс последовательного расчленения Турции и рождения новых государств Ближнего Востока. В тот первый раз, когда в трактатах прибегли к слову «сюзеренитет» для обозначения зависимости одного государства от другого, было дано никогда не повторявшееся позднее пояснение его значения. Оно содержалось в договоре об Ионических островах, заключенном Россией и Оттоманской Портой 21 марта 1800 г., где было сказано: «Его Величество Император Всероссийский, приемля во уважение, что прежде бывшие Венецианские острова, по приближенному положению их к Морею и Албании, имеют великое влияние на безопасность Порты Оттоманской и спокойствие ея владений, соизволяет, чтобы оные образовались в республику, наподобие Рагузейской, правом верховной власти Порте Оттоманской подверженную (*soumise à titre de Suzeraineté à la Sublime Porte*) и управляемую знатнейшими и почетнейшими из обывателей своих. Его Величество Император Всероссийский обещает за Себя и Высоких преемников Своих ручательствовать целость владений вышесказанной республики, соблюдение ее конституции, по предварительному рассмотрению и утверждению оной от обеих Высокодоговаривающихся сторон, и сохранение навсегда даваемых ей привилегий. А Его Величество Император Оттоманский, принимая на Себя и Высоких преемников своих качество Верховных властелинов новой республики по вассальству ее, то есть, области зависящей, подчиненной и Блистательную Порту покровительствуемой, обязуется свято хранить долг такового покровительства (*Sa Majesté l'Empereur Ottoman et Ses Successeurs étant Suzerains de la susdite Republique, c'est à dire Seigneurs, Princes et Protecteurs, et ladite Republique étant Vassale de la Sublime Porte, c'est à dire dépendante, soumise et protégée, les devoirs de cet protection seront religieusement observés par la Sublime Porte en faveur de la susdite Republique*)» (ст. 1). Дальнейшие постановления развивали это основное правило. «Вследствие сказанного в 1 артикуле, острова: Корфу, Зант, Кефалония, Санта-Мавра, Итака, Паксу, Цериги и все прочие, большие и малые, обитаемые и необитаемые острова, противу берегов Мореи и Албании лежащие, от преждебывшей Венецианской республики отторженные и ныне обоюдным оружием приобретенные, будучи подвластны Блистательной Порте (*étant soumise à la Sublime Porte*), под названием Республики Седьми соединенных островов, сказанная республика и подданные ее имеют пользоваться, в рассуждении политических своих дел, внутренней их конституции и торговли всеми преимуществами, которыми пользуется республика Рагузейская и ее подданные»... (ст. 2). «Вышесказанная Республика Седьми соединенных островов, сохраняя в точности верность и повиновение, коими по вассальству своему обязана к Блистательной Порте (*ses devoirs de fidélité et d'obéissance auxquels elle est tenue en raison de son Vasselage*), имеет пользоваться во всем внутренним и внешним расположениям своим совершенно теми же правами и преимуществами, которыми пользуется республика Рагузейская»... (ст. 3). «Вышесказанная республика в знак вассальства своего и верховной власти Его Величества Султана (*pour donner une marque de son vasselage envers la Sublime Porte et reconnaître sa Suzeraineté*), обещает платить в казну его всякие три года 75.000 пиастров. Дань сия (*cette redevance*) будет предоставляема через торжественное посольство к Блистательной Порте, по примеру республики Рагузейской...» (ст. 4) (Martens, R.S., II, 276; п. с. з., 19.336). Здесь, с большим богатством фразеологии, раскрывается источник термина «сюзеренитет». Понятия «сюзеренства» и «вассальства» пояснены противопоставлением «сеньор, государь и покровитель», с одной стороны, и «зависимость, подчинение и состояние под покровительством», «верность и повиновение», с другой. Вся совокупность идей западноевропейского феодального права здесь перенесена русскими дипломатами Павловского царствования на Восток, с сохранением старинной феодальной

терминологии²¹. Власть и покровительство сеньора над владельцем феода, верность и повиновение последнего — разве это не коренные устои феодализма? До сих пор точно не исследовано, как и почему совершилось это заимствование феодальных терминов и идей для характеристики отношений Турции к зависевшим от нее государственным образованиям. Но оно оказалось весьма удачным, и возрожденным на новой почве институтам удалось утвердиться. Не знаю, насколько повинен в этом местный мусульманский феодализм, на который иногда ссылаются при описании рассматриваемого явления²²; во всяком случае, с постепенным ростом числа зависимых от Турции автономных политических единиц делается общепринятым описание их, как единиц «под сюзеренитетом» Порты или Султана. В 20-х годах ищут разрешения греческого вопроса и говорят о сюзеренитете Турции над Грецией (Лондонский договор 1827 г. между Францией, Англией и Россией). Как известно, Греция вопреки этому договору получила полную независимость, но термин не умер, и через два года русско-турецкий Адрианопольский договор в ст. V устанавливает «сюзеренитет» Турции уже в отношении Молдавии и Валахии, пользовавшихся автономией с давних пор. То же повторяют последующие акты относительно дунайских княжеств, а именно, Парижский трактат 1856 г. (ст. 22) и Парижская конвенция 1858 г. (ст. 1). Международная конвенция 1862 г. называет «сюзеренитетом» власть Порты над Сербией. Берлинский трактат 1878 г. определяет, что под «сюзеренитетом» Турции находится Болгарское княжество (ст. 1). Договор между Англией и Трансваалем, заключенный в Претории в 1881 г., признает автономию республики «под сюзеренитетом» английской королевы.

Таким образом, когда договоры говорят теперь о «сюзеренитете» одной страны в отношении другой, мы имеем дело с своеобразною пересадкою старинной феодальной терминологии для характеристики возникавших лишь к началу XIX в. явлений взаимной зависимости государств. Любопытно заметить, что таким же терминологическим пережитком феодализма представляется и та другая основная формула, к которой прибегают в XIX веке для описания явлений зависимости государств друг от друга, а именно «протектората». Это понятие имеет те же исторические корни, что и понятие сюзеренитета. Согласно феодальным идеям, столь ярко выраженным в договоре 1800 г. об Ионических островах, отношения между сюзереном и вассалом сводятся именно к покровительству, оказываемому первым, и повиновению, оказываемому вторым; покровительство и сюзеренитет — по своему происхождению термины совершенно одинакового порядка.

Заимствовав старый термин, договоры XIX века не могли связывать их с понятием сюзеренитета того именно содержания, который он имел в феодальном праве. Совокупность идей, которая находила себе выражение в статьях договора об Ионических островах, была слишком далека от условий, в которых складывались отношения между государствами в новейшее время, и не могла послужить материалом при построении институтов современного международного права. «Покровительство», «верность» и «подчинение» пришлось перевести на какие-либо более точные и менее антикварные юридические величины. Каждый из последующих договоров, в которых встречалась рассматриваемая терминология, поэтому старался сам дать некоторое пояснение тому, что он разумел под сюзеренитетом. Напрасно было бы ждать, конечно, этих разъяснений в сколько-нибудь подробной и доктринальной форме. Политические договоры пишутся не теоретиками, а практиками, для которых забота о точном чекане международно-правовых положений не существенна. Если бы мы хотели поэтому найти абстрактную характеристику вассальных отношений в новом договорном праве, то нам пришлось бы разочароваться. Самое большее, что мы найдем в них — это лишь поверхностный очерк

²¹ Историко термина «сюзеренитет», который вошел в употребление в конце феодального строя (XV–XVII вв.), исследовал Kelke, *Feudal suzerains and modern suzerainty*, the *Law Quarterly Review*, 5th series, XII (1896); ср. Boghitchevitch, *Halbsouveränität* (1903, 85); Stubbs, *Suzerainty: medieval and modern*, the *Law Quarterly Review*, 4th series, VII (1881–1882), 279.

²² Boghitchevitch, 57; Grünau, *Die staats- und völkerrechtliche Stellung Egyptens*, 1903, 210.

того, что должен был значить сюзеренитет одного государства над другим, скорее свидетельствующий о том направлении, в котором работала мысль дипломатов, чем дающий определенные юридические результаты этой работы.

Возьму по очереди трактаты, в которых нашла себе выражение формула сюзеренитета и очерчивалось ее содержание. Договор 1800 г. об Ионических островах, если оставить в стороне феодальную фразеологию, видел конкретное выражение сюзеренитета в том, 1) что Турция (совместно с Россией) утверждала «внутреннюю конституцию» республики, и 2) в том, что вассальная республика должна была платить дань Турции (ст. 2. и 4). Договор 1827 года о Греции считал последствиями сюзеренитета Турции в отношении этой страны: 1) опять-таки дань и 2) некоторое участие, ближе не определенное, сюзерена в назначении греческих властей (ст. 2). Более сложным было понимание сюзеренитета Турции в отношении Дунайских княжеств. В особом акте, приложенном к Адрианопольскому трактату 1829 г., верховные права Порты понимались как право: 1) утверждать органическое законодательство Молдавии и Валахии, 2) давать пожизненную инвеституру избранным государям каждого из княжеств и 3) получать с них дань и, сверх того, сумму, заменяющую прежние личные повинности населения в пользу турецкого правительства. По Балта-Лиманской конвенции 1849 г., которая дополняет предшествующую, сюзеренитет Турции над княжествами дает ей право: 1) назначать (после соглашения с Россией) господарей, 2) утверждать и изменять органический устав княжеств, 3) временно содержать в княжествах свои войска для поддержания порядка (на равных основаниях с Россией) и 4) иметь (опять-таки наравне с Россией) в княжествах особого чрезвычайного комиссара для дачи советов государям в случае злоупотреблений или беспорядков (ст. ст. 1, 2, 4 и 5). В Парижском трактате 1856 г. никаких других прав из сохраненного в силе сюзеренитета Турции не выводится, кроме формального права утвердить после предварительного соглашения с великими державами особым хатти-шерифом государственный устав княжеств и созвать учредительные диваны (ст. ст. 24 и 25). Наконец, конвенция 1858 г. признает последствиями сюзеренитета: 1) дань княжеств, 2) инвеституру государей, 3) право Турции (по соглашению с державами) защищать территорию княжеств и 4) обязательность для княжеств международных трактатов Турции (ст. 8, ср. ст. 9). Сюзеренитет Турции над Болгарией, установленный Берлинским договором 1878 г., выражается, с точки зрения этого акта, в праве султана утверждать болгарского князя и в обязанности Болгарии платить Турции дань (ст. ст. 1 и 3). Наконец, сюзеренитет Англии над Трансваалем по конвенции 1881 г. сводится к праву первой: 1) назначать в Трансвааль своего резидента, 2) проводить в случае войны свои войска через территорию Трансвааля и 3) контролировать внешние сношения республики, которая обязана сноситься с иностранными государствами исключительно через английских дипломатических или консульских агентов (ст. 2).

Изложенного достаточно, чтобы показать, что при выяснении в новом договорном праве понятия сюзеренитета его феодальные источники — идея *homagium feodale* — не играли, в сущности, никакой роли. Институт развивался совершенно по-новому, в непосредственной зависимости от своеобразных политических условий, к которым он прилагался, главным образом, обстановки турецкого Востока. И в этом развитии основной чертой была именно непосредственность отражения конкретных политических данных на истолковании тем или иным договором термина сюзеренитет. Каждый из этих договоров понимает сюзеренитет по-своему. Даже наиболее часто встречающееся в них условие — дань вассала сюзерену, кстати сказать, совершенно чуждое подлинному феодализму — неизвестно, например, в отношениях Англии и Трансвааля по договору 1881 г. и фактически никогда не действовало в отношениях между Турцией и Болгарией.

Если можно найти в договорах, которые я приводил, какую-либо одну общую черту, то это — стремление выразить формулой сюзеренитета, что между политическими единицами устанавливается

гораздо более поверхностная связь, чем та, которую выражают подлинным понятием власти — суверенитетом. Все договоры о сюзеренитете построены на той основной мысли, что вне определенно выговоренных в них полномочий сюзерена «вассальная» политическая единица пользуется полной автономией и самостоятельно определяет свою политическую жизнь. Сюзеренитет с точки зрения современного договорного права есть как бы презумпция полноты прав²³ подчиненного государства: за исключением немногого, что предоставлено сюзерену, все принадлежит вассалу.

Пекинский и кяхтинский договоры, провозглашая сюзеренитет Китая над Монголией, имели в виду прежде всего это основное понимание предшествующих договоров, а отнюдь не те или иные характеристики ранее возникавших в XIX в. вассальных отношений. Это совершенно ясно выражено в дипломатической переписке, связанной с заключением пекинского договора. Поручая русскому уполномоченному в Урге ознакомить монгол с положением переговоров в Пекине в начале 1913 г., министр иностранных дел телеграфировал: «При таких условиях признаваемый нами сюзеренитет Китая над Внешней Монголией будет лишь юридическим, и о восстановлении китайской власти в прежнем виде не может быть и речи»²⁴. Та же мысль и в тех же словах выражена в телеграмме в Ургу, отправленной вслед за подписанием пекинского договора. «Благоволите ознакомить, — сказано в ней, — монгольское правительство с содержанием подписанных в Пекине декларации и нот, выразив надежду, что оно встретит их с удовлетворением. Мы с самого начала предупреждали монголов, что не можем отстаивать для них полной независимости от Китая. Признаваемый нами сюзеренитет Китая над Монголией является скорее юридической связью между этими двумя странами, ибо не лишает монгольское правительство права внешних сношений по всем вопросам, не исключая даже политических, обязуя его лишь вести переговоры по этим последним при участии китайского правительства»²⁵.

2. Описывая сюзеренитет, как «лишь юридический», русская дипломатия хотела, очевидно, выразить мысль, что связь между Китаем и Внешней Монголией будет правовой формулой, лишенной положительного содержания и выливающейся в правах и обязанностях более формального, чем материального свойства. Так ли это на самом деле?

Пекинский и кяхтинский договоры представляют, быть может, самую подробную характеристику вассальных отношений, когда-либо дававшуюся международным договорным правом. Из международных актов о вассальных государствах, пожалуй, только парижская конвенция 1858 г. о дунайских княжествах может быть поставлена наряду с ними по полноте своих положений.

Права сюзерена сводятся по актам 1913 и 1915 гг. к трем основным: во-первых, к участию во внешних сношениях Монголии; во-вторых, к инвеституре монгольского хутухты Китаем и, в-третьих, к содержанию Китаем в Урге особого сановника, представляющего сюзерена преимущественно с церемониальной точки зрения.

Права контроля над внешними сношениями Монголии, принадлежащие Китаю, описаны в договорах так:

«Автономная Монголия не имеет права заключать с иностранными державами международных договоров, касающихся политических и территориальных вопросов. Что касается политических и территориальных вопросов, относящихся к Внешней Монголии, то китайское правительство обязуется сообразоваться со 2-й статьей нот, обмененных между Россией и Китаем 23 октября 1913 г./5-го числа 11-го месяца 2-го года Китайской республики» (ст. 3 ч. 1 кяхт. дог.).

²³ Boghitchewitch, 291, защищает положение: *praesumptio est semper pro suzerano*; оно находится в самом резком противоречии с пониманием института в новом договорном праве.

²⁴ С. Д. Сазонов И. Я. Коростовцу, С.-Петербург, 22 января 1913 г.

²⁵ С. Д. Сазонов А. Я. Миллеру, С.-Петербург, 25 октября 1913 г.

«Россия и Китай... признают за автономным правительством Внешней Монголии исключительное право... заключать с иностранными державами международные договоры и соглашения по всем вопросам, касающимся торговли и промышленности Автономной Монголии» (ст. 5 кяхт. дог.).

«Что касается политических и территориальных вопросов, то по ним китайское правительство будет условливаться с русским правительством путем переговоров, в которых власти Внешней Монголии будут принимать участие» (ст. 2 пек. нот).

Чтобы понять значение этих постановлений, надо иметь в виду, что ими все внешние сношения Монголии логически делятся на две части: сношения по вопросам политическим и территориальным, с одной стороны, и сношения по вопросам торговли и промышленности, с другой. Практика немногих лет монгольской автономии показала, что вторая группа вопросов должна пониматься весьма широко. Ургинский торговый протокол 1912 г., признанный в своей силе кяхтинским тройным договором, кроме вопросов торговли и промышленности в собственном смысле слова, разрешает ряд вопросов правовых и административных, которые тем самым отнесены к области сношений Монголии без участия Китая; затем, 17 сентября 1914 г. Монголия заключила с Россией соглашение относительно железных дорог (собр. узак., 1914, ст. 2719) и относительно устройства телеграфной линии между Монды и Улясутаем (собр. узак., 1914, ст. 2720): оба соглашения опять-таки значительно расширяют буквальное понятие договоров о торговле и промышленности, самостоятельно заключаемых Монголией. Пределы самостоятельных международных сношений Урги, таким образом, практически обнимают все, что не может быть названо политическими и территориальными договорами в самом узком смысле этого слова. Лишь эти последние подлежат некоторому контролю со стороны сюзерена.

Этот контроль осуществляется совершенно своеобразно. Мы знаем, что и другие вассальные государства были иногда подчинены в своих внешних сношениях власти сюзерена: Дунайские княжества были связаны турецкими трактатами, все внешние сношения Трансвааля были переданы Англии. Совершенно иначе поставлен контроль Китая в отношении Монголии. Из приведенных выше текстов вытекает, что Китай заключает политические и территориальные договоры за Монголию, но всякое такое соглашение не может быть заключено без предварительного согласия России и самой Монголии. Таков, по моему мнению, смысл сложной редакции взаимно переплетающихся постановлений пекинского и кяхтинского актов. Как практически будет осуществляться заключение таких договоров, не вполне ясно. Надо полагать, что сложность конструкции права Китая заключать договоры за Монголию лишь по уговору с Россией и Монголией приведет на практике к тому, что никаких договоров по политическим и территориальным вопросам иначе, как в круге самих участников тройного договора заключаться не будет. А договоры с Россией политического и территориального содержания будут заключаться в форме новых тройных актов, так, как уже были разрешены вопросы о границе Монголии в кяхтинском соглашении и как предстоит еще в будущем проводить окончательное разграничение.

Об инвеституре монгольского хутухты Китаем договоры говорят:

«Титул Богдо Чжебцзун Дамба-Хутухта Хан Внешней Монголии» жалуется президентом Китайской республики... (ст. 4 кяхт. дог.).

Если обычное в отношениях сюзеренитета право утверждения сюзереном главы вассального государства на практике часто сводилось к простой фикции, то в редакции только что приведенного постановления фикция возведена в договорное правило: всякому хутухте механически должен быть пожалован этот титул.

Наконец, третье основное право сюзерена — содержание сановника — описано в договорах с большим богатством подробностей, свидетельствующих, что китайцами ему придавалось большое значение:

«...командированный китайским правительством сановник может проживать в Урге, имея при себе необходимый подчиненный штаб и конвой. Кроме того, китайское правительство в случае надобности может содержать в некоторых местностях Внешней Монголии, подлежащих определению при предусмотренных в V-й статье настоящего соглашения переговорах, агентов для защиты интересов своих подданных...» (ст. 3 пек. декл.).

«При предусмотренном статьей 3-й вышеупомянутой декларации китайском сановнике в Урге будет состоять военный конвой численностью не более 200 человек. При его помощниках в Улясутае, Кобдо и монгольской Кяхте военные конвои не будут превышать 50 человек каждый. В случае назначения по соглашению с автономным правительством Внутренней Монголии²⁶ помощников китайского сановника в другие местности Внешней Монголии, военные конвои не будут превышать 50 человек каждый» (ст. 7 кяхт. дог.).

«Во всех торжественных или официальных случаях китайскому сановнику предоставляется первое почетное место. Он имеет право, в случае надобности, представляться его святейшеству Богдо-Чжубцун-Дамба-Хутухте Хану Внешней Монголии в отдельной частной аудиенции...» (ст. 9 кяхт. дог.).

«Китайский сановник в Урге и его помощники в разных местностях Внешней Монголии, предусмотренные статьей 7-й настоящего соглашения, имеют общий надзор за тем, чтобы деятельность автономного правительства Внешней Монголии и подчиненных ему властей не нарушала суверенных прав и интересов Китая и его подданных в автономной Монголии» (ст. 10 кяхт. дог.)²⁷.

Фигура комиссара, резидента, здесь — «сановника» есть неизменная принадлежность всех отношений вассальной зависимости. Это — не дипломатический представитель одного государства в другом, а носитель полномочий сюзерена, верховного главы того двойственного целого, каким является Китай вместе с Внешней Монголией. Естественно, положение его должно определяться в зависимости от прав самого сюзерена. Лучшим показателем истинного объема прав сюзерена явится поэтому всегда положение его представителя. Китайский сановник в Урге снабжен пышными церемониальными правами; его конвой превышает конвой русского дипломатического агента. Но за этим фасадом скрывается немногое. Сановник следит за тем, чтобы не умалялись сюзеренные права и интересы Китая — не более.

Указанными правами исчерпывается содержание сюзеренных прав Китая. Спрашивается, какое положение заняла в системе государств подчиняющаяся правам столь узкого объема Внешняя Монголия.

3. В старой доктрине международного права, помнившей еще о подлинных феодальных отношениях, шел спор о том, пользуется ли вассал правами суверена. Некоторые, как Гроций, отвечали утвердительно, другие, как Боден — отрицательно²⁸. Теперь мы условились понимать суверенитет как неограниченную правоспособность, полную независимость государства, и не вправе поэтому признать политическое целое, находящееся в сюзеренной зависимости от другого, «суверенным» государством, как бы ни были малы права сюзерена. Но аналогичный спор мы можем вести и теперь: признавая, что существуют не суверенные государства, мы спрашиваем себя, есть ли вассальная политическая единица государство, или нет.

Договоры о Внешней Монголии не решают самого этого вопроса, но они дают достаточно данных для решения. Положение Монголии в них описано так:

²⁶ Опечатка: должно быть: «Внешней Монголии» — С. К.

²⁷ Оставляю пока в стороне участие китайских чиновников в отправлении правосудия над китайцами и в смешанных делах, а равно и право их пользоваться квартирами и почтовыми станциями (ст. ст. 13, 14, 16, 19 и 20 кяхт. дог.).

²⁸ Stubbs, 283 ss.

«Россия и Китай... признают за автономным правительством Внешней Монголии исключительное право ведать всеми делами своего внутреннего управления, а равно и заключать с иностранными державами международные договоры и соглашения по всем вопросам, касающимся торговли и промышленности автономной Монголии» (ст. 5 кяхт. дог.).

«...Россия и Китай обязуются не вмешиваться в существующий во Внешней Монголии автономный строй внутреннего управления» (ст. 6 кяхт. дог.).

«Признавая исключительное право монголов Внешней Монголии самим ведать управлением автономной Монголии и решать все касающиеся этой страны вопросы, относящиеся к торговлей и промышленной областям, Китай обязуется не вмешиваться в эти дела и посему не будет посылать войск во Внешнюю Монголию, не будет содержать там никаких гражданских или военных властей и будет воздерживаться от всякой колонизации этой страны...» (ст. 3 пек. дог.).

Итог этих прав Восточной Монголии²⁹ — полная ее независимость во внутренних государственных делах и свобода внешних сношений в вопросах торговли и промышленности. Этого достаточно, чтобы налицо было государство — достаточно, какой бы из двух одинаково законных критериев государства мы ни брали, государственно-правовой или международно-правовой. С первой точки зрения Внешняя Монголия есть государство потому, что ее высшая государственная власть совершенно самостоятельна и независима в пределах очерченного ей ее международной учредительной хартией ведомства³⁰. Не менее существенна международно-правовая точка зрения. Внешняя Монголия — несомненное государство и в смысле международного лица. Ее правоспособность не полна, но нельзя отрицать эту правоспособность. Она договаривается с другими государствами и может поддерживать с ними дипломатические сношения в широко истолкованных практикой пределах «торговли и промышленности», включая сюда все правовые и административные вопросы. Но и за пределами их там, где, по выражению договоров, начинаются вопросы «политические и территориальные», она, хотя и подчиняясь контролю, в то же время не может оказаться связанной никакими обязательствами помимо своей собственной воли³¹.

Признанию Внешней Монголии государством не препятствует то, что, как мы знаем, ее территория называется в договорах частью территории Китая. Это положение не значит, конечно, что у Внешней Монголии нет своей территории: очерченные в договорах области суть одновременно, во-первых, территория Монголии, и, во-вторых, территория Китая. Совершенно ясно первое: монгольская земля есть публично-правовая собственность монгольского государства³²; но что значит второе? Из договора совершенно ясно, что монгольская территория признается территорией китайской потому, что Китай обладает в отношении Монголии сюзеренными правами. Это вывод, который часто делается из сюзеренитета и в предшествующей практике³³, и едва ли мы ошибемся, если скажем, что к нему в особенности применимо то, что говорилось в дипломатической переписке о сюзеренитете: речь идет о «чисто-юридическом» положении, иначе говоря, о формальном и лишенном самостоятельного содержания, дополнительном выражении установленной договором связи между Китаем и Внешней Монголией.

²⁹ Опечатка: должно быть — «Внешней Монголии» — С. К.

³⁰ Здесь не место, конечно, обсуждать, что есть критерий государства. Я беру распространенный и, по-моему, правильный. Ср. Кокошкин, Лекции по общему государственному праву, 1911 г., 204; Löning, Allgemeine Staatslehre, Н. St., VII, 1911, 710.

³¹ Я считаю международно-правовой критерий совершенно независимым от государственно-правового. Эту мысль я доказываю в «Постоянно нейтральном государстве», 1905, 591, и надеюсь вернуться к ее дальнейшему обоснованию.

³² Или, если угодно, в новейшей формулировке — пределы местного ведомства государства. Еще спор, который трудно решать; ср. новую работу Сакетти, Основные учения о территориальности государства, Изв. МИД, 1915, 1. 204.

³³ Ср. Tkalac, Das Staatsrecht des Fürstenthums Serbien, 1858, 25.

Важно отметить, что пекинский и кяхтинский договоры не делают вывода, который в прежней практике иногда делался из существа отношений сюзеренитета: не говорят, что подданные Монголии суть в то же время, посредственно, подданные Китая³⁴. Отсутствие подобного положения имеет существенное практическое значение. Из него следует, что монголы Внешней Монголии не подчинены, как были подчинены подданные многих вассальных государств, за границей — ведомству дипломатов и консулов сюзеренной страны, а внутри Монголии не приходят в соприкосновение с «сановником» сюзерена и его помощниками. Единственный след сюзеренитета в вопросе о населении Монголии — обособленное положение в стране китайцев. «Гражданские и уголовные дела, возникающие между китайскими подданными, проживающими в автономной Внешней Монголии, будут рассматриваться и решаться Китайским сановником в Урге и его помощниками в других местностях автономной Внешней Монголии», говорит ст. 13 кяхтинского договора. Мысль, которая лежит в основе этого постановления, очевидно, заключается в том, что подданные сюзерена не должны подлежать суду вассала. Строго говоря, если развивать идею сюзеренитета в чистом виде, то можно было бы прийти к обратному положению, а именно, рассуждать, что силы³⁵ вассальной Монголии юридически суть суды Китая и, следовательно, подсудность им китайцев не противоречила бы основам отношений между Китаем и Внешней Монголией. Понятно, однако, почему последовательность фикции сюзеренитета в этом вопросе не была выдержана. Монголия есть страна консульской юрисдикции, и иностранцы — русские³⁶ подданные, например, по силе ургинского торгового протокола не подчинены местному суду. Подчинение последнему китайцев умаляло бы положение последних по сравнению с иностранцами, и рядом с этими соображениями логические выводы из природы сюзеренитета, естественно, должны были бледнеть. И надо заметить, что в практике вассальной зависимости подобная непоследовательность — отнюдь не единственный случай³⁷.

4. Сюзеренитетом Китая не исчерпываются особенности международного положения Внешней Монголии. Договоры связали ее еще особыми узами с Россией. Россия для Монголии — не просто иностранное государство, заключающее с ней договоры подобно тому, как может такие договоры заключить с ней всякое другое государство. Эти особые связи заключаются в том, что, во-первых, Россия участвует в учредительных актах монгольского государства и, таким образом, международное положение Монголии и ее отношения с Китаем не могут быть изменены без согласия русского правительства и, во-вторых, в том, что она совместно с Китаем участвует в контроле над внешними сношениями Монголии. Нет надобности текстами доказывать участие России в учредительных монгольских актах, ибо оно представляет краеугольный камень всех изученных выше правовых положений. Контроль над внешними сношениями Монголии, который принадлежит России, опирается на два положения. Одно из них — уже рассмотренные выше правила относительно внешних сношений Монголии по вопросам политическим и территориальным. Я указывал, что договоры по делам этого рода заключаются за Монголию Китаем, но что такие договоры не могут быть заключены иначе, чем с предварительного согласия России. Таким образом, контроль сюзерена конкурирует здесь с контролем России. Второе положение, на которое опирается русский контроль над внешними сношениями Монголии, вытекает из следующего правила ургинского соглашения 1912 г.:

«Повелитель Монголии и монгольское правительство предоставят русским подданным и русской торговле по-прежнему пользоваться в своих владениях правами и преимуществами, перечисленными в прилагаемом протоколе. Самой собой разумеется, что другим иностранным подданным

³⁴ Tkalac, 41.

³⁵ Очевидно, опечатка: должно быть «суды» — С. К.

³⁶ В оригинале опечатка: «русские» — С. К.

³⁷ Tkalac, 53.

не будет предоставлено в Монголии более прав, чем те, которыми пользуются там русские подданные» (ст. 2).

Если иметь в виду, что заключение торговых договоров входит в область самостоятельных внешних сношений Монголии и контроль со стороны Китая не подлежит, то приведенное постановление договора 1912 г. надо, конечно, считать сохранившим силу и после заключения пекинского и кяхтинского актов. Оно дает России право возражать против заключения Монголией каких-либо торговых договоров, которые бы предоставили третьим государствам большие права, чем те, какими пользуется Россия.

Спрашивается, как юридически выразить особые узы России с Монголией, заключающиеся в контроле над внешними сношениями Монголии во всем их объеме. Современное договорное право называет такие узы отношениями протектората, покровительства. Форма международной зависимости, которую мы называем протекторатом, представляет собой в гораздо большей степени, чем сюзеренитет, типический институт современного международного права. Протекторатов множество, и они довольно разнообразны в своей юридической структуре, представляя большие или меньшие степени зависимости государства. Когда такая зависимость не сильна, то дело ограничивается контролем одного государства над внешними сношениями другого³⁸. Но этот контроль — необходимый признак всякого протектората. В этом смысле права России в Монголии должны быть обозначены как права протектората. Иначе говоря, Внешняя Монголия представляет собою государство под сюзеренитетом Китая и под протекторатом России.

Такое сочетание двух форм зависимости от двух разных государств представляет собой явление своеобразное, но его нельзя называть совершенно исключительным. Напротив того, как раз в истории наших международных договоров есть несколько прецедентов. Республика Семи Островов, международный статут которой я уже затрагивал, по договору 1800 г. была подчинена сюзеренитету Турции, но одновременно стояла в зависимости и от России. Еще более прочным было сочетание сюзеренитета и протектората в судьбе дунайских княжеств. Здесь от Адрианопольского договора до парижского трактата турецкий сюзеренитет действовал наряду с русским протекторатом. Некоторые элементы того же порядка, несомненно, заключали в себе, наконец, отношения Турции, России и Сербии до парижского договора.

Проф. бар. *Б. Э. Нольде*.

[*Право. 1915, № 35, с. 2217–2231*]

[Перевод некоторых китайских прокламаций против
Русско-Монгольского соглашения 1912 г.]

Приложение к рапорту российского военного агента в Китае на имя генерал-квартирмейстера главного управления Генерального штаба от 27 ноября/10 декабря 1912 г.

Важная прокламация пекинского отдела партии Да-тун-мин-дан.

Слезно просим братьев подняться для спасения Монголии. Братья, монголы — одна из пяти народностей республики. Русские поступают варварски и беспринципно. Они нарушили международное право, подстрекнув Хутухту провозгласить независимость. Они обнародовали частный договор с Ургой. Они оторвали полосу от нашего красивого 5-цветного флага. Полученные тревожные известия заставили страдать сердце народа. Они не могли сильнее оскорбить и обидеть нас.

³⁸ Despagne, *Essai sur les protectorats*, 1896, 311 ss.; Heilborn, *Das völkerrechtliche Protektorat*, 1899, 34 ss.

Братья, теперь, когда настало время спастись или погибнуть, не сидите сложа руки, а помогите государству. Имеющие деньги, жертвуйте их на содержание солдат, а имеющие силу, возьмите в руки ружья и начните войну, чтобы пожертвовать своей жизнью и охранить Внешнюю Монголию, охрана которой равняется защите самих себя. Иностранцы, узнав нашу силу, не посмеют более презрительно смотреть на нас, и тогда наша нация будет иметь славу.

Братья, не говорите, что Внешняя Монголия далека. Вам должно знать, что, если русские достигнут своей цели, остальные державы последуют их примеру: англичане захватят Тибет, а японцы — Южную Маньчжурию, тогда не трудно потерять горы и реки всего государства. Если дойдет до этого, то мы, сделавшись рабами, не поможем государству коленапреклонениями. В настоящее время 30000 гиннов висят на волоске, и нам нельзя опускать руки. Вам надлежит спешно восстать, и тогда еще можно спастись.

Братья, обратите на это внимание. Братья, спешно поднимайтесь.

С подлинным верно: второй секретарь Миссии /подпись:/ Н. Крюков
АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 649, л. 149–149об.

Перевод послания, опубликованного в китайских газетах в декабре 1912 г. относительно Русско-Монгольского соглашения 1912 г.

Слухи о том, что монголы заключили с Россией секретный договор, начались не с сегодняшнего дня. В иностранных газетах давно уже сообщалось об этом. Мы неоднократно предостерегали наше правительство и народ, советуя принять соответствующие меры. Но правительство не вняло предостережениям и не приняло надлежащих мер. Когда же русско-монгольское соглашение было подписано, то только тогда министры были созданы. Но какие бы ни были приняты ими меры, они ни к чему не поведут. Особенно виновным против государства является министр иностранных дел. Жители Внешней Монголии сами говорят, что русские давно тайно подстрекали гордого хутухту присвоить себе титул императора. Засим русский посланник выступил с требованиями по отношению к Монголии. Если бы в то время наше правительство было хоть немного знакомо с положением вещей и ответило решительным отказом, то этим был бы положен конец русским попыткам, а тогда можно было бы надеяться уладить монгольский вопрос. В течение нескольких месяцев наше правительство не давало ответа, и министерство иностранных дел игнорировало требования России. Хотя президент требовал, чтобы министр Лянжухао³⁹ поспешил с ответом, но тот проводил время в спорах с дипломатическим корпусом о пустяках. Наконец, дело приняло такой оборот, что русский посланник заявил, что Китай, очевидно, прекратил дипломатические отношения с Россией (по делам Монголии). Таким образом, своим промедлением и невнимательным отношением к делу Лянжухао допустил опубликование ургинского договора и объявление Монголии независимой. Он как будто забывает, что существует так называемая Китайская республика. Не может быть, чтобы среди китайцев нашлись люди, которые, узнав об этом, не были бы пристыжены и возмущены. Мы опасаемся, что инцидент этот служит прецедентом: англичане потребуют себе Тибет, а японцы — Маньчжурию. Раздел Китая не за горами, и населяющие его пять народностей распадутся. Гибель или сохранность Китая зависят от нашего образа действий по отношению к монгольскому вопросу. С ним нельзя медлить. За преступление против государства следует ныне же предать министра Лянжухао суду, а также назначить другого посланника в Петербург, который объявил бы России о невозможности признания нами монгольского соглашения. Затем следует передать дело на решение Гаагской конференции

³⁹ Министр иностранных дел Китая Лу Цзэнцзян.

и собрать сильное войско, дабы усмирить мятежную Монголию ввиду заключения ею секретного договора с Россией. Если же русские вмешаются, то и с ними следует повести ожесточенную борьбу. Лучше умереть с честью, чем продолжать так жить! Можно сохранить государство путем только борьбы. Братья, ведь нас 400000000! Спешно восстаньте и распространяйте эту идею по всей стране!

За появлением этой прокламации последовала отставка Лянжухао.

Думы Забайкалья, № 508, 13.12.1912 (краткий другой перевод того же из «Я-си-я-жи-бао» от 30 октября 1912: АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 659, л. 70–71об.).

Подписано в печать 20.02.2023. Формат 60x84/8
Бумага офсетная 80 г/м². Печать цифровая
Тираж 500 экз. Гарнитура Garamond
Усл. печ. л. 23,25. Уч.-изд. л. 16.
Заказ №

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук
107031, Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский центр
Зав. центром А. О. Захаров

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Белый Ветер»
115093, Москва, ул. Ципок, д. 28
тел. (495) 651-84-56